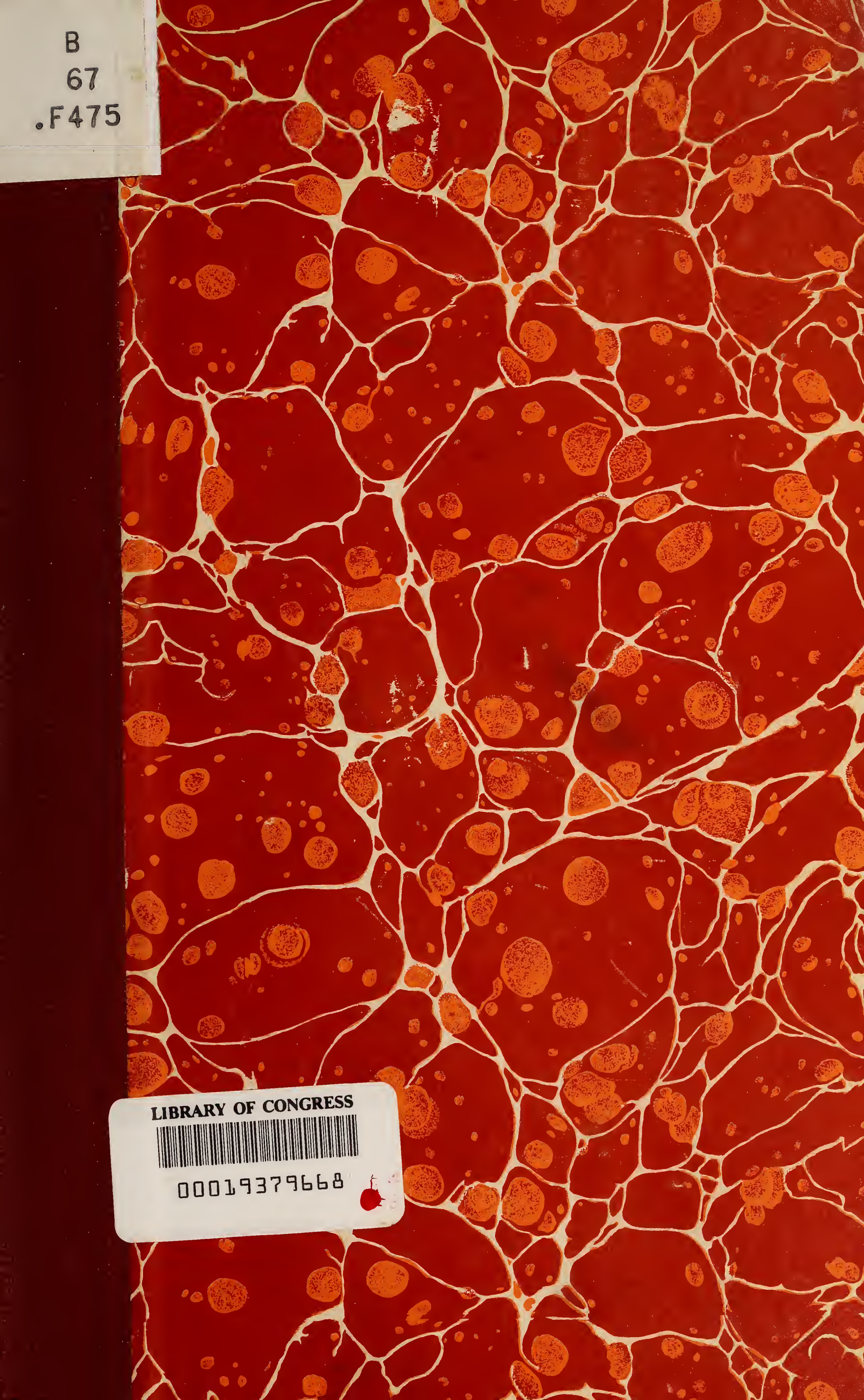

B
67
.F475
LIBRARY OF CONGRESS
00019379668

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ФИЛОСОФІЯ И НАУКА.

ФИЛОСОФІЯ И НАУКА.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ПИСАТЕЛЕЙ.

*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1865.

B67
.F475

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 18 декабря 1864 года.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

НАУКА ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ

и

НАУКА ИДЕАЛЬНАЯ.

СТАТЬЯ МАРСЕЛИНА БЕРТЛО.

Для уясненія первыхъ строкъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ печатаемой статьи, мы считаемъ долгомъ сказать читателю нѣсколько словъ о вызвавшихъ ее обстоятельствахъ.

Статья Марселина Бертло о наукѣ идеальной и о наукѣ положительной явилась, какъ отвѣтъ на письмо, адресованное къ автору Эрнестомъ Ренаномъ и помѣщенное въ «Revue des deux mondes» подъ заглавіемъ «Естествознаніе и науки историческія». Эта статья была большею частью переведена въ ноябрской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за 1863 годъ. Скажемъ о ней и объ ея авторѣ на столько, сколько необходимо для уясненія отвѣта.

Эрнестъ Ренанъ не только, какъ извѣстно, знаменитый филологъ, но и первый (по нашему мнѣнію) современный французскій стилистъ. Его «Исторія и система семитическихъ языковъ» доставила ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной лингвистикѣ...

Въ своей статьѣ объ естествознаніи и наукахъ историческихъ, онъ является блестящимъ и поэтическимъ мыслителемъ, но въ то же время сплетаетъ научныя теоріи съ значительною долею фантастическихъ мечтаній. Развитіе всего сущаго представляется ему, какъ послѣдовательное господство различныхъ началъ, изученіе которыхъ принадлежитъ различнымъ наукамъ. Историческому періоду жизни человѣчества предшествуетъ періодъ доисторическій, доступный сравнительной филологіи и миѳологіи. Еще древнѣе періодъ доступный антропологіи. Геологія изучаетъ время, предшествовавшее появленію человѣка, когда земля представляла самостоятельную планетную единицу. Астрономія изслѣдуетъ время, когда планеты не имѣли существованія отдѣльнаго отъ солнечныхъ центровъ. Этому предшествовалъ, по мнѣнію Ренана, періодъ химическихъ процессовъ. Еще далѣе идетъ періодъ механическаго взаимнодѣйствія однородныхъ атомовъ. Отъ этой далекой эпохи до нашего времени, Ренанъ видитъ

непрерывное развитіе всего сущаго по закону необходимаго прогресса, преимущественно заключающагося въ увеличеніи сознанія, и, опираясь на это прошедшее, авторъ обѣщаетъ въ будущемъ дальнѣйшее развитіе, столь-же различное отъ теперешняго человѣческаго сознанія, какъ это сознаніе отлично отъ атома. Вообще Ренанъ довольно смѣло построилъ исторію всего сущаго, но въ послѣдней части своей статьи вдается въ метафизическія построенія, которыя должны быть признаны, по нашему мнѣнію, совершенно чуждыми трезвой философіи природы.

Бертло́ пользуется болѣе спеціальною извѣстностью въ мірѣ химиковъ. Рядъ мемуаровъ его внесъ довольно много новыхъ открытій въ науку, и его труды особенно отличались неутомимымъ стремленіемъ къ расширенію области химическаго синтезиса, т. е. стремленіемъ къ воспроизведенію искусственнымъ путемъ все большаго и большаго количества соединеній, которыя до тѣхъ поръ считались *исключительно* результатомъ *естественныхъ* процессовъ жизни въ растительныхъ и животныхъ организмахъ. Главныя работы свои по этой части авторъ соединилъ, тому нѣсколько лѣтъ, въ замѣчательномъ трудѣ «Органическая химія, основанная на синтезисѣ» (1860). Въ своемъ отвѣтѣ знаменитому филологу, химикъ болѣе обращаетъ вниманія на методъ изслѣдованія научныхъ истинъ и построенія метафизическихъ системъ, чѣмъ на самое построеніе; оттого его выводы не имѣютъ того чарующаго, широкаго характера, который встрѣчаемъ въ статьѣ Ренана, но за то онъ съ большею точностью разграничиваетъ область знанія отъ области гипотезическаго построенія, и ставитъ яснѣе требованіе, чтобы въ наше время мыслитель, переходя изъ одной области въ другую, совершалъ этотъ переходъ съ полнымъ сознаніемъ того, что дѣлаетъ.

РЕД.

МАРСЕЛИНЪ БЕРТЛО — ЭРНЕСТУ РЕНАНУ.

Я увѣренъ, что ваше изложеніе системы міра или, лучше, его исторіи, возбудитъ во многихъ удивленіе. Одни не допускаютъ, чтобы можно было разсматривать подобный вопросъ, потому что имѣютъ a priori полныя рѣшенія о началѣ и концѣ вещей. Другіе, напротивъ, не понимаютъ даже, какъ можно, съ какой либо точки зрѣнія, приступать серьезно къ подобнымъ вопросамъ и достигать рѣшеній сколько либо вѣроятныхъ. Они совершенно отвергаютъ построенія подобнаго рода и считаютъ ихъ чуждыми области науки. На дѣлѣ, законность и, въ особенности, достовѣрность подобныхъ представленій всегда могутъ быть оспорены, потому что ихъ ткань состоитъ какъ изъ общихъ и безличныхъ положительныхъ данныхъ, такъ изъ поэтическихъ взглядовъ болѣе частныхъ и нераздѣльныхъ съ данною личностью.

Эти системы почерпаютъ свою силу и степень своей вѣроятности изъ данныхъ перваго рода; второй элементъ составляетъ ихъ слабую сторону, и позволяетъ ихъ разсматривать какъ пустыя бредни. Но, если мы не допустимъ совокупленія этихъ двухъ началъ, то всякая правильная система, всякое общее понятіе о природѣ сдѣлается невозможнымъ. А человѣческій умъ постоянно побуждается неизбѣжною необходимостью дойти до послѣдняго слова о вещахъ, или по крайней мѣрѣ искать это слово. Эта необходимость узаконяетъ подобныя попытки, но требуетъ, чтобъ ихъ истинный характеръ былъ установленъ, то есть, чтобъ было явно показано, каковы положительныя данныя, на которыя онѣ опираются, и какія гипотетическія данныя были введены, чтобы сдѣлать построеніе возможнымъ. Однимъ словомъ, должно ясно обозначить, что здѣсь употребляется методъ совершенно отличный отъ метода метафизики, и что получаемыя рѣшенія не суть вовсе самыя достовѣрныя въ области знаній, и не могутъ служить для вывода изъ нихъ всего остальнаго путемъ силлогизма, но что онѣ суть именно самыя шаткія. Короче, въ попыткахъ, принадлежащихъ къ тому, что я называю идеальной наукой (все равно, дѣло идетъ о мірѣ физическомъ или

нравственномъ) вѣроятность получается лишь вслѣдствіе употребленія тѣхъ же методовъ, которые составляютъ силу и достовѣрность науки положительной.

I.

Положительная наука не ищетъ ни начальныхъ причинъ, ни конечныхъ цѣлей; она устанавливаетъ факты и связываетъ ихъ одинъ съ другимъ непосредственными отношеніями. Цѣпь этихъ отношеній, расширяемая ежедневно усиліями человѣческаго ума, составляетъ положительную науку. Легко показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ наука восходитъ рядомъ безпрестанно рѣшеныхъ и безпрестанно возбуждаемыхъ вопросовъ отъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ, составляющихъ предметъ ежедневнаго наблюденія, къ общимъ понятіямъ, представляющимъ одновременное объясненіе для огромнаго числа явленій.

Начнемъ съ понятій физическихъ. Почему факелъ или лампа свѣтятъ? Вотъ простой вопросъ, представлявшійся всегда человѣческому любопытству. Мы можемъ сказать нынче: потому, что факелъ, сгарая, отдѣляетъ газы, смѣшанные съ твердыми частицами угля, и нагрѣтые до весьма высокой температуры. Этотъ отвѣтъ не произволенъ и не получается путемъ разсужденія: онъ есть результатъ прямаго изслѣдованія явленія. Въ самомъ дѣлѣ, газы составляютъ горящій столбъ, улетающій изъ лампы; химикъ можетъ собрать ихъ и анализировать въ своихъ приборахъ. Если мы введемъ въ пламя холодное тѣло, то на него отложится уголь. Что касается до высокой температуры газа, она очевидна и можетъ быть измѣрена физическими приборами. Такимъ образомъ свѣтъ факела объясненъ, т. е. сведенъ на его ближайшія причины.

Но немедленно являются новые вопросы: Почему факелъ отдѣляетъ газы? Почему въ газахъ заключаются частицы угля? Почему газы имѣютъ высокую температуру? Для полученія отвѣта подвергаютъ эти факты болѣе точному наблюденію. Факелъ содержитъ уголь и водородъ; тотъ и другой суть вещества горючія. Эти факты подлежатъ наблюденію: уголь можетъ быть отдѣленъ при сильномъ нагрѣваніи вещества факела; водородъ есть составная часть воды, получаемой при горѣніи факела. Эти два горючія начала зажженнаго факела соединяются съ одною изъ составныхъ частей воздуха, съ кислородомъ; этотъ новый фактъ доказывается анализомъ отдѣлившихся газовъ. Но соединеніе составныхъ началъ факела, угля и водорода съ составнымъ началомъ воздуха, съ кислородомъ, даетъ большое количество теплоты, что доказывается опытомъ, произведеннымъ надъ отдѣльными элементами. И

такъ мы объяснили возвышеніе температуры; въ то же время мы объяснили и отдѣленіе газовъ въ факелѣ. Это отдѣленіе происходитъ преимущественно потому, что составныя части факела даютъ углекислоту (отъ угля), и воду (отъ водорода); первая есть сама по себѣ газообразное вещество; вторая обращается въ пары, т. е. въ газъ, при получаемой высокой температурѣ. Наконецъ мы получаемъ уголь въ порошкообразномъ состояніи, находящійся въ пламени, и придающій послѣднему его блескъ, такъ какъ водородъ, болѣе горючій чѣмъ уголь, сожигается прежде послѣдняго насчетъ кислорода, между тѣмъ какъ оставшійся уголь доходитъ въ твердомъ состояніи до внѣшней поверхности пламени; смотря по тому, подвергается ли онъ болѣе или менѣе полному сгаранію, пламя даетъ свѣтъ или копоть. Такимъ образомъ мы и для втораго ряда нашихъ *почему,* нашли рѣшеніе, объясненіе, т. е. мы свели ихъ, помощью наблюденія фактовъ, — на болѣе общія понятія.

Эти понятія сводятся окончательно на слѣдующее: соединеніе кислорода съ составными частями факела, т. е. съ углеродомъ и водородомъ, даетъ теплоту. — Эти понятія болѣе общи, чѣмъ частный фактъ, съ котораго мы начали. Въ самомъ дѣлѣ, они объясняютъ не только, почему факелъ свѣтитъ, но и почему мы получаемъ свѣтъ при сжиганіи дерева, каменнаго угля, масла, спирта, свѣтильнаго газа и т. д. Наблюденіе этихъ разныхъ фактовъ доказываетъ, что они происходятъ отъ одной и той же ближайшей причины. Почти всѣ явленія свѣта и теплоты, получаемыя нами въ обыкновенной жизни, объясняются точно такъ же. Мы видимъ здѣсь, какъ положительная наука возвышается путемъ частнаго изученія явленій до общихъ истинъ. Но прежде чѣмъ мы ближе разсмотримъ характеръ ея метода, будемъ продолжать его приложенія для достиженія еще высшихъ истинъ.

Почему уголь и водородъ, соединяясь съ кислородомъ, даютъ теплоту? Вотъ вопросъ, который намъ теперь представляется. Опытъ химиковъ отвѣчалъ, что это частный случай общаго закона, вслѣдствіе котораго, при каждомъ химическомъ соединеніи, отдѣляется теплота. Всѣмъ извѣстно множество примѣровъ, способныхъ доказать этотъ общій законъ: сѣра на спичкѣ сгараетъ, т. е. соединяется съ кислородомъ; фосфоръ соединяется съ тѣмъ же кислородомъ при ослѣпительномъ блескѣ; желѣзо, отскакивающее отъ лошадиныхъ подковъ, сгараетъ въ формѣ искры; цинкъ на фейерверкахъ производитъ синеватый и ослѣпительный свѣтъ. Этотъ общій законъ обнимаетъ тысячи явленій, повторяющихся ежедневно передъ нами. Теплота нашихъ печей и нашихъ каминовъ; теплота, заставляющая двигаться паровыя машины; точно также теплота, поддерживающая жизнь и дѣятельность животныхъ — суть, какъ доказываетъ опытъ, результаты соединенія веществъ

Мы такимъ образомъ дошли до одного изъ основныхъ химическихъ понятій, до одной изъ причинъ, производящихъ самыя многочисленныя и самыя важныя дѣйствія во вселенной.

Мы не дошли однако до конца нашихъ *почему*. За каждою рѣшенною задачею, человѣческій умъ немедленно находитъ новую и болѣе обширную задачу. Мы теперь спросимъ себя: почему химическое соединеніе отдѣляетъ теплоту? Новѣйшіе опыты стремятся убѣдить, что отвѣтъ на это долженъ быть заимствованъ изъ фактовъ, объясняющихъ теплоту чисто механически. Повидимому, теплота есть не что иное, какъ движеніе, или, точнѣе, особенная работа, совершаемая малѣйшими частичками тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, это движеніе можетъ быть преобразовано по произволу въ соотвѣтственное ему количество обыкновенной работы, производимой дѣйствіемъ тяжести и чисто механическими агентами. Таковъ именно источникъ работы паровыхъ машинъ. Но при химическомъ соединеніи, частицы тѣлъ измѣняютъ свое разстояніе и относительное положеніе, откуда получается работа, выражающаяся отдѣленіемъ теплоты. Вслѣдствіе подобнаго, но болѣе осязательнаго дѣйствія, нагрѣвается желѣзо подъ ударами молота, причемъ сближеніе частицъ желѣза и ихъ перемѣщеніе приводятъ къ соотвѣтственному преобразованію механическаго явленія въ теплородное. Такимъ образомъ всякое отдѣленіе теплоты, произведенное химическимъ дѣйствіемъ, или дѣйствіемъ какого либо другаго рода, дѣлается частнымъ вопросомъ механики. Поэтому физика и химія сводятся на механику не вслѣдствіе темныхъ и непрочныхъ взглядовъ, не вслѣдствіе разсужденія a priori, но путемъ безспорныхъ понятій, всегда опирающихся на наблюденіе и опытъ, и стремящихся утвердить основное тожество силъ природы помощью прямаго изученія ихъ взаимныхъ преобразованій.

Чтобы достичь до столь великихъ результатовъ, чтобы связать такое множество явленій однимъ общимъ закономъ, сообразнымъ природѣ вещей, человѣческій умъ слѣдовалъ простому и неизмѣнному методу. Помощью наблюденія и опыта онъ установилъ факты; онъ ихъ сравнилъ и получилъ изъ нихъ отношенія, т. е. болѣе общіе факты, которые, въ свою очередь, подверглись повѣркѣ наблюденія и опыта, и это составляетъ единственное ручательство въ ихъ дѣйствительности. Такимъ образомъ послѣдовательное обобщеніе, выводимое изъ предъидущихъ фактовъ и постоянно повѣряемое новыми наблюденіями, возводитъ наше знаніе отъ обыкновенныхъ и частныхъ явленій къ самымъ отвлеченнымъ и обширнымъ естественнымъ законамъ; но всѣ слои этой научной пирамиды, отъ основанія до вершины, скрѣплены наблюденіемъ и опытомъ. Одно изъ началъ положительной науки есть невозможность

утвержденія чего либо реальнаго путемъ разсужденія. Міръ не можетъ быть угаданъ. Когда мы разсуждаемъ о существующемъ, посылки должны быть взяты изъ опыта, а не изъ нашего собственнаго понятія; кромѣ того выводъ изъ подобныхъ посылокъ лишь правдоподобенъ, но никогда не достовѣренъ: онъ дѣлается достовѣрнымъ лишь тогда, когда получается путемъ прямаго наблюденія, согласнаго съ дѣйствительностію.

Таковъ прочный принципъ, на который опирается новая наука; такова основа всякаго ея дѣйствительнаго развитія; такова руководящая нить всѣхъ открытій, столь быстро накопившихся съ начала XVII вѣка во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія.

Этотъ методъ явился въ міръ поздно; если не его рожденіе, то его торжество есть дѣло новѣйшаго времени. Человѣческій умъ дѣйствовалъ прежде иначе. Когда онъ впервые рѣшился довѣрить себѣ, онъ старался угадать и построить міръ, а не наблюдать его. Индійскіе мудрецы старались достичь верховнаго понятія о вещахъ и слѣдовательно владычества надъ природою помощью многолѣтняго размышленія, помощью непрерывнаго сосредоточенія своего ума. Греки не менѣе ихъ довѣряли силѣ умозрѣнія, какъ свидѣтельствуетъ исторія философовъ великой Греціи и неоплатонизма. Быстрый успѣхъ математическихъ наукъ поддерживалъ это обольщеніе. Опираясь на нѣсколько аксіомъ, полученныхъ частью прямо изъ человѣческаго духа, частью изъ наблюденія, идя единственно путемъ вывода, математика начала со времени грековъ строить чудесное зданіе, которое существовало и будетъ существовать навсегда, безъ какого либо важнаго измѣненія. Здѣсь царитъ логика, но въ мірѣ отвлеченностей. Математическіе выводы достовѣрны лишь въ своей области; внѣ логики они не имѣютъ никакого дѣйствительнаго существованія. Если мы приложимъ ихъ къ области реальнаго, гдѣ они представляютъ могущественное орудіе, то они немедленно подчинятся общему условію, т. е. посылки ихъ должны быть заимствованы изъ наблюденія, и каждый выводъ долженъ быть повѣренъ тѣмъ же самымъ наблюденіемъ. Но истинный характеръ этихъ приложеній не былъ сначала узнанъ, и вообще до новѣйшаго времени думали, что можно построить систему міра путемъ вывода по образцу геометріи.

Въ началѣ XVII вѣка произошла рѣшительная перемѣна метода въ трудахъ Галилея и флорентійскихъ академиковъ. Это — настоящіе предки положительной науки. Они положили первые камни зданія, которое съ тѣхъ поръ не переставало возвышаться. Въ XVIII вѣкѣ, новый методъ восторжествовалъ: изъ наукъ физическихъ, которыми онъ сначала ограничивался, онъ перешелъ въ науки политическія, экономическія и даже въ міръ нравственный. Это свидѣтельствуетъ и первоначальное

устройство института (собранія академій). Но приложеніе науки къ нравственнымъ предметамъ требуетъ особеннаго вниманія, потому что это всеобщее расширеніе положительнаго метода составляетъ рѣшительный шагъ въ исторіи человѣчества.

До сихъ поръ я говорилъ преимущественно о наукахъ физическихъ, и сказалъ, что знанія вещей можно достичь лишь путемъ прямаго наблюденія. Это справедливо для міра живыхъ существъ, какъ для міра существъ неорганическихъ, для міра нравственнаго, какъ для міра физическаго.

Въ области нравственности, точно такъ же, какъ въ области вещества, должно сначала установить факты и ихъ повѣрить наблюденіемъ, а потомъ ихъ связать, опираясь на то же самое наблюденіе. Всякое разсужденіе, стремящееся ихъ вывести a priori изъ какой-либо отвлеченной аксіомы, — есть мечта; всякое разсужденіе, стремящееся противопоставить фактическія истины одна другой и уничтожить нѣкоторыя изъ нихъ, во имя логическаго начала противорѣчія, — точно также мечта. Научное знаніе человѣческой природы опирается на наблюденіе явленій нравственнаго міра, открытыхъ психологіею, исторіею, или политическою экономіею, и на изученіе ихъ отношеній, постепенно обобщенныхъ и постоянно повѣряемыхъ. Методъ, разрѣшающій ежедневно задачи міра вещественнаго и промышленнаго, — есть единственный методъ, который способенъ разрѣшить и который рано или поздно разрѣшитъ основныя задачи общественнаго устройства.

Утвердивъ нравственныя истины на прочномъ основаніи практическаго разума, Кантъ придалъ имъ въ концѣ прошлаго вѣка ихъ истинную основу и ихъ окончательную форму. Сознаніе добра и зла есть первобытный фактъ человѣческой природы. То же можно сказать о свободѣ, безъ которой обязанность дѣлается словомъ, лишеннымъ смысла. Отвлеченный споръ, столько времени длившійся между фатализмомъ и свободой, не можетъ имѣть болѣе мѣста. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ свободенъ: никакое разсужденіе не можетъ поколебать этотъ фактъ. Вотъ нѣкоторыя главныя завоеванія новой науки *a*).

---

a) Должно сознаться, что здѣсь ученый химикъ призналъ пріобрѣтеніемъ положительной науки то, что, по меньшей мѣрѣ, относится къ наукѣ идеальной. Увлекаясь ученіемъ школы Кузена, Бертло допустилъ реальную безспорность фактовъ, которые существуютъ въ нашемъ сознаніи (conscience). Но точно такъ же, какъ въ фактахъ чувственнаго наблюденія, ученый повѣряетъ прямыя показанія чувствъ искуснымъ наведеніемъ изъ болѣе широкой группы чувственныхъ показаній (и потому говоритъ, что земля движется, а не солнце), точно такъ же психологъ обязанъ повѣрять факты прямаго сознанія наведеніемъ изъ болѣе широкой группы фактовъ, какъ прямо сознаваемыхъ нами, такъ и полученныхъ изъ безспорнаго наблюденія внѣшняго міра. Идя этимъ путемъ, «завоеванія,» которыми гордится Бертло, не такъ еще прочны. *Ред.*

Такимъ образомъ положительная наука пріобрѣла въ человѣчествѣ авторитетъ, опирающійся не на отвлеченное разсужденіе, но на необходимое согласіе ея результатовъ съ самою природою вещей. Ребенку нравится мечта; то же происходитъ и въ народахъ, начинающихъ жить; но мечта ведетъ лишь къ самообольщенію. Человѣкъ, приготовленный достаточнымъ обученіемъ, разсматриваетъ результаты положительной науки, какъ единственную научную достовѣрность. Эти результаты сдѣлались въ наше время столь многочисленными, что, въ области положительныхъ свѣдѣній, самый обыкновенный человѣкъ, получившій среднее образованіе, имѣетъ познанія несравненно болѣе обширныя и болѣе глубокія, чѣмъ самые великіе люди древности и среднихъ вѣковъ.

Старинныя мнѣнія, слишкомъ часто составлявшія результатъ невѣжества и фантазіи, мало по малу исчезаютъ, чтобъ дать мѣсто новымъ убѣжденіямъ, опирающимся на наблюденіе природы, т. е. природы нравственной, точно такъ же какъ и физической. Прежнія мнѣнія безпрестанно измѣнялись, потому что они были произвольны; новыя удержатся, потому что ихъ истина выказывается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ ихъ приложеній въ человѣческомъ обществѣ, начиная съ области вещества и промышленности до высшихъ областей нравственности и разума. Самое прочное ручательство ихъ заключается въ могуществѣ, доставляемомъ ими человѣку надъ міромъ и надъ самимъ человѣкомъ. Кто разъ попробовалъ этого плода, не можетъ болѣе обойтись безъ него. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ стирается слѣдъ старинныхъ предразсудковъ, всѣ размышляющіе умы привлекаются на сторону новыхъ понятій, и въ высшихъ сферахъ человѣчества укрѣпляется система убѣжденій, которыя никогда не будутъ разрушены.

II.

Я сказалъ, что̀ такое положительная наука, каковъ ея предметъ, ея методъ, какова ея достовѣрность; я перехожу къ наукѣ идеальной. Начнемъ съ ея предмета.

Положительная наука обнимаетъ лишь часть той области вѣдѣнія, которую человѣчество изслѣдовало до сихъ поръ. Она собираетъ факты, подвергнутые наблюденію, и строитъ цѣпь ихъ отношеній; но въ этой цѣпи мы нетолько не знаемъ, но даже не провидимъ ни начала, ни конца. Отъ положительной науки ускользаютъ изслѣдованія начала вещей и ихъ цѣли. Никогда она не разсматриваетъ отношенія конечнаго къ безконечному. Должно ли разсматривать это безсиліе, какъ существенное свойство человѣческаго ума? Должно ли, слѣдуя школѣ, имѣющей во Франціи и другихъ мѣстахъ замѣчательныхъ приверженцевъ,

считать пустымъ всякое любопытство, идущее за предѣлы непосредственныхъ отношенiй между явленiями? Должно ли считать безплоднымъ схоластическимъ споромъ всѣ прочiя задачи, потому что ихъ рѣшенiе не допускаетъ ни такой же ясности, ни такой же достовѣрности?

Отвѣта надо искать въ исторiи человѣческаго ума: это единственный способъ остаться вѣрнымъ самому методу. Наука прямо наблюдаемыхъ отношенiй не удовлетворяетъ вполнѣ и никогда не удовлетворяла требованiй человѣческихъ. За обоими концами научной цѣпи, человѣческiй умъ всегда представлялъ себѣ существованiе новыхъ звѣньевъ. Тамъ, гдѣ онъ не знаетъ, непреодолимая сила побуждаетъ его строить и воображать, пока онъ не дойдетъ до начальныхъ причинъ. За туманомъ, скрывающимъ для него всякое начало и всякiй конецъ, онъ чувствуетъ существованiе чего-то такого, что онъ долженъ допустить, что онъ принужденъ представить себѣ идеально, — не имѣя возможности узнать. Онъ чувствуетъ, что тамъ заключаются основныя задачи его судьбы. Человѣческiй умъ неизбѣжно связываетъ съ научными фактами эти тайныя существованiя, эти начальныя причины, и, изъ всего взятаго вмѣстѣ, составляетъ одно цѣлое, одну систему, обнимающую всѣ вещественные и нравственные предметы.

Этотъ способъ дѣйствiя человѣческаго ума составляетъ, слѣдовательно, фактъ наблюденiя, доказанный изученiемъ всѣхъ эпохъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ личностей; отрицанiе его не можетъ быть дозволено. Это фактъ такой же, какъ и другiе факты: его необходимое существованiе избавляетъ отъ обсужденiя его законности. Въ умственной и нравственной области совершается нѣчто подобное тому, что совершается въ области политики. Дѣйствительное существованiе идеальнаго и совершеннаго правительства — считалось всегда по справедливости мечтою, и, между тѣмъ, ни одинъ народъ не могъ существовать ни мгновенiя безъ правительственной системы болѣе или менѣе несовершенной. Точно также въ области разума, человѣческому уму не доступно строгое знанiе всѣхъ вещей какъ одного цѣлаго и, тѣмъ не менѣе, каждый человѣкъ принужденъ строить самъ себѣ, или принять готовою отъ другихъ, цѣльную систему, обнимающую его судьбу и судьбу вселенной.

Какъ должна быть построена эта система — это вопросъ о методѣ въ идеальной наукѣ. Мы припомнимъ, какой научный прiемъ употребляли вообще до сихъ поръ люди при этомъ построенiи; потомъ скажемъ, каковъ, по нашему мнѣнiю, методъ, получаемый какъ результатъ изъ современнаго умственнаго состоянiя и изъ развитiя положительныхъ наукъ.

Спросимъ первыхъ философовъ: «Ѳалесъ разсматриваетъ воду какъ

первое начало *а*), Анаксименъ и Діогенъ утверждаютъ, что воздухъ предшествовалъ водѣ, и что онъ есть начало простыхъ веществъ. Иппазій Метапонтскій и Гераклитъ Эфесскій признавали за первое начало огонь. Эмпедоклъ принялъ четыре стихіи, прибавивъ землю къ тѣмъ тремъ, которыя названы нами. Анаксагоръ Клазоменскій говоритъ, что число началъ безконечно. Почти всѣ вещи, составленныя изъ однородныхъ частей, не происходятъ и не разрушаются иначе какъ чрезъ соединеніе и распаденіе; другими словами: онѣ не рождаются и не гибнутъ *б*).

Большая часть этихъ системъ основана нетолько на разсмотрѣніи вещества; онѣ прибѣгаютъ, въ то же время, къ умственнымъ и нравственнымъ понятіямъ. Парменидъ призываетъ какъ начало „любовь (Эроса), древнѣйшаго изъ боговъ;" Эмпедоклъ вводитъ „привязанность и раздоръ," борющіяся причины противуположныхъ явленій, встрѣчаемыхъ въ природѣ, т. е. добра и зла, порядка и безпорядка. — Анаксагоръ прибѣгаетъ къ „разуму" для объясненія всеобщаго порядка, хотя обыкновенно предпочитаетъ объяснять явленія „воздухами, эфирами, водами и многими другими вещами неумѣстными" *в*) по мнѣнію Платона.

Вотъ какъ объясняется міръ чисто логическими соображеніями: „Во время этихъ философовъ и до нихъ *г*) тѣ, которыхъ называютъ Пиѳагорейцами, занялись сперва математикою. Пропитанные этимъ изученіемъ, они стали думать, что начала математики суть и начала всего сущаго. Числа по природѣ предшествуютъ идеямъ, и Пиѳагорейцы думали, что числа, скорѣе, чѣмъ огонь, земля и вода, представляютъ множество аналогій съ тѣмъ, что есть, и съ тѣмъ, что происходитъ. Въ одной совокупности чиселъ они видѣли справедливость, въ другой душу и разумъ." Вотъ почему „они считали числа началами всего сущаго."

Но я не хочу дать очеркъ исторіи метафизики. Для меня довольно, что я показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ она дѣйствовала въ началѣ; истинный характеръ ея метода обнаруживается безъ покрова въ этихъ наивныхъ первыхъ опытахъ, гдѣ всякій философъ обобщаетъ физическое или нравственное явленіе, его поразившее, и выводитъ изъ него путемъ разсужденія полное построеніе и объясненіе вселенной. Съ тѣхъ поръ до новѣйшаго времени, метафизика не измѣнила своихъ пріемовъ при всемъ искусствѣ и при всей глубинѣ ея систематическихъ

а) Метафизика Аристотеля, книга 1-я.

б) Это почти ученіе современной химіи о простыхъ тѣлахъ.

в) Федонъ 97.

г) Метафизика Аристотеля, книга 1-я.

построеній. Она ставитъ одну или нѣсколько аксіомъ, почерпнутыхъ изъ внутренняго чувства, или изъ внѣшняго воспріятія; потомъ она идетъ путемъ разсужденія и сообразно правиламъ логики. Она продолжаетъ рядъ своихъ выводовъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ полную систему міра, потому что, какъ говоритъ Аристотель, „философъ, обладающій вполнѣ знаніемъ общихъ началъ, обладаетъ, по необходимости, и знаніемъ всѣхъ вещей.... Всего научнѣе — начала и причины. При посредствѣ ихъ мы познаемъ другія вещи, тогда какъ самыя начала познаются не при посредствѣ другихъ вещей *а*)."

Торжество этого метода заключается въ воздвиженіи огромныхъ схоластическихъ средневѣковыхъ сооруженій, гдѣ силлогизмъ, выходя изъ нѣкоторыхъ аксіомъ, поставленныхъ догматически и внѣ всякаго обсужденія, господствуетъ нераздѣльно отъ основанія до вершины. Даже въ новое время Декартъ, разрушившій древнее зданіе философскаго авторитета, остается вѣрнымъ методу вывода. «Я замѣтилъ—говоритъ онъ *б*) — нѣкоторые законы, которые Богъ такъ прочно утвердилъ въ природѣ, и понятіе о которыхъ Онъ такъ ясно запечатлѣлъ въ нашихъ душахъ, что, подвергнувъ ихъ достаточному размышленію, мы не можемъ усомниться въ ихъ точной приложимости ко всему, что есть и что совершается въ мірѣ» и далѣе *в*): «но вотъ порядокъ, которому я здѣсь слѣдовалъ. Во-первыхъ я старался открыть вообще начала или первыя причины всего сущаго или возможнаго въ мірѣ, беря въ соображеніе для этого лишь Бога, создавшаго міръ, и выводя эти начала лишь изъ нѣкоторыхъ зародышей истины, естественно существующихъ въ нашихъ душахъ. Послѣ того я разсмотрѣлъ: каковы самыя первыя и самыя обыкновенныя дѣйствія, которыя можно вывести изъ этихъ причинъ, и мнѣ кажется, что этимъ путемъ я нашелъ небо, свѣтила, землю, а на этой землѣ воду, воздухъ, огонь, минералы и нѣкоторыя другія подобныя вещи, самыя обыкновенныя и простыя изъ всѣхъ и потому всего легче познаваемыя. Потомъ, когда я захотѣлъ перейти къ вещамъ болѣе частнымъ, мнѣ представились онѣ столь разнообразными, что я не счелъ возможнымъ для человѣческаго ума различить формы или виды тѣлъ, находящихся на землѣ, или безчисленное множество такихъ тѣлъ, которыя могли бы быть на землѣ, если бы воля Божія ихъ тамъ помѣстила; точно также я не счелъ возможнымъ показать ихъ употребленіе; это все можно сдѣлать, развѣ восходя

а) Метафизика, кн. 1 Въ текстѣ сказано сильнѣе.
б) Рѣчь о методѣ, часть V.
в) Рѣчь о методѣ, часть VI.

къ причинамъ отъ ихъ дѣйствій и употребляя разные частные опыты". Я счелъ нужнымъ привести этотъ нѣсколько длинный отрывокъ по причинѣ ясности, съ которою Декартъ въ немъ характеризуетъ свой методъ. Великій математикъ, котораго часто считали однимъ изъ основателей современнаго научнаго метода, основываетъ напротивъ свое построеніе на разсужденіи и выводѣ, и ими скрѣпляетъ все это построеніе. Опытъ вводится имъ какъ нѣчто побочное и служащее лишь для распутыванія чрезвычайной сложности разсужденія.

И послѣдній изъ метафизиковъ, Гегель, захотѣлъ, въ свою очередь, перестроить міръ отожествляя начала вещей съ началами преобразованной логики. Идеаломъ философовъ почти всегда была «система началъ и слѣдствій, вѣрная сама по себѣ и по гармоніи ей присущей *а*).» Между тѣмъ должно сказать безъ околичностей, что этотъ идеалъ—химера; это доказано опытомъ вѣковъ. Какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и въ мірѣ физическомъ не удалось ни одно построеніе безусловной системы, потому что оно превосходило средства человѣческой природы. Скажу болѣе: подобное намѣреніе должно быть разсматриваемо теперь «какъ вещь самая противуположная познанію истины въ мірѣ физическомъ, точно такъ же, какъ въ мірѣ нравственномъ *б*).» Повторяю, разсужденіемъ мы не можемъ открыть ничего существующаго. Математика, методъ которой увлекъ древнихъ, точно такъ же какъ и Декарта, остается здѣсь въ сторонѣ: всѣ математики теперь согласны, что она заключаетъ въ себѣ лишь настолько реальнаго, сколько мы вложили въ вычисленіе заранѣе въ формѣ аксіомы, или гипотезы, и это реальное проходитъ чрезъ преобразованіе формулъ, оставаясь всегда тожественнымъ самому себѣ. Напротивъ, чтобы перейти отъ реальнаго факта къ другому реальному факту, надо всегда прибѣгнуть къ наблюденію. Впрочемъ метафизика не есть только игра человѣческаго ума; она заключаетъ особенный родъ дѣйствительнаго, но существованіе котораго внѣ мыслящей личности (субъекта) не можетъ быть доказано. Кантъ ясно установилъ истинное значеніе этой науки въ своей „Критикѣ чистаго разума". Она изучаетъ логическія условія познанія, категоріи человѣческаго ума, формы, сообразно которымъ онъ по необходимости понимаетъ вещи. Съ этой стороны на метафизику можно смотрѣть такъже какъ на положительную науку, опирающуюся на твердую почву наблюденія. Но поспѣшимъ прибавить, что эти формы, разсматриваемыя независимо отъ всего существующаго, лишены содержанія точно такъ же, какъ формы

а) *Теннеманъ*: «Руководство къ исторіи философіи.» Томъ I.
б) *Э. Шевреля*: «Письма къ Вильмену о методѣ вообще» (1856) стр. 36.

математики, которыя имѣютъ съ первыми одинаковый источникъ, хотя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Нетолько прямая критика разума доказываетъ это, но мы приходимъ къ тому же результату, изучая системы, слѣдовавшія одна за другою въ исторіи философіи. Всякая метафизическая система, каковы бы ни были ея стремленія, имѣетъ значеніе лишь въ области логики; въ области существующаго, она служитъ только болѣе или менѣе совершеннымъ выраженіемъ современнаго ей состоянія науки; это необходимое условіе, отъ котораго никто никогда не ускользалъ.

Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ только-что указанныхъ построеній. Системы іонійской школы соотвѣтствуютъ первому взгляду, брошенному на природу. Анаксагоръ уловилъ понятіе о законахъ физическаго міра, какъ доказываютъ объясненія, столь сильно оскорблявшія Платона. Школа Пиѳагора переноситъ въ общія теоріи удивительныя открытія, сдѣланныя ею въ геометріи, въ астрономіи, въ акустикѣ. Самъ Платонъ, когда онъ словами Тимея объясняетъ намъ a priori планъ, которому слѣдовалъ Богъ при устройствѣ міра, излагаетъ астрономію, физику, физіологію какъ разъ соотвѣтствующія весьма несовершенному состоянію знаній современной ему эпохи. Въ области общественныхъ наукъ, его „Республика“ намъ представляетъ мечтательное построеніе, большая часть матеріаловъ котораго заимствована изъ данныхъ ему современныхъ. Понятіе о красотѣ, придающее такую прелесть и блескъ сочиненіямъ греческаго философа, принадлежало и современнымъ ему художникамъ. Въ присутствіи чуднаго развитія греческаго искусства образовалась теорія прекраснаго, теорія повидимому апріористическая и безусловная, но въ дѣйствительности созданная при помощи внѣшнихъ данныхъ, которыя философъ имѣлъ предъ своими глазами.

Декартъ, желая преобразовать философію, не ускользаетъ отъ общаго закона. Онъ кончаетъ „Рѣчь о методѣ“, объявляя, что онъ изложилъ законы природы, „не опираясь въ своемъ разсужденіи ни на какое другое начало, кромѣ безконечныхъ совершенствъ Божіихъ,“ откуда онъ вывелъ—какъ ему казалось — свойства свѣта, систему небесныхъ тѣлъ, распредѣленіе воздуха и воды на земной поверхности, образованіе горъ, рѣкъ, растеній, даже строеніе человѣка. — Но разсужденіе, основанное на свойствахъ Божіихъ, привело ли его къ какому либо новому открытію? ни сколько. Полученные результаты просто сообразны положительнымъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ путемъ опыта въ срединѣ XVII вѣка. Декартъ уничтожилъ свою книгу вслѣдствіе осужденія Галилея, мнѣнія котораго о системѣ міра онъ раздѣлялъ. Если бы онъ жилъ пятидесятью годами ранѣе, мы не испытали бы этой потери. Де-

картъ, вѣрный астрономическимъ мнѣніямъ XVI-го вѣка, не противорѣчилъ бы догмату: онъ доказалъ бы a priori, что солнце вращается около земли.

Наконецъ, кончая современникомъ, Гегель не избѣгаетъ общей судьбы метафизики: міръ, который онъ хотѣлъ построить лишь съ помощью трансцендентной логики, оказывается совершенно сходнымъ съ познаніями a posteriori.—Точно такъ же онъ строитъ a priori всю философію исторіи своего времени, не избѣгая преувеличенія относительно послѣднихъ событій, сообразно естественному оптическому дѣйствію ихъ на современника. Еслибъ нужно было еще болѣе углубиться въ его систему, я могъ бы показать, что изъ самыхъ успѣховъ естествознанія вышла глубокая мысль основывать все на непрерывномъ переходѣ существа въ явленіе и явленія въ существо. Чтобы понять это, достаточно бросить взглядъ на развитіе научныхъ знаній относительно огня и свѣта. Вначалѣ на огонь смотрѣли какъ на стихію, какъ на существо въ такомъ же полномъ безусловномъ смыслѣ, какъ и всякое другое. Теперь онъ не что иное какъ явленіе, особенное движеніе вещественныхъ частицъ. Далѣе: когда утверждено было различіе между пламенемъ и воспламеняющимися частицами, захотѣли нѣкоторое время видѣть въ первомъ особенную жидкость, теплородъ, соединеніе котораго съ простыми веществами дѣлаетъ тѣла такими, какими мы ихъ знаемъ. Такъ думалъ Лавуазье. Но въ наше время существо теплорода въ свою очередь улетучилось и разложилось на простое явленіе движенія. Начало безусловнаго противорѣчія между существомъ и явленіемъ, на которое опиралась старая отвлеченная логика, уже перестало быть приложимымъ къ существующему. Въ современной наукѣ, какъ въ поэтической рѣчи нашихъ предковъ, арійцевъ и эллиновъ, существо и явленіе сливаются въ непрерывномъ преобразованіи.

Это безсиліе чистой логики зависитъ отъ болѣе общей причины. Для того, чтобы разсуждать, мы принуждены замѣнять то, что существуетъ, нѣкоторыми, болѣе простыми отвлеченностями, но, употребляя ихъ, мы лишаемъ выводы безусловной строгости. Такова причина бездоказательности всѣхъ выводовъ въ философскихъ системахъ. Несмотря на свои намѣренія, онѣ всегда находили путемъ предполагаемаго a priori лишь то, что знали въ ихъ время, и не могли ничего болѣе сдѣлать.

Но если ихъ методъ долженъ быть оставленъ, относится ли это къ ихъ задачамъ? Должно ли отказаться отъ всякаго мнѣнія о началахъ и цѣляхъ, т. е. о судьбѣ личности, человѣчества и вселенной? Странное дѣло! Эта наука прежде всѣхъ возбудила любопытство человѣка, а теперь она-то и нуждается въ оправданіи. Упрямство, съ ко-

торымъ человѣческій умъ возвращается къ этимъ задачамъ, доказываетъ, что онѣ опираются на чувства общія и прирожденныя человѣческому сердцу, чувства, которыя должны быть строго отличены отъ построеній, столько разъ предпринятыхъ для ихъ удовлетворенія. И такъ, какъ чувства, эти задачи законны, лолжно ли, потому что онѣ не могутъ быть разрѣшены съ достовѣрностью, изгнать ихъ изъ области науки. Я этого не думаю.

Истинный методъ идеальной науки слѣдуетъ ясно изъ тѣхъ данныхъ, которыя вписаны въ самой исторіи философіи. Надо лишь теперь методически и вполнѣ сознательно дѣлать то, что дѣлали систематики съ нѣкоторымъ скрытнымъ отсутствіемъ сознанія. Однимъ словомъ, въ этихъ задачахъ, какъ и въ другихъ, должно принимать условія всякаго знанія и, не отыскивая болѣе мечтательную достовѣрность, подчинить идеальную науку тому же методу, который составляетъ прочную основу науки положительной. Есть лишь одно средство построить идеальную науку: это приложить всѣ доступные намъ разряды фактовъ съ ихъ различными степенями достовѣрности, или, скорѣе, вѣроятности, къ рѣшенію задачъ идеальной науки.

Здѣсь всякая наука принесетъ свои самые общіе выводы. Математика обнажаетъ логическій механизмъ человѣческаго разсудка; физика открываетъ существованіе, связь и неизмѣнность естественныхъ законовъ; астрономія показываетъ осуществленіе отвлеченныхъ понятій механики, общій порядокъ міра, на нихъ основанный, и періодичность, какъ общій законъ небесныхъ явленій.

Изученіе этихъ наукъ ведетъ насъ къ выдѣленію изъ міра всякой частной воли. Въ первыя времена человѣчества, на всякое явленіе смотрѣли какъ на результатъ частной воли. Непрерывный опытъ научилъ насъ, напротивъ, что этого никогда не бываетъ. Каждый разъ, когда осуществлены условія явленія, оно неизбѣжно происходитъ.

Въ химіи является въ первый разъ понятіе объ отдѣльныхъ существахъ. Большая часть старинныхъ метафизическихъ формулъ какъ бы воплощаются въ ней въ формѣ дѣйствительно существующаго (конкретнаго); но въ то же время появляются новыя понятія о непрерывныхъ преобразованіяхъ вещества, о его соединеніяхъ и разложеніяхъ, объ отличительныхъ свойствахъ, нераздѣльныхъ отъ его бытія. Здѣсь выказывается всего шире творческая способность человѣка, какъ въ возпроизведеніи естественныхъ тѣлъ, помощью знанія законовъ ихъ происхожденія, такъ и въ образованіи, по тѣмъ же законамъ, безчисленнаго множества новыхъ тѣлъ, которыя природа никогда бы не произвела.

За предѣлами химіи начинаются науки жизни, т. е. физіологія,

эта физика живыхъ существъ, изучающая ихъ механизмъ; послѣ того наука о животныхъ и о растеніяхъ, ограничивающаяся пока изученіемъ ихъ классификаціи. Это послѣднее ученіе называется естественнымъ методомъ въ зоологіи и въ ботаникѣ: онъ обнаруживаетъ какъ нѣкоторыя необходимыя рамки человѣческаго знанія, такъ и нѣкоторыя общія начала, которыя, повидимому, опредѣляютъ стройность и образованіе живыхъ существъ. Достигнетъ ли когда наука болѣе яснаго знанія этихъ послѣднихъ началъ на столько, чтобы овладѣть закономъ произвожденія живыхъ существъ, какъ она овладѣла закономъ произвожденія минераловъ? Легко понять, какъ важно было бы подобное открытіе съ философской точки зрѣнія. Утверждать его возможность было бы, правда, дерзко; но, можетъ быть, еще болѣе дерзко отрицать ее, такъ какъ завтра же наше отрицаніе можетъ быть опровергнуто какимъ либо неожиданнымъ открытіемъ.

Мы достигли новой области, области явленій историческихъ. За необходимымъ развитіемъ солнечной системы и геологическихъ переворотовъ, слѣдуетъ міръ, въ который, вмѣстѣ съ человѣчествомъ, вошла свобода: человѣкъ внесъ въ вещи новое начало и измѣнилъ теченіе естественной необходимости. Съ этой точки зрѣнія, исторія составляетъ въ средѣ наукъ особенную группу. Къ несчастію, труднѣе открыть историческіе законы, чѣмъ физическіе, потому что въ исторіи опытъ не имѣетъ мѣста, а наблюденіе всегда не полно. Никогда мы не можемъ узнать прошедшаго съ такою же достовѣрностію, какъ рядъ физическихъ явленій, потому что не можемъ возсоздать событія, чтобы заставить ихъ снова пройти предъ нашими глазами. Вамъ лучше другаго извѣстно, какіе удивительные пріемы угадыванья употребляетъ историкъ, на какія разнообразныя указанія онъ опирается, чтобы помочь этому вѣчному безсилію, и возсоздать, частью на основаніи фактовъ, частью дѣйствіемъ воображенія, міръ, котораго онъ не зналъ и котораго никто болѣе не увидитъ.

Съ точки зрѣнія философіи, изъ общихъ результатовъ, получаемыхъ при изученіи исторіи, одинъ долженъ быть признанъ основнымъ: это фактъ непрерывнаго прогресса человѣческихъ обществъ, прогресса въ наукѣ, прогресса въ матеріальномъ бытѣ, прогресса въ нравственности, такъ какъ всѣ три соотвѣтствуютъ одинъ другому. Если разсмотримъ положеніе большинства, состоявшаго въ древности изъ невольниковъ, въ средніе вѣка изъ кабальныхъ (serf), нынче же предоставленнаго свободѣ, при единственномъ условіи добровольнаго труда, то мы замѣтимъ очевидно прогрессивное развитіе. Обнимая большіе періоды, можно ясно видѣть, что, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ исторіи міра, въ ней уменьшается участіе заблужденія и злобы. Общества становятся болѣе и

болѣе устроенными и — я рѣшусь сказать — болѣе и болѣе добродѣтельными. Сумма добра все увеличивается, а сумма зла уменьшается по мѣрѣ того какъ увеличивается сумма истинъ и уменьшается невѣжество въ человѣчествѣ. Такимъ образомъ понятіе о прогрессѣ получилось изъ историческихъ изслѣдованій, какъ результатъ a posteriori (изъ наблюденія частныхъ фактовъ).

Наконецъ, на вершинѣ научной пирамиды помѣщаются великія нравственныя чувства человѣчества, т. е. чувства красоты, истины и добра, составляющія вмѣстѣ нашъ идеалъ. Эти чувства — фактъ, открываемый изученіемъ человѣческой природы; за истиной, красотой и добромъ человѣчество чувствовало (хотя не знало) бытіе властительнаго существа, въ которомъ заключенъ этотъ идеалъ, т. е. Бога, составляющаго центръ и таинственное, недоступное единство, къ которому стремится всеобщій порядокъ.

Науки физическія и науки нравственныя — т. е. науки о томъ, дѣйствительное существованіе чего можетъ быть доказано путемъ наблюденія, или путемъ свидѣтельства — таковы единственные источники научнаго человѣческаго познанія. Съ помощью ихъ общихъ понятій, мы должны построить прогрессивную пирамиду идеальной науки.

Намъ осталось разсмотрѣть, на сколько достовѣрны результаты метода, руководящаго насъ въ идеальной наукѣ. Мы должны признаться, что истина достигается идеальною наукою не съ такою же достовѣрностью, какъ наукою положительною. Здѣсь выказывается несовершенство человѣческой природы. Въ самомъ дѣлѣ, идеальная наука не состоитъ вполнѣ, подобно наукѣ положительиой, изъ непрерывной ткани фактовъ, связанныхъ безспорными отношеніями, допускающими доказательства. Частная наука приводитъ къ общимъ понятіямъ, отрывочнымъ и отдѣльнымъ одно отъ другаго, какъ въ одной и той же наукѣ, такъ, въ особенности, въ различныхъ наукахъ. Чтобы ихъ связать и составить изъ нихъ непрерывную ткань, надобно дѣйствовать ощупью, руководиться воображеніемъ, наполнять пробѣлы, продолжать найденныя линіи. Мы видимъ, какъ бы въ очеркахъ, зданіе, закрытое облакомъ. Это построеніе необходимо, потому что каждый человѣкъ его повторяетъ, и создаетъ на свой ладъ, согласно своему разсудку и своему чувству, полную систему вселенной; но не должно обольщаться относительно характера этого построенія. Чѣмъ болѣе мы поднимаемся въ ряду слѣдствій, чѣмъ болѣе отдаляемся отъ наблюдаемой дѣйствительности, — тѣмъ болѣе уменьшается достовѣрность, или, точнѣе говоря, вѣроятность. Поэтому наука положительная — разъ установленная, установлена навѣки; между тѣмъ какъ наука идеальная безпрестанно измѣняется и всегда будетъ измѣняться. Это и есть законъ

человѣческаго познанія. Въ наше время должно признать этотъ законъ и съ нимъ сообразоваться, зная напередъ, что истина всякой системы увеличивается пропорціонально суммѣ дѣйствительности въ нее введенной, а не строгости ея доказательствъ. Нечего уже выбирать систему, точку зрѣнія наиболѣе привлекательную по своей ясности, или по надеждамъ, ею поддерживаемымъ. Самообольщеніе ни къ чему не ведетъ. Вещи существуютъ въ опредѣленномъ порядкѣ, независимо отъ нашего желанія и отъ нашей воли *а*).

Многіе замѣчательные люди, занимающіеся нынѣ метафизикой, повидимому еще не поняли этого новаго способа поставленія задачи; они спорятъ противъ фактовъ, на которые нельзя нападать помощью силлогизма; они утверждаютъ, какъ дѣйствительное, то, что ими почерпнуто изъ разсужденія. Не мало философовъ создаютъ мечту, чтобы имѣть потомъ удовольствіе разсѣять ее, и не замѣчаютъ, что прогрессъ человѣческаго ума перемѣнилъ полюсы доказательства, и что они фехтуютъ на одинокой аренѣ отвлеченной логики съ призраками собственнаго издѣлія. Всѣ эти пріемы совершенно противоположны философіи опыта, признающей невозможнымъ всякое логическое опредѣленіе реальнаго міра, и отвергающей всякій безусловный выводъ.

Короче, идеальная наука возвращается къ задачамъ старинной метафизики съ точки зрѣнія реальнаго существованія и употребляя методъ, заимствованный изъ положительной науки; но она не можетъ достигнуть такой же достовѣрности, какъ послѣдняя. Если она можетъ уловить нѣкоторыя общія великія черты, заимствованныя изъ познанія человѣческой природы и внѣшняго міра, она связываетъ эти черты личными взглядами. На ряду съ доказанными фактами здѣсь всегда занимаетъ и будетъ занимать широкое мѣсто фантазія. То же было и въ древнихъ системахъ, только онѣ излагали a priori и какъ необходимые результаты мышленія, ту же самую совокупность дѣйствительнаго и воображаемаго, которую мы должны теперь представить съ ея настоящимъ характеромъ.

Вы изложили вашъ способъ пониманія общей системы вещей, опираясь на совокупность фактовъ, вамъ извѣстныхъ, и довершивъ построеніе съ вашей личной точки зрѣнія. Можетъ быть и я когда нибудь сочиню свое „О природѣ вещей“ и, несмотря на наше согласіе относительно метода, мое построеніе будетъ конечно отличаться

а) Это не мѣшаетъ выбрать точку зрѣнія, или, выражаясь точнѣе, основной принципъ философіи, такимъ образомъ, чтобы наилучшимъ образомъ охватить все дѣйствительное въ одну систему. *Ред.*

кое въ чемъ отъ вашего. Я предпочелъ на этотъ разъ поставить на-видъ характеръ новаго метода, сказать, чѣмъ онъ отличается отъ прежняго, и показать, — рядомъ съ наукой положительной и всеобщей, опирающейся на свою собственную достовѣрность, потому что она утверждаетъ лишь то, что дѣйствительно существуетъ и подлежитъ наблюденію, — возможность построенія идеальной науки, столь же необходимой, какъ наука положительная, но рѣшенія которой опираются преимущественно на личныя мнѣнія и на свободу.

СОВРЕМЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ АНТРОПОЛОГІИ,

ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВО ФРАНЦІИ.

РѢЧЬ БРОКА ВЪ ПАРИЖСКОМЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Одна изъ самыхъ молодыхъ наукъ, и въ то же время наука, привлекающая особенное вниманіе, въ нашу эпоху, есть антропологія. Она становится посредствующимъ звеномъ между науками естественными, филологическими и исторіею. Она, по убѣжденію многихъ, заключаетъ въ себѣ рѣшеніе вопросовъ самыхъ важныхъ для правильнаго философскаго взгляда на все сущее.

Изъ тысячи разбросанныхъ свѣдѣній о физическомъ строеніи племенъ, о миѳахъ, о языкахъ, о произведеніяхъ неписьменной словесности, о бытѣ дикарей и цивилизованныхъ націй составляется въ ней мало по малу цѣльное и опредѣленное понятіе о *человѣкѣ*, съ его особенностями и видоизмѣненіями, о необходимыхъ законахъ, управляющихъ теперь его бытомъ, и столь же необходимыхъ законахъ, по которымъ онъ развился во всѣ времена. Но еще предѣлы задачъ не установились, и самыя задачи не вполнѣ уяснены. Оттого антропологическія разысканія смѣшиваются съ изслѣдованіями разныхъ наукъ, сопредѣльныхъ антропологіи. Но, тѣмъ не менѣе, существенная потребность въ образованіи спеціальной науки о человѣкѣ *во всѣхъ его проявленіяхъ* болѣе и болѣе дѣлается очевидною. Россія можетъ съ удовольствіемъ сказать, что одинъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ антропологовъ Европы, К. М. Бэръ, принадлежитъ С. Петербургской академіи наукъ, и что онъ, какъ истинный ученый, умѣлъ не только занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду дѣятелей науки, но умѣлъ постоянно прилагать свои обширныя знанія и способности къ пользамъ Россіи. — Въ послѣдніе годы, во Франціи и въ Англіи образовались антропологическія общества, имѣющія спеціальною цѣлью разработку вопросовъ антропологіи. Англійское общество получило начало въ 1863 году, и потому о немъ можно сказать еще очень мало. Но французское общество, существующее уже четыре

года, можетъ быть названо главнымъ центромъ современнаго движенія въ антропологіи. Имѣя въ виду сообщать читателямъ «Заграничнаго Вѣстника» отъ времени до времени главные вопросы, возбуждаемые въ этой, самой современной, наукѣ, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ рѣчь ученаго секретаря французскаго антропологическаго общества, который резюмировалъ въ ней результатъ трудовъ этого общества съ самаго его основанія, до послѣдняго лѣта, тѣмъ болѣе, что эта рѣчь даетъ приблизительное понятіе и о современномъ состояніи антропологіи вообще. Конечно, восхваленіе всѣхъ членовъ общества и всѣхъ трудовъ, о которыхъ упоминаетъ Брока, должно быть приведено въ болѣе тѣсные предѣлы, а многія блестящія фразы его должны быть отнесены къ рутинѣ французскихъ ораторовъ, но за тѣмъ все таки рѣчь Брока представляетъ весьма важные выводы относительно современныхъ антропологическихъ работъ.

РЕД.

Милостивые государи!

Обязанный произнести рѣчь въ этомъ торжественномъ засѣданіи, когда антропологическое общество, послѣ четырехлѣтняго существованія, въ первый разъ празднуетъ день своего основанія, я намѣреваюсь разсказать вамъ исторію вашихъ первыхъ трудовъ, привести вамъ на память все, чѣмъ вы содѣйствовали успѣхамъ нашей прекрасной науки, и указать ту большую и неотъемлемую долю участія, которая принадлежитъ вамъ въ умственномъ движеніи, день ото дня все болѣе и болѣе распространяющемъ занятія наукой, слишкомъ долго остававшейся въ пренебреженіи.

Антропологія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы ее понимаете, въ какомъ вы ее разрабатываете, самая младшая изъ наукъ, и нельзя не удивляться, что она возникла такъ поздно. Въ ряду предметовъ, доступныхъ научнымъ изслѣдованіямъ, есть ли хоть одинъ, который могъ бы равняться по интересу и по важности съ тѣмъ, во имя котораго вы собрались въ эту залу? Казалось бы, что человѣку, вмѣсто того чтобы прежде стараться узнавать предметы, его окружающіе, должно было бы — слѣдуя правилу мудрѣйшаго изъ грековъ — научиться узнавать самого себя? Но человѣчество въ своемъ развитіи похоже на ребенка; сначала, не занимаясь самимъ собою, онъ простираетъ свое любопытство только на внѣшніе предметы; затѣмъ позднѣе, гордый, наивный и болѣе внимательный къ предметамъ внѣшнимъ, нежели къ движенію своей собственной мысли, онъ смотритъ на себя и любуется, не утруждая себя наблюденіемъ надъ самимъ собою; такимъ образомъ растетъ онъ въ невѣдѣніи самого себя, и, возмужавъ, наконецъ замѣчаетъ, что онъ все видѣлъ, все изучилъ, все подвергъ анализу, за исключеніемъ своей собственной природы. Таковъ, или даже еще болѣе медленъ, ходъ познаній человѣчества. Люди изучили все, прежде чѣмъ подумали изучать себя самихъ. Гораздо прежде перваго проблеска цивилизаціи, человѣчество утратило воспоминаніе своего скромнаго происхожденія; при первомъ пробужденіи наукъ, оно уже сознало себя

царемъ и хозяиномъ земли, и могло повѣрить, что у него не было дѣтства, что оно родилось во всей своей силѣ, во всемъ своемъ величіи; что три царства природы были сотворены для *его* пользы и удовольствія: свѣтила небесныя — чтобы *ему* свѣтить; дни и ночи — для того, чтобы раздѣлять *его* время; времена года — затѣмъ, чтобы обезпечивать *его* жатву, а годы — для того, чтобы упрочивать *его* владычество. Словомъ, человѣчество могло вообразить, что вселенная была создана для него, и пока оно сохраняло эту иллюзію, оно какъ бы боялось унизиться, снизойти на одинъ уровень съ животными, подвергаясь описаніямъ, классификаціямъ и естественно-историческому методу изученія.

Только въ прошлое столѣтіе, ученые, руководимые болѣе здравой философіей, осмѣлились приступить къ антропологическимъ изслѣдованіямъ. Въ то время когда Линней указывалъ мѣсто человѣку въ своей зоологической классификаціи, Бюффонъ писалъ свою: „Естественную исторію человѣка“, и первый памятникъ нашей науки былъ однимъ изъ образцовыхъ произведеній французской литературы. Но тщетно было бы искать на этихъ безсмертныхъ страницахъ, точныхъ и строго опредѣленныхъ фактовъ, которыхъ мы требуемъ теперь. Описывая на столько удовлетворительно, на сколько это было возможно для того времени, физическія отличія различныхъ народовъ и разнообразіе формъ, роста, цвѣта кожи, которымъ они одни отъ другихъ отличались, Бюффонъ, по недостатку данныхъ, не имѣлъ возможности группировать эти различія, классифировать ихъ и возвыситься до представленія о расѣ. Это было дѣломъ Блуменбаха, который, основываясь на болѣе точныхъ разысканіяхъ и на совершенно новомъ изученіи череповъ, установилъ въ родѣ человѣческомъ методическія раздѣленія, и первый далъ антропологіи то, безъ чего не можетъ установиться наука — номенклатуру. Бюффонъ положилъ первое основаніе *естественной исторіи человѣка* и *этнографіи* или описанію народовъ; Блуменбахъ положилъ основаніе *этнологіи* или наукѣ о человѣческихъ расахъ.

Лишь только было принято раздѣленіе расъ, какъ ученымъ открылось обширное поприще для изысканій. Нужно было не только пополнять и провѣрять классификацію и описаніе Блуменбаха, но и доискиваться происхожденія постоянныхъ различій наслѣдственныхъ типовъ, характеристическихъ чертъ; столь разнообразныхъ и, въ то же время, столь постепенныхъ, которыми отличаются расы. Для этого нужно было сначала изучить вліяніе внѣшнихъ условій на организацію человѣка, принять въ соображеніе климатъ, пищу, образъ жизни, воспитаніе физическое или умственное, индивидуальное или общественное; опредѣлить, въ какой степени эти различныя причины могутъ измѣ-

нить особи; въ какой степени они могутъ измѣнить расу, и въ какихъ границахъ законы наслѣдственности и законы атавизма *а*) поддерживаютъ эти различія. Затѣмъ нужно было опредѣлить происхожденіе народовъ, отыскать слѣды ихъ переселеній и смѣшеній, изучить ихъ памятники, исторію, преданія, религію, прослѣдить ихъ даже за чертой историческаго періода, для того, чтобы дойти до самой ихъ колыбели. Сколько вопросовъ совершенно новыхъ, сколько задачъ, которыхъ до тѣхъ поръ не существовало въ наукѣ; и эти многостороннія, безграничныя изслѣдованія, которыя требовали дружнаго содѣйствія зоологіи, анатоміи, физіологіи, гигіены, этнологіи, исторіи, археологіи, языкознанія, палеонтологіи должны были стремиться къ одной и той же цѣли, образовать наконецъ науку о человѣкѣ или *антропологію*.

Такова задача, которую восьмнадцатое столѣтіе завѣщало нашему. Но тотъ, кто, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, захотѣлъ бы приступить къ исполненію подобной программы, истощилъ бы свои силы въ безполезныхъ попыткахъ. Тогда еще было не время; прежде чѣмъ группировать познанія, нужно ихъ пріобрѣсти, а нѣкоторыя изъ тѣхъ наукъ, которыя идутъ на помощь къ антропологіи, были слишкомъ мало развиты для того, чтобъ служить ей точкой опоры. Языкознаніе только еще возникало; археологія не распространяла еще своей дѣятельности за предѣлы западной Европы, а палеонтологія и геологія — эти двѣ родныя сестры—только еще выступили въ свѣтъ. Вѣка, предшествовавшіе періоду классической исторіи, были недоступны для ученыхъ, и самая эта исторія, которую критика не освободила еще изъ-подъ ига преданія, заключала все прошлое человѣчества въ тѣсную искусственную рамку, въ слишкомъ ограниченное пространство времени, въ предѣлахъ котораго самые важные факты жизни народовъ первоначальныхъ могли быть допущены только искаженные и обрѣзанные, какъ на Прокустовомъ ложѣ.

И такъ, положить основаніе антропологіи, утвердивъ ее на ея настоящихъ началахъ, въ то время было невозможно, и мы не можемъ не удивляться изумительному умственному движенію, въ какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ подготовившему ту почву, на которой мы теперь строимъ. Никогда еще въ такое короткое время человѣческія познанія такъ сильно не увеличивались. Ни въ одну эпоху духъ изслѣдованія не развивался съ такой энергіей и во всѣхъ направленіяхъ. Безстрастный египетскій сфинксъ повѣдалъ свои тайны; американскія древности,

---

а) Возвращеніе смѣшанныхъ формъ къ чистымъ, простѣйшимъ формамъ. *Ред.*

эти свидѣтельства стариннаго происхожденія *а*) свѣта, который мы не можемъ болѣе называть новымъ, открыли намъ неожиданныя чудеса; Ниневія и Вавилонъ, извлеченные изъ своихъ гробницъ, говорятъ въ свою очередь. Верхніе слои нашей планеты, съ упорствомъ изслѣдованные, развернулись какъ листы книги, въ которой хранятся архивы трехъ царствъ природы, гдѣ каждая порода, прежде чѣмъ исчезнуть, оставила слѣдъ, гдѣ самый человѣкъ, пришедшій такъ поздно, оставилъ доказательства своего давнишняго существованія. И страницы этой огромной книги разсказали исторію безчисленныхъ существъ, которыя отъ одной эпохи до другой, подобно бѣгунамъ въ циркѣ, передавали другъ другу свѣточъ жизни:

Et, quasi cursores, vitaï lampada tradunt (*Lucr.* II, 79).

Въ то время, когда археологи и палеонтологи оживляли вещественные обломки прошлыхъ вѣковъ, другіе ученые, углубляясь другимъ путемъ въ прошедшее, воскрешали мертвые языки, находили въ этихъ невещественныхъ организмахъ, въ этихъ ископаемыхъ остаткахъ человѣческой мысли, историческія лѣтописи народовъ, доказательства ихъ забытыхъ переселеній, ихъ непризнаннаго до тѣхъ поръ родства, остатки ихъ первоначальныхъ вѣрованій, отпечатокъ различныхъ фазисовъ ихъ умственнаго, промышленнаго и гражданскаго развитія.

Въ эти достопримѣчательныя пятьдесятъ лѣтъ, когда было сдѣлано столько открытій, объяснено столько загадокъ и передано намъ столько драгоцѣнныхъ свѣдѣній о прошедшемъ всего человѣчества, изученіе существующихъ человѣческихъ породъ обогатилось огромнымъ множествомъ фактовъ. Африка, по прежнему негостепріимная, перестала быть недоступной; австралійскій материкъ былъ изслѣдованъ; европейскіе корабли на всѣ берега переносили нашихъ моряковъ, нашихъ миссіонеровъ и нашихъ ученыхъ. Почти всѣ народы земнаго шара были предметомъ наблюденій, описаній, художественныхъ изображеній; изучались ихъ нравы, ихъ промышленность, языкъ, религія, преданія; добычею съ нихъ обогатились наши музеи; слѣпки, черепа, скелеты, свезенные со всѣхъ странъ міра, сдѣлали изученіе самыхъ отдаленныхъ племенъ доступнымъ для кабинетныхъ ученыхъ.

Каждый по своему воспользовался этой богатой жатвой: одни, чистые естествоиспытатели, занялись исключительно вопросомъ зоологическимъ, передѣлывая, исправляя и дополняя распредѣленія человѣческихъ породъ; другіе, еще болѣе спеціалисты, сосредоточили свое вниманіе на краніологіи, и сдѣлали изъ этой науки, созданной Блумен-

а) Въ оригиналѣ: lettres de noblesse — дворянскія грамматы. *Ред.*

бахомъ и Камперомъ, главное основанiе антропологiи. Наконецъ другiе, чуждые прiемамъ естественной исторiи и анатомiи, оставили на второмъ планѣ физическiе признаки породъ, и дали предпочтенiе признакамъ, основаннымъ на лингвистикѣ. Эти отдѣльныя изысканiя по различнымъ отраслямъ науки о человѣкѣ, безъ сомнѣнiя, были плодотворны. Многiе изъ частныхъ вопросовъ были тѣмъ глубже разсмотрѣны, чѣмъ исключительнѣе ими занимались, и число фактовъ доказанныхъ значительно увеличилось. Но этого недостаточно для образованiя того соединенiя знанiй, взаимно зависящихъ другъ отъ друга и систематически связанныхъ, которое одно въ наше время можетъ носить названiе науки. Различныя отрасли антропологiи уже существовали, но еще не было самой антропологiи, въ которой всѣ онѣ должны были соединиться; чтобы дать ей жизнь и организацiю, недостаточно было однихъ индивидуальныхъ усилiй. Гдѣ тотъ умъ, столь обширный, который могъ бы заразъ обнять такое множество знанiй, и столь сильный, чтобы всѣ ихъ соединить? Тутъ недостало бы генiя Аристотеля, Галлера, Гумбольдта. Только живительное начало нашей эпохи, еще болѣе плодотворное въ умственномъ, нежели въ матерiяльномъ развитiи — ассоцiяцiя, могло достигнуть этой цѣли. Вотъ почему, милостивые государи, было основано антропологическое общество.

Мы не можемъ, конечно, похвалиться тѣмъ, что мы первые поняли необходимость соединить всѣ отрасли антропологiи въ одно цѣлое, ни тѣмъ, что первые сдѣлали эту попытку. Многiе прежде насъ приступали къ этой программѣ, съ различнымъ успѣхомъ. Нашъ прошлогоднiй президентъ Буденъ *а*), прочелъ вамъ въ своей вступительной рѣчи заявленiе *общества наблюдателей человѣка*, основаннаго въ Парижѣ въ началѣ XIX вѣка на началахъ сходныхъ съ нашими; но появившись преждевременно, оно не успѣло устроиться какъ слѣдуетъ. Въ Англiи, ученый Причардъ, этотъ неутомимый изслѣдователь, слава котораго почти равняется славѣ Блуменбаха, посвятилъ свою долгую жизнь и громадныя способности созданiю великаго произведенiя, до сихъ поръ неимѣющаго себѣ равнаго, гдѣ общая естественная исторiя, этнографiя и лингвистика другъ друга поддерживаютъ. Во Францiи, знаменитый Вильямъ Эдвардсъ, открывшiй новый путь изученiемъ *физiологическихъ признаковъ расъ человѣческихъ въ отношенiи ихъ къ исторiи*, основалъ въ 1839 году (достопамятный годъ) общество, имя и память котораго никогда не погибнутъ — *Общество этнологическое*. Въ одно и то же время изучить „организацiю человѣческихъ племенъ,

---

а) (Boudin). См. его рѣчь въ „Bulletin de la soc. anthrop.“ II, 1—4. *Ред.*

ихъ характеръ умственный и нравственный, ихъ языкъ и историческія преданія, чтобы утвердить такимъ образомъ науку этнологіи на ея настоящемъ основаніи", такова была цѣль этого общества, процвѣтавшаго въ теченіи многихъ лѣтъ, и замѣчательные труды котораго оказали видимое вліяніе на развитіе антропологіи. Вскорѣ иностранные ученые послѣдовали этому примѣру. *Лондонское этнологическое общество*, этнологическое общество *Нью-Іорка* образовались по примѣру парижскаго, въ томъ же духѣ и по той же программѣ.

Но программа эта, милостивые государи, была еще не полна; то была программа этнологіи или науки о человѣческихъ племенахъ, а не программа антропологіи или науки о человѣкѣ. Описывать и классифировать существующія племена, замѣчать то, что въ нихъ есть сходнаго, или различнаго, изучать ихъ привычки и нравы, опредѣлять ихъ сродство по крови и по языку—это, безъ сомнѣнія, значитъ много сдѣлать на поприщѣ антропологіи; но есть вопросы высшіе и болѣе общіе. Всѣ человѣческія племена, не смотря на ихъ различіе, составляютъ одно огромное цѣлое, одну большую группу гармоническую и послѣдовательную, и необходимо изучить эту группу въ цѣломъ, опредѣлить ея положеніе въ ряду существъ, ея отношеніе къ другимъ группамъ въ природѣ, общій характеръ, какъ въ анатомическомъ и физіологическомъ порядкѣ, такъ и въ порядкѣ умственномъ и нравственномъ; не менѣе также важно изучить законы, управляющіе поддержаніемъ, или измѣненіемъ этихъ признаковъ, оцѣнить дѣйствіе внѣшнихъ условій измѣненій среды, а также оцѣнить явленія наслѣдственной передачи, и крайнее вліяніе родства и смѣшенія между племенами—вопросы громадные и многосложные, которые столько же относятся къ общей естественной исторіи, какъ и къ общей біологіи. Наконецъ, въ сферѣ еще болѣе возвышенной, не рѣшаясь касаться области, гдѣ поднимается вопросъ о происхожденіи — вопросъ соблазнительный, но, быть можетъ, неразрѣшимый — наша наука съ жадностью отыскиваетъ первыя свидѣтельства о появленіи человѣка на землѣ, изучаетъ древнѣйшіе остатки его индустріи, и восходя отъ нихъ мало по малу, черезъ неопредѣленно длинные періоды, къ историческому времени, она слѣдитъ за человѣчествомъ въ его медленномъ развитіи, въ его постепенныхъ успѣхахъ, въ его открытіяхъ, въ борьбѣ съ органическимъ міромъ, въ побѣдахъ надъ природою.

И такъ, этнологія составляетъ только одну часть науки о человѣкѣ; другую часть составляетъ *общая антропологія*, занимающая такое обширное мѣсто въ вашихъ трудахъ. Вотъ въ чемъ, милостивые государи, состоитъ отличіе нашего общества отъ предъидущихъ; по этому оно и приняло названіе *Антропологическаго общества*. И въ этотъ

разъ ученые иностранцы тоже не замедлили послѣдовать примѣру Франціи. Едва прошло четыре года съ тѣхъ поръ какъ мы идемъ по этому пути, и вотъ уже возникли: въ Германіи, *Антропологическій конгресъ*, основанный профессорами Вагнеромъ и Бэромъ; въ Англіи, *Лондонское антропологическое общество*, основанное, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, подъ предсѣдательствомъ нашего извѣстнаго сочлена, Джемса Гэнта, и я убѣжденъ что преемники Мортона почувствуютъ необходимость основать въ Соединенныхъ Штатахъ антропологическое общество, какъ скоро только междоусобная война перестанетъ опустошать ихъ страну. Теперь общая антропологія и этнологія составляютъ одну науку, и самую благородную изъ всѣхъ наукъ, потому что она имѣетъ главнымъ предметомъ человѣческій родъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ и въ его отношеніи съ остальной природой.

Я счелъ своею обязанностью, милостивые государи, бросить бѣглый взглядъ на различные фазисы, черезъ которые проходила наука о человѣкѣ до нашей эпохи, и напомнить вамъ какъ вы, въ свою очередь, понимали ее, для того чтобы лучше выказать пользу того развитія, которое вы ей придали. Прежде всего я желалъ изложить цѣль и планъ вашихъ трудовъ, потому что успѣхъ предпріятія зависитъ отъ прочности его основанія; но не менѣе того онъ зависитъ также и отъ постоянной дѣятельности тѣхъ, кто посвятилъ себя этому предпріятію, и я долженъ теперь поговорить о томъ, какъ выполнили вы предположенную задачу.

Вы не услышите отъ меня, милостивые государи, даже и краткаго разбора всѣхъ записокъ, всѣхъ сообщеній, всѣхъ преній бывшихъ на вашихъ засѣданіяхъ. Вы изучили столько фактовъ, что пришлось бы подвергнуть васъ долгому терпѣнію, чтобы представить вамъ краткій обзоръ этихъ колоссальныхъ трудовъ, которыми уже наполненъ цѣлый томъ *Записокъ* и болѣе трехъ томовъ *Бюллетеней.* И такъ, мнѣ остается выбирать тѣ предметы изъ вашихъ розысканій, которые по своей новизнѣ, или важности, по моему мнѣнію, болѣе обратили на себя ваше вниманіе. Нужно было съ вашей стороны много доказательствъ вашей ко мнѣ снисходительности, для того, чтобы въ настоящую минуту я осмѣлился позволить себѣ подобный выборъ; я никогда на это не рѣшился бы, еслибъ не принуждала меня къ тому физическая невозможность представить вамъ полное обозрѣніе всего того, что было вами сдѣлано въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ. Въ другой разъ, когда періодичность нашихъ торжественныхъ засѣданій ограничитъ однимъ годомъ рамку моего отчета, я буду имѣть возможность представить болѣе точный и справедливый итогъ вашихъ работъ.

Чтобы придать болѣе правильности моему изложенію, я думаю въ началѣ изложить факты, относящіеся собственно къ этнологіи, и оставить къ концу тѣ, которые касаются общей антропологіи. Но я напрасно бы старался провести ясное раздѣленіе между этими двумя большими отраслями нашей науки, потому что есть много сложныхъ вопросовъ, которые точно такъ же относятся къ первой, какъ и ко второй. И такъ, мнѣ придется довольно часто переходить ту разграничивающую линію, которую я только что начертилъ.

1. Этнологія. — Этнологія, или наука о человѣческихъ племенахъ, занимается изученіемъ ихъ отличительныхъ признаковъ, ихъ классификаціей, ихъ языками, нравами, вѣрованіями, промышленностью, искусствами и той ролью, которую они играютъ въ исторіи. Изъ этихъ вопросовъ нѣтъ ни одного, котораго бы вы не уяснили вашими преніями и вашими изслѣдованіями. Вы всѣ принесли сюда долю вашихъ спеціальныхъ познаній, одни по части естественныхъ наукъ, или анатоміи, другіе какъ мыслители, какъ археологи, или какъ лингвисты.

Знаменитый ученый, два года тому назадъ занимавшій предсѣдательское мѣсто, и смерть котораго причинила такую огромную пустоту въ нашихъ рядахъ, Изидоръ Жофруа Сентъ-Илеръ, оставилъ намъ сочиненіе *объ антропологической классификаціи и о главныхъ типахъ человѣческаго рода*, образцовое произведеніе, въ которомъ онъ собралъ результаты тридцатилѣтнихъ изслѣдованій. Сдѣлавъ обзоръ классификаціи своихъ предшественниковъ, и подвергнувъ критическому контролю начала, на которыхъ эти классификаціи основываются, припомнивъ что отличительные признаки самые очевидные не всегда бываютъ самыми важными, и отдавъ преимущество характеристическимъ признакамъ, основаннымъ на формѣ головы, Жофруа Сентъ-Илеръ говоритъ, что не достаточно раздѣлить родъ человѣческій на извѣстное число расъ, что отличіе иногда основывается на характеристическихъ признакахъ перваго разряда, иногда на признакахъ гораздо менѣе значительныхъ, и что, слѣдовательно, такая таблица, гдѣ бы всѣ расы были расположены на одномъ и томъ же планѣ, не соотвѣтствуетъ принципамъ естественной исторіи. Чтобы предотвратить это неудобство, допустили существованіе главныхъ расъ и расъ второстепенныхъ, но изъ этого въ рѣчи происходятъ безпрестанныя ошибки, а въ наукѣ возникаютъ опрометчивые выводы, потому что это ведетъ къ производству отъ одного и того же антропологическаго корня всѣхъ второстепенныхъ расъ, которыя въ своемъ соединеніи образуютъ главную расу, а это значитъ предположить рѣшеннымъ то, что еще составляетъ вопросъ. — Такимъ образомъ въ составъ огромной монгольской расы входятъ татары и китайцы, малайцы, жители Полинезіи, гиперборейцы, пара-

борейцы, и всѣ туземцы Америки, а родственная связь этихъ различныхъ расъ, ихъ непосредственное родство еще сомнительны.

И такъ, Жофруа Сентъ-Илеръ думаетъ что первоначальныя раздѣленія человѣческаго рода, основанныя на отличительныхъ признакахъ перваго разряда, составляютъ *типы*, а не *расы*, и что опредѣленіе этихъ типовъ должно быть основано на изученіи строенія головы.

Число типовъ, принимаемыхъ Сентъ-Илеромъ, четыре: типъ *кавказскій*, отличительный признакъ котораго есть преобладаніе верхнихъ частей головы, т. е. области мозга; *монгольскій* типъ, отличающійся преобладаніемъ среднихъ частей головы, то есть верхней части лица; типъ *эѳіопскій*, отличающійся преобладаніемъ нижнихъ частей лица, т. е. области челюстей; и четвертый типъ, типъ *готентотскій*, замѣчательный преобладаніемъ всей области лица. Два элемента, служащіе къ опредѣленію относительнаго развитія лицевой области суть: ширина лица, измѣряемая отдаленіемъ скуловыхъ костей, и его распространеніе съ переди на задъ, измѣряемое его наклонностью и выступомъ его относительно области мозга. Слова *ортогнатъ* и *прогнатъ*, ставшіе уже классическими, ясно опредѣляютъ это послѣднее отличіе, для выраженія другаго отличія, то есть поперечнаго развитія верхней части лица, Жофруа Сентъ-Илеръ изобрѣлъ слово *евригнатъ*, и такимъ образомъ онъ могъ нѣсколькими словами охарактеризовать четыре человѣческихъ типа: кавказскій типъ — ортогнатъ, типъ монгольскій — евригнатъ, эѳіопскій типъ — прогнатъ, и наконецъ типъ готентотскій, который и евригнатъ и прогнатъ вмѣстѣ.

Всѣ извѣстныя племена легко и естественно раздѣляются между этими четырьмя типами, а расы каждой группы отличаются одна отъ другихъ довольно ясными особенностями, для того чтобы авторъ могъ употребить дихотомическій методъ *а)*. Его синоптическая таблица заключаетъ въ себѣ только двѣнадцать расъ; но онъ внесъ въ нее лишь наиболѣе извѣстныя, не имѣя притязанія выдавать эту цифру за окончательную.

Въ числѣ расъ, вошедшихъ въ классификацію нашего знаменитаго сочлена, стоятъ отдѣльно раса *гиперборейская* и раса *параборейская*, которыхъ смѣшивали во всѣхъ прежнихъ классификаціяхъ. Всѣ народы, находящіеся вблизи Сѣвернаго океана, отъ Лапландіи до Камчатки, отъ Камчатки до Гренландіи принимались за одну и ту же расу; предполагали, что, живя за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ тепла и свѣта, посреди флоры и фа-

---

а) При которомъ классы и подклассы подраздѣляются всегда на двѣ части. *Ред.*

уны, относительное однообразіе которыхъ хорошо извѣстно натуралистамъ, предполагали, говорю я, что всѣ эти народы должны имѣть одинаковую организацію, одинъ и тотъ же физическій типъ, и ихъ принимали за одну расу, расу второстепенную, происходящую отъ корня, общаго монгольскимъ расамъ. Но этотъ взглядъ, который, казалось, подтверждался наблюденіемъ надъ нѣкоторыми особенностями поверхностнаго свойства, не опирался на изученіе признаковъ перваго разряда, и нужно сознаться, что нѣсколько неосновательно было признано антропологическое единство сѣверныхъ народовъ Европы, Азіи и Америки. Экспедиція принца Наполеона въ сѣверныя моря обогатила музей отдѣломъ череповъ не допускающихъ болѣе этой иллюзіи. Нашъ сочленъ Анри Геро́, одинъ изъ хирурговъ экспедиціи, былъ пораженъ значительными различіями, существующими между черепомъ лапландцевъ и черепомъ эскимосовъ. Изъ точнаго и очень полнаго описанія, напечатаннаго въ нашихъ *Запискахъ*, слѣдуетъ заключить, что оба народа приближаются къ монгольскому типу, первый по своей шарообразной формѣ черепа, второй по формѣ называемой *пирамидальной*, но что эти двѣ особенности, соединяющіяся у монголовъ чистыхъ, не соединяемы у гиперборейцевъ (засѣданіе 15 марта 1860 г.). И такъ, существуютъ по крайней мѣрѣ двѣ гиперборейскія расы, и это открытіе, сдѣланное Геро́ во время путешествія, было подтверждено Жоффруа Сентъ-Илеромъ, который, оставляя за европейскими гиперборейцами названія *гиперборейской* расы, назвалъ эскимосовъ расой *параборейской*. Но принадлежатъ ли всѣ народы, разселенные за полярнымъ кругомъ, на берегахъ Ледовитаго океана, къ одной изъ этихъ двухъ расъ? — это вопросъ, разрѣшеніе котораго потребуетъ дальнѣйшихъ разысканій.

Почти изъ всѣхъ странъ міра вы получали этнологическія сообщенія; вы обязаны этимъ, или вашимъ корресподентамъ, или самимъ себѣ. Для облегченія и упрощенія изслѣдованій, для приданія имъ на сколько возможно однообразнаго направленія, и чтобы имѣть возможность сравнивать наблюденія, собранныя людьми другъ друга не знающими, вы обратили особенное вниманіе на составленіе инструкцій, назначаемыхъ для путешественниковъ. Инструкціи для Перу, для Мексики, для Бразиліи, для Сенегамбіи и для Франціи уже напечатаны. Инструкціи, касающіяся Сициліи, сѣверной Африки, Чили и Индо-Китая, уже изготовляются. Эти инструкціи не простыя программы; члены вашей коммиссіи желали, чтобы путешественникъ, самый чуждый нашимъ занятіямъ, нашелъ бы тамъ въ сокращеніи все, что есть существеннаго въ этнологическихъ занятіяхъ, относящихся къ той области, которую онъ собирается изучать, и въ этомъ дидактическомъ из-

ложенiи, они означили сомнительные пункты, спорные или непризнаваемые, налегая въ особенности на тѣ, которые имѣютъ болѣе значенія. Нашъ почтенный сочленъ, Госъ отецъ (Gosse), извѣстный своими прекрасными изслѣдованіями объ искусственныхъ измѣненіяхъ черепа, и такъ страстно преданный изученію цивилизованныхъ народовъ Новаго Свѣта, принялъ на себя трудъ редижировать *инструкціи для Перу*, и ему же мы обязаны *инструкціями для Мексики*, пополненными драгоцѣнными указаніями аббата Брасера де Бурбуръ, возстановившаго и почти создавшаго первобытную исторію Мексики и центральной Америки. Въ особенности, я вамъ укажу на сочиненіе подъ заглавіемъ Notice questionnaire sur l'ethnologie de la France, въ которомъ вашъ ученый докладчикъ Густавъ Ланьо (Lagneau), вѣрный своему эпиграфу: *facta non verba* (факты, не слова), совмѣстилъ на восьмидесяти страницахъ исторію и описаніе всѣхъ народовъ, столь различныхъ расъ, которые, начиная съ эпохи до-кельтской и до нашего времени, населяли Францію, имѣли въ ней свои колоніи, покоряли ее всю или одну ея часть. Богатая библіографія, по обыкновенію нашего сочлена мастерски составленная, придаетъ этому труду характеръ точности и отчетливости, усугубляющій его пользу. Авторъ очень справедливо обратилъ особенное вниманіе на происхожденіе народовъ, заключенныхъ въ опредѣленныя границы и совершенно отдѣльныхъ, которые продолжаютъ существовать на многихъ пунктахъ нашей территоріи, не смѣшиваясь съ окружающимъ ихъ населеніемъ и сохраняя свои отдѣльныя привычки, нравы и особенные физическіе признаки. Эта часть его труда будетъ чрезвычайно полезна для изучающихъ провинціи.

Но вы поняли, милостивые государи, что этнологическихъ инструкцій недостаточно. Недостаточно было дать путешественникамъ понятія имъ необходимыя, для того чтобы они, прежде чѣмъ описывать племена той или другой страны, могли бы ихъ различать; нужно еще доставить имъ возможность собирать свои наблюденія согласно требованіямъ науки, а для этого необходимо снабдить ихъ средствами изученія и пріемами изслѣдованія вѣрными и легкими, методами общими и однообразными, приложимыми ко всѣмъ частнымъ случаямъ. Такова цѣль *Общихъ Инструкцій*, которыя вы поручили составить вашей коммиссіи. Тѣ изъ нихъ, которыя касаются физическихъ, анатомическихъ и физiологическихъ признаковъ расъ человѣческихъ, уже готовы. Коммиссія поставила себѣ цѣлью, самыя точныя антропологическія наблюденія сдѣлать доступными для каждаго человѣка, желающаго вникнуть въ дѣло и упростить, на сколько возможно, пріемы, необходимые при собираніи наблюденій.

Невозможно даже перечислить множество сообщеній, нами полученныхъ объ этнологіи чуждыхъ странъ, докладовъ, къ которымъ они подали поводъ, и преній, ими возбужденныхъ. Къ этнологіи Африки относятся въ нашихъ изданіяхъ записки Прюнеръ-Бея (Pruner-Bey) о неграхъ, два оригинальныя сообщенія Баршона (Berchon) о Сенегамбіи, замѣтка Дюваля (Duval) о Габонѣ, докладъ Бертильона (Bertillon) о южной Африкѣ, Далли (Dally) объ Абиссиніи, Перье о кабилахъ, именно о происхожденіи бѣлокурыхъ кабиловъ, населяющихъ часть горной цѣпи Атласа; наконецъ въ особенности двѣ большія записки Прюнеръ-Бея и Перье о древнихъ расахъ Египта. Если два наши знаменитые сочлена не могли сойдтись въ своихъ заключеніяхъ, то вините въ этомъ, милостивые государи, только трудность предмета и недостаточность памятниковъ, оставшихся намъ отъ первоначальныхъ временъ Египта. Шампольоны, Лепсіусы, Маріеты и ихъ славные соревнователи руководили насъ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ династіи къ династіи до эпохи большой пирамиды; но эта блистательная побѣда археологіи, отдаливъ сверхъ всякаго ожиданія предѣлы историческаго періода, еще не дала намъ ключа къ египетской этнологіи. Какого происхожденія было то привиллегированное племя, которому выпала честь, первому изъ всѣхъ, зажечь свѣточь цивилизаціи? Было ли оно туземное или пришлое? Пришло ли оно съ юга, востока, или запада? Это вопросы насущные, связанные съ самыми трудными задачами нашей науки, и Прюнеръ-Бей не отчаялся въ возможности ихъ разрѣшенія. Двадцать лѣтъ настойчивыхъ занятій, начатыхъ въ Египтѣ и законченныхъ въ Парижѣ, въ антропологической галлереѣ музеума, дали ему тѣмъ бо́льшее право говорить съ авторитетомъ, что, соединяя свѣдѣнія краніологическія съ лингвистическими, онъ владѣетъ двумя вѣрнѣйшими орудіями къ изученію этнологіи временъ первобытныхъ.

Нашъ сочленъ прежде всего занялся опредѣленіемъ физическихъ особенностей древнихъ египтянъ. Блуменбахъ уже заявилъ объ разнородности типовъ ихъ черепа, а изученіе рисунковъ на памятникахъ дало возможность убѣдиться въ томъ, что въ глубокой древности населеніе Египта подвергалось многочисленному смѣшенію съ различными народами Африки, Азіи и даже Европы. Прюнеръ-Бей, въ свою очередь, изучая этотъ трудный предметъ, сосредоточилъ все свое вниманіе на самыхъ древнѣйшихъ рисункахъ и на муміяхъ самой отдаленной эпохи, и такимъ образомъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что съ самаго начала историческаго періода населеніе Египта представляло два совершенно различные типа, которые онъ назвалъ *типомъ тонкимъ* (type fin) *и типомъ грубымъ* (type grossier). Эти два типа, совершенно чистые образчики которыхъ до сихъ поръ еще встрѣчаются

между коптами, точно такъ же какъ и между Феллахами, происходятъ отъ двухъ различныхъ расъ, смѣшавшихся въ нильской долинѣ прежде временъ историческихъ, и видѣвшихъ зарожденіе первой цивилизаціи въ мірѣ. Какого происхожденія были эти двѣ расы? и какая ихъ относительная роль въ развитіи умственномъ, матерьяльномъ и общественномъ? Не произнося рѣшительнаго приговора объ племени *грубаго типа*, Прюнеръ-Бей склоняется къ тому мнѣнію, что первые жители страны принадлежали къ этому типу. По его мнѣнію, цивилизація была дѣломъ племени *типа тонкаго*, пришедшаго изъ чужой страны; но эта раса не была ни арійской, ни семитической, какъ можно было-бы предполагать. Черепа тонкаго типа имѣютъ мало сходства съ черепами племенъ азіятскихъ. Не находя ничего достовѣрнаго на востокѣ, авторъ обращается къ западу; онъ сравниваетъ тонкій типъ съ типомъ племени ливійскаго и берберскаго (варварійскаго), и на этотъ разъ сходство ему кажется совершеннымъ. Лингвистика, къ которой онъ обратился, свидѣтельствуетъ то же самое. Прюнеръ-Бей сравниваетъ сначала древній египетскій языкъ съ языками индо-европейскими, потомъ съ языками сирійско-арабскими и находитъ между этими тремя группами языковъ радикальное различіе, между тѣмъ ему кажется очевиднымъ близкое родство языковъ берберскихъ и древне-коптскаго. Изъ этого длиннаго ряда изысканій, онъ выводитъ заключеніе, что раса типа тонкаго, положившая начало египетской цивилизаціи, была берберскаго происхожденія, но онъ прибавляетъ, что эта цивилизація не произошла отъ какой нибудь другой, а родилась въ долинѣ Нила.

Вотъ система, которую съ такой ученостью и такимъ талантомъ развилъ передъ вами Прюнеръ-Бей. Только одна обширная эрудиція Перье могла заронить въ васъ, мм. гг., сомнѣніе въ этихъ предположеніяхъ, такъ хорошо связанныхъ и опирающихся на такія увлекательныя доказательства. Изученіе Египта для нашего знаменитаго сочлена составляетъ какъ бы семейное наслѣдіе. Его тесть, славный Ларрей, принадлежалъ къ той плеядѣ ученыхъ, которая сопровождала генерала Бонапарта въ его походѣ, и которая въ первый разъ раскрыла передъ Европой древній міръ востока. Съ давнихъ поръ преданный изученію египетскихъ древностей, въ одно и тоже время этнологъ, историкъ и мыслитель, Перье счелъ возможнымъ оспаривать одинъ изъ выводовъ Прюнеръ-Бея. Онъ готовъ вмѣстѣ съ нимъ предположить, что цивилизація Египта туземная, но если онъ долженъ искать ея происхожденіе внѣ долины Нила, то онъ полагаетъ обратиться не къ Ливіи, а къ Азіи, къ таинственной Индіи. Это несогласіе между двумя сочленами столь компетентными, уже обнаружившееся въ краткомъ и интересномъ преніи, послѣдовавшемъ за чтеніемъ записки Прюнеръ-Бея, заставило

насъ надѣяться, что послѣ нетерпѣливо ожидаемаго чтенія труда Перье послѣдуютъ болѣе длинныя и болѣе подробныя пренія; но эта надежда не сбылась. Неожиданно пораженный продолжительной и жестокой болѣзнью, въ теченіе цѣлаго года препятствовавшей ему принимать участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, Перье не могъ самъ прочесть своей важной статьи *). Онъ поручилъ это дѣло нашему сочлену Эдуарду Мишо, который тогда собирался насъ покинуть, и котораго намъ не суждено было увидѣть. Этотъ молодой ученый, полный мужества и подававшій столько надеждъ, въ то время просился, въ качествѣ военнаго врача, принять участіе въ мексиканской экспедиціи. Искать этой опасности побуждала его болѣе любовь къ наукѣ, нежели надежда на повышеніе. Развѣ Мексика не Египетъ Новаго Свѣта? Эдуардъ Мишо собирался съ благоговѣніемъ изучать эту священную землю Америки, эту колыбель цивилизаціи, столь долго не оцѣненной, но обломки которой, покрытые саваномъ терній, еще до сихъ поръ изумляютъ насъ своимъ величіемъ. Но не суждено было исполниться его предположеніямъ. Сдѣлавшись одной изъ первыхъ жертвъ страшнаго бича, опустошавшаго ряды нашей арміи, онъ умеръ въ Вера-Крусѣ, 8 апрѣля 1862 г., черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія. Да будетъ мнѣ позволено принести ему справедливую дань нашего искренняго сожалѣнія.

Теперь я перейду къ прекраснымъ трудамъ Госса отца объ американской этнологіи. Нашъ достоуважаемый сочленъ, съ давнихъ поръ обратилъ свое вниманіе на этотъ предметъ, и въ его сочиненіи „Опытъ объ искусственныхъ измѣненіяхъ формы черепа“ (Essai sur les déformations artificielles du crâne), напечатанномъ въ 1855 г., поднимая чрезвычайно интересные общіе вопросы, представилъ драгоцѣнные элементы для рѣшенія многихъ частныхъ вопросовъ. У многихъ народовъ Америки былъ и до сихъ поръ сохранившійся обычай измѣнять форму черепа у маленькихъ дѣтей посредствомъ методическаго сдавливанія; казалось бы, что такіе пріемы, замѣняющіе естественныя формы искусственными и произвольными, должны были лишить всякаго значенія краніологическія опредѣленія. Это затрудненіе тѣмъ болѣе важно, что нѣкоторыя дѣтскія болѣзни могутъ производить естественныя измѣненія, которыя трудно отличить отъ искусственнаго искаженія черепа. Интересная коллекція череповъ, собранная Жиральдесомъ въ воспитательномъ домѣ, и представленная намъ, сдѣлала очевидною эту причину ошибокъ, а любопытная записка нашего знаменитаго сочлена Бернарда

---

a) Въ спорѣ, Перье оказался значительно слабѣе Прюнеръ-Бея, не смотря на «семейное наслѣдіе» своей учености, которое здѣсь, какъ и вообще, составляетъ плохое основаніе. См. «Bulletin de la soc. anthrop.» II. 544 и слѣд. *Ред.*

Дависа, одного изъ авторовъ „Crania britannica“ (Британскихъ череповъ), вамъ показала, что патологическія измѣненія особеннаго типа могутъ происходить въ зрѣломъ возрастѣ и даже въ старости.

Но, съ одной стороны Гратіоле обратилъ ваше вниманіе на то, что искусственныя измѣненія, въ началѣ большею частью суть ни что иное, какъ преувеличеніе отличительныхъ признаковъ племени, у котораго они встрѣчаются. Каждый народъ, образованный или дикій. расположенъ къ самоудивленію, соединяетъ понятіе о красотѣ и превосходствѣ съ чертами, отличающими его отъ другихъ народовъ, и для того, чтобы придать своему потомству эту условную красоту, матери механическими средствами измѣняютъ головы своихъ новорожденныхъ дѣтей. Измѣненный черепъ подобенъ тѣмъ каррикатурамъ, въ которыхъ намѣренное преувеличеніе самыхъ характеристическихъ чертъ не нарушаетъ сходства, и гдѣ опытный глазъ художника часто можетъ уловить настоящій типъ лица. Такимъ образомъ, сравнивая неизмѣненный черепъ тотонака настоящаго времени съ древними измѣненными черепами съ острова Сакрифисіо, Гратіоле указалъ намъ на первомъ изъ нихъ характеристическіе признаки, искусственное преувеличеніе которыхъ образовало странную форму другихъ череповъ. Слѣдовательно, естествоиспытатель имѣетъ возможность отыскать первобытный типъ измѣненнаго черепа. Съ другой стороны, Госсъ отецъ, изучая многочисленные пріемы измѣненія формы черепа, которые были, или которые еще находятся въ употребленіи въ обѣихъ Америкахъ, могъ открыть въ нихъ пять существенно различныхъ типовъ; онъ далъ намъ ихъ описаніе, обозначилъ ихъ послѣдствія, показалъ распредѣленіе, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и различными примѣрами показалъ, на сколько изученіе этихъ проявленій человѣческой фантазіи можетъ пролить свѣта на исторію переселенія народовъ. Способъ искаженія черепа, разъ принятый, входитъ въ народные нравы; это одна изъ самыхъ упорныхъ модъ, одна изъ тѣхъ, которыя способны переживать самыя отдаленныя переселенія, переживать даже измѣненіе въ нравахъ, языкѣ, религіи, общественномъ состояніи. Такъ какъ у каждаго изъ различныхъ племенъ, составляющихъ народонаселеніе древняго Перу, былъ свой особый способъ искаженія черепа, то знаніе этого факта дало возможность Госсу, въ его „Разсужденіи о перуанскихъ расахъ“ (Dissertation sur les races du Pérou), исправить нѣкоторые изъ этнологическихъ мнѣній Риверо и Чуди (Tschudy). Но самый любопытный результатъ изысканій нашего сочлена относится къ исторіи народовъ, у которыхъ былъ обычай придавать черепу *клинообразную форму*. Это столь странное и характеристическое искаженіе производится посредствомъ двухъ дощечекъ или двухъ глиняныхъ пластинокъ, которыя придавливали съ

одной стороны лобъ, а съ другой затылокъ. Оно было въ употребленіи въ Кубѣ, во время Христофора Колумба, у надчесовъ и различныхъ племенъ Флориды, описанныхъ въ „Crania Americana“ Мартена; наконецъ въ Перу, гдѣ оно и теперь еще въ употребленіи у омагуасовъ и конивосовъ. Вѣроятно ли, чтобы народы, столь отдаленные другъ отъ друга, одинъ другаго не зная, сошлись на одной и той же фантазіи, и чтобы для достиженія одной и той же цѣли они, каждый отдѣльно, изобрѣли одно и то же средство? Не болѣе ли вѣроятно, напротивъ, что одинъ народъ, при переселеніи въ различныя страны, перенесъ съ собой и свой народный обычай? Но если переселеніе съ Флориды въ Кубу кажется легкимъ, то трудно себѣ представить, какъ могли первобытные мореплаватели переселиться въ Перу, нигдѣ не останавливаясь. Поэтому можно думать, что народъ съ клинообразной головой перешелъ послѣдовательно въ Мексику, въ центральную Америку и на Панамскій перешеекъ. Барельефъ, найденный въ развалинахъ Паленке, и представляющій профиль индѣйца съ клинообразною головою, подтверждалъ эту гипотезу; но доказательство еще болѣе положительное представлено вамъ Госсомъ, отцомъ. Я говорю о черепѣ, крайне искаженномъ, который найденъ въ пещерѣ долины Говель, въ штатѣ Чіапа. Этотъ черепъ, покрытый толстымъ слоемъ сталагнита, относится къ эпохѣ очень отдаленной, и совершенно сходенъ съ клинообразными черепами Флориды и Перу.

И такъ, вотъ фактъ, установленный изученіемъ искусственнаго измѣненія черепа. Много вѣковъ тому назадъ, народъ, переселяющійся сухимъ путемъ и моремъ, перешелъ огромное пространство, отдѣляющее Флориду отъ Перу, останавливаясь въ Кубѣ и южной Мексикѣ. И что же? Этотъ краніологическій фактъ, мм. гг., блистательно подтверждается преданіями, письменными извѣстіями и археологическими памятниками, при помощи которыхъ аббатъ Брасеръ де Бурбуръ (Brasseur de Bourbourg) построилъ первоначальную исторію Новаго Свѣта. Въ своемъ большомъ сочиненіи о Мексикѣ и центральной Америкѣ до Колумба, и въ замѣчательномъ введеніи, которое онъ предпослалъ изданію книги: „Пополь-Ву“ (Popol — Vuh), священной книги народовъ центральной Америки, ученый аббатъ доказалъ, что до Рождества Христова народъ нахоасы, прибывъ моремъ изъ Флориды, или съ большихъ Антильскихъ острововъ, высадился въ Мексикѣ, не въ далекѣ отъ того мѣста, гдѣ теперь находится Тампико. Отсюда, спускаясь къ югу, вдоль залива, нахоасы остановились на берегахъ Терминоскаго залива, близъ древняго государства Ксибальбы, и успѣли завладѣть этимъ государствомъ. Городъ Говель, основанный ими въ эту эпоху, только на три мили отстоялъ отъ той пещеры, гдѣ найденъ былъ клинообразный че-

репъ, представленный вамъ Госсомъ. Наконецъ, послѣ періода благосостоянія, продолжительность котораго еще не опредѣлена, завоеватели нахоасы, изгнанные народнымъ возстаніемъ, принуждены были, въ 174 г. по Р. Х., искать другаго мѣстопребыванія, и одна часть ихъ, перешедъ черезъ Панамскій перешеекъ, поселилась въ Перу. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же народъ, народъ нахоасовъ занималъ въ своихъ послѣдовательныхъ переселеніяхъ всѣ тѣ страны, въ которыхъ было въ употребленіи клинообразное искаженіе черепа. Отсюда, мм. гг., вытекаютъ два одинаково важные факта: антропологія освѣщается исторіей, исторія подтверждается антропологіею.

Занимаясь преимущественно цивилизованными племенами Америки, вы обращали также вниманіе и на другія племена. Донесенія Симоно (Simonot) о магеланическихъ земляхъ, сообщенія Мартена де Мусси о народахъ Ла Платы, записки Рамо и нашего корреспондента въ Квебенѣ, Ландри, о туземныхъ племенахъ Канады, наконецъ важное донесеніе Далли (Dally) о туземныхъ расахъ и объ археологіи Соединенныхъ Штатовъ свидѣтельствуютъ объ интересѣ, который возбуждаетъ въ васъ американская этнологія. По поводу многочисленныхъ вопросовъ, представленныхъ или разрѣшенныхъ въ этомъ послѣднемъ трудѣ, возникли горячія пренія, въ которыхъ принимали участіе Рамо и Прюнеръ-Бей, и гдѣ ученіе объ единствѣ американскихъ племенъ, было отвергнуто многими ораторами.

Народы Океаніи занимали большое мѣсто въ вашихъ трудахъ. На нихъ вы смотрѣли болѣе съ точки зрѣнія общей антропологіи, къ чему я вскорѣ и возвращусь, теперь же я долженъ говорить объ этнологическихъ фактахъ. Записка Бершона (Berchon) „О татуированіи на Маркизскихъ островахъ“ (Sur le tatouage aux Iles Marquises) посвятила васъ въ тайны этого обычая, столь распространеннаго въ Полинезіи; Рюфцъ (Rufz) читалъ вамъ очень подробный отчетъ объ этнологіи Таити, а наши два сочлена, моряки Бургарель и Рохасъ, весьма обогатили вашъ музей черепами, привезенными ими изъ Новой Каледоніи, съ острововъ Ново-Гебридскихъ и Таитскихъ, и представили вамъ чрезвычайно интересныя сообщенія о нравахъ, физическихъ и характеристическихъ признакахъ и происхожденіи жителей Новой Каледоніи. Народъ этотъ, который, ничего не подозрѣвая, вдругъ однажды очутился въ подданствѣ Франціи, и которому наши нарѣзныя ружья не могли еще внушить убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нравовъ, народъ этотъ принадлежитъ къ породѣ океанійскихъ негровъ; но уже по крайней мѣрѣ прошло сто лѣтъ, какъ они смѣшались съ племенами Полинезіи. Это смѣшеніе совершилось при посредствѣ острововъ Вѣрности (Loyalty), сосѣднихъ съ Новой Каледоніей. Полинезійцы острововъ Валиса, пять

поколѣній тому назадъ высадились на острова Вѣрности, поселились на нихъ, смѣшались съ туземцами, и изъ этого смѣшенія племени полинезійскаго и племени меланезійскаго произошло смѣшанное населеніе, которое, заимствовавъ отъ полинезійцевъ страсть къ морскимъ путешествіямъ, въ свою очередь сдѣлало нашествіе на Новую Каледонію. Восточная часть этого острова, гдѣ поселились новые пришельцы, которые еще разъ смѣшались съ туземцами, вся населена очень разнородными племенами; одни изъ этихъ племенъ черны и почти чужды всякой помѣси; другія, менѣе однородныя, въ которыхъ встрѣчаются всѣ промежуточные оттѣнки между чернымъ и желтымъ. Но кажется меланезійское племя въ чистотѣ сохранилось въ западной области, которая еще мало извѣстна, такъ какъ она защищена со стороны моря коралловыми рифами, и отдѣлена цѣпью горъ отъ остальныхъ частей острова.

Переселенія полинезійцевъ и ихъ метисовъ въ Новую Каледонію, не на столько древни, чтобы совершенно не осталось объ нихъ воспоминанія, но, опираясь на довольно неопредѣленныя и иногда противорѣчивыя преданія необразованнаго народа, эта исторія ожидала этнологическаго подтвержденія, которое къ счастію доставилъ намъ Бургарель. Нашъ усердный корреспондентъ вывезъ изъ восточной Новой Каледоніи пятьдесятъ семь череповъ, которые онъ могъ раздѣлить на три разряда: два крайніе разряда представляютъ типы чернаго туземнаго племени и желтаго пришлаго; средній разрядъ состоитъ изъ череповъ формы переходной, происшедшей отъ метисовъ этихъ двухъ расъ. Для дополненія этого изученія, Бургарель, въ паралель къ тремъ предшествовавшимъ разрядамъ, представилъ четвертый, состоящій изъ двадцати пяти череповъ, собранныхъ въ Полинезіи, и принимая для каждаго разряда среднюю величину каждаго изъ краніометрическихъ элементовъ, онъ заявилъ, что желтое племя Новой Каледоніи представляетъ характеристическіе признаки, переходные между характеристическими особенностями полинезійской расы и особенностями расы меланезійской. И такъ, краніологія позволяетъ предполагать, что это желтое племя, пришедшее съ острововъ Вѣрности, было смѣшанной расой, и такимъ образомъ подтверждается точность преданій, собранныхъ нашими мисіонерами.

Объ этнологіи азіятскихъ народовъ, вы получили мало сообщеній; впрочемъ вы слышали отчетъ Пиганъ-Дюфельйэ (Pihan-Dufeilloy) о жителяхъ Андаманскихъ острововъ; записку Фюзье (Fuzier) о черепахъ, привезенныхъ имъ изъ Китая, слышали чтеніе Армана о загангской Индіи, и сообщеніе Прюнеръ-Бея о Друзахъ; наконецъ Кордье представилъ намъ черепъ турка семнадцатаго столѣтія, и анатомическую и худо-

жественную параллель между головой турка, головой грека и головой араба. Этотъ извѣстный художникъ уже прежде представилъ вамъ три замѣчательные бюста, которые украшаютъ залу нашихъ засѣданій; онъ воспользовался настоящимъ случаемъ для того, чтобы изложить намъ свои воззрѣнія о воспроизведеніи народныхъ типовъ скульптурой. Нашъ сочленъ, какъ вамъ извѣстно, открылъ новый путь искусству, показавъ, что красота не составляетъ принадлежности того или другаго типа; у каждой расы есть своя красота, отличающаяся отъ красоты другихъ расъ, и идеальный типъ которой долженъ отражать въ гармоническомъ сліяніи какъ умственныя и нравственныя характеристическія особенности, такъ точно и отличительныя черты этой расы. И такъ, условія прекраснаго не одни и тѣ же; они не болѣе общи какъ и законы пропорцій человѣческаго тѣла; эти законы должны быть изучаемы и опредѣляемы спеціально для каждаго племени; и такимъ образомъ Кордье, внеся въ искусство свѣтъ науки, имѣлъ возможность, по возвращеніи изъ своихъ путешествій, создать ту прекрасную этнологическую галлерею, которая возбуждаетъ удивленіе художниковъ и ученыхъ.

Къ сожалѣнію, я долженъ умолчать о многихъ другихъ сообщеніяхъ, касающихся искусства, разсматриваемаго въ отношеніяхъ его съ этнологіей, долженъ умолчать о замѣчаніи Гратіоле о двухъ типахъ головъ въ греческихъ статуяхъ, о замѣткѣ Будена объ устройствѣ основанія грудной клѣтки у древнихъ грековъ, о донесеніи Кордье о системѣ соразмѣрности Лихарчика, (Lihartzic), и о запискѣ Дюшена (изъ Булона) о египетскихъ правилахъ для размѣровъ человѣческаго тѣла, правилахъ, открытыхъ Шарлемъ Бланъ (Blanc). Я спѣшу перейти къ вашимъ трудамъ, относящимся къ этнологіи Европы, и преимущественно къ этнологіи Франціи.

Обязанностью нашего общества было дать сильное движеніе изысканіямъ, могущимъ пролить свѣтъ науки на наше національное происхожденіе; вы исполнили эту обязанность, мм. гг., и этимъ вы увѣнчали ваши труды; вы никогда не пропускали случая тщательно разбирать эти интересные вопросы. Убѣдившись въ томъ, что краніологія есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путеводителей въ изысканіяхъ такого рода, вы собрали въ вашемъ музеѣ огромныя коллекціи череповъ всѣхъ эпохъ; около пятисотъ древнихъ и новыхъ череповъ, несомнѣннаго происхожденія и тщательно опредѣленныхъ, изъ которыхъ одни были вырыты на парижскихъ кладбищахъ, другіе извлечены изъ различныхъ меровингскихъ или галло-римскихъ гробницъ, даютъ возможность каждому изъ васъ изучить первобытные типы, и прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ послѣдствія смѣшенія расъ. Эта коллекція, и такъ уже богатая, день ото дня увеличивается, и мнѣ не нужно вамъ напоминать, что императоръ доста-

вилъ вамъ черепъ, найденный подъ однимъ римскимъ окопомъ въ раскопкахъ лагеря Сен-Піеръ, близъ Компіеня; его величество предложилъ Віоле-Ледюку, директору этихъ раскопокъ, отдавать вамъ отъ его имени всѣ черепа, всѣ скелеты, которые будутъ вырыты. Де Руси, ученый компіенскій археологъ, которому было поручено императоромъ вести раскопки въ Монъ-Берни, нашелъ вблизи развалинъ галло-римскаго города въ странѣ древнихъ суэссоновъ, кладбище, откуда были вырыты пятьдесятъ четыре скелета; вамъ уже доставлено семнадцать череповъ, другіе еще ожидаются, и я не могу не упомянуть объ разумномъ усердіи нашего сочлена, Буржуа, изъ Піерфона, который, живя вблизи мѣста раскопокъ, снялъ планъ кладбища, обозначилъ положеніе, направленіе, глубину каждой могилы, измѣрялъ одну за другой всѣ кости скелетовъ и срисовалъ странное положеніе этихъ тѣлъ, которыя, казалось, наскоро были зарыты, въ слѣдствіе битвы между галло-римлянами и варварами пятаго вѣка.

Въ этихъ различныхъ отдѣлахъ череповъ, такъ же, какъ и въ томъ собраніи, которое нашъ сочленъ изъ Дофинэ, Брюлэ, извлекъ изъ могилъ временъ бургундовъ, и вамъ представилъ, вы постоянно находили между формами переходными, два типа существенно различные: одинъ короткоголовый (brachycephale) а другой длинноголовый (dolichocephale), обращики которыхъ тѣмъ болѣе многочисленны, сравнительно съ объемомъ всей коллекціи, чѣмъ болѣе они отдаляются отъ настоящей эпохи. Это вѣрный признакъ помѣсей, происходившихъ на нашей почвѣ, въ продолженіе историческаго періода и до него, между двумя группами расъ, однихъ короткоголовыхъ, другихъ длинноголовыхъ. Всѣ чужеземные народы индо-европейскаго корня, которые одни за другими захватывали, покоряли или занимали нашу страну, всю или только часть ея, кельты, кимры, германцы были длинноголовые, и сами римляне были длинноголовые, хотя и въ меньшей степени. И такъ несомнѣнно, что типъ короткоголовый, и до сихъ поръ еще такъ у насъ распространенный, происходитъ отъ народовъ, существовавшихъ прежде прихода кельтовъ. Къ тому же, значительное число фактовъ, которые много разъ были излагаемы Дарестомъ, Прюнеръ-Беемъ, Ланьо, Рамо и многими другими ораторами, прямо указывало, что, во время каменнаго періода, Данія, Британскіе острова, Франція, Швейцарія, вѣроятно и другія страны Европы были населены расами короткоголовыми (brachycephales).

На эти первобытные народы, самыя имена которыхъ безвозвратно погибли гораздо ранѣе историческаго періода, нахлынули изъ Азіи однѣ за другими волны длинноголовыхъ расъ, и тогда между этими двумя группами народовъ началась великая борьба, распространявшаяся отъ береговъ Вислы до Атлантическаго океана, отъ Балтійскаго до Среди-

земнаго моря, и длившаяся, безъ сомнѣнія, многія столѣтія, борьба неравная, въ которой каменный топоръ тщетно боролся противъ бронзоваго меча, и гдѣ превосходство оружія должно было взять перевѣсъ надъ превосходствомъ числа. Тщетно туземцы укрывались въ свои озерныя жилища, въ которыхъ позднѣе ихъ побѣдители, по закону возмездія, въ свою очередь должны были искать убѣжища. Спокойныя воды озеръ, защищавшія ихъ жилища отъ хищныхъ звѣрей, не могли защитить ихъ противъ нападеній человѣка, и огонь, зажженный непріятельскими факелами, легко разрушалъ эти деревянные дома, обрушенные остатки которыхъ, найденные подъ озернымъ иломъ, посреди свай, вмѣстѣ со стрѣлами, кремневыми ножами, воскрешаютъ нашему воображенію страшныя драмы завоеванія. Госсъ сынъ, въ запискѣ, которая васъ сильно заинтересовала, говорилъ вамъ, что почти всѣ озерныя жилища были истреблены огнемъ, какъ тѣ, которыя были въ эпоху каменнаго періода, такъ и тѣ, которые были въ бронзовый вѣкъ.

Всюду побѣждаемые, иногда истребленные и еще чаще покоренные, люди туземныхъ племенъ въ южныхъ и западныхъ областяхъ сохраняли численное превосходство, и, совокупляясь съ своими побѣдителями, породили смѣшанныя расы, которыя, смотря по степени смѣшенія, получали въ неравной степени отпечатокъ обѣихъ первоначальныхъ расъ. Но, не смотря на болѣе или менѣе важныя измѣненія, удержавъ нѣкоторыя изъ характеристическихъ особенностей ихъ физическаго типа, туземныя расы утратили свои нравы, свою національность, свой языкъ и даже имя. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, хорошо защищенныхъ природой, въ нѣкоторыхъ горныхъ и мало доступныхъ долинахъ, которыми побѣдители, быть можетъ, не желали завладѣть, остатки первобытныхъ народовъ избѣжали общей участи. Таковы были безъ сомнѣнія предки тѣхъ ретійскихъ романцевъ, которыхъ изучалъ въ окрестностяхъ Куара нашъ знаменитый сочленъ г. Бэръ. Дарестъ, въ своемъ отчетѣ о запискѣ ученаго с. петербургскаго профессора, сказалъ вамъ, какимъ образомъ г. Бэръ дошелъ до открытія, что древніе обитатели ретійскихъ Альпъ принадлежали къ расѣ короткоголовой. Слишкомъ малочисленные для того, чтобы составить народъ, они сохранили только свой типъ, и языкъ, на которомъ они говорятъ, есть нарѣчіе латинскаго языка. Но въ пиренейскихъ горахъ и по обѣимъ ихъ покатостямъ умный и храбрый народъ съумѣлъ поддержать одновременно и свою національность, и свои нравы, и свой языкъ. По мнѣнію Прюнеръ-Бея, языкъ басковъ есть самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ; одинъ онъ пережилъ крушеніе первобытныхъ нарѣчій Европы; онъ остался, какъ живое доказательство существованія туземныхъ расъ, жившихъ прежде азіятскаго

нашествія, и если вы, мм. гг., сдѣлаете сближеніе между этимъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ лингвистики, и анатомическими фактами, которые прямо или косвенно показываютъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ первобытныхъ расъ были короткоголовыя, то вы поймете, какимъ образомъ знаменитый Ретціусъ и за нимъ всѣ другіе этнологи пришли къ тому предположенію, что и баски должны были быть короткоголовы. Два черепа, изслѣдованные великимъ шведскимъ анатомомъ, подтверждаютъ это ученіе, а наблюденія, сдѣланныя Антуаномъ Аббади, надъ живыми личностями, придали ему новую опору. Все таки фактъ такой исключительной важности, фактъ бывшій, такъ сказать, ключемъ къ зданію первобытной этнологіи Европы, не могъ обойтись безъ доказательства, болѣе полнаго и прямаго. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, ученые иностранцы часто обращались къ вамъ, тщетно надѣясь найдти въ вашемъ краніологическомъ музеѣ образцы племени басковъ; но за исключеніемъ двухъ череповъ изъ Стокгольма, эта раса не имѣла своихъ представителей ни у насъ, ни въ другой какой публичной или частной коллекціи. Этотъ пробѣлъ уже теперь не существуетъ. Двое изъ насъ, своими собственными руками, вырыли на кладбищѣ провинціи Гвипускоа шестьдесятъ череповъ басковъ и, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, эти черепа поступили въ музей. Вы могли такимъ образомъ подвергнуть контролю анатомическаго наблюденія мнѣніе Ретціуса, столь раціональное и заманчивое. Отъ чего же повѣрка не согласовалась съ нашимъ ожиданіемъ? На шестьдесятъ череповъ басковъ вашей коллекціи приходится только два или три дѣйствительно короткоголовыхъ, большая же часть совершенно длинноголовы, и удивительное дѣло, средній типъ этого отдѣла череповъ, гораздо болѣе принадлежитъ къ разряду длинноголовому, нежели средній типъ французовъ сѣверныхъ провинцій.

И такъ, должны ли мы теперь отвергнуть всю доктрину о первоначальной этнологіи Европы? Неужели эта доктрина подрыта въ своемъ основаніи? Не вѣрьте этому, мм. гг.: она даже и не поколеблена. Факты, на которыхъ она была основана, довольно многочисленны, довольно рѣшительны, для того, чтобы можно было считать ее окончательно доказанной. Да, докельтское населеніе Даніи, Британскихъ острововъ, Франціи, Швейцаріи, большею частію было короткоголовое. Ничто не можетъ разрушить этой истины, основательно доказанной. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что, прежде прихода кельтовъ, въ Европѣ были одни только короткоголовыя племена? На разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ этой таинственной эпохи, мы стоимъ какъ путешественникъ ночью, для котораго всѣ деревья въ лѣсу сливаются въ одну массу въ сумрачной дали. Для нашего ума, идущаго ощупью, довольно

признать, что одно и то же туземное племя существовало на нашей почвѣ до появленія тѣхъ племенъ, которыя имѣютъ имя въ исторіи. Но если въ настоящее время, земля населена множествомъ народовъ, столь же различныхъ по своему типу, какъ и по языку, если мы часто видимъ племена наиболѣе разнородныя, живущія рядомъ, которыя подвергаются смѣшенію или не подвергаются, въ странахъ, занимающихъ небольшое пространство, то на чемъ мы будемъ основывать предположеніе, что народонаселеніе Европы, должно было быть однообразно четыре или пять тысячъ лѣтъ тому назадъ? Было ли въ ту пору человѣчество такъ молодо? А переселеніе, борьба племенъ, развѣ не могли размѣстить въ одной изъ пяти частей свѣта, многіе народы различныхъ типовъ? Но зачѣмъ дѣлать предположеніе, когда есть свидѣтельство фактовъ? Это различіе первобытныхъ племенъ установлено палеонтологіей человѣческаго рода. Къ ряду наблюденій, доказывающихъ доисторическое существованіе племенъ короткоголовыхъ, можно присоединить рядъ фактовъ, не столь многочисленныхъ, но столь же рѣшительныхъ, доказывающихъ совмѣстное существованіе, даже, быть можетъ, бóльшую древность типа длинноголоваго. Черепъ, извлеченный Карригу изъ пещеры Пиренеевъ, и который онъ вамъ показывалъ въ его сталагнитовой оболочкѣ, принадлежитъ къ разряду длинноголовыхъ; черепъ изъ Мейлена, который достали изъ озерной постройки каменнаго періода, описаніе и рисунокъ котораго вамъ доставилъ Фогтъ изъ Женевы, точно также изъ породы длинноголовыхъ. Знаменитый черепъ пещеры энгійской, найденный Шмерлингомъ между остатками слона, носорога, и многихъ другихъ вымершихъ породъ, представляетъ ту же самую форму. А черепъ, еще болѣе знаменитый, изъ пещеры Неандерталя, подробное описаніе котораго недавно было вамъ прислано профессоромъ Шафгаузеномъ, изъ Бонна, и гипсовый слѣпокъ котораго вамъ скоро будетъ представленъ Прюнеръ-Беемъ, этотъ черепъ со странными формами, признаваемый многими учеными самымъ древнимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ череповъ, замѣчателенъ своей узкостью и длиною. Въ виду этихъ фактовъ, мм. гг., невозможно не признать, что одна или нѣсколько длинноголовыхъ расъ жили въ Европѣ въ эпоху страшно отдаленную, и если бы всѣ теперешніе баски были бы столь же длинноголовы, какъ и тѣ, что въ вашей коллекціи, — что еще загадочно, — то и тогда прекрасная этнологическая теорія, съ которой связано имя Ретціуса, и которую Прюнеръ Бей защищалъ съ такимъ авторитетомъ, эта теорія не была бы разрушена однимъ лишнимъ исключеніемъ.

Приближаясь болѣе къ нашей эпохѣ, проникая въ періодъ историческій, вы вашими трудами и вашими преніями разъяснили много вопросовъ, относящихся къ этнологическому происхожденію нашего на-

рода. Записка Ланьйо (Lagneau) о „гаэляхъ и кельтахъ“, трудъ, въ которомъ самая тонкая критика соединяется съ глубокой эрудиціей, доказалъ вамъ, что эти два народа, которые Вильямъ Эдвардсъ принималъ за одинъ, принадлежали, если не къ разнымъ расамъ, то по крайней мѣрѣ къ разнымъ національностямъ. Нашъ неутомимый сочленъ изъ Шатолена, Галлегэнъ (Halleguen), въ своихъ двухъ запискахъ объ „этнологіи Бретани“, противодѣйствовалъ слишкомъ исключительнымъ теоріямъ, слишкомъ снисходительно принимаемымъ легендамъ, приписывающимъ переселеніямъ бритовъ островитянъ слишкомъ преувеличенное этнологическое и политическое вліяніе. Опредѣленіе физическихъ особенностей галльскихъ племенъ было предметомъ особеннаго вашего вниманія. Также какъ и Вильямъ Эдвардсъ, этотъ великій наставникъ въ наукѣ французской этнологіи, вы отыскивали у существующихъ народовъ тѣ отличительныя черты, которыя еще до сихъ поръ составляютъ признакъ ихъ происхожденія. Вліяніе этнологическихъ развѣтвленій на различіе въ ростѣ было ясно доказано фактами статистики, основанными на результатахъ пополненія арміи рекрутами. Прекрасные труды Будена, помѣщенные въ его „Медицинской географіи“, (Géographie medicale) доставили въ ваше распоряженіе этотъ новый элементъ антропологическихъ наблюденій. Живописныя карты, различнымъ образомъ оттѣненныя, изображающія распредѣленіе изъятій (изъ рекрутской повинности) по недостатку роста въ различныхъ департаментахъ, такъ сказать представила вамъ наглядно этнологію Галліи временъ Цезаря. Систашъ (Sistach), занимаясь періодомъ болѣе новымъ, составилъ новую карту столь сходную съ предшествовавшими, что это совпаденіе васъ сильно поразило. Наконецъ, недавно Буденъ, опирая изученіе того же вопроса на другихъ основаніяхъ, показалъ на другой картѣ обратное распредѣленіе людей высокаго роста, и различіе, впрочемъ очень небольшое, которое онъ указалъ между этимъ новымъ результатомъ и результатами изученій относящихся къ людямъ малаго роста, доставило вамъ ученую диссертацію Бертильона о законѣ большихъ чиселъ, о значеніи и примѣненіи статистическихъ источниковъ.

Этнологическія вліянія, замѣченныя при наборахъ, простираются не на одинъ только ростъ. Нѣсколько наглядныхъ картъ составленныхъ Буденомъ, показали намъ, что распредѣленіе грыжи, близорукости и испорченности зубовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ племени. Во всѣхъ этихъ различныхъ отношеніяхъ, какъ и въ отношеніи роста, существуетъ самая поразительная противоположность, напримѣръ, между населеніемъ Бретани и населеніемъ Нормандіи; и Бертильонъ доказалъ намъ драгоцѣнными статистическими данными, что эти два населенія,

столь противоположныя по своему происхожденію, занимаютъ два крайнія положенія въ лѣстницѣ смертности во Франціи.

У насъ нѣтъ еще числовыхъ данныхъ о преобладающемъ цвѣтѣ волосъ и глазъ въ различныхъ департаментахъ Франціи. Все, что мы въ этомъ отношеніи знаемъ, основывается лишь на впечатлѣніяхъ. Обширныя и точныя собранія данныхъ нашего сочлена Джона Бедоэ (Bedoe), изъ Клифтона, о народонаселеніи Ирландіи, пополняютъ отчасти этотъ пробѣлъ, такъ какъ этнологическіе элементы, которые онъ изучилъ, очень сходны съ элементами многихъ изъ нашихъ департаментовъ.

Прежде чѣмъ я оставлю поле этнологіи, которое я только что обозрѣлъ, я не могу, мм. гг., не бросить бѣглаго взгляда на ваши труды по части лингвистики. Посредствомъ ее, вы пролили свѣтъ на многіе частные вопросы, и здѣсь я прежде всего долженъ изъявить уваженіе многостороннимъ познаніямъ нашего сочлена, Прюнеръ-Бея. Есть ли такой пунктъ въ лингвистикѣ, котораго бы онъ не былъ готовъ обсуждать. Есть ли такое семейство языковъ, строенія котораго онъ не изслѣдовалъ бы вполнѣ, развитіе и фильяцію котораго онъ бы не изучилъ. Только что мы видѣли, какъ онъ борется съ трудностями вопроса о происхожденіи египетскихъ племенъ, и дѣлаетъ обзоръ всѣмъ языкамъ Африки и западной Азіи; другой разъ онъ обратился къ языкамъ Америки и даже Австраліи. Онъ намъ показалъ распредѣленіе главныхъ системъ счисленія, и вы были бы удивлены, если бы онъ оставилъ безъ обсужденія краснорѣчивое и ученое сообщеніе Шавэ (Chavet) о параллели между индо-европейскими языками и семитическими.

Съ ясностью и убѣжденіемъ, придающимъ столько значенія его рѣчи, Шавэ развивалъ передъ вами различіе существенное, радикальное и совершенное, глубоко раздѣляющее эти два семейства языковъ, и видя невозможность найдти въ нихъ что нибудь родственное, онъ смѣло заключилъ о различіи происхожденія племенъ, между которыми они господствовали. Въ этомъ изложеніи были двѣ отдѣльныя стороны: фактъ и предположеніе. Въ фактѣ усомнился Галегэнъ, представивъ нѣсколько сходныхъ пунктовъ между граматикой семитической и граматикой индо-европейскихъ языковъ; но этотъ фактъ безъ колебанія былъ принятъ Прюнеръ-Беемъ, и знаменитымъ историкомъ семитическихъ языковъ, сочленомъ нашимъ Ренаномъ. Оба объявили, что такъ же невозможно производить санскритскій языкъ отъ еврейскаго, какъ и еврейскій отъ санскритскаго. По тѣмъ не менѣе они отказались признать предположеніе Шавэ за доказанное. Ренанъ признаетъ это предположеніе возможнымъ, даже вѣроятнымъ; но онъ прибавляетъ, что все

что совершилось до начала цивилизаціи, до образованія общества, до образованія языковъ, вовсе неизвѣстно, недоступно для лингвистики, а Прюнеръ-Бей, въ свою очередь, противопоставляя мнѣнію Шавэ возможность другой гипотезы, замѣтилъ, что языки арійскіе, языки семитическіе и языки называемые туранскими, хотя и не имѣютъ никакого прямаго сродства, въ сущности могли произойдти отъ однаго источника, отъ лингвистическаго семейства, навсегда погибшаго. Вы съ участіемъ слѣдили за фазисами этихъ горячихъ преній, которыя вспыхнули еще разъ по случаю новой записки Шавэ о морфологіи китайскихъ слоговъ. И здѣсь, на почвѣ еще болѣе затруднительной, явились тѣ же самыя доктрины и поддерживались съ тѣмъ же талантомъ.

2. Общая антропологія.—Я долженъ спѣшить, мм. гг.; время идетъ слишкомъ медленно для васъ, меня слушающихъ, и слишкомъ скоро для меня, такъ какъ я желалъ бы имѣть возможность слѣдовать за вами во всѣхъ вашихъ изысканіяхъ, слѣдить за всѣми вашими преніями, для меня, принужденнаго, за недостаткомъ мѣста, дѣлать почти произвольный выборъ между множествомъ матеріаловъ, которыми вы обогатили науку.

Если ваши труды по этнологіи были всегда такъ плодотворны, это въ особенности потому, что вы всегда умѣли частные факты связывать съ общими вопросами, потому что для васъ всегда выше понятія о типахъ и расахъ стояло желаніе добраться до законовъ организаціи человѣка, до причинъ сложныхъ явленій, въ немъ происходящихъ, подъ вліяніемъ наслѣдственности, воспитанія, среды, до условій, управляющихъ развитіемъ его общественнаго существованія, его промышленности и умственнаго прогресса. Всѣ эти предметы изученія, одинаково важные, какъ для естествоиспытателя, такъ и для мыслителя, для медика, какъ и для физіолога, принадлежатъ къ области общей антропологіи, и я желалъ бы, мм. гг., достойнымъ васъ образомъ передать все то, чѣмъ вамъ обязана эта наука.

Здѣсь, дѣйствительно, всѣ вопросы были новые, нужно было отыскивать факты, собирать ихъ, — они никогда не подвергались контролю общественнаго обсужденія,—нужно было ихъ анализировать, объяснить, группировать; предстояло воздвигать цѣлое зданіе, и какое зданіе! дворецъ человѣческаго рода!

Я не скажу вамъ, что вы окончили дѣло, которое потребуетъ содѣйствія многихъ поколѣній; но вы по крайней мѣрѣ положили прочное основаніе; во многихъ пунктахъ уже возвышаются стѣны, и я осмѣливаюсь сказать, что вы въ продолженіи четырехъ лѣтъ сдѣлали больше, чѣмъ вы сами ожидали.

Положеніе человѣка въ природѣ еще не опредѣлено ясно. Съ точки

зрѣнія чисто зоологической, или, если хотите, съ точки зрѣнія анатоміи, онъ представляетъ менѣе различія съ четырьмя высшими породами обезьянъ, нежели эти породы съ другими обезьянами. Онъ составляетъ съ ними естественную группу, группу антропоморфическую (человѣкообразную), которой онъ составляетъ только первое подраздѣленіе, и нашъ ученый сочленъ изъ Монпелье, профессоръ Шарль Мартенъ, показалъ намъ два остеологическіе признака, исключительно принадлежащіе этой группѣ. Но если, устройствомъ и расположеніемъ своихъ органовъ, человѣкъ близко подходитъ къ высшимъ породамъ обезьянъ, то онъ совершенно отличается отъ нихъ разумомъ и языкомъ, и, смотря по различію точекъ зрѣнія, которыя принимаются, можно было спросить себя, составляетъ ли человѣкъ въ природѣ царство, классъ, разрядъ, или только одинъ родъ въ порядкѣ *приматовъ* (primates, высшій порядокъ млекопитающихъ). Вы не обсуждали этого вопроса во всей его цѣлости, но Гратіоле изучилъ предъ вами самую важную часть его. Только разумъ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ; разумъ обусловливается мозгомъ, слѣдовательно человѣкъ долженъ мозгомъ отличаться отъ обезьянъ. Впрочемъ, анатомія находитъ въ устройствѣ и составѣ мозга шимпанзе, сравнительно съ мозгомъ царя земли, едва лишь легкія различія, о которыхъ вамъ заявилъ Обюртенъ.

Предполагаемыя особенности, приводимыя Ричардомъ Оуэномъ, были много разъ признаны неточными. Обезьяны высшихъ породъ, такъ же, какъ и мы, снабжены задней мозговой долею, заднимъ рожкомъ желудочка и малымъ аммоніевымъ рогомъ (hippocampus minor); при нормальномъ устройствѣ ничто, кромѣ громадной разницы въ объемѣ и неравнаго количества второстепенныхъ извилинъ, не составляетъ у взрослыхъ кореннаго, безусловнаго различія между мозгомъ человѣка самой низшей породы и обезьяны самой высшей *а*). Но эмбріологія и патологическая анатомія доставили Гратіоле рѣшительное доказательство. Порядокъ, въ которомъ развиваются извилины, совершенно различенъ въ двухъ группахъ. Тѣ, которыя у человѣка являются первыми, у обезьяны образуются послѣ всѣхъ другихъ, и наоборотъ. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что если какая нибудь причина останавливаетъ у ребенка развитіе мозга, этотъ органъ, вмѣсто того, чтобы приближаться къ формѣ мозга обезьянъ, напротивъ, все болѣе и болѣе съ нимъ разнится.

Эта остановка развитія, которая составляетъ микрокефалію (малоголовыхъ уродовъ), производитъ всегда болѣе или менѣе полный иді-

---

а) Результаты, полученные Гратіоле, тоже не совсѣмъ точны. См. *Фогтъ*: «Чтенія о человѣкѣ» I, гл. IV и VI. *Ред.*

отизмъ. Мозгъ микрокефаловъ бѣденъ извилинами, и извилины эти, не будучи очень близки одна къ другой, оставляютъ по одиночкѣ свои слѣды на внутренней поверхности костей черепа. Открытіе этого факта навело Гратіоле на мысль, не сохраняютъ ли стѣнки черепа и у низшихъ породъ, у которыхъ извилины менѣе развиты, такихъ же слѣдовъ, и онъ вамъ показалъ на черепѣ тотонака существованіе этого признака, который вы нашли впослѣдствіи на черепахъ многихъ негровъ.

Это сообщеніе, которымъ нашъ сочленъ, въ своей увлекательной рѣчи, изложилъ самые высшіе вопросы физіологіи мозга, дало вамъ возможность обсудить отношеніе умственныхъ способностей къ объему и формѣ мозга по отдѣльнымъ личностямъ и породамъ. Дѣйствуетъ ли мозгъ какъ цѣльный органъ? Не состоитъ ли онъ изъ многихъ органовъ, соединенныхъ съ отдѣльными проявленіями различныхъ способностей? Существуетъ ли какое либо отношеніе между развитіемъ этого органа и его отправленіями? Есть ли предѣлъ вѣса, ниже котораго разсудительность исчезаетъ? Наконецъ, способность или неспособность лицъ и расъ соединяются ли въ цѣломъ или по частямъ съ формою и объемомъ мозга? Вотъ рядъ вопросовъ, которые вы разсмотрѣли. Вы выслушали одного за другимъ Обюртена, Перье, де Жуванселя, Жиральдеса, де Кастельно, Беларже, Деласіова, въ особенности же Гратіоле, и это преніе, наполнившее нѣсколько засѣданій, подало поводъ къ важной запискѣ Дареста, выставившаго огромное количество новыхъ и важныхъ фактовъ.

Записка Будена о некосмополитизмѣ породъ человѣческихъ, дала вамъ возможность изучить вопросъ объ аклиматизаціи, вопросъ столь важный въ будущемъ для колонизующихъ и торговыхъ народовъ Европы. Космополитенъ ли человѣкъ? Можетъ ли онъ жить и размножаться во всѣхъ климатахъ? Авторъ „Медицинской географіи“ могъ лучше всякаго другаго заняться разрѣшеніемъ этой задачи. Онъ вамъ доказалъ исторіей и статистикой, что, за исключеніемъ немногихъ племенъ — въ особенности желтаго — предѣлы аклиматизаціи для каждаго племени ограничены, опредѣлены, подчинены извѣстнымъ условіямъ климата и среды. Если столько колоній могутъ процвѣтать внѣ этихъ условій, то потому лишь, что онѣ получаютъ безпрестанное подкрѣпленіе изъ метрополіи. Постоянное преобладаніе цифры смертности надъ цифрою рожденій, показываетъ, что переселившееся племя само собой не поддерживается, и что оно рано или поздно должно погибнуть если будетъ предоставлено самому себѣ. Нашъ ученый сочленъ въ особенности ссылается на тѣ препятствія, которыя противятся аклиматизаціи европейцевъ подъ тропиками, на тѣ болѣзни, которыя они тамъ нажи-

ваютъ, и отъ которыхъ природные жители болѣе или менѣе изъяты; но онъ прибавляетъ, что въ этомъ отношенiи южное полушарiе не такъ негостепрiимно, какъ полушарiе сѣверное, и въ особенности указываетъ на замѣчательно-здоровый климатъ многихъ пунктовъ Океанiи.

Эти понятiя, столь мало сходныя съ понятiями общепринятыми, не могли пройти безъ преній. Броунъ-Секаръ, Байльярже, Вернэль, Бертильонъ, Мартенъ де Муси, Симоно, говорили одинъ за другимъ; противорѣчащiе факты были представлены Вершономъ; но, не смотря на нѣкоторыя исправленiя, относящiяся къ второстепеннымъ подробностямъ, изъ многочисленныхъ фактовъ, которые нѣсколько разъ были представлены на ваше обсужденiе, видно, что европейскiя племена, безъ постоянныхъ подкрѣпленiй, не могутъ поддерживаться въ тропическихъ странахъ Азiи и Африки.

Изученiе болѣзней, отъ которыхъ умерло столько людей, переселившихся въ новый климатъ, и которыя не свирѣпствуютъ между туземцами, привело Будена къ опредѣленiю наклонности къ болѣзнямъ и естественнаго изъятiя отъ нихъ, для нѣкотораго числа расъ. Такъ какъ у каждаго племени есть своя организацiя, свой физiологическiй типъ, точно такъ же есть у него и свой типъ патологическiй, выражающiйся въ его преобладающихъ болѣзняхъ, въ его сопротивленiи нѣкоторымъ болѣзненнымъ влiянiямъ, иногда даже въ исключительной способности подвергаться такимъ страданiямъ, которыя не имѣютъ никакой силы надъ другими расами. Такимъ образомъ *тонга*, этотъ достойный любопытства нарывъ—который не щадитъ почти ни одного изъ туземцевъ Новой Каледонiи, и который, какъ у насъ оспа, почти никогда не бываетъ два раза у одного и того же человѣка, — не развивается у бѣлыхъ, живущихъ на этомъ островѣ. Негры, столь склонные къ чахоткѣ, даже въ ихъ собственной странѣ, гораздо менѣе бѣлыхъ подвергаются воспаленiю печени, кровавому поносу и перемежающимся лихорадкамъ. Болѣзни сердца и артерiй, столь общiя между англичанами въ Индiи, точно такъ же, какъ между англичанами въ Англiи, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются у индусовъ, а ракъ, который такъ свирѣпствуетъ у насъ, почти неизвѣстенъ въ Новой Зеландiи, въ южной Африкѣ и у индѣйцевъ Канады. Сообщенiе Бершона о Сенегамбiи, Рохаса о Новой Каледонiи, Мартена де Муси объ южной Америкѣ, Гайварда о Новой Англiи, Ландри о Канадѣ; многочисленные факты, заключающiеся въ отчетѣ Бертильона объ южной Африкѣ, Рюфца о Таити, Дальи объ Абисинiи; извѣстiя, собранныя Буденомъ о сонной болѣзни, свойственной племени негровъ, и объ *айсауа* (aissaoua) или заклинателяхъ змѣй; записка Рамо о преобладающихъ болѣзняхъ въ Соединенныхъ штатахъ и множество другихъ извѣстiй

разсѣянныхъ въ нашихъ бюллетеняхъ, уже составляютъ значительную массу матеріяловъ, съ помощью которыхъ вы скоро можете составить *сравнительную патологію человѣческихъ племенъ.*

Два вопроса, повидимому противоположные, но тѣмъ не менѣе соприкосновенные, одинъ за другимъ были подняты Буденемъ и Перье, первый — о смѣшеніи племенъ, второй — о бракахъ между единокровными. Бракъ двухъ родственниковъ и бракъ двухъ лицъ различныхъ расъ составляютъ два крайніе члена одного и того же рода. Кровное родство составляетъ ли (при бракѣ) причину болѣзни или вырожденіе? Смѣшеніе расъ служитъ ли къ ихъ усовершенствованію? На эти вопросы Перье отвѣчаетъ отрицательно. Кровное родство вредно только наслѣдственностью болѣзней; но когда оба единокровные супруга принадлежатъ къ семейству, изъятому отъ всякаго наслѣдственнаго недостатка, фактъ ихъ родства не можетъ вредить ихъ потомству. Буржуа, Далли, Сансонъ поддерживали то же самое мнѣніе, а послѣдній привелъ вамъ огромное количество фактовъ, заимствованныхъ изъ зоотехніи; но Буденъ привелъ факты противорѣчащіе. Призвавъ на помощь статистическія данныя, основанія которыхъ были съ точностью опредѣлены Дальи, онъ вывелъ рядъ цифръ, которыя, какъ кажется, утверждаютъ по крайней мѣрѣ вліяніе браковъ между единокровными на произведеніе глухонѣмоты, и нашъ сочленъ изъ Ножанъ-ле-Ротру (Nogent-le-Rotrou), Брошаръ, доставилъ вамъ выписки, которыя свидѣтельствуютъ въ томъ же смыслѣ *a*).

Другой вопросъ, о племенныхъ смѣшеніяхъ, былъ изслѣдованъ Перье въ его большомъ трудѣ, явившемся въ нашихъ „Запискахъ“. Не утверждая, какъ нѣкоторые новые писатели, что всякое смѣшеніе породы влечетъ за собой физическій и умственный упадокъ, и допуская, что племена одного типа, одного корня, могутъ соединяться безъ дурныхъ послѣдствій, нашъ сочленъ думаетъ, что отдаленныя смѣшенія даютъ дурные результаты, и полагаетъ, что, при равенствѣ другихъ условій, чистыя расы выше смѣшанныхъ. Буденъ согласно съ нимъ признаетъ нѣкоторыхъ метисовъ ниже въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Но де Катрфажъ, не отрицая этихъ фактовъ, полагаетъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе оживляетъ расы, дополняетъ ихъ инстинкты, развиваетъ ихъ способности и иногда даже пораждаетъ способности, чуждыя двумъ первоначальнымъ расамъ. Такимъ образомъ возникло преніе, которое, занявъ нѣсколько засѣданій, захватывало все болѣе и болѣе самые трудные вопросы антропологіи. Во-

---

a) **Большая часть фактовъ послѣдняго рода собираются и группируются въ видахъ опредѣленныхъ тенденцій, а потому не очень доказательны.** *Ред.*

просъ о постоянствѣ типовъ, о наслѣдственности естественныхъ признаковъ, о признакахъ случайныхъ, объ атавизмѣ, вслѣдствіе котораго, послѣ нѣсколькихъ поколѣній, появляются вновь типы, искаженные смѣшеніемъ—одинъ за другимъ были изслѣдованы и рѣшены, съ различныхъ точекъ зрѣнія, многими ораторами.

Всѣ признали, что нѣкоторые типы сохраняются безъ измѣненій со временъ фараоновъ, и что нѣкоторые даже пережили многочисленныя смѣшенія и совершенное измѣненіе условій политическихъ и общественныхъ. Разногласіе начинается только по вопросу, составляетъ ли неизмѣняемость расъ общій законъ, не подвергаются ли нѣкоторыя расы, подъ вліяніемъ измѣнившейся среды, болѣе или менѣе замѣтнымъ измѣненіямъ. Въ особенности возникъ вопросъ о томъ, сохранили ли европейскія племена, переселенныя на американскій материкъ, въ новомъ климатѣ свой прежній характеръ. Наблюденія Рамо надъ англо-американцами открыли ему любопытныя особенности; но замѣчанія, имъ сдѣланныя, и приложимыя столько же къ домашнимъ животнымъ и растеніямъ, какъ къ человѣку, относятся къ жизненности, къ энергіи отправленій, а не къ типическимъ признакамъ. Свѣдѣнія, сообщенныя де Катрфажемъ, были бы многознаменательнѣе, еслибъ они подтвердились; ибо изъ нихъ можно было бы вывести, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки, у племенъ европейскихъ и африканскихъ, въ физіономіи есть что-то сходное съ физіономіей краснокожихъ. Но Мартенъ де Муси, противъ этихъ еще сомнительныхъ примѣровъ, приводитъ примѣръ европейцевъ въ Парагваѣ, которыхъ онъ изучалъ очень тщательно и которые съ XVI в. сохранили безъ всякаго измѣненія свой типъ. Въ особенности онъ указывалъ на исторію нѣмецкой колоніи, основанной въ 1535 г. солдатами Карла V, и съ тѣхъ поръ не принимавшей вовсе нѣмецкаго элемента. Эти парагвайскіе нѣмцы еще и теперь совершенно похожи на нѣмцевъ европейскихъ.

Но не только вліянію климата приписывалась способность измѣнять человѣческіе типы; возникъ вопросъ, не могутъ ли нѣкоторыя искусственныя формы головы сдѣлаться наслѣдственными и создать признаки, столь постоянные, что они переживаютъ обычай искаженія. Это толкованіе, допущенное Госсомъ-отцомъ, касательно нѣсколькихъ перуанскихъ племенъ, было подвергнуто сомнѣнію Гратіоле, совершенно иначе объяснившимъ факты, приводимые его ученымъ сочленомъ, и Перье, который по этому случаю прочелъ вамъ ученую записку о наслѣдственности аномалій.

Докладъ Трела о вымираніи туземныхъ племенъ Океаніи и Гвіаны, далъ вамъ возможность разсмотрѣть причины этого печальнаго результата, который проявляется повсюду, гдѣ европейцы входятъ въ

столкновеніе съ народомъ необразованнымъ, даже если они не прибѣгаютъ ни къ какому насилію. Болѣзни, принесенныя бѣлыми; пороки, въ которыхъ они нерѣдко подаютъ печальный примѣръ — все это причины частныя. Народы полудикіе, придя вдругъ въ столкновеніе съ племенемъ образованнымъ, вымираютъ не въ слѣдствіе увеличенія смертности, а по причинѣ уменьшенія числа рожденій, въ слѣдствіе упадка производительности женщинъ. Отъ этого важнаго вопроса лишь одинъ шагъ къ вопросу о способности нисшихъ племенъ къ усовершенствованію, и вы сдѣлали этотъ шагъ. Де Катрфажъ, Руфцъ, Делазіовъ, Прюнеръ-Бей полагаютъ, что каждое племя способно къ усовершенствованію, что даже австралійцамъ доступна цивилизація; но Перье, О'Рорглъ, Жоржъ Пушэ отчаиваются въ будущности этихъ племенъ.

Въ этомъ трудѣ былъ бы важный пробѣлъ, еслибъ я не указалъ на частыя заимствованія, которыя вы дѣлаете у зоотехніи, чтобы примѣромъ домашнихъ животныхъ объяснить самые трудные вопросы общей антропологіи. Де Катрфажъ, Жофруа Сентъ-Илеръ, Перье, Обюртенъ, Трелà, Ланьо, въ особенности Сансонъ, въ преніяхъ о смѣшеніи породъ, о сходствѣ, о наслѣдственности, о способности къ усовершенствованію, о постоянствѣ типовъ, употребили съ большой пользой факты зоотехніи, а Давлуи изложилъ въ особой запискѣ мысли своего учителя Жофруа Сентъ-Илера объ отношеніи зоотехніи къ антропологіи.

Во всѣхъ этихъ преніяхъ по общей антропологіи, передъ вами проходило два ряда доказательствъ, свойственныхъ двумъ ученіямъ, которыя повсюду борются между собой, а здѣсь, мм. гг., благодаря вашему, исключительно научному, настроенію, существуютъ рядомъ. Для васъ доктрины моногенистическая и полигенистическая не суть орудія борьбы; онѣ не соединяются для васъ съ какой нибудь предвзятой мыслію; онѣ не раздѣляютъ васъ на двѣ враждебныя секты, и умѣренность, вѣжливость, добросовѣстность, присущія вашимъ преніямъ, достаточно свидѣтельствуютъ, что ваши мнѣнія, по этому, какъ и по другимъ вопросамъ, истекаютъ только изъ науки. Не отыскивая случая выразить эти мнѣнія, вы не старались скрывать или умалчивать ихъ. Еще въ прошломъ году, докладъ Симоно побудилъ васъ изучить причину окрашиванія кожи негровъ; это было прелюдіей пренія, которое возгорѣлось, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ слѣдствіе чтенія Прюнеръ-Бея, и становясь все болѣе и болѣе общимъ, охватило наконецъ всѣ вопросы, касающіеся вліянія среды на естественные признаки породъ человѣческихъ. Де Катрфажъ и Прюнеръ-Бей съ одной стороны, Омаліусъ, д'Алуа, Трелá, Бертильонъ, Далли, Сансонъ съ другой, разсмотрѣли эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Заключенія получено не было, и не должно было получиться. Если мнѣніе каждаго

изъ васъ можетъ выражаться во всей свободѣ, то общество никогда не должно выражать своего мнѣнія; оно ни моногенистическое, ни полигенистическое, — оно ученое общество, гдѣ каждый, кто любитъ и ищетъ истину, можетъ занять мѣсто, не отдавая отчета въ своихъ доктринахъ *a*).

Мало того, мм. гг., это преніе о происхожденіи породъ, которое, двадцать лѣтъ тому назадъ, называли „великимъ преніемъ", является теперь при условіяхъ, хотя и не умаляющихъ его, но ставящихъ въ зависимость отъ вопроса, болѣе важнаго и болѣе интереснаго, но въ то же время отдаляющихъ, быть можетъ, надолго возможность окончательнаго рѣшенія. Когда думали, что человѣчество очень молодо, что ему только шесть тысячъ лѣтъ, тогда, находя въ долинѣ Нила, на памятникахъ, существующихъ сорокъ вѣковъ, этническіе типы, изображенными съ такими же отличіями, какъ эти типы являются теперь, — находя евреевъ, грековъ, египтянъ, индусовъ и негровъ совершенно похожихъ на настоящихъ представителей этихъ племенъ, — можно было полагать, что вопросъ о первоначальномъ множествѣ типовъ, будетъ разрѣшенъ научнымъ образомъ. Но теперь эпоха перваго появленія рода человѣческаго отдалена на неопредѣленное время; теперь не сотнями, не тысячами, а миріадами годовъ опредѣляются періоды, и теперь знаютъ, что историческія пять тысячъ лѣтъ—эпизодъ слишкомъ краткій въ жизни рода человѣческаго. Типы, которые мы можемъ изучать, намъ кажутся постоянными; но значитъ ли это, что они таковы на самомъ дѣлѣ? Четыре тысячи лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ какъ народные типы изображены на памятникахъ Египта, могли произвести въ каждомъ изъ племенъ измѣненія слишкомъ легкія и незамѣтныя для нашего глаза, соотвѣтствующія напримѣръ $^1/_{10}$ суммы отличительныхъ признаковъ расы. Но умножьте на десять это пространство времени, и передъ вами явится какъ нѣчто — не скажу доказанное или способное быть доказаннымъ—но какъ нѣчто возможное: примиреніе моногенистическаго мнѣнія съ большинствомъ фактовъ, на которыхъ до сихъ поръ покоилось мнѣніе противоположное.

Могли ли вы, мм. гг., не обратить всего вашего вниманія на вопросъ о древности рода человѣческаго, который преобладаетъ надъ

---

a) Брока выражается здѣсь нѣсколько темно. Онъ хотѣлъ вѣроятно сказать, что споръ моногенистовъ и полигенистовъ не вполнѣ *наученъ*, а потому, допуская въ этомъ отношеніи оба мнѣнія, общество не произноситъ рѣшенія, которое изъ нихъ вѣрно. Въ чисто научныхъ спорахъ, странно было бы воздерживаться отъ рѣшеній, которыя поддерживались бы не авторитетомъ частныхъ лицъ, а авторитетомъ цѣлаго ученаго общества. *Ред.*

всѣми другими? Не здѣсь онъ родился, но вы изучили его изъ первыхъ; вы углубились въ него, вы его дополнили и—смѣю сказать—ваши пренія, переданныя множествомъ ученыхъ и даже политическихъ журналовъ, сильно способствовали торжеству истины. Вы не легкомысленно приняли открытіе и доказательство Буше де Перта. Когда Жофруа Сентъ-Илеръ, въ засѣданіи, слѣдовавшемъ за первымъ сообщеніемъ Жоржа Пушэ, представилъ вамъ нѣсколько топоровъ и ножей изъ абевильскаго дилювіума, тогда поднялись возраженія касательно значенія этихъ доказательствъ; многіе изъ васъ подвергли сомнѣнію происхожденіе обточенныхъ кремней, обломанная поверхность и неправильные контуры которыхъ могли быть произведены случайнымъ изломомъ. Но когда Буше де Пертъ прислалъ вамъ еще новые топоры, когда Госсъ нашелъ совершенно такой же топоръ въ парижскомъ дилювіумѣ вмѣстѣ съ ножами и кремневыми наконечниками стрѣлъ, тогда постоянное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же формъ породило въ вашихъ умахъ убѣжденіе.

Преніе, тогда возникшее о первоначальной промышленности, о послѣдовательности періодовъ этой промышленности, о переходѣ отъ обточеннаго къ полированному кремню, отъ каменнаго къ мѣдному или бронзовому періоду, отъ бронзоваго къ желѣзному, преніе, въ которомъ, приняли участіе Жофруа Сентъ-Илеръ, Кастельно, Госсъ-сынъ, Ланьо Трела́, Вернэль, и въ которое Трела́ внесъ нѣсколько счастливыхъ сближеній, заимствованныхъ изъ изученія современной промышленности дикихъ народовъ, преніе это, говорю я, принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ и любопытныхъ, въ вашихъ „Бюллетеняхъ“.

Затѣмъ, Госсъ показалъ вамъ въ томъ же слоѣ песка, еще мокраго, ископаемое ребро буйвола и кремневую стрѣлу; онъ еще представилъ вамъ обугленную кость, которую самъ нашелъ въ слоѣ дилювіума въ гренельскихъ песчаникахъ. Жофруа Сентъ-Илеръ сообщилъ вамъ любопытное открытіе Сартэ, который замѣтилъ на ископаемыхъ костяхъ rhinoceros tichorinus (видъ носорога) и cervus megaceros (великорогій олень), хранящихся въ галереяхъ музея, слѣды каменнаго топора, которымъ человѣкъ разсѣкалъ животное, прежде чѣмъ съѣсть его. Я сокращаю, мм. гг., ибо фактовъ такъ много, что ихъ нельзя и перечислить; припомню однако, что Делану сдѣлалъ вамъ любопытное сообщеніе объ изслѣдованіяхъ, производившихся въ долинѣ Сомы, и геологическихъ доказательствахъ древности дилювіума, въ которомъ вмѣстѣ съ топорами находятъ кости носорога и слона.

И такъ, разумное существо, способное обтачивать кремень, зажигать огонь, сражаться, убивать и разсѣкать большихъ животныхъ, жило на землѣ въ одно и то же время съ мамонтами, носорогами, громадными

оленями и пещерными медвѣдями, животными, порода которыхъ угасла много тысячелѣтій тому назадъ.

Такимъ образомъ древность рода человѣческаго отнесена къ началу періода наносной формаціи (periode quaternaire). Она была бы еще отдаленнѣе, она относилась бы къ періоду третичному, если бы оправдалось предположеніе Жуванселя, что естественные колодцы ископаны руками человѣка. Но Бертъ противопоставилъ гипотезѣ нашего сочлена возраженія, значеніе которыхъ не мнѣ оцѣнивать. Впрочемъ, еще не пришло время опредѣлить эпоху, когда человѣкъ появился на землѣ. Положительные факты, несомнѣнныя свидѣтельства доказываютъ, что онъ уже жилъ въ эпоху дилювіума; это первое данное его исторіи, или, скорѣе, первое извѣстное данное; но нельзя считать невозможнымъ, открытіе слѣдовъ еще болѣе древнихъ *a*).

Чтобъ составить понятіе о громадномъ промежуткѣ времени, протекшемъ съ тѣхъ поръ, какъ были обточены топоры дилювіума, припомните, мм. гг., подробности, которыя сообщаетъ Делану о геологическомъ строеніи бассейна Сомы. Въ окрестностяхъ Аміена, подъ новѣйшимъ слоемъ и подъ слоемъ лэса (loesse), котораго толщина простирается до десяти метровъ, находятся два слоя дилювіума: одинъ красный и неглубокій, отличающійся неправильными и мало округлыми камнями; другой глубокій, сѣрый, округленные камни котораго очень обтерты. Эти два слоя дилювіума, каждый толщиною въ нѣсколько метровъ, отдѣляются слоемъ озерныхъ осадковъ, заключающимъ въ себѣ прѣсноводныя раковины, и имѣющимъ иногда до пяти метровъ толщины. Въ этомъ-то сѣромъ или *нисшемъ* дилювіумѣ, лежащемъ непосредственно надъ третичными слоями, находятся остатки человѣческой промышленности, вмѣстѣ съ ископаемыми костями мамонта и носорога. Такимъ образомъ, послѣ первой дилювіальной эпохи, гдѣ находимъ первые слѣды человѣка, наступилъ долгій періодъ спокойствія, въ продолженіе котораго образовались, сверхъ нижняго дилювіума, прѣсноводныя озера; потомъ, новый геологическій переворотъ произвелъ верхній дилювіумъ; позднѣе условія измѣнились еще разъ, и толстый слой лэса покрылъ кремни второй дилювіальной эпохи; еще позднѣе, благодаря новому порядку вещей, новѣйшіе слои стали образоваться поверхъ лэса. Съ тѣхъ поръ, какъ рука человѣка обточила кремни бассейна Соммы, геологическія условія измѣнялись не менѣе четырехъ

---

a) Эти слѣды найдены. Денойе (Comptes rendus, LVI, 1073) доказалъ, что на кости слона, принадлежавшаго къ *третичной* формаціи (elephas meridionalis), и другихъ современныхъ ему животныхъ находятся слѣды ударовъ, нанесенныхъ орудіями, употребленіе которыхъ до сихъ поръ считается доступнымъ лишь человѣку. *Ред.*

разъ и продолжительность послѣдовательныхъ періодовъ поистинѣ неисчислима. Замѣчательно, что тогда какъ остатки человѣческой промышленности и ископаемыя кости громадныхъ млекопитающихъ находятся въ обиліи въ нижнемъ дилювіумѣ, слѣдовъ ихъ вовсе не находится въ слояхъ, отдѣляющихъ этотъ дилювіумъ отъ слоевъ новѣйшихъ.

Человѣкъ, изгнанный изъ этихъ мѣстностей накопленіемъ озерныхъ водъ, могъ появиться только въ эпоху сравнительно новѣйшую, послѣ истребленія громадныхъ животныхъ, съ которыми онъ иногда боролся, послѣ таянія ледниковъ, которому Делану готовъ приписать образованіе лэса. Въ длинный періодъ ледниковъ, описаніе котораго столь ясное и столь ученое представилъ вамъ Шарль Мартенсъ, громадная ледяная кора покрыла мало по малу бо́льшую часть Европы, и множество породъ, оставшихся безъ защиты противъ холода, погибло безвозвратно; но человѣкъ, защищенный своей изобрѣтательностью и своимъ умомъ, съумѣлъ избѣгнуть отъ истребленія.

При треніи кремня о кремень, для выдѣлки изъ него перваго оружія, человѣкъ замѣтилъ вылетающую искру, научился ею пользоваться, и огонь, зажигаемый сначала для освѣщенія его грубыхъ пировъ, послужилъ ему въ послѣдствіи защитою въ борьбѣ противъ неблагопріятныхъ условій климата, сдѣлавшагося ледянымъ.

До сихъ поръ нашли только одно свидѣтельство существованія человѣка въ эпоху таянія ледниковъ. Это единственное свидѣтельство доказываетъ въ то же время, что онъ тогда зналъ употребленіе огня. Почва Швеціи теперь во многихъ мѣстахъ постепенно поднимается; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, постоянно опускается, и эти незамѣтныя колебанія начались еще до эпохи ледниковъ. Громадное пространство земли, прежде обитаемой, исчезло подъ водами Балтійскаго моря; море покрыло ихъ слоемъ песка и раковинъ; потомъ огромные пловучіе острова, отторгнувшись отъ ледниковъ Скандинавскихъ Альповъ, остановились на этихъ меляхъ. Когда наступила пора таянія льдовъ, эратическія глыбы, перенесенныя льдами, упали въ воду и покрыли собою слой раковинъ.

Дѣло на томъ остановилось, пока почва, столь долго погруженная въ воду, не начала снова подниматься. Сначала показались надъ поверхностью моря эратическія глыбы, потомъ слой раковинъ, затѣмъ слой песку, наконецъ, въ свою очередь, выступила и первоначальная почва, послѣ періода погруженія, продолжительность котораго невозможно опредѣлить.

Сколько же нужно было времени, чтобы эта мѣстность, вышедшая изъ-подъ воды, снова сдѣлалась обитаемой, чтобы глубокій по-

кровъ песка, дѣлающій безплодною ея почву, покрылся плодороднымъ слоемъ, чтобы человѣкъ нашелъ здѣсь средства для своего существованія, чтобы онъ могъ благоденствовать, размножаться чрезмѣрно, и чтобы Сканція заслужила названіе *мастерской народовъ*, которое ей давали древніе, *Scanzia officina gentium* (Jornandes).

Между тѣмъ, этотъ періодъ былъ очень коротокъ въ сравненіи съ тѣмъ, который прошелъ отъ начала эпохи ледниковъ до таянія льдовъ. Ш. Мартенсъ разсказалъ вамъ, какъ происходятъ и какъ исчезаютъ ледники. Они происходятъ не отъ крайняго холода. Условія, посреди которыхъ они увеличились нѣкогда въ странахъ, теперь умѣренныхъ, немного отличались отъ тѣхъ, которыя насъ окружаютъ. Только послѣ многихъ вѣковъ, они покрыли бо́льшую часть Европы и удалились потомъ такъ же медленно. И что же? Человѣкъ, мм. гг., присутствовалъ послѣдовательно при этихъ двухъ измѣненіяхъ нашего полушарія; онъ отступалъ шагъ за шагомъ передъ ледниками до тѣхъ поръ, пока они, отступая въ свою очередь, не возвратили ему мало по малу его прежнихъ жилищъ, разрушенныхъ и искаженныхъ ихъ нашествіемъ.

Роя каналъ въ окрестностяхъ Стокгольма, прокопали одинъ изъ холмовъ, которые носятъ названіе Osars, и которые оставлены пловучими льдами на затопленныхъ равнинахъ Швеціи; тамъ, подъ огромной массой эратическихъ глыбъ, подъ слоями раковинъ и песку, открыли, на 18 метрахъ глубины, круглую линію камней, составлявшихъ очагъ, по срединѣ котораго нашли древесный уголь. Чья рука, кромѣ руки человѣка, могла собрать эти камни и зажечь этотъ огонь? И такъ, человѣкъ существовалъ въ этихъ мѣстахъ еще до длиннаго ряда явленій, описанныхъ Ш. Мартенсомъ, и между тѣмъ эта пора — вторая пора человѣчества.

Первою была эпоха дилювіума, и по всему можно думать, что она гораздо отдаленнѣе отъ второй, чѣмъ эта послѣдняя отъ временъ настоящихъ.

Къ этимъ неотразимымъ доказательствамъ древности человѣка можно присоединить другія, которыя долго были отстраняемы умами предубѣжденными, но значенія которыхъ вы никогда не отвергали. Дѣйствительно, много разъ, то въ Европѣ, то въ Америкѣ, находили въ пещерахъ кости человѣческія, орудія кремневыя, костяныя, или изъ оленьяго рога, вмѣстѣ съ костями животныхъ эпохи наносной формаціи, Жофруа Сентъ-Илеръ сказалъ очень основательно, „что если бы кости всякаго другаго животнаго были найдены въ подобныхъ условіяхъ, то никто не подумалъ бы отрицать ихъ древности. Но, прибавилъ онъ, такъ какъ допускать совмѣстное существованіе человѣка и исчезнув-

шихъ породъ животныхъ нельзя, не столкнувшись съ ученіемъ, столь же вкоренившимся въ наукѣ, какъ и внѣ ея, то всячески напрягали умъ, чтобы найти поводъ къ отверженію, изобрѣтали гипотезы самыя различныя, иногда даже самыя невѣроятныя, чтобы только объяснить, какимъ образомъ человѣческія кости могли позднѣе попасть въ пещеру съ другими костями.» Такъ выражался, болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, знаменитый сочленъ, котораго мы потеряли. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ намъ показывалъ стрѣлу изъ оленьяго рога, найденную нашимъ сочленомъ Альфредомъ Фонтаномъ въ пещерѣ, гдѣ сверхъ того нашли два человѣческіе зуба и останки многихъ погибшихъ животныхъ. На одной изъ сторонъ этой стрѣлы, зубчатой по краямъ, находились маленькіе желобки, назначенные вѣроятно для того, по мнѣнію Ларте, чтобы заключать въ себѣ ядъ. Фактъ этотъ, признанный человѣкомъ, столь благоразумнымъ, какъ Жофруа Сентъ-Илеръ, геологомъ, столь опытнымъ, какъ Ларте, васъ живо поразилъ, и потомъ, когда вамъ говорили о черепахъ человѣческихъ, найденныхъ Шмерлингомъ и Шпрингомъ въ пещерахъ близъ Лютиха, Аймаромъ въ разсѣлинахъ Монъ-Дениса, Лундомъ въ пещерахъ Америки — вы не выразили недовѣрія; но вы, можетъ быть, представили бы болѣе затрудненій, если бы открытіе Бушэ де Перта не приготовило васъ принимать безъ удивленія эти многочисленныя свидѣтельства древности человѣка. Должно сознаться, что предразсудки, распространенные, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, между всѣми сословіями и даже между учеными, были такъ сильны, что только усилившаяся очевидность могла ихъ побѣдить.

Чтобы побѣдить эти предразсудки, недостаточно указать на то, что останки человѣка встрѣчаются очень часто вмѣстѣ съ костями такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ; ибо возражаютъ всегда, что человѣкъ могъ проникнуть въ пещеру много времени спустя послѣ истребленія этихъ животныхъ; что дикіе звѣри, или подземные потоки могли перенести туда его кости; что черезъ разсѣлины, или посредствомъ обваловъ могъ попасть туда его трупъ; и когда была доказана, для извѣстнаго случая, ложность всѣхъ этихъ толкованій, все-таки оставалось бы опровергнуть то неуловимое возраженіе, что какая либо неизвѣстная причина произвела переворотъ въ почвѣ пещеръ. Вопросъ, такъ поставленный, могъ быть разрѣшенъ только изслѣдованіями совершенно другаго рода; нужно было искать слѣдовъ человѣка не въ пещерахъ, свидѣтельство которыхъ было заподозрѣно, ни даже въ разсѣлинахъ, хранящихъ кости, а въ слояхъ наносной формаціи, еще нетронутыхъ, въ слояхъ, которые не подверглись переворотамъ и не могли имъ

подвергнуться, ибо вполнѣ сохранили связь, какъ съ верхними, такъ и съ нижними слоями.

Тогда-то Бушэ де Пертъ началъ въ дилювіумѣ Соммы долгія и трудныя изысканія, исторію которыхъ онъ разсказалъ намъ въ своемъ письмѣ отъ 17 ноября 1859 г. Въ этомъ-то слоѣ, древнемъ и глубокомъ, оставшемся неприкосновеннымъ въ продолженіи огромнаго числа столѣтій, нашелъ онъ, и другіе нашли послѣ него, между костями носорога и мамонта, кремневое оружіе, съ помощью котораго человѣкъ боролся съ чудовищами другой эпохи.

На этотъ разъ, доказательство было полно; но чтобъ сдѣлать его болѣе очевиднымъ, болѣе поразительнымъ, оградить отъ послѣдняго возраженія скептиковъ, недоставало одного: нужно было въ дилювіумѣ найти не только остатки производительности человѣка, но и остатки его тѣла. Никто изъ васъ не сомнѣвался, что наконецъ наука пріобрѣтетъ это послѣднее доказательство; но шли годы, и ваше ожиданіе не осуществлялось. Кто же тотъ счастливый изыскатель, кому судьба доставила случай связать свое имя съ открытіемъ ископаемаго человѣка? Судьба иногда, мм. гг., бываетъ справедлива: счастье это предоставлено было тому, кто двадцать пять лѣтъ своей жизни посвятилъ на доказательство одной изъ величайшихъ научныхъ истинъ; тому, кто долго одинокій, осмѣиваемый или, что еще хуже, презираемый, боролся противъ общаго предубѣжденія, кто силой мужества и постоянства едва склонилъ на свою сторону нѣсколько запоздалыхъ голосовъ, пока, наконецъ, весьма недавно, эта непризнаваемая истина не явилась вдругъ въ наукѣ во всемъ своемъ блескѣ.

Бушэ де Перту досталась слава завершить то зданіе, которому онъ самъ положилъ первый камень. Какъ велика была радость почтеннаго старика, когда его призвали вынуть изъ дилювіальнаго слоя знаменитую человѣческую челюсть, которую нашъ ученый президентъ представилъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ! Полное и ясное изложеніе Катрфажа, исторія сомнѣній, возникшихъ въ Лондонѣ, и приведшихъ къ составленію международной коммиссіи, наконецъ результатъ трудовъ этой коммисіи — все это дало вамъ полное убѣжденіе въ достовѣрности ископаемой челюсти, и вы съ гордостью вспомнили, что уже три года какъ Бушэ де Пертъ принадлежитъ къ числу шести почетныхъ членовъ нашего общества.

Когда, четыре года тому назадъ, нѣкоторые изъ насъ, мм. гг., вздумали основать антропологическое общество, со всѣхъ сторонъ поднялись сомнѣнія въ возможности успѣха; намъ грозили равнодушіемъ публики. Мы однако не потеряли мужества, и были правы. Тогда насъ

было девятнадцать, теперь двѣсти. Будемъ же продолжать энергически итти нашимъ путемъ.

Что касается до меня, мм. гг., то я долженъ извиниться, что такъ долго утомлялъ ваше вниманіе; но я не хочу сойти съ этой каѳедры, не поблагодаривъ васъ за честь, которую вы мнѣ оказали избраніемъ меня вашимъ секретаремъ; вы могли найти другаго болѣе достойнаго, но не болѣе преданнаго.

ЕДИНСТВО ЖИЗНИ.

РѢЧЬ, ЧИТАННАЯ ВЪ ВЫСШЕЙ ТУРИНСКОЙ ШКОЛѢ 23 НОЯБРЯ 1863 Г.

Милостивые Государи!

Вамъ извѣстно, что послѣдователи Гегеля особенно любятъ разлагать все на трилогіи. И хотя они чрезвычайно злоупотребляли тройственнымъ дѣленіемъ, возводя свое любимое число на степень святыни логики, нельзя, однако, не сознаться, что иногда глубокій смыслъ проглядываетъ въ примѣненіи ихъ путеводнаго правила; оно становится въ ихъ рукахъ какъ бы орудіемъ разума.

На кого не производитъ глубокаго впечатлѣнія попытка примѣнить этотъ принципъ ко всемірной исторіи? По Гегелю, въ ней различаютъ три великіе періода: первый, когда простодушное человѣчество еще не замѣчаетъ разлада между духомъ и природою, потому что оно убаюкано ея прелестями, и стремится разгадать ея тайны скорѣе чувствомъ, чѣмъ мыслью; второй, когда развивается антагонизмъ между разумнѣйшимъ обитателемъ земли и его земными оковами, которыя онъ хотѣлъ бы сбросить, стремясь къ сверхчувственному блаженству; наконецъ, въ третьемъ, человѣкъ, понявъ границы своей природы, созналъ свою власть, примирился съ внѣшнимъ міромъ, зная, что онъ не только обитатель, но и органъ земли, не микрокосмъ (малый міръ) въ противоположность къ макрокосму (великому міру, вселенной), отъ котораго онъ хотѣлъ было отрѣшиться въ порывѣ къ идеальной независимости, а существенная часть самого макрокосма, законы котораго онъ стремится распознать, такъ какъ имъ же повинуется и все человѣчество.

Если бы я долженъ былъ выразить однимъ словомъ отличительный характеръ каждаго изъ трехъ періодовъ, то я назвалъ бы первый періодомъ поэзіи, второй — періодомъ монашества (аскетизма), а третій — періодомъ разума. Рѣшаясь выбрать эти названія, я не боюсь, что вы заподозрите въ моей смѣлости нѣчто другое, кромѣ всеобщаго обычая заимствовать названія предметовъ отъ ихъ наиболѣе выдаю-

щихся признаковъ. Поэзія не переставала сопутствовать намъ во всѣ вѣка, а разумъ, возвысившійся въ новѣйшее время до представленія единства человѣка и природы, служилъ, однако, безъ сомнѣнія, украшеніемъ, и непосредственныхъ представленій іонійской философіи, и изумительной силы консерватизма, проявившейся въ монастырской учености. Хотя уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ быть послушнымъ ученикомъ Гегеля, я хочу, однако, попробовать сегодня примѣнить его тройственное начало къ разъясненію развитія науки, изслѣдующей жизнь. Но, предпринимая это, я долженъ замѣтить, что въ этой научной области отдѣльные періоды гораздо менѣе рѣзко очерчены, ихъ границы гораздо менѣе замкнуты, чѣмъ въ великихъ періодахъ всеобщей исторіи, и притомъ періоды этихъ наукъ не совпадаютъ другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе, развитіе нашей небольшой области знанія идетъ по тому же направленію, и повинуется тѣмъ же законамъ, какъ и развитіе науки, обнимающей общую судьбу человѣчества. Потому-то я и думаю, что сжатый очеркъ тройственнаго характера, управлявшаго и управляющаго усиліями людей, изслѣдующихъ жизнь, долженъ способствовать указанію и освѣщенію цѣли, къ которой должно стремиться ученіе о жизни.

Когда человѣческій духъ еще не развитъ научно, въ немъ нѣтъ побужденія болѣе сильнаго, чѣмъ стремленіе олицетворять неизвѣстную ему причину ряда явленій. Нѣтъ также области, въ которой сокровенныя причины были бы такъ многочисленны и возбудительны, какъ тотъ роскошный міръ, въ которомъ развивается пестрое разнообразіе формъ и плодотворная игра отправленій въ живыхъ существахъ. Почти можно сказать, что въ самомъ словѣ „таинственность" есть сокровенный смыслъ, внушенный намъ органическою жизнью. И такъ, естественно, что въ области жизни первоначальная наклонность человѣческаго духа болѣе чѣмъ удовлетворила потребности, внушенной духу органическимъ міромъ.

Всякій организмъ удерживаетъ свойственную ему форму и первобытный характеръ своихъ жизненныхъ отправленій, хотя онъ постоянно измѣняетъ матеріалъ, изъ котораго сложились его мельчайшія составныя части. Но сила самоподдержанія, удерживающая органическую форму, или цѣлый рядъ формъ, въ постоянно измѣняющейся средѣ, впродолженіе многихъ вѣковъ, ограниченныхъ двумя геологическими переворотами, должна быть различна для многочисленныхъ видовъ растеній и животныхъ, которыхъ питаетъ земля и окружающая ее атмосфера. Потому-то недостаточно было представленія о Флорѣ, чтобы украсить цвѣтами луга и услаждать человѣка благоуханіями,—нужно было создать Дафну, чтобы вѣнчать лавромъ прославленное чело; Гіацинтъ и Нарцисъ должны были

превратиться въ цвѣты, чтобы приготовить для Юпитера и Юноны благоухающее брачное ложе на вершинѣ Гаргаруса. Помона не довольствовалась изобиліемъ плодовъ, которые она производила своею божественною властью,—нужно было, чтобы пролилась благородная кровь Пирама и Тисбеи, пылавшихъ любовью, чтобы окрасить тутовую ягоду. Паукъ обязанъ своимъ искусствомъ гордости Арахны. Жестокость Терея отразилась въ мрачныхъ краскахъ удода, и въ то время какъ Филомела, преобразившись въ соловья, возвратила себѣ свой сладкозвучный голосъ, отнятый у нея Тереемъ, постоянство ея несчастной сестры праздновало свое возрожденіе въ неутомимомъ полетѣ ласточки, которая и до сихъ поръ, питаясь насѣкомыми на лету, какъ бы убѣгаетъ отъ преслѣдователя. Точно также и для созданія змѣи требовалось не менѣе, какъ волосы окаменѣвшей Медузы, той возлюбленной Нептуна, кровь которой считалась достаточно благородною, чтобъ произвести Пегаса.

За этими первобытными миѳическими представленіями идеальныхъ причинъ, отъ которыхъ должна была зависѣть жизнь различныхъ организмовъ, слѣдовало воззрѣніе, которое, не будучи трезвѣе, было, безъ сомнѣнія, отвлеченнѣе. Еще цвѣло воображеніе грековъ, еще ручьи, потоки, цвѣты, деревья одушевлялись божественной силой, когда для многихъ мыслителей живые и вещественные образы силъ поблекли предъ стихіями Эмпедокла, или предъ пневмой Гиппократа и Галена. На пневму была возложена задача распространять въ организмахъ прирожденную имъ теплоту, придуманную Гераклитомъ; если она не исполняла своей обязанности, то охлажденіе природной теплоты становилось причиною болѣзни *а*). Такимъ образомъ, для объясненія животной теплоты, на мѣсто процесса, вставлено отвлеченное понятіе, на мѣсто движенія — духъ; можно ли послѣ этого удивляться тому, что впослѣдствіи перемѣнили роли, и врожденную теплоту, вмѣсто пневмы, возвели въ начало, производящее жизнь и владычествующее надъ нею *б*).

Возрожденіе собственныхъ наблюденій, характеризующее періодъ реформаціи, когда въ одной Италіи было положено основаніе всей человѣческой анатоміи, было не властно сдѣлать вещественнымъ поблекшее представленіе о жизнетворящей пневмѣ; вѣдь считали же, до открытія кровообращенія, лѣвое сердце мѣстомъ пребыванія жизненныхъ

а) Ср. *Gaetano Strambio*: „Dissertazioni sulla pellagra“ (Mil. 1810) стр. 159 Аретей думалъ, что элефантіазисъ есть слѣдствіе уменьшенія врожденной теплоты.

б) Іоаннъ Аргентаріусъ (1513—1572) преобразовалъ безчисленныхъ духовъ школы галенистовъ во врожденную теплоту. См. *Wunderlich*: «Gesch. der Medicin» (1859), стр. 65.

духовъ *a*). Здѣсь мы имѣемъ первый примѣръ несовпаденія границъ между періодами всемірной исторіи и періодами развитія физіологіи. Для нея первый періодъ не прекращается съ паденіемъ римской имперіи; онъ длится не только черезъ всѣ средніе вѣка, но его воззрѣніе преобладаетъ еще большею частью въ первые два вѣка, такъ называемаго, новѣйшаго времени.

Парацельсъ, современникъ Везаля, спиритуалистически понималъ, жизнь. Въ своемъ Гиліастрѣ, онъ призналъ начало, раждающее матерію, подчиненную въ живыхъ существахъ архею, который заботится о сохраненіи формы, выдѣляя вещества негодныя.

Однако, этотъ архей достигъ своего высшаго значенія только при помощи очень щедрой фантазіи Фанъ-Гельмонта, который воцарилъ его въ желудкѣ, и назначилъ ему министрами множество низшихъ духовъ, которые должны были пробѣгать по тѣлу во всѣхъ направленіяхъ, чтобы строить и очищать матерію; онъ придалъ архею право войны и мира. Архей въ высшей степени впечатлителенъ, онъ подчиненъ страстямъ и онѣ-то враждуютъ съ органами.

И такъ, болѣзнь, по мнѣнію Фанъ-Гельмонта, была нарушеніемъ спокойствія архея: его испугъ производилъ въ тѣлѣ лихорадочный ознобъ, его досада на лѣность почекъ производила водянку, его разсѣянность приводила въ разстройство матеріалы броженія, а съ ними и разсудокъ. Фанъ-Гельмонтъ смотритъ на болѣзнь, какъ на особое состояніе архея, который объявлялъ войну органамъ. Для болѣе живаго воображенія Парацельса болѣзнь была еще чѣмъ-то другимъ. Она была въ состояніи оскорбить духа жизни, архея, а тотъ защищалъ тѣло при помощи органовъ, оставшихся здоровыми. Такимъ образомъ, архей былъ не только строителемъ и стражемъ тѣла, но олицетворялъ въ себѣ и врачебную силу природы. Справедливость требуетъ прибавить, что для Парацельса болѣзнь была возможна столько же для макрокосма, сколько и для микрокосма, такъ что, по его представленію, она становилась посредствующимъ звеномъ между внѣшнимъ міромъ и человѣкомъ. Мы должны остеречься, однако, выставлять въ смѣшномъ свѣтѣ этотъ языкъ образовъ, сколько бы фантастическимъ и высокопарнымъ онъ намъ ни казался.

Если бы насъ не удерживало ничто другое, то достаточно было бы того факта, что подобныя, иногда еще болѣе рѣзко очерченныя, представленія, были высказываемы людьми, которыхъ заслуга несомнѣнна, такъ какъ они, живя при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, оставили слѣды своей духовной творческой силы.

На самомъ дѣлѣ, существуетъ ли глубокое и существенное разли-

---

a) Беренгаръ да-Карпи помѣстилъ духа жизни въ лѣвое сердце. Тамъ же, стр. 67.

чіе между археемъ Парацельса и душою Сталя, этой душою, безъ которой не можетъ существовать лихорадка?

Вслѣдствіе своихъ предвзятыхъ мнѣній, Сталь отрицалъ лихорадку у животныхъ, именно потому, что отрицалъ у нихъ душу. По Сталю, душа производитъ лихорадку, чтобы выдѣлить болѣзненное вещество и, такимъ образомъ, обнаружить симптомы острой болѣзни. Если же, напротивъ того, душа дѣлалась апатична въ своемъ стремленіи побѣдить вредныя вліянія, если ей недоставало необходимой энергіи,— тогда развивались продолжительныя болѣзни, которыя, и по мнѣнію Генриха Гейне, служатъ признакомъ слабаго ума и вялаго ощущенія *а*).

Это представленіе о душѣ, борящейся съ болѣзнями, отодвинулось впослѣдствіи на задній планъ, чтобъ дать мѣсто другому, отвлеченному понятію, именно—понятію о цѣлебной силѣ природы, уважаемой и почти обоготворяемой Сиденгамомъ и тысячами мудрыхъ врачей. И это было, по крайней мѣрѣ, спасительнымъ поклоненіемъ, которое внушено уваженіемъ къ природѣ, олицетворенной въ образѣ силы, направленной не столько противъ болѣзни, сколько противъ дерзости буйныхъ докторовъ, представлявшихъ себѣ болѣзнь въ видѣ чудовища, которое надо уничтожить.

Эти чудовища представлялись въ видѣ существъ, произведенныхъ организмомъ подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ, и такъ какъ ихъ вліяніе находилось всегда въ правильной связи и послѣдовательности, то это подало Сиденгаму поводъ соединить ихъ въ онтологической картинѣ специфическихъ болѣзней. Но школа Шенлейна, имѣющая, по другимъ причинамъ, столь справедливое право на уваженіе, мимолетно воскресила, въ нашъ положительный вѣкъ, направленіе Парацельса; она дала болѣзнямъ обособляющія черты чужеядныхъ существъ, расположенныхъ въ искусственной системѣ, подобной той половой системѣ, которую Линней съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ къ царству растеній. Однако, мы еще далеки отъ обзора тѣхъ временъ, когда въ аналитическомъ методѣ дѣленія видовъ снова увлеклись поэзіей олицетворенія, какъ бы желая воротиться къ юношескимъ воспоминаніямъ. Изъ этого стремленія принять, для объясненія связныхъ рядовъ жизненныхъ явленій, одну личную причину, т. е. причину, способную имѣть страсти и волю, проистекли, какъ изъ общаго источника: универсальное лекарство, жизненный эле-

---

а) „Reisebilder“ 5 изд. (Hamb. 1856) стр. 67: „Тирольцы красивы, веселы, честны, прекрасные люди и неизмѣримо ограниченнаго ума. Это здоровое племя, можетъ быть, слишкомъ глупо, чтобы болѣть.“ Таково начало 11 главы, которое могъ бы написать и Сталь.

ксиръ и алкаэсть, или та загадочная жидкость, которая должна была растворять всѣ вещества.

Въ обыденной жизни, такія вещи не прививаются, хотя бы онѣ и возникли въ разгоряченномъ мозгу. Никто не вѣритъ въ алкаэстъ, съ тѣхъ поръ какъ знаютъ, что платина и золото растворяются въ царской водкѣ, и универсальныя лекарства не возбуждаютъ болѣе довѣрія, съ тѣхъ поръ какъ открыта способность хинной коры уничтожать лихорадку. Но иначе бываетъ съ теоретическими объясненіями. Жизненные духи Виллиса, нервный эѳиръ Робинзона, энормонъ, раздѣлявшій, по мнѣнію Боэргава, духъ отъ матеріи, встрѣчаются снова въ то время, когда уже были извѣстны кислородъ и гальванизмъ.

Мы ихъ находимъ, подъ именемъ природы, у Бордэ, жизненнаго принципа — у Бартеца, образовательнаго стремленія—у Блюменбаха, и даже подъ именемъ зоогена, въ которомъ Шенлейнъ видѣлъ основаніе животной жизни. Но здѣсь не мѣсто доказывать, до которыхъ поръ продолжается вліяніе періода, который я назвалъ бы виталистическимъ, телеологическимъ и поэтическимъ періодомъ нашей науки. Собственно это названіе характеристично лишь для длиннаго періода отъ Гиппократа до Галилея (430 до Р. Х.—1600 по Р. Х.). Только здѣсь мы встрѣчаемъ простодушную непосредственность, ничего неподозрѣвающую о господствѣ механическихъ, физическихъ и химическихъ законовъ надъ жизненными явленіями, потому что подобныхъ законовъ извѣстно было крайне мало, и притомъ тѣ немногіе, которые были извѣстны, не распространялись на область медицины. Еще не существовало противоположности между поэтическимъ, телеологическимъ, виталистическимъ представленіемъ о вещахъ и ихъ дѣйствительнымъ, естественнымъ изложеніемъ въ связи причинъ и слѣдствій, такъ какъ физика еще не проникла въ таинственный круговоротъ жизни. Единству послѣдней ничего не грозило, такъ какъ никто не могъ и подумать о раздробленіи ея Еще ни одно жизненное явленіе не было распознано въ своемъ происхожденіи, прогрессивномъ и регрессивномъ развитіи, но зато органическое и индивидуальное единство жизни не было раздроблено; выразительный глазъ еще не сравнивали съ камерой-обскурой; сердце не было унижено до степени всасывающаго и толкательнаго насоса, и нельзя было еще и подумать о томъ, чтобы сравнить нервы съ простыми проводниками, постоянно возобновляющимися при помощи той химической лабораторіи, гдѣ пепсинъ и немного соляной кислоты замѣнили архея. Но здѣсь позвольте мнѣ остановиться, потому что я, какъ благодарный послѣдователь новаго міросозерцанія, не былъ бы въ состояніи своими собственными словами передать поэзіи, окружавшей то невозвратное для насъ время. Позвольте мнѣ лучше выразить

эту поэтическую прелесть словами поэта, на источникъ которыхъ мнѣ нечего указывать:

„Сынъ мой, когда твой умъ вникнетъ въ мои слова, тогда свѣтъ озаритъ твой вопросъ. Совершеннѣйшая кровь, которая никогда не насыщаетъ жадныя жилы, но сохраняется, какъ остатокъ отъ пира, получаетъ въ сердцѣ стремленіе образовать члены человѣческаго тѣла, подобно той крови, которая струится по жиламъ и строитъ эти члены. Такимъ образомъ переработанная, она спускается къ мѣсту, названіе котораго охотно умалчивается и тамъ, въ естественномъ пріемникѣ орошаетъ кровь другаго. Тамъ совокупляются обѣ струи согласно со своимъ происхожденіемъ: одна, созданная для терпѣнія, другая—для дѣятельности. Когда послѣдняя притекаетъ, она начинаетъ дѣйствовать, заставляетъ сначала твердѣть, а затѣмъ оживляетъ то, что получило образъ отъ ея матеріала. Одушевленная дѣятельной силой, она дѣйствуетъ такъ, что новое существо уже движется и чувствуетъ, подобно морскому полипу; наконецъ она начинаетъ развивать тѣ силы, зародыши которыхъ ей присущи. И вотъ, мой сынъ, развивается и развертывается сила, проистекающая изъ сердца-производителя, гдѣ природа наблюдаетъ за всѣми тѣми органами.

„Но какъ животное преобразуется въ человѣка, этого ты еще не понимаешь; это вводило въ заблужденіе людей мудрѣйшихъ тебя, такъ что они, въ своемъ ученіи, отдѣляли душу отъ разума, не находя для него органа. Приготовь себя для принятія слѣдующей истины, и знай, что едва въ зародышѣ кончилось образованіе мозга, источникъ всякаго движенія обращается къ нему съ удовольствіемъ, и вдыхаетъ въ высокое произведеніе природы силу новаго духа, который притягиваетъ къ себѣ все дѣятельное и преобразуется въ одну нераздѣльную душу живую, чувствующую и сознательную. Чтобы ты менѣе удивлялся моимъ словамъ, посмотри какъ теплота солнца, соединяясь съ сокомъ, истекающимъ изъ винограда, преобразуется въ вино. Когда же Лахезисъ *а)* истощила весь ленъ, то душа отдѣляется отъ тѣла и увлекаетъ за собою человѣческую и божественную силу *б)*".

Ограничивъ поэтическій періодъ ученія о жизни тѣмъ временемъ когда Галилей, вмѣстѣ съ методомъ физики, открылъ ея основные законы, я подвергся опасности прочесть въ вашихъ глазахъ упрекъ въ

а) **Парка.** *Ред.*

б) **Трудно перевести стихи Данте (Purgatorio, canto XXV, 34—81), такъ характеристично представляющіе физіологическій взглядъ среднихъ вѣковъ Поэтъ просвѣтляетъ и освящаетъ естественные процессы, что достигается таинственною темнотою отрывочной, но тѣмъ не менѣе величественной рѣчи.**

анахронизмѣ. Конечно, мм. гг., Георгъ Сталь,—родившійся по смерти Галилея, и уже состарѣвшійся, когда молодой Галлеръ выступилъ на свое дѣятельное поприще, былъ ревностнѣйшимъ защитникомъ вполнѣ спиритуалистскаго ученія о жизни; онъ возставалъ противъ примѣненія къ медицинѣ тѣхъ самыхъ химическихъ воззрѣній, въ исторіи которыхъ имя его получило извѣстность. Но не слѣдуетъ забывать, что споръ о принципахъ и рвеніе къ защитѣ ихъ возникаютъ только съ наступленіемъ новаго періода для человѣческихъ воззрѣній. Вы не были бы естествоиспытателями, если бы не вполнѣ уяснили себѣ, что ничто—ни органъ, ни мысль—не могутъ выдѣлиться изъ хаоса внезапно, безъ всякой подготовки. И такъ, не анахронизмъ принять, что дерево, стволъ котораго принадлежитъ только-что охарактеризованнымъ вѣкамъ, пускаетъ вѣтви и въ область, къ которой я намѣренъ теперь приступить, точно такъ же, какъ не будетъ ошибкой противъ исторіи принять, что молодые ростки человѣческаго труда коренятся въ цвѣтущемъ саду поэтическаго періода.

Должно согласиться, что до Гарвея, а слѣдовательно и до Галилея, ни одинъ процессъ органической жизни не былъ описанъ въ его вещественныхъ признакахъ, въ его происхожденіи, развитіи и увяданіи, въ его причинахъ и слѣдствіяхъ; въ этомъ еще разъ выражался отличительный характеръ виталистическаго періода, который я старался изобразить въ его главнѣйшихъ чертахъ.

На порогѣ втораго періода мы встрѣчаемъ Галилея. Мы видимъ его въ соборѣ Пизы наблюдающимъ и размышляющимъ. Онъ-то вкусилъ запрещенный плодъ знанія и изгналъ человѣчество изъ рая мирной поэзіи, создавшей для каждаго существа по божеству, по герою, или по нимфѣ; для каждой болѣзни по чужеядной особи, а для борьбы съ болѣзнью — душу, одаренную болѣе или менѣе тонкимъ чувствомъ.

Онъ изгналъ человѣчество изъ земнаго рая, чтобы оно въ потѣ лица воздѣлывало грубую почву со всѣми усиліями, которыя влечетъ за собой неутомимый трудный опытъ. Это-то постоянное и безграничное самопожертвованіе неутомимаго труда и придаетъ второму періоду аскетическій характеръ, который въ общихъ чертахъ уподобляетъ его второму великому отдѣлу всемірной исторіи. Я не хочу этимъ отнять у предъидущаго періода заслугу многихъ и важныхъ трудовъ; нѣтъ человѣка, который бы, изъ уваженія къ самому себѣ, не уважалъ Гиппократа и Аристотеля, отца клиническихъ наблюденій и отца естественной исторіи; но опытъ, способный заставить природу высказаться въ явленіяхъ, изъ которыхъ вытекаютъ законы, управляющіе процессомъ на всѣхъ ступеняхъ его развитія, — подобный опытъ былъ въ первый разъ произведенъ Галилеемъ. Поэтому-то Галилей, учившій столько

же примѣромъ, какъ и установленіемъ методическихъ правилъ,—еще съ бóльшимъ правомъ чѣмъ Бэконъ можетъ быть названъ отцомъ точныхъ наукъ.

Мм. гг., если вы хотите убѣдиться въ томъ, что я не преувеличиваю, ставя аскетическій періодъ выше поэтическаго, то послѣдуйте за мной до половины XVII-го столѣтія. Спросимъ знаменитаго, осторожнаго, спокойнаго Сиденгама,—котораго и въ новѣйшихъ исторіяхъ медицины называютъ англійскимъ Гиппократомъ, — о книгахъ, способныхъ подготовить умъ къ изученію практической медицины. Послушайте-ка его отвѣтъ! „Читайте Донъ-Кихота!“— вотъ единственный отвѣтъ, данный этимъ свѣтлымъ, здравымъ умомъ, а между тѣмъ Сиденгамъ уважалъ Гиппократа не менѣе любаго изъ древнихъ или новыхъ изслѣдователей медицины. Теперь, спрашиваю васъ, не были ли положительныя медицинскія свѣдѣнія крайне скудны, если возможенъ былъ подобный отвѣтъ?

Конечно, мм. гг., и Парацельсъ, стремленія котораго можно принять за одинъ изъ корней, которыми опытные труды втораго періода, проникаютъ въ первый, еще яснѣе выкажетъ намъ это. Въ его системѣ четыре стихіи древнихъ потеряли свою общность и приняли значеніе если не химическое, то алхимическое. По его мнѣнію, всѣ тѣла состоятъ изъ соли, сѣры и ртути, а здоровье зависитъ отъ согласія между этими символами растворимаго, горючаго и летучаго. Подобный анализъ намъ кажется, конечно, мечтою, еще болѣе опасною, чѣмъ прежнія, потому что здѣсь, подъ названіями дѣйствительныхъ вещей, скрыты воображаемыя силы, и—подъ видомъ положительнаго предмета— пустая мечта, не имѣющая вовсе значенія; но тѣмъ не менѣе мы видимъ попытку обратиться къ веществу, какъ оно представляется.

Гораздо удачнѣе было предпріятіе Санторо, который пытался, въ началѣ этого періода, опредѣлить, съ помощью вѣсовъ, расходъ и приходъ человѣческаго тѣла. Онъ, взвѣшивая пищу и питье, нашелъ, что вѣсъ взрослаго человѣка не измѣняется со дня на день, а между тѣмъ моча и калъ вмѣстѣ вѣсятъ менѣе половины всего того, что принимается въ пищу впродолженіи 24 часовъ. Слѣдовательно, необходимо было принять другіе расходы, которыхъ нельзя открыть въ общеизвѣстныхъ осязательныхъ выдѣленіяхъ. Такимъ образомъ, Санторо открылъ неосязаемыя выдѣленія, которымъ онъ, впрочемъ, придавалъ значеніе, гораздо меньше настоящаго, потому что не могъ знать, что взрослый мужчина вдыхаетъ впродолженіи 24 часовъ слишкомъ 800 граммовъ кислорода. Тѣмъ не менѣе фактъ, открытый Санторо, имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ всѣ теоретическія воззрѣнія Парацельса.

Однако, именно потому, что химіи приходилось еще ждать своего Галилея, явившагося впослѣдствіи въ лицѣ Лавуазье, механика обѣщала физіологіи болѣе богатую жатву, чѣмъ какую могъ доставить анализъ составныхъ частей нашихъ органовъ.

Люди, занимающіеся естественными науками и естественной исторіей *а*), судя о медицинѣ по наукамъ, болѣе выработаннымъ, часто упрекали ее въ томъ, что она подвигалась медленнѣе точныхъ наукъ, которыя обязаны предмету своего изслѣдованія тѣмъ, что имъ удавалось указывать путь и направленіе трудамъ врача. Я не отвергаю, что нѣкоторые врачи, а иногда и отдѣльныя школы заслуживали этотъ упрекъ, но исторія медицины по справедливости отвергаетъ его. Развѣ Борелли и Гарвей не были современниками Галилея?

Правда, Гарвей не упоминаетъ имени Галилея въ своемъ „Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguines in animalibus“ (Анатомическое упражненіе о движеніи сердца и крови въ животныхъ), которое, по значенію и достоинству, останется первымъ образцемъ физіологической монографіи, и которое слѣдуетъ прочесть каждому, изучающему физіологію. Но Гарвей былъ въ началѣ XVII столѣтія въ падуанской академіи *б*), которая въ то время упрочила за собой первенство знаменитыми лекціями Аквапеденты и въ особенности Галилея,—первенство, достигнутое ею столь достойнымъ образомъ при Везалѣ, Коломбо и Фалопіо *в*). Изъ Италіи Гарвей привезъ въ Англію плодотворные зародыши, готовые роскошно взойти подъ вліяніемъ генія. — Матеріалъ для великаго зданія былъ собранъ. Тотъ, кто готовился, путемъ наблюденій, объясненій и вычисленій, разложить какой либо процессъ или какое либо естественное движеніе, долженъ былъ вдохнуть сокровенную жизнь во всѣ матеріалы, собранные трудолюбивыми изысканіями предъидущихъ вѣковъ. Такова заслуга Галилея, распространяющаяся и на ученіе о кровообращеніи. Но безсмертная заслуга Гарвея въ томъ, что онъ обнаружилъ сокровенную жизнь. Жизненные духи, которыхъ еще Беренгаръ да-Карпи помѣщалъ въ лѣвомъ желудочкѣ

а) Авторъ говоритъ здѣсь «Naturlehre und Naturgeschichte», противополагая науку явленій и законовъ природы описательной части — наукѣ тѣлъ природы. Въ русскомъ языкѣ это противоположеніе выражается большею частію словами *физическія* и *естественныя* науки, или противоположеніемъ цѣлыхъ фразъ. Термины *Феноменелогія* и *Космологія*, можетъ быть, были бы всего приличнѣе, но они не вошли въ употребленіе. *Ред.*

б) Ср. интересную рѣчь *Ф. Кортезе*: «Della influenza della scuola anatomica Padovana nei progressi dell anatomia in Europa» (Padova, 1840), стр. 7 и 21. По Цехинелли, Гарвей находился въ Падуѣ съ 1600 по 1602 годъ.

в) См. ученое сочиненіе *Сальватора да Ренци*: «Historia della medicina in Italia (Napoli, 1846).

сердца, переродились въ кровь и воздухъ; дѣятельность сердца оказалась механическою; клапаны — регуляторами направленія кровяной струи; правый желудочекъ обратился въ легочное сердце; начало проясняться важное соотношеніе между дыханіемъ и дѣятельностью сердечнаго насоса. Заприте артерію — и кровь не достигнетъ поверхности тѣла; преградите вены, не трогая артерій— и кровь не возвратится въ сердце; поэтому, въ первомъ случаѣ, артеріи разбухаютъ выше перевязки, во второмъ — вены ниже ея. И все это выведено Гарвеемъ изъ опытовъ и наблюденій, которыя, невѣроятнымъ для того времени образомъ, обнимаютъ ряды животныхъ и различные періоды исторіи развитія. Онъ видоизмѣняетъ методъ изслѣдованія, доискивается выводовъ, которые могутъ вытекать изъ наблюденія, и не признаетъ послѣднихъ, не подтвердивъ своихъ соображеній первыми; онъ защищаетъ каждое научное пріобрѣтеніе противъ нападковъ старыхъ ученій. Фактами разбиваетъ онъ преграды гипотезы. И вотъ открывается, что кровь пробѣгаетъ не только легочный кругъ, но и большой кругъ по тѣлу. Она обращается и обращается. Гарвей доказываетъ вычисленіями, еще слишкомъ осторожными, что количество крови, пробѣгающей черезъ сердце впродолженіе часа, многимъ превышаетъ количество пищи и питья, вводимыхъ въ тѣло впродолженіе 24 часовъ. И такъ, масса крови должна обращаться и въ теченіе часа протекать нѣсколько разъ черезъ сердце. Остается только замкнуть этотъ кругъ дугою, соединяющею тончайшія артеріи съ тончайшими венами. Это соединеніе открылъ Мальпиги. Начало и конецъ открытія—итальянскаго происхожденія.

Тогда является Борелли. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „De motu animalium" (О движеніи животныхъ), онъ указываетъ на истинную зависимость между мышцами—какъ силами, и костями—какъ рычагами; онъ изучаетъ физическія свойства крови, ея свертываніе и выдѣленіе сукровицы; онъ выводитъ одинъ изъ важнѣйшихъ тезисовъ физіологическихъ знаній, по которому легкія и воздухъ играютъ при дыханіи пассивную роль, между тѣмъ какъ дѣятелями при этомъ являются грудобрюшная преграда и междуреберныя мышцы. Онъ утверждаетъ, что при спокойномъ выдыханіи не происходитъ никакого мышечнаго дѣйствія; что при этомъ ослабляется только грудобрюшная преграда, и тогда достаточно упругости легкихъ и реберъ для уменьшенія полости грудной клѣтки; онъ понимаетъ, что при дыханіи воздухъ смѣшивается съ кровью, и что это смѣшеніе поддерживаетъ жизнь животныхъ. *а*)

а. См. *Salvatore de Renzi*, IV, 262.

И такъ, вы видите, что физика, математика и механика съ опытами, подвергаемыми измѣренію, способствовали уясненію механизма сердца и грудобрюшной преграды, именно тѣхъ внутренностей, которыя, вмѣстѣ съ мозгомъ, наиболѣе служатъ къ поддержанію въ организмѣ жизненныхъ явленій. И такъ, не удивляйтесь, если съ этихъ поръ начинаютъ говорить о ятроматематической и ятромеханической школахъ *a*). Не удивляйтесь, что Шарпу пришло на мысль основать каѳедру ятромеханики, т. е.—какъ бы сказали теперь—медицинской физики, и назначить для нея содержаніе въ знаменитой академіи Монпелье, отличавшейся впослѣдствіи тѣмъ, что въ ней, какъ анахронизмъ, возникло снова ученіе о жизненной силѣ.

Гораздо менѣе счастлива была въ то время химія, ~~не по вліянію на представленія врачей о жизни и болѣзняхъ,—ибо это вліяніе было даже слишкомъ громадно,—но по дѣйствительной и~~ непосредственной пользѣ, принесенной ею наукѣ о жизни. Факты, которыми обладала научная химія, были еще слишкомъ скудны; почти совершенно не было разумныхъ основаній для химическаго анализа и, слѣдовательно, не было основательныхъ теорій для объясненія процессовъ совершающихся, какъ въ неорганическомъ мірѣ, такъ и въ органическомъ. Потому химическія познанія не могли имѣть никакого примѣненія къ объясненію тѣхъ измѣненій въ веществѣ, которыя впослѣдствіи объяснили столь многія важныя явленія органической жизни. Потому-то понятно, что въ вѣкъ Галилея и въ слѣдующій за нимъ, который естествоиспытатели могли бы назвать вѣкомъ Ньютона, Лавуазье и Гальвани, врачи путались въ безосновательныхъ представленіяхъ о дурныхъ сокахъ и броженіяхъ, о кислой и щелочной остротѣ, которыя были придуманы Францемъ Делабое Сильвіусомъ и приняты съ такимъ жаромъ, что даже люди, подобные Сиденгаму и Боэргаву, ежедневно повторяли его выраженія. Можно ли удивляться злоупотребленію, замѣнившему виталистическія бредни химическими мечтами, если вспомнимъ, что ближайшій современникъ Боэргава, тотъ самый Георгъ Сталь, который утверждалъ, что все, написанное имъ, внушено ему непосредственнымъ откровеніемъ, благодатью Божіей, изобрѣлъ знаменитый флогистонъ, присутствіе котораго въ тѣлахъ дѣлало ихъ до сгаранія болѣе легкими, чѣмъ они оказывались послѣ сгаранія. Между тѣмъ, воодушевленіе Сталя, хотя онъ и приписываетъ его божескому вмѣшательству, было не довольно велико, чтобъ обмануть его самого на счетъ значенія его химическихъ знаній, потому что онъ самъ хотѣлъ,

---

a) Т. е. медицинскихъ теоріяхъ, опирающихся на математику и механику.

чтобы ихъ не примѣняли къ жизни и болѣзни человѣка. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно лучше доказать безплодность химическихъ понятій того времени, какъ не указаніемъ на то, что такой тонкій анатомъ, какъ Борелли, могъ допустить, что изъ мозга выдѣляется чистый эфирный сокъ, съ кислыми или щелочными свойствами, который протекаетъ по нервамъ, и встрѣчается въ мускулахъ съ жидкостью противоположныхъ свойствъ, причемъ происходитъ броженіе, которое Борелли считалъ дѣйствительной причиной мышечнаго сокращенія.

Если химія до Лавуазье была далека отъ цѣли, которую ей предстояло достигнуть, то, съ другой стороны, механика, соединившись съ физіологіею, перешла эту цѣль. Чтобы подтвердить мое положеніе лишь однимъ рѣзкимъ примѣромъ, я укажу на то, что Борелли старался объяснить и пищевареніе чисто механическимъ путемъ, и онъ же допускалъ кругообращеніе нервной жидкости, исходившей изъ мозга, какъ центральнаго органа, между тѣмъ какъ нервы указывали пути къ периферіи; подобное же представленіе, съ небольшимъ измѣненіемъ, мы снова встрѣчаемъ позже, у Фридриха Гофмана. Еще замѣчательнѣе, что Борелли имѣлъ уже тогда смѣлость отрицать существованіе сѣмяннаго эфира; на основаніи здравыхъ воззрѣній, еще не подтвержденныхъ фактами, онъ считалъ необходимымъ условіемъ оплодотворенія непосредственное прикосновеніе между яйцемъ и сѣменемъ.

Недостаточность ли доказательности тогдашнихъ химическихъ теорій, неумѣренность ли тогдашнихъ ятромехаников, или сопротивленіе дѣйствительнымъ открытіямъ физики въ области жизни, или также отчасти лѣность, которая прибѣгла къ пассивному противодѣйствію, устрашившись трудной неисчерпаемой работы, долженствовавшей замѣнить вымышленныя простыя, своею податливостью заманчивыя представленія, способныя объяснить все и даже болѣе чѣмъ все, — какова бы ни была причина, но фактъ тотъ, что съ возрастающимъ богатствомъ положительныхъ открытій и основательныхъ объясненій, усиливается оппозиція защитниковъ жизненной силы, придавшая аскетическому и аналитическому періоду нашей науки тотъ двойственный характеръ, вслѣдствіе котораго, рядомъ съ физическими законами, мы встрѣчаемъ въ области организма фантастическія представленія о жизненной силѣ. Кто съ любовью къ истинѣ желаетъ изобразить научную картину семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, тотъ долженъ откровенно высказать, что именно самые ревностные и самые плодотворные труженики науки запутались въ этомъ дуализмѣ: болѣе всѣхъ Сталь—этого не стоитъ и повторять. Но и Бальиви, Боэргавъ, Бордэ противились примѣненію физическихъ законовъ къ уясненію сложныхъ отправленій организма. У Бальиви, который въ тео-

ретическомъ отношеніи былъ истымъ ятромеханикомъ, возникъ, вслѣдствіе этого дуализма, разладъ между теоріей и практикой, разладъ, нерѣдко проявляющійся и въ новѣйшее время. У Боэргава возникъ недостатокъ послѣдовательности въ изложеніи: когда онъ разсуждаетъ о физіологіи или патологіи, то не можетъ отдѣлаться отъ тѣхъ химическихъ и физическихъ представленій, которыя самъ желаетъ изгнать. Волокна у него упруги, или вялы; кровь кисла, или щелочна; худосочіе, по его мнѣнію, важнѣйшая причина болѣзней, и т. д. Рядомъ съ этимъ, онъ говоритъ о врачебной силѣ природы, которая, чтобы защитить организмъ отъ подавляющей его болѣзни, пользуется лихорадкой, какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Но, какъ на зло шаткости понятій и запутанности въ изложеніи, область фактовъ все болѣе и болѣе расширяется. Лавуазье разъясняетъ гореніе и столь важное для жизни видоизмѣненіе его—дыханіе. Сенебье Де-Сосюръ, Ингенгузъ разъясняютъ питаніе растеній, указывая на то, что атмосфера служитъ волнующеюся связью между животными и растеніями. Дюлонъ и Депрэ открываютъ источники животной теплоты; Мулдеръ описываетъ сходство бѣлковыхъ веществъ обоихъ органическихъ царствъ, и выводитъ отсюда общее заключеніе, что растенія приготовляютъ пищу животнымъ. Затѣмъ Либихъ съумѣлъ сдѣлать изъ всѣхъ этихъ фактовъ то славное примѣненіе, которое всѣмъ извѣстно, и при этомъ развитъ свѣтлыя идеи, сила которыхъ была такъ велика, что, въ глазахъ многихъ, онѣ заставили забыть темныя стороны нѣкоторыхъ важныхъ заблужденій. Но тѣмъ не менѣе, мы и у Либиха встрѣчаемъ тотъ дуализмъ, который подчиняетъ физическія и химическія отправленія въ организмѣ жизненной силѣ. Генле, одинъ изъ даровитѣйшихъ анатомовъ, выразилъ это въ столь удачномъ образѣ, что вы мнѣ дозволите повторить его собственныя слова: „Мы не избавлены даже и отъ телеологической *a*) жизненной силы; потому что Либихъ, подобно своимъ предшественникамъ, выдергиваетъ изъ тонкой ткани органической жизни пару нитей, относя ихъ къ химическимъ процессамъ, и бросаетъ намъ потомъ этотъ спутанный комокъ, какъ долю жизненной силы *a*).

При столь сомнительныхъ результатахъ борьбы теоретическихъ соображеній съ настоятельными требованіями жизни, среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу объясненій тѣмъ явленіямъ, которыя всего ближе касаются человѣка, самые благоразумные люди приступили къ изслѣдованію спеціальныхъ свойствъ отдѣльныхъ тканей и органовъ. Открытія въ физикѣ и химіи проложили путь, и потому истиннымъ

a) *Henle*: „Handb. der rationelle pathologie" (Braunschweig, 1864) I, 82.

изслѣдователямъ не нужно было заниматься страстями и побужденіями воли жизненныхъ духовъ, изслѣдованіями надъ обращеніемъ воображаемаго нервнаго эѳира и мнимою врожденною теплотою. Они обратились теперь къ изслѣдованіямъ свойствъ вещества и дѣятельности органовъ, къ изученію той роли, которую эти послѣдніе играютъ въ жизненныхъ явленіяхъ.

Во главѣ этого труда стояли Галлеръ и Бишà. Плодомъ изслѣдованій перваго была мышечная раздражительность, которая, послѣ его смерти, какъ ее ни оспаривали и ни искажали, становится все болѣе и болѣе ясною, и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія. Бишà же возвысился до пониманія, что человѣческое тѣло состоитъ изъ извѣстнаго числа тканей, и, слѣдуя Морганьи и Гунтеру, положилъ начало гистологическому, физіологическому и патологическому анализу органовъ. Путемъ этого анализа переходятъ къ различенію отдѣльныхъ характеристическихъ составныхъ частей органовъ. Отличаясь существенно другъ отъ друга, эти составныя части встрѣчаются во многихъ органахъ, и совокупность ихъ пораждаетъ тѣ спеціальныя свойства, взаимнодѣйствіе которыхъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ внѣшнихъ силъ природы, опредѣляется отправленіемъ органа.

Галлеръ и Бишà, хотя и были дуалистами, занимаютъ первое мѣсто между физіологами втораго періода, потому что они яснѣе другихъ понимали цѣль, къ которой должна стремиться наука. Они угадывали единство организма, и условія, отъ которыхъ оно зависитъ; но анализъ, которому они себя посвятили, съ удивительнымъ самоотверженіемъ, былъ до того многостороненъ, что они не могли дойти до полнаго единства органической дѣятельности. Органы оставались disjecta membra poetae (разбросанные члены произведенія поэта).

Подобно тому, какъ конецъ перваго періода я позволилъ себѣ охарактеризовать прекрасными стихами Данте, такъ теперь переходъ отъ втораго періода къ третьему я желалъ бы изобразить, въ духѣ самаго этого перехода, неподражаемыми словами Шекспира, который, приводя въ поэтической формѣ разсказъ Ливія и Плутарха, говоритъ такъ устами Мененія Агриппы:

„Однажды всѣ члены тѣла, возмутившись противъ живота, обвиняли его въ томъ, что только онъ одинъ, праздный, подобно пропасти, помѣщается въ срединѣ тѣла, и, постоянно поглощая пищу, никогда не бываетъ дѣятельнымъ, подобно всѣмъ другимъ. Всѣ другіе — смотрятъ, слушаютъ, говорятъ, думаютъ, ходятъ, чувствуютъ и, взаимно другъ другу помогая, служатъ для блага и пользы всего тѣла. Животъ возразилъ на это:

— Вы правы, мои друзья, соединенные единымъ тѣломъ.... Я прежде

всего принимаю всю эту пищу, которая поддерживаетъ ваше существованіе, что́ совершенно справедливо, потому что я составляю запасный магазинъ и мастерскую всего тѣла. Но подумайте: чрезъ вашу кровь я посылаю пищу ко двору цѣлаго — къ сердцу, къ престолу его — къ мозгу, и сильнѣйшій нервъ *а*), тончайшая жила *б*) получаютъ чрезъ каналы и изгибы тѣла пищу, которою живутъ.... Если вы сразу и не видите, что получаетъ каждый изъ васъ въ отдѣльности, то я могу свидѣтельствовать, что изъ всей пищи отдаю всѣмъ нѣжнѣйшую муку, оставляя себѣ только отруби *в*).“

Хотя органы, которые, устами Мененія Агриппы, нападаютъ на желудокъ, и исключаютъ его изъ своего ряда, но уже и тутъ проглядываетъ указаніе на взаимныя услуги, оказываемыя другъ другу различными органами. Это указаніе приводитъ насъ къ изображенію третьяго періода въ развитіи ученія о жизни, который я намѣренъ назвать синтетическимъ или періодомъ единства.

Мы уже видѣли, что во второмъ періодѣ занимались изслѣдованіемъ отдѣльныхъ отправленій различныхъ органовъ, не связывая ихъ между собою. Въ третьемъ періодѣ отыскиваютъ взаимно дѣйствіе отправленій, ту связь, которая превращаетъ совокупность органовъ въ продуктъ организма, и разсматриваетъ разнообразіе отправленій, какъ единую жизнь.

Конечно, еще до сихъ поръ не исчезла тайна, которая возбуждаетъ умы естествоиспытателей, когда они, уступая силѣ извѣстныхъ фактовъ, жертвуютъ представленіемъ о первобытномъ происхожденіи организмовъ, и наблюдаютъ то повтореніе формъ особей, которому мы удивляемся въ каждомъ организмѣ, даже въ растеніяхъ и животныхъ, состоящихъ изъ одной клѣточки, причемъ организмъ представляется намъ какъ рядъ морфологическихъ процессовъ *г*), обусловливающихъ другъ друга, и потому неизбѣжно слѣдующихъ одинъ за другимъ. Эта тайна дѣйствительно еще не исчезла, но покровъ сорванъ уже съ тысячи тайнъ.

Архей превратился въ очень слабый растворъ пепсина и хлористоводородной кислоты, химическія свойства которыхъ производятъ свареніе бѣлка. Сѣменной эѳиръ воплотился въ подвижныя сѣменныя нити, которыя проникаютъ въ яйцо; онѣ происходятъ изъ зерна сѣменныхъ клѣточекъ, и въ своихъ качаніяхъ, ударахъ, скачкахъ, толчкахъ врываются въ со-

---

а) Въ старинномъ смыслѣ мышцы. *Ред.*
б) Въ старинномъ смыслѣ, обнимавшемъ кровеносные сосуды. *Ред.*
в) «Коріоланъ» актъ I, сц. I.
г) Появленій и измѣненій различныхъ формъ. *Ред.*

зрѣвшую клѣточку, изъ которой, въ ряду послѣдовательныхъ развитій происходитъ зародышъ. Эти сѣменныя нити не суть чужеядныя животныя, одаренныя самостоятельною жизнью и отыскивающія путь отъ яйца къ его придатку; напротивъ, на этой дорогѣ онѣ лишены собственнаго движенія и дальнѣйшій ихъ путь зависитъ отъ струи, производимой колебаніемъ мерцательнаго эпителія выводящихъ каналовъ. Вмѣсто жизненныхъ духовъ, Карлъ Бэль познакомилъ насъ съ двигательными нервами, распространяющимися въ мышцахъ, и теперь мы знаемъ, что частичныя измѣненія, произведенныя въ нервахъ, передаваясь мышечнымъ фибрамъ, побуждаютъ ихъ къ сокращенію. Для насъ глазъ, на самомъ дѣлѣ, представляетъ образецъ камеры-обскуры, въ которой, на днѣ, образованномъ сѣтчатою оболочкою, рисуется обратное и уменьшенное изображеніе видимыхъ нами предметовъ. Нервный эѳиръ мало-по-малу переходитъ въ электрическія, свѣтовыя, теплородныя и химическія свойства, и съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе и полнѣе становится въ наукѣ добытое путемъ наблюденія и опыта, представленіе о дѣятельности нервовъ, о ихъ раздражительности и о различныхъ послѣдствіяхъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, вызываются этою раздражительностью. Долгое время объяснялись по названію, посредствомъ переносовъ болѣзней, явленія, удаленныя отъ центра болѣзни, тогда какъ только предполагали существованіе перемѣщающагося болѣзнетворнаго вещества, не уловивъ его; эти переносы получили дѣйствительное и осязательное бытіе, когда было открыто, что сгустки фибрина, унося̀сь потокомъ крови, чисто механически закупориваютъ отдаленные сосуды. Точно такъ же и бальзамъ хирургенъ, предположенный въ тѣлѣ Парацельсомъ для заживленія ранъ, обратился въ соединительную ткань, справедливо называемую рубцовою. Наконецъ собираются въ бѣгство и духи минеральныхъ водъ, благодаря спектральному анализу, такъ какъ они опасаются, что послѣдній объяснитъ цѣлебныя силы водъ помощью незначительныхъ количествъ металловъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ.

Когда разсѣялись тучи, въ которыхъ скрывались личныя существа, съ ихъ простыми и опредѣленными стремленіями, то на свѣтъ выступило наблюденіе, чтобъ изслѣдовать дѣятельность частей тѣла, во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Стали стараться объяснить эту дѣятельность во всѣхъ ступеняхъ ея развитія, въ ея причинѣ и въ ея происхожденіи, наконецъ во всѣхъ ея отношеніяхъ, какъ къ другимъ родамъ дѣятельности, такъ и къ внѣшнему міру. Эта задача заняла мѣсто другой, болѣе поэтической и, если хотите, болѣе остроумной, но, во всякомъ случаѣ, менѣе точной и обширной, именно задачи, указать для каждаго органа его совершенно опредѣленную, рѣзко ограниченную, и только ему принадле-

жащую цѣль. Физіологія поняла, что она не есть наука систематическая, и что ея задача не заключается въ прикрѣпленіи билетиковъ съ надписями къ каждому органу, какъ къ аптекарской склянкѣ; что ея цѣль не классификація, а нѣчто на столько же высшее, на сколько и труднѣйшее. Физіологія должна подмѣтить теченіе жизни, постоянно ускользающее отъ взоровъ изслѣдователя и расходящееся по всѣмъ направленіямъ, потому что оно находитъ себѣ повсюду свободные пути. Но эти пути опять соединяются, сливаются, перекрещиваются, сталкиваются и производятъ вѣчную борьбу волнъ, которая превращаетъ проявленія жизни въ общій потокъ происхожденія и исчезновенія. Ни одна волна не имѣетъ самостоятельнаго значенія, и кормчій, „переходя отъ мысли къ мысли, удаляется отъ цѣли, потому что въ этой гонкѣ мыслей, одна уничтожаетъ другую *a*).“

И такъ, дѣло въ томъ, чтобъ фотографически уловить быстро смѣняющіяся изображенія; необходимо изобразить, одно за другимъ, всѣ состоянія жизни, какъ для сравненія позднѣйшихъ съ болѣе ранними, такъ и для разсматриванія отдѣльныхъ частей каждаго изображенія. Послѣ того замѣчаютъ всюду причины и слѣдствія, дѣйствія и противодѣйствія; тогда каждый кровяной шарикъ могъ бы разсказать намъ поучительную часть общей исторіи всѣхъ органовъ, если бы мы его прослѣдили путемъ терпѣливаго и проницательнаго наблюденія, на всѣхъ ступеняхъ его происхожденія, созрѣванія и исчезанія, во всѣхъ мѣстахъ остановки въ его далекомъ и полномъ приключеній путешествіи.

Оставимъ же въ сторонѣ телеологическія предубѣжденія; окунемся прямо въ потокъ событій, то восходя къ его источнику, то довѣрчиво предоставляя себя быстринѣ теченія: мы вездѣ замѣтимъ зависимость между явленіями, многосторонность дѣйствій, сочетаніе отправленій, и изъ связи причинъ съ слѣдствіями, изъ всесторонняго сцѣпленія отношеній, необходимо связующихъ всѣ части, предъ нами возникнетъ единство.

Omne vivum ex ovo (все живое изъ яйца)! Да, мм. гг., изъ того, что желтокъ содержитъ всѣ химическія составныя части нервной системы,—какъ-то: бѣлковинныя вещества и глицеринныя соединенія, церебринъ, лейцитинъ, холестеринъ, фосфорнокислыя соли, хлористыя соединенія и воду,—получается естественный фактъ, что нервные центры развиваются раньше всѣхъ другихъ частей у позвоночныхъ животныхъ. Прежде всего появляется, въ формѣ трубки, задатокъ продолговатаго мозга, управляющаго кровообращеніемъ и дыхательными движеніями.

---

a) *Dante:* «Purgatorio» C. V 16—18.

Кромѣ того, желтокъ содержитъ составныя части крови; вотъ почему, при развитіи цыпленка, кровяные шарики образуются уже до окончанія втораго дня высиживанія. Эти шарики окрашены краснымъ кровянымъ веществомъ, въ нихъ содержащимся; но если опустить ихъ въ жидкость, не содержащую въ растворѣ опредѣленнаго количества солей, то они теряютъ свой цвѣтъ. Сыворотка крови именно и представляетъ такой составъ, который устраняетъ опасность подобнаго промыванія, могущаго уничтожить нѣчто существенное въ кровяныхъ шарикахъ. Но что за важность кровяные шарики? Разрушеніе ихъ, мм. гг., это ни болѣе, ни менѣе, какъ разрушеніе слишкомъ 60 билліоновъ маленькихъ частицъ, которыя работаютъ всѣ вмѣстѣ для того, чтобы дыханіе могло совершаться, т. е., чтобы кислородъ могъ быть поглощенъ, что, большей частью, можетъ произойти въ крови лишь при посредствѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ, пока они сохраняютъ свой нормальный составъ. Нѣкоторые изъ нихъ теряютъ его потому, что не только весь организмъ медленно, хотя постоянно, приближается къ смерти, но и каждая клѣточка и каждая частичка тѣла: онѣ разлагаются гораздо ранѣе разрушенія цѣлаго организма, уступая свое мѣсто другимъ клѣточкамъ и частичкамъ. Но когда кровяные шарики лишились свойствъ, которыя придаютъ имъ значеніе органовъ поглощенія кислорода, то они разлагаются и доставляютъ желчи ея красящія вещества, кристаллику—его глобулинъ, пигментнымъ клѣточкамъ сосудистой оболочки глаза—ихъ меланинъ. Такимъ образомъ, своею смертью, они способствуютъ образованію жидкости, содѣйствующей превращенію питательнаго вещества въ новую кровь, и, умирая, воздвигаютъ себѣ памятникъ въ существеннѣйшихъ частяхъ камеры-обскуры, которая составляетъ физическую часть органа зрѣнія. Если прекращается притокъ крови въ какой нибудь части кровеносной системы теплокровнаго животнаго, то притупляются свойства нервной системы, обусловливающія движеніе и чувствительность; они совершенно исчезаютъ, если остановка кровообращенія продолжается слишкомъ долго. У человѣка, даже кратковременное сжатіе сонныхъ артерій сначала затемняетъ, а потомъ и совершенно уничтожаетъ сознаніе, до тѣхъ поръ, пока не возобновится притокъ крови, оживленной дыханіемъ. Обратно, если отъ расширенія сосудовъ увеличивается притокъ крови къ какой нибудь части тѣла, напр. хоть къ одной половинѣ головы, за этимъ слѣдуетъ возвышеніе чувствительности всѣхъ соотвѣтственныхъ нервовъ, именно, въ приведенномъ случаѣ, какъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, такъ и развѣтвленій пятой пары.

Подобно тому, какъ отъ крови, именно, отъ нормальныхъ качествъ крови, зависятъ чувствительность, движеніе и сознаніе, такъ точно чув-

ствительность управляетъ движеніями. Если въ какой нибудь части поражены чувствительные нервы, то движеніе затрудняется не потому, чтобы мышцы не могли сокращаться, но потому, что не ощущаются тѣ причины, которыя, при нормальномъ состояніи, вызываютъ движеніе. При перерѣзкѣ челюстныхъ нервовъ, нижняя губа дѣлается отвислой не потому, что она не можетъ двигаться, но лишь потому, что она лишена чувствительности. Такъ, твердость при стояніи на ногахъ, зависящая отъ точности, съ которою мышцы поддерживаютъ надлежащее отношеніе отвѣсной линіи, проходящей чрезъ центръ тяжести тѣла, къ плоскости опоры, зависитъ отъ чувствительности кожи, которая можетъ воспринимать малѣйшія измѣненія давленія, причиняемыя перемѣщеніемъ центра тяжести. При самомъ удобномъ стоячемъ положеніи, одна нога играетъ роль чувствительной подпорки. Точно такъ же, ловкость и вѣрность походки обусловливается содѣйствіемъ зрѣнія и осязанія *a*).

И мышцы, съ своей стороны, немедленно вознаграждаютъ чувствительные нервы за оказанныя имъ услуги. Безъ мышцъ ухо чаще страдало бы отъ слишкомъ сильныхъ или слишкомъ слабыхъ звуковъ: ослабленіемъ барабанной перепонки онѣ предохраняютъ насъ отъ первыхъ, а усиленнымъ натяженіемъ ея ослабляютъ дѣйствіе послѣднихъ. Каждому извѣстно подобное же дѣйствіе кругообразныхъ мышечныхъ волоконъ радужной оболочки глаза: отъ ихъ сокращенія съуживается зрачекъ, и въ глазъ попадаетъ меньшее количество свѣта, причемъ самый свѣтъ и побуждаетъ названныя мышцы сокращаться. Если бы въ глазу не было внутреннихъ мышцъ, то мы не могли бы изучать близкихъ предметовъ, потому что для этого нужно сильнѣйшее преломленіе свѣта; оно достигается увеличеніемъ выпуклости въ средней части передней поверхности кристаллика, а это измѣненіе формы можетъ произойти только при посредствѣ мышцъ, дѣйствующихъ на края кристаллика.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что вліяніе двигательныхъ нервовъ на отправленіе органовъ чувствъ столь же велико, какъ значеніе чувствительныхъ нервовъ для отправленія мышцъ. Личной нервъ, обнимая нѣсколько случаевъ, представляетъ намъ примѣръ вышеприведеннаго. Онъ составляетъ второстепенный нервъ органа слуха, потому что отдѣляетъ небольшую вѣтвь въ стремянную мышцу, отъ которой зависитъ ослабленіе барабанной перепонки; кромѣ того, онъ служитъ вспомогатель-

---

a) См. *W. H. S. C.* ***Heyd***: „Der Tastsinn der Fussohle als Aequilibrirungsmittel beim Stehen“ (Tübingen, 1862). Эта диссертація написана подъ вліяніемъ Фирордта. См. труды Обера (Aubert) и Камлера въ издаваемыхъ авторомъ „Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Thiere“. V, 160 и слѣд. Также *Vierordt*: „Grundr. d. Physiologie“ (Tübingen, 1862) 2 изд.

нымъ нервомъ для органа обонянія, потому что распространяется въ мышцахъ, дѣйствующихъ при обнюхиваніи; наконецъ личной нервъ помогаетъ чувству вкуса своимъ вліяніемъ на отдѣленіе слюны.

Смѣшанные нервы могутъ инымъ путемъ уяснить намъ тѣсную взаимную связь между чувствительными и двигательными нервами; но вѣроятно, поразительнѣйшій примѣръ этого рода представляетъ намъ блуждающій нервъ. Теперь извѣстенъ фактъ, что отъ весьма слабаго раздраженія двигательныхъ волоконъ, которыми этотъ нервъ снабжаетъ сердце, увеличивается какъ число, такъ и сила сокращеній сердца, между тѣмъ какъ отъ слишкомъ сильнаго раздраженія тѣхъ же волоконъ біенія сердца дѣлаются менѣе частыми и менѣе сильными. Но кромѣ двигательныхъ волоконъ, стволъ блуждающаго нерва заключаетъ въ себѣ и чувствительныя; если эти послѣднія будутъ сильно раздражены, то они, при посредствѣ нервныхъ центровъ, передаютъ претерпѣваемое ими измѣненіе симпатическимъ нервамъ, и другому блуждающему нерву, а потомъ, путемъ рефлекса, возстановляютъ нормальное число біеній пульса, или даже усиливаютъ его. Поэтому, то же раздраженіе, которое слишкомъ сильно подѣйствовало на двигательныя волокна, уничтожаетъ ближайшее свое слѣдствіе; если оно перешло извѣстную мѣру силы и продолжительности, то, при посредствѣ чувствительныхъ волоконъ, заключенныхъ въ одной нервной оболочкѣ съ двигательными, это раздраженіе дѣйствуетъ на продолговатый и на спинной мозгъ, и потомъ передается сердцу по другимъ нервнымъ стволамъ. Чувствительныя волокна ствола блуждающаго нерва, сопровождающія его двигательныя нити въ ближайшемъ разстояніи, представляются какъ бы предохранительными клапанами (регуляторами) для послѣднихъ *a*).

Нѣтъ ни одного органа, совершенно изолированнаго отъ прочихъ. Глазу нуженъ не только зрительный нервъ, но и чувствительныя волокна пятой пары, распространяющіяся въ глазной полости, и опредѣляющія, помощью мышечнаго чувства, разстоянія до предметовъ. Не только зрѣнію, но и слуху помогаетъ осязаніе: шейное сплетеніе и нервы блуждающій и тройничный снабжаютъ своими чувствительными волокнами кожу уха и наружный слуховой проходъ, со включеніемъ барабанной перепонки; при помощи этихъ чувствительныхъ волоконъ, мы можемъ судить о направленіи, по которому доходятъ до насъ звучныя волны. Осязательная способность языка дополняетъ его воспріятіе вкуса, и вліяніе, оказываемое обоняніемъ на нервы вкуса, часто состоитъ

---

a) Ср. *Moleschott und Peyrani:* «Ueber die reflectorische Erregung des Herzens» въ «Untersuchungen и т. д.» IX, 72 и слѣд.

не только въ томъ, что обѣ дѣятельности совершаются одновременно, но также и въ томъ, что обоняніе подготовляетъ нервы вкуса къ ихъ дѣятельности.

Вездѣ между органами мы видимъ связь, не только вслѣдствіе того, что дѣятельности ихъ взаимно обусловливаются, но также и потому, что они содѣйствуютъ одинъ другому, и, взаимно другъ друга поддерживая, обезпечиваютъ тонкость, объемъ, настроеніе, вѣрность и продолжительность каждаго отправленія. Различіе цѣлей не разрываетъ тѣсной связи между органами, такъ что архей не можетъ уже возбудить между ними борьбы. Они связаны неразрывно общею дѣятельностью, потому что, при посредствѣ необходимыхъ и безчисленныхъ ихъ взаимныхъ отношеній, получается единство жизни.

Справедливость высказаннаго подтверждается лучше всего многосторонностью цѣлей, достигаемыхъ однимъ какимъ либо отправленіемъ. Эта многосторонность соотвѣтствуетъ той измѣнчивости отношеній, которая требуетъ многочисленныхъ органовъ, чтобы надлежащимъ образомъ осуществить какой либо одинъ жизненный процессъ.

На самомъ дѣлѣ, мы находимъ, что каждый органъ употребляетъ свои существеннѣйшія свойства чрезвычайно разнообразно, чтобъ участвовать въ жизни организма. Разсмотримъ вмѣстѣ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ выказывается эта многоразличность дѣйствій органовъ и при этомъ перейдемъ отъ самыхъ простыхъ случаевъ къ болѣе сложнымъ.

Извѣстно, что во многихъ сочлененіяхъ находятся скопленія жира, состоящія изъ сѣтчатой соединительной ткани, петли которой густо наполнены жировыми ячейками, и часто изобилуютъ кровеносными сосудами. Замѣчательныя жировыя скопленія такого рода мы находимъ на наружной и внутренней поверхностяхъ локтеваго сочлененія. Они здѣсь образуютъ блокъ для мышцъ, доставляя имъ болѣе удобства для мѣстъ происхожденія и точекъ прикрѣпленія къ костямъ. Они предохраняютъ отъ поврежденія тонкую костяную пластинку, раздѣляющую обѣ плечевыя ямки, назначенныя для воспріятія двухъ отростковъ локтевой кости; они защищаютъ эту пластинку отъ ударовъ задняго локтеваго отростка (olecranon) при вытягиваніи руки, а при сгибаніи отъ давленія другаго отростка той же кости (processus anconæus). Они доставляютъ кровь, какъ для питанія сосѣднихъ частей, между которыми иныя,—какъ, напримѣръ, хрящи,—вовсе не содержатъ собственныхъ кровеносныхъ сосудовъ, такъ и для отдѣленія синовіальной жидкости, умащающей суставныя поверхности *a*).

---

a) *Henle*: „Handbuch der systematischen Anatomie", I Abth, 2 Bänderlehre (Braunschweig, 1856), S. 79.

Или не захотите ли вы лучше разобрать другой примѣръ. Движенія кишечнаго канала какъ бы замѣняютъ стеклянную палочку въ рукѣ химика, способствуя смѣшенію желудочно-кишечныхъ соковъ съ пищевыми веществами, и облегчая этимъ размельченіе и раствореніе составныхъ частей пищи. Но эти же движенія проталкиваютъ внизъ отъ 12-ти-перстной кишки непереваримыя части пищи и остатки желчи, и увеличиваютъ число точекъ соприкосновенія между эмульсіею, которая должна превратиться въ млечный сокъ (chylus) и кровь, и складками слизистой оболочки, которая милліонами своихъ клѣточекъ воспринимаетъ переваренную пищу. Они же, своимъ давленіемъ на ворсовины, прогоняютъ содержимое послѣднихъ въ млечные сосуды брыжжейки, и изъ тысячей кишечныхъ желѣзокъ выжимаютъ сокъ въ полость кишекъ. Они же, въ надлежащее время, запираютъ выходящіе каналы печени и поджелудочной желѣзы, косвенно прободающіе мускульную оболочку кишки, и не дозволяютъ, такимъ образомъ, частицамъ пищи попадать въ эти каналы. Они же затворяютъ привратникъ (pylorus) для того, чтобы пища не могла оставить желудокъ раньше, чѣмъ бѣлковинныя вещества подвергнутся достаточно сильному вліянію желудочнаго сока. Наконецъ—тѣ же движенія помогаютъ протолкнуть кровь въ воротную вену, которая, своей сѣтью волосныхъ сосудовъ въ печени, представляетъ немалое препятствіе передвиженію крови.

Теперь бросимъ на мгновеніе взглядъ на селезенку, одну изъ самыхъ сокровенныхъ и таинственныхъ частей организма. Не есть ли она одновременно мастерская для приготовленія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, для разрушенія азотистыхъ и безазотистыхъ элементовъ тѣла, наконецъ для приготовленія той массы крови, изъ которой въ поджелудочной желѣзѣ вырабатывается сокъ, превращающій важнѣйшія изъ пищевыхъ веществъ въ существенныя составныя части крови *а*)?

Не смотря на все это, не на селезенку, не на кишки и еще менѣе на сочлененія мы должны обратить наше вниманіе при изученіи многосторонности отношеній, которую мы имѣли въ виду. Еще болѣе блистательные примѣры представляетъ намъ кровообращеніе и дыханіе.

Отъ кровообращенія не только зависитъ притокъ обновляющаго матеріала ко всѣмъ тканямъ и органамъ, снабженнымъ или не снабженнымъ кровяными сосудами, но и поступленіе питательныхъ веществъ въ самую кровь *б*). Отъ него зависитъ не только отдѣленіе всѣхъ тѣхъ соковъ, помощью которыхъ поддерживается недѣлимое и

а) *Schiff:* „Ueber die Function der Milz".
б) *Brücke:* „Ueber die Chylusgefässe und die Resorption des Chylus" (Wien, 1855), S. 13.

родъ, но также и выведеніе продуктовъ разрушенія ткани, дѣятельность которой невозможна безъ этого разрушенія. Кровообращеніе не только производитъ, но распространяетъ и уравниваетъ теплоту въ тѣлѣ; отъ него зависитъ не только движеніе мышцъ, но и чувствительность органовъ чувствъ; не только процессъ воспріятія и сознанія въ органѣ мысли, но и выраженіе страха, заставляющаго блѣднѣть, или радости, покрывающей щеки яркимъ румянцемъ.

Словомъ, сердце есть такого рода гидравлическій аппаратъ, который выкачиваетъ пищу изъ кишечнаго канала, разноситъ ее по всему тѣлу, и втягиваетъ въ легкихъ кислородъ, превращающій кровь въ ткани, а ткани, при помощи процесса движенія, ощущенія и мысли, въ продукты горѣнія; послѣдніе, смотря по количеству доставленнаго горючаго матеріала, обусловливаютъ бо́льшее или меньшее развитіе теплоты. Вмѣстѣ съ кровью сердце приноситъ теплоту къ лицу, которое краснѣетъ отъ гнѣва, или пылаетъ отъ одушевленія.

Вамъ кажется, мм. гг., что это много, хотя это еще не все, и, не смотря на то, могу сказать, что въ той совокупности отправленій, которая вытекаетъ изъ процесса дыханія, намъ открывается другая повсюду разливающаяся струя жизненныхъ явленій, которая еще величественнѣе, еще разнообразнѣе по своимъ отношеніямъ и еще плодотворнѣе. Тутъ мы встрѣчаемъ грудобрюшную преграду, обладающую способностью сокращаться; спеціяльная дѣятельность ея, состоящая въ расширеніи грудной клѣтки, находила бы помѣху въ актѣ втягиванія ложныхъ реберъ, если бы эта грудобрюшная преграда не имѣла опоры въ эластической подушкѣ брюшныхъ внутренностей и не прижимала послѣднія къ этимъ ребрамъ, оттѣсняя такимъ образомъ ихъ кнаружи. Въ самый моментъ дыханія, когда происходитъ сокращеніе грудобрюшной преграды, сокращаются также и междуреберныя мышцы, увеличивая тѣмъ самымъ крѣпость грудной стѣнки, которая тогда должна выдерживать напоръ внѣшняго воздуха, дѣлающагося въ это самое мгновеніе плотнѣе воздуха, заключеннаго въ легкихъ: та же дѣятельность, которая приноситъ съ собой опасность для грудной клѣтки быть сдавленной, пораждаетъ вмѣстѣ и средство устраненія опасности *a*). Всасывательная сила сердца, ускореніе венознаго кровообращенія, между прочимъ и того кровянаго тока, который долженъ былъ пройти въ печени вторичную сѣть волосныхъ сосудовъ, притокъ млечнаго сока и лимфы въ полую вену, — все это обусловливается уменьшеніемъ, при вдыханіи, вслѣдствіе упругости легкихъ, давленія, претерпѣваемаго сердцемъ. Помощью особеннаго способа дыханія, человѣкъ уменьшаетъ объемъ

---

a) *Henle:* «Handbuch. der syst. Anat.» I, 3-te Abtheilung. (Braunschweig. 1858.) Muskellehre.

полости нижней части живота, чтобы освободить ее отъ продуктовъ половыхъ органовъ и отъ остатковъ пищевыхъ веществъ. Дыханіемъ выводятся изъ тѣла всѣ важнѣйшія изверженія, а не только углекислота, накопляющаяся въ легкихъ. Дыхательный же процессъ надѣляетъ кровь тѣми свойствами, которыя сообщаютъ мозгу способность думать, глазу — видѣть, мышцамъ — сокращаться; но дыханіе же превращаетъ кровь въ ткани, и есть главный источникъ теплоты, необходимой для жизни всѣхъ органовъ и въ особенности сердца. Впрочемъ, говоря, что воздухъ оживляетъ кровь и поддерживаетъ всѣ отправленія, посредствомъ которыхъ тѣло человѣка существуетъ и выказываетъ это существованіе во внѣшнемъ мірѣ, развѣ мы не можетъ сказать и наоборотъ: что тѣмъ же актомъ дыханія мы оживляемъ воздухъ, внося въ него мелодіи и мысли, словомъ — общественную жизнь? Даже въ настоящую минуту, развѣ не тому же процессу дыханія я обязанъ честью и удовольствіемъ вступить съ вами въ общеніе посредствомъ слова?

А нервная система! Она, на поверхности тѣла, воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія и, по переработкѣ ихъ спеціальными периферическими аппаратами, доводитъ ихъ до центральныхъ органовъ, гдѣ они превращаются въ сужденія, составляющія воспріятія, и въ побужденія воли, обращаемыя той же нервною системою въ дѣйствіе, чрезъ передачу ея молекулярныхъ измѣненій мышцамъ по другимъ путямъ. Не поддерживаетъ ли нервная система движенія пищеваренія, кровеобращенія, дыханія и всѣ тѣ отправленія, которыя подразумѣваются въ этихъ процессахъ? Не регулируетъ ли она притокъ крови къ различнымъ частямъ тѣла и, съ тѣмъ вмѣстѣ, количество еплоты, достающейся на долю каждой части? Не регулируетъ ли она половыя отдѣленія, — отдѣленія, которыя получаются въ процессѣ пищеваренія, питаніе и атрофію органовъ? Наконецъ не господствуетъ ли она, такимъ образомъ, надъ всею жизненною дѣятельностью и надъ наклонностями человѣка?

Не потеряете ли вы терпѣнія, если, послѣ всего предъидущаго, я остановлюсь еще на нѣсколько времени, чтобъ развить вамъ мой взглядъ на то, какъ должно понимать единство жизни?

Для меня она не заключается въ допущеніи единой жизненной силы, деспотически подчиняющей себѣ физическія и химическія силы, которыхъ никто не можетъ согнать со сцены органическихъ отправленій. Такого рода жизненная сила, какъ мечъ Дамокла, висѣла прежде надъ головою физіологовъ, хотѣвшихъ открыть необходимую связь между явленіями. Единство жизни вытекаетъ ближе всего изъ глубокой и всесторонней зависимости, связующей всѣ отправленія; изъ того тѣснаго и неизбѣжно-цѣлесообразнаго взаимнодѣйствія отдѣльныхъ частей, которое изъ каждой точки вліяетъ на всѣ части организма. Наконецъ, это единство

жизни заключается въ той связи, которой на столько присуща соразмѣрность, независимость, всегдашняя и существеннѣйшая полезность, что слово „органическій“ сдѣлалось идеальнымъ эпитетомъ, съ которымъ мы соединяемъ понятіе о порядкѣ, цѣлости, гармоніи, произвольномъ движеніи, словомъ, о жизненности, придавая этотъ эпитетъ созданіямъ человѣческаго духа: законамъ, искусству и всѣмъ отраслямъ науки.

Жизнь не потому представляетъ единство, что истекаетъ изъ единой силы; она есть измѣняющееся состояніе, потокъ, всѣ волны котораго сохраняютъ постоянную форму; она зависитъ отъ безчисленныхъ свойствъ, нераздѣльныхъ отъ вещества, въ организмѣ и внѣ его. Жизнь есть единство, потому что она не зависитъ отъ безосновательнаго произвола, но подчинена непреложнымъ законамъ естественной необходимости. И жизнь такъ многообразна, что ее можно сравнить — говоря словами Гете — „съ полотномъ на ткацкомъ станкѣ, гдѣ тысячи нитей приводятся въ движеніе однимъ толчкомъ; челноки снуютъ взадъ и впередъ, незамѣтно для глазъ пробѣгаютъ нити, и одинъ ударъ образуетъ тысячи связей.“

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ

ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКѢ*).

—

Въ числѣ различнаго рода статей, наполняющихъ собою столбцы газетъ и страницы журналовъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ описаніе выставокъ художественныхъ произведеній. Эти критическіе отчеты о новыхъ картинахъ и проч., вообще говоря, не представляютъ собою занимательнаго чтенія, и можно спросить еще, много ли такихъ читателей, которые прочитываютъ ихъ со вниманіемъ отъ строки до строки? Большею частью, статьи такого рода съ тревожнымъ безпокойствомъ и страхомъ пожираются молодыми художниками,—и то только самыми молодыми и неопытными, — пробѣгаются и просматриваются мимоходомъ дилеттантами и лицами, посѣтившими описываемую выставку, и наконецъ не читаются вовсе остальнымъ огромнымъ большинствомъ читателей. Существованіе отдѣла эстетической критики въ журналистикѣ, печатаніе художественныхъ фельетоновъ въ періодическихъ изданіяхъ, безъ сомнѣнія, основано не на разсчетѣ на литературный успѣхъ, но на убѣжденіи, что

*) Предлагаемая статья была помѣщена въ «Корнгильскомъ магазинѣ» за одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ изданія этого журнала подъ редакціею Тэккерея, и потому въ извѣстной степени можетъ служить представительницею эстетическаго взгляда этого замѣчательнаго писателя, недавно умершаго.

литература обязана нѣкоторымъ вниманіемъ къ изящнымъ искусствамъ, при важномъ значеніи ихъ для общества. Вообще, на появленіе періодическихъ отчетовъ о состояніи и успѣхахъ художествъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на дань уваженія почтенному ремеслу артистовъ; но авторъ настоящей статьи далекъ отъ того, чтобъ сомнѣваться въ несомнѣнной пользѣ эстетической критики; напротивъ, критика представляется ему естественнымъ и необходимымъ элементомъ каждаго общества, въ которомъ процвѣтаютъ искусства, и которое имѣетъ дѣятельную литературу. Цѣль наша не въ томъ, чтобы ослабить вліяніе настоящей, здравой критики, но, напротивъ, въ томъ, чтобы упрочить и усилить это вліяніе указаніемъ на значеніе главнѣйшихъ ея обязанностей.

Прежде всего представляется подлежащимъ сомнѣнію вопросъ о самихъ критикахъ: понимаютъ ли они, какъ слѣдуетъ, свое назначеніе, и достаточно ли они подготовлены спеціальнымъ образованіемъ для того, чтобы выполнить это назначеніе, — для того, чтобы литература могла признать ихъ способными писать хорошія критическія статьи? Въ этомъ отношеніи желательно было бы подвергнуть тщательному разбору списокъ всѣхъ переполняющихъ наши фельетоны анонимныхъ писателей по части художественной критики, для того, чтобы узнать, что это за люди, въ чемъ состоятъ обыкновенныя ихъ занятія, и представляетъ ли воспитаніе ихъ ручательство въ пониманіи искусства. Фердинандъ де-Ластэри (de Lasteyrie) утверждаетъ, что во французской литературѣ отъ критика по части изящныхъ искусствъ требуется гораздо менѣе знанія дѣла, нежели отъ критиковъ литературныхъ, театральныхъ и другихъ; что тамъ самые неопытные юноши съ поверхностными познаніями обыкновенно начинаютъ свое литературное поприще критическими статьями о живописи и скульптурѣ, потому что въ литературѣ и въ обществѣ господствуетъ убѣжденіе, что для пониманія этихъ искусствъ не нужно никакихъ особенныхъ способностей и образованія. Театральная критика занимаетъ въ парижской журналистикѣ болѣе важное мѣсто, и издатели смотрятъ на этотъ отдѣлъ литературы съ болѣе серьезной точки зрѣнія; отъ сотрудниковъ своихъ по этой части они требуютъ положительныхъ способностей, и въ напечатаніи статей поступаютъ съ большою разборчивостью. Это различіе въ относительной заботливости литературы къ двумъ самостоятельнымъ видамъ критики весьма естественно: парижская публика сама очень хорошій судья въ сценическомъ искусствѣ и плохой въ пластическомъ; поэтому она строга къ критикамъ театральнымъ и совершенно равнодушна къ художественнымъ; поэтому она сразу клеймитъ неспособнаго театральнаго писателя, между тѣмъ какъ человѣкъ, ничего непонимающій въ картинахъ, можетъ безопасно писать все, что ему угодно. Такимъ образомъ задача литературы,

въ дѣлѣ эстетической критики вообще, состоитъ въ томъ, чтобы возвышать, облагораживать критику въ уровень съ успѣхами другихъ отраслей цивилизаціи, а этого она можетъ достигнуть не иначе, какъ исключивъ изъ своихъ рядовъ всѣхъ псевдокритиковъ.

Многіе, сочувствующіе успѣхамъ художествъ, полагаютъ, что теперь именно настало время перерожденія эстетической критики, совершеннаго измѣненія ея тона въ обществѣ; что теперь именно выяснилось значеніе и цѣль ея, опредѣлились главныя начала, на которыхъ должны установиться настоящія отношенія между искусствомъ и критикою съ одной стороны, и между критикою и обществомъ съ другой; обозначились и обязанности критика, какъ связующаго звена между художникомъ и публикою. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на нѣкоторые факты въ подтвержденіе этого мнѣнія: въ Англіи, немалый успѣхъ имѣли вышедшіе недавно 5 томовъ сочиненія о «Живописцахъ новѣйшей школы» *(Modern Painters)*; международная выставка 1862 года, сопоставленіемъ произведеній новѣйшей живописи и скульптуры всѣхъ народовъ, вызвала новыхъ дѣятелей на поприщѣ критики, и подняла множество вопросовъ, чаящихъ разрѣшенія, а въ 1863 году, изящныя искусства пріобрѣли свой особый спеціальный органъ въ англійской журналистикѣ «Трехмѣсячное обозрѣніе художествъ».

На сколько можно заключить изъ направленія, которое начинаетъ принимать эстетическая критика, можно бы кажется главнѣйшія обязанности ея подвести подъ слѣдующіе 11 тезисовъ:

1) *Критика должна проповѣдовать непопулярныя истины.*—Это первое и важнѣйшее отправленіе ея, ибо цѣль ея прежде всего состоитъ въ раскрытіи того, что для другихъ составляетъ тайну; въ разъясненіи того, чего большинство не понимаетъ. Критика можетъ имѣть дѣло, или съ истиною, или съ обманомъ; но какъ истина, такъ и обманъ, въ отношеніи ихъ къ массѣ людей, подраздѣляются на популярные и непопулярные. Популярныя истины нечего и трогать, потому что онѣ уже усвоены всѣми, и не нуждаются въ адвокатурѣ критики; оба вида обмана также не могутъ составить предметъ назидательной пропаганды; засимъ остается въ полномъ распоряженіи критики истина *не* популярная, которую она должна раскрыть, объяснить, доказать и сдѣлать популярною.

2) *Критика должна учить искусству, должна знакомить публику съ теоріею изящнаго.*—Въ настоящее время, при довольно низкой степени развитія эстетическаго чувства въ обществѣ, послѣднее менѣе нуждается въ чистой *критикѣ* искусства, нежели въ подготовительномъ къ ней изученіи самаго искусства (art-teaching). Чтобы судить о какомъ нибудь предметѣ, надобно понимать его, а чтобы понимать, надобно знать всѣ его свойства; искусство есть предметъ столь обширный, сложный и

во многомъ столь неуловимый, что люди не могутъ понимать его, какъ слѣдуетъ, не ознакомившись до нѣкоторой степени основательно съ его сущностью. Теоретическое изученіе искусствъ тѣмъ болѣе важно, что самая трудность его недостаточно сознается всѣми, и что на искусство вообще привыкли смотрѣть, какъ на нѣчто легко дающееся и всякому доступное. Другіе предметы человѣческаго знанія, какъ химія, напримѣръ, или математическія науки, всѣми признаются за трудные и недоступные, ибо всѣ сразу видятъ въ нихъ эту трудность, и потому люди, неучившіеся тѣмъ наукамъ, никогда не впадутъ въ самообольщеніе, и не станутъ воображать себѣ, что они что-нибудь въ нихъ понимаютъ. Совершенно иначе смотрятъ на искусство: живопись, напримѣръ, представляется всѣмъ вещью столь простою, что почти нѣтъ человѣка, который не считалъ бы себя совершенно способнымъ понимать и обсуживать ее. Отсюда опредѣлятся сами собою главныя обязанности критика-учителя: онъ долженъ,

во 1-хъ, объяснить непосвященнымъ въ тайны искусства, что искусство вовсе не простая вещь;

во 2-хъ, доказать имъ, что они еще очень мало понимаютъ въ искусствѣ, и

въ 3-хъ, убѣдить ихъ въ томъ, что самъ онъ, критикъ, достаточно понимаетъ искусство, чтобъ учить ему другихъ.

Нельзя не сознаться, что обязанности эти довольно трудны и ставятъ критика иногда въ щекотливое положеніе, въ отношеніи къ просвѣщаемой имъ публикѣ: положимъ, что первую задачу онъ выполнитъ удовлетворительно, т. е. онъ съумѣетъ убѣдить публику, что пониманіе искусства есть вещь довольно трудная, — да и въ этомъ ему могутъ повѣрить на-слово; но какъ приступитъ онъ къ исполненію второй своей обязанности, — къ доказанію почтеннѣйшей публикѣ, что она ничего въ искусствѣ не понимаетъ? Публика почти навѣрное обидится, и дерзкаго критика обвинятъ въ неуваженіи общественнаго мнѣнія, между тѣмъ какъ никакого неуваженія къ чужому мнѣнію тутъ не будетъ. Извѣстно, что люди, далеко не дюжинные, какъ Байронъ, Скоттъ и Веллингтонъ, въ живописи ни аза не понимали, и никогда этого не скрывали, и странно было бы предположить, чтобы они обидѣлись, если бы имъ это высказали. Правда, люди взрослые не любятъ вообще, чтобы ихъ учили, чтобы ихъ уличали въ незнаніи того, что, по мнѣнію ихъ, очень просто и чему они полагаютъ возможнымъ научиться безъ учителя, — и конечно подобное уличеніе можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ, когда сами уличаемые внутренно сознаются въ непониманіи предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Такъ, выше уже было замѣчено, что въ области наукъ положительныхъ публика держитъ себя довольно скромно и

не скрываетъ своего невѣжества; человѣкъ, никогда неучившійся химіи и математикѣ, долженъ по необходимости сознаться, что онъ въ нихъ ничего не понимаетъ. По части же искусствъ, какъ бы ни невѣжественъ былъ въ нихъ человѣкъ, онъ рѣдко признается въ этомъ даже самому себѣ, и поэтому строгій и авторитетный тонъ непрошеннаго учителя непремѣнно покажется ему оскорбительнымъ. Такимъ образомъ критикъ, какъ бы онъ ни былъ ловокъ, хитеръ и остороженъ, всегда будетъ поставленъ въ непріятную дилемму: или молчать, изъ опасенія задѣть самолюбіе ближнихъ, и отказаться отъ своей цѣли, оставивъ искусство, которому онъ служитъ, въ беззащитномъ положеніи, когда оно, можетъ быть, наиболѣе терпитъ отъ предубѣжденій и безвкусія, или — не щадя ничьего самолюбія, бороться за искусство противъ этихъ предубѣжденій и безвкусія, учить публику понимать его и, не стѣсняясь ничѣмъ и никѣмъ, высказывать своимъ ученикамъ въ лице самыя оскорбительныя истины. Если принять въ соображеніе, что критикъ обращается не къ послушной робости дѣтскаго возраста, а къ самолюбію людей взрослыхъ, уже кончившихъ воспитаніе, часто весьма ученыхъ по другимъ отраслямъ знанія, и большею частью принадлежащихъ къ высшимъ, образованнымъ классамъ, нерѣдко богатыхъ и гордыхъ, непризнающихъ надъ собою ничьего авторитета, и считающихъ себя всевѣдущими, — то нельзя не сознаться, что воспитательная, педагогическая задача критики представляетъ большія практическія неудобства.

Но положимъ, что и вторая изъ исчисленныхъ выше категорій обязанностей критикомъ выполнена, т. е. что ему, не смотря на указанныя затрудненія, удалось таки высказать публикѣ и убѣдить большинство ея, что она не знаетъ искусства и должна учиться ему, — остается третья и послѣдняя часть задачи: критику остается доказать собственную свою компетентность, дабы публика признала его своимъ учителемъ. Достигнуть этого также весьма трудно. Публика, даже сознающая свое невѣжество въ дѣлѣ искусства, инстинктивно понимаетъ, что и сами посвященные во всѣ его тайны спеціалисты способны ошибаться и могутъ быть подвержены пристрастію и увлеченіямъ. Въ искусствѣ есть своя положительная теорія, но есть и гораздо болѣе того — есть внутренняя, собственно художественная, творческая сторона, которая неуловима и ни подъ какія правила не укладывается; теорія доступна каждому, но и самое основательное знаніе ея не дѣлаетъ еще критика; эстетическая сущность искусства — вотъ что важно, но правильное пониманіе этой сущности дается немногимъ, одареннымъ лишь особенными способностями, людямъ, въ которыхъ эстетическое чувство развито въ значительной степени; понять и оцѣнить силу Микель Анджело и идеальность Рафаэля можетъ только эстетическое чувство, эта особая

способность души; теорія тутъ ничему не научитъ — это дѣло вкуса, врожденнаго инстинкта и симпатіи, личнаго внутренняго влеченія, такъ сказать, духовнаго родства. Люди въ этомъ отношеніи организованы не одинаково, и прекрасное нравится имъ различно: одинъ видитъ прекрасное въ томъ, что́ другаго не трогаетъ; мои впечатлѣнія могутъ показаться вамъ невѣрными, какъ бы добросовѣстно я ихъ ни высказывалъ; точно также ваши впечатлѣнія могутъ возбудить недовѣріе во мнѣ. Такимъ образомъ критикъ, увлекающійся не въ мѣру чувствомъ своего индивидуальнаго вкуса, выставляющій на первый планъ личныя свои воззрѣнія, и переходящій съ твердой почвы фактовъ въ область отвлеченнаго анализа идей и чувства,—вмѣсто того, чтобы научить публику, непремѣнно вызоветъ въ ней антикритику и возбудитъ несогласіе. Человѣкъ простой не преминетъ заявить свое несогласіе и, можетъ быть, въ довольно грубой формѣ, и такимъ образомъ станетъ лично во враждебныя отношенія къ своему учителю; человѣкъ спокойный, положимъ, и не заявитъ громко своего разномыслія, но и такого молчаливаго несогласія будетъ достаточно, чтобы уронить кредитъ критика и авторитетъ учителя въ обществѣ; въ обоихъ случаяхъ критикъ-учитель будетъ признанъ человѣкомъ, способнымъ ошибаться, и ученіе его или вовсе отвергнутъ, или будутъ принимать съ недовѣрчивостью.

Насъ спросятъ, можетъ быть, когда же оканчивается образовательная, воспитательная дѣятельность критики? На вопросъ этотъ можно отвѣтить тѣмъ же, чѣмъ отвѣчаютъ на вопросъ: когда оканчивается дѣятельность учителя вообще? Учитель необходимъ всегда и вездѣ, и дѣятельность его вѣчна, пока существуетъ цивилизація и прогрессъ. Такъ точно и учитель-критикъ. Ежедневно прибываютъ въ міръ тысячи новыхъ существъ, которыя, выростая, нуждаются въ эстетическомъ образованіи, ибо самое искусство, какъ и прекрасное,—вѣчно; роль образователя общества въ эстетическомъ отношеніи ближе всего принадлежитъ критикѣ, дѣятельность которой такимъ образомъ не прекратится, пока не исчезнетъ потребность въ просвѣщеніи и въ искусствѣ. Помощью спеціальныхъ книгъ и отдѣльныхъ изданій, также печатныхъ статей въ разныхъ журналахъ, особенно же помощью живаго слова въ публичномъ чтеніи, художникъ-теоретикъ, или, какъ его называютъ, критикъ, долго еще будетъ проводникомъ новыхъ истинъ для человѣчества и воспитателемъ его нѣжнѣйшихъ и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Онъ и преемники его долго еще будутъ твердить своимъ постоянно прибывающимъ ученикамъ одну и ту же азбуку.

3) *Критика должна ограждать истинные таланты отъ хулы невѣжества.*—Каждый болѣе или менѣе самостоятельный художникъ, въ началѣ своей дѣятельности, непремѣнно долженъ пережить эпоху

неудачъ и подвергнуться осужденію недоброжелательной толпы, которое умный критикъ всегда въ состояніи устранить, если оно неосновательно. Но на это критикъ отнюдь не долженъ смотрѣть, какъ на актъ особеннаго съ своей стороны великодушія: это его прямая обязанность, которую онъ долженъ исполнить передъ всѣми художниками, когда того требуетъ справедливость. Геній рѣдко понимается сразу, большинство почти всегда недовѣрчиво смотритъ на всякое проявленіе самобытнаго таланта, на всякую попытку творчества въ искусствѣ, и всегда осмѣиваетъ то, что оригинально; отъ этой недовѣрчивости и посмѣянія критика обязана защитить талантъ; маленькіе люди не могутъ противиться сильной волѣ, и рѣшительный голосъ одного вліятельнаго критика всегда заглушитъ невѣжественный смѣхъ толпы.

Особый видъ обязанностей критика, отнесенныхъ нами подъ настоящую категорію, — т. е. подъ категорію защиты истиннаго таланта противъ общественной хулы, — составляетъ поощреніе молодыхъ начинающихъ талантовъ, силы которыхъ еще недостаточно проявились, чтобы быть замѣченными и оцѣненными большинствомъ. Первые опыты начинающаго артиста почти всегда бываютъ несовсѣмъ удачны, и публика найдетъ къ чему придраться, чтобы осудить ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, провозвѣстить артиста неспособнымъ; часто слишкомъ строгій приговоръ ея до того смущаетъ и огорчаетъ художника, что убиваетъ въ немъ самомъ вѣру въ собственный талантъ и волю развить его. Между тѣмъ ошибки начинающаго таланта тѣмъ болѣе извинительны, что онѣ неизбѣжны, что онѣ, такъ сказать, въ природѣ вещей: молодые художники, не владѣя вполнѣ механическою частью своего искусства, и не развивъ вкуса, способны слишкомъ увлекаться идеею, не умѣютъ соразмѣрить ее съ имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами выполненія; они обыкновенно такъ глубоко чувствуютъ, такъ проникнуты своею мыслью, что отъ самаго старанія передать ее съ излишнею иногда полнотою, впадаютъ въ несообразность, преувеличеніе, неестественность и ложный паѳосъ, и портятъ работу, которая въ сущности подъ силу ихъ таланту, и которая вышла бы хорошею при спокойствіи духа и другихъ условіяхъ, составляющихъ лишь принадлежность болѣе зрѣлаго возраста и послѣдствіе опыта и постепеннаго усовершенствованія. Публика, не понимая этого, и отъ начинающаго художника требуя тѣхъ же совершенствъ, что отъ зрѣлаго, судитъ о первой работѣ артиста со всею придирчивостью строгаго анализа, и произноситъ свой поспѣшный приговоръ надъ талантомъ, не обращая вниманія на его относительную зрѣлость или незрѣлость. Въ этомъ случаѣ, обязанность критики будетъ состоять въ осужденіи не поспѣшнаго артиста, а его поспѣшныхъ су-

дей, въ снисхожденіи къ его ошибкамъ и защитѣ противъ нападковъ со стороны общественнаго мнѣнія.

4) *Критика обязана препятствовать вредному вліянію на искусство и на вкусъ публики плохихъ, безталантныхъ художниковъ.* — Нѣкоторые добродушные простаки обвиняютъ критику въ недоброжелательствѣ и недостаткѣ великодушія, если она строго судитъ недостатки современныхъ артистовъ, такъ какъ хула ея роняетъ кредитъ послѣднихъ въ обществѣ, и черезъ то наноситъ многимъ изъ нихъ иногда экономическій ущербъ, лишая ихъ вовсе средствъ къ существованію, или уменьшая значительно матеріяльныя выгоды, которыя искусство приносило имъ. Намъ кажется, что какъ скоро художникъ пріобрѣтаетъ въ обществѣ нѣкоторую извѣстность, то онъ уже долженъ подлежать полному и открытому суду критики, и послѣдняя не только въ правѣ, но и обязана указать на его слабыя стороны, для того, чтобы предупредить вліяніе этихъ слабыхъ сторонъ на развитіе эстетическаго вкуса въ обществѣ. Пояснимъ это примѣромъ: одинъ живописецъ представилъ на художественную выставку, не такъ давно, картины, *раскрашенныя* масляными красками по изобрѣтенному имъ вновь способу; картины имѣли большой успѣхъ, художникъ вошелъ въ моду и получилъ, можетъ быть, много заказовъ. Критикѣ конечно несовсѣмъ пріятно было дѣлать подрывъ успѣху этого джентльмена въ матеріяльномъ отношеніи, но, съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ искусства, она не исполнила бы своего назначенія и долга, если бы не объяснила публикѣ шарлатанства изобрѣтателя, и она сдѣлала это безъ всякой личной вражды или зависти къ художнику и не изъ желанія обезпечить общество отъ траты денегъ на шарлатанство (ей нѣтъ никакого дѣла до экономическихъ послѣдствій шарлатанства), а изъ желанія оградить эстетическое чувство общества отъ ложнаго направленія, какое могло бы дать ему подобное шарлатанство. Критика только выставила на видъ, что представленныя упомянутымъ художникомъ картины *не картины, писанныя красками*, а лишь *раскрашенные рисунки;* что между тѣмъ и другимъ большая разница, не только въ техническомъ, но и въ эстетическомъ отношеніи; что раскрашенный рисунокъ не можетъ и назваться художественнымъ произведеніемъ, потому, напримѣръ, что онъ не удовлетворяетъ условіямъ вѣрнаго освѣщенія и правильнаго колорита; что краски тогда только воспроизводятъ естественные цвѣта природы, съ ихъ безчисленными нюансами, и передаютъ настоящій эффектъ свѣта и тѣней, когда ими непосредственно написана картина, когда ими прямо на голомъ полотнѣ выражены оттѣнки колорита, дѣйствіе свѣта и игра тѣни; что всѣ эти условія не могутъ быть достигнуты процессомъ раскрашенія заранѣе нарисованной картины, и что потому на изобрѣтеніе NN не слѣдуетъ

смотрѣть какъ на успѣхъ *изящнаго* искусства, а только какъ на усовершенствованіе одного изъ техническихъ пріемовъ живописи. Такой отзывъ критики, если даже публика согласится съ нимъ, не отниметъ еще у ней права находить достоинства въ произведеніяхъ упомянутаго художника, но эти достоинства она будетъ цѣнить уже съ ихъ относительной стороны; она будетъ хвалить техническую отдѣлку картины, удобства изобрѣтеннаго процесса окраски и т. д.; но эта оцѣнка нѣсколькихъ внѣшнихъ достоинствъ картины не нанесетъ ущерба эстетическому вкусу оцѣнщика, несовершенства художественныя будутъ ему ясны, онъ будетъ видѣть недостатки колорита, и понятіе его о послѣднемъ не извратится,—а истинные таланты будутъ, между тѣмъ, защищены отъ конкуренціи шарлатановъ.

5) *Критика должна превозносить славу тѣхъ художниковъ, которые не пользуются еще большимъ авторитетомъ, но которыхъ примѣръ можетъ подѣйствовать благотворно.*—Между художниками прошедшаго времени есть много такихъ, которые хотя и не были никогда звѣздами первой величины, и потому забыты толпою, но тѣмъ не менѣе имѣли замѣчательный талантъ и даже геній, и усовершенствованіемъ той или другой стороны искусства оказали послѣднему немаловажную услугу; изученіе особенностей ихъ таланта и произведеній можетъ имѣть самое выгодное вліяніе на развитіе эстетическаго чувства въ обществѣ. Большинство людей обыкновенно отличается весьма небогатою памятью на историческія имена, и потому изъ художниковъ прошедшаго времени оно знаетъ не болѣе полудюжины особенно крупныхъ геніевъ, а сотни именъ менѣе громкихъ, хотя часто также безсмертныхъ, оно никогда не слыхивало. Конечно, обстоятельство это имѣетъ свои неоспоримыя удобства: знаніе двухъ или трехъ общеизвѣстныхъ именъ, поверхностное знакомство съ двумя, тремя капитальными произведеніями представляетъ человѣку возможность, безъ труда и безъ малѣйшей подготовки, безъ всякаго знанія дѣла и не изучивъ его, прослыть знатокомъ между людьми, такъ же мало, какъ онъ, и даже менѣе свѣдущими; но вмѣстѣ съ тѣмъ, указанное обстоятельство нисколько не поучительно для современниковъ, и въ большей мѣрѣ несправедливо и неблагодарно въ отношеніи къ самому искусству и его исторіи. Ничто кажется не должно быть унизительнѣе для человѣка, одареннаго разумомъ, какъ подобная поверхностность и ограниченность знанія по предмету, въ которомъ онъ хочетъ прослыть за знатока и за компетентнаго судью; въ наукѣ онъ долженъ доискиваться всего, что полезно и что расширитъ его кругъ знанія, а въ искусствѣ долженъ искать наслажденія во всемъ, что прекрасно, гдѣ бы это прекрасное ни находилось: въ твореніяхъ ли общественныхъ перворазрядныхъ геніевъ, или въ скромныхъ произ-

веденіяхъ второстепеннаго таланта, въ памятникахъ ли древняго искусства, или въ явленіяхъ современнаго. Истинныхъ талантовъ, благодаря Бога, было и теперь есть довольно много, а у каждаго истиннаго таланта есть непремѣнно своя, доведенная до нѣкотораго совершенства, особенность, у каждаго истиннаго таланта всегда можно научиться чему нибудь такому, чему никто другой лучше его не научитъ.

6) *Критика должна умѣрять и направлять въ хорошую сторону вліяніе тѣхъ изъ художниковъ прошедшаго времени, слава коихъ имѣетъ слишкомъ сильный авторитетъ; другими словами: она должна оградить искусство отъ вредныхъ послѣдствій слишкомъ раболѣпнаго поклоненія авторитетамъ.* — Слава большой деспотъ; человѣчество преклоняется съ благоговѣніемъ передъ людьми, ею отличенными, и, кромѣ совершенствъ, въ послѣднихъ ничего не видитъ, признавая полный авторитетъ не только въ достоинствахъ, но и въ видимыхъ недостаткахъ ихъ; между тѣмъ, принимая во вниманіе, что такіе люди не всегда свободны отъ послѣднихъ, т. е. отъ недостатковъ, мы придемъ къ тому заключенію, что безусловное подчиненіе авторитету этихъ людей можетъ повести къ большому злу: къ освященію и узаконенію, такъ сказать, самыхъ ошибокъ великихъ людей. Геніальные художники прошедшаго времени, которые, когда были въ живыхъ, конечно были на столько великодушнаго и возвышеннаго образа мыслей, что никогда не мечтали, что имъ изъ вѣка въ вѣкъ будутъ подражать, теперь возведены въ какіе-то колоссы, преграждающіе путь къ дальнѣйшему усовершенствованію и проявленію творческой самобытности. Нѣтъ ни одного громкаго имени, которое не профанировали бы на каждомъ шагу, которое не употребляли бы во зло, для подавленія всякаго новаго таланта, всякой попытки идти по новому пути. Какъ можно создать что нибудь послѣ Рафаэля, Корреджіо, Рубенса! Какъ можно дерзать идти далѣе этихъ всесовершенныхъ мастеровъ! Въ поклоненіи массъ установившимся авторитетамъ есть нѣчто ребяческое, наивное; маленькіе люди до того ослѣплены блескомъ славнаго имени, что они, не замѣчая того сами, творчество обращаютъ въ аргументъ противъ творчества: „вы не созидайте, говорятъ они, потому что великіе люди создали.“ Вмѣсто того, чтобъ сказать: „Рафаэль былъ геній—старайся и ты быть геніемъ; онъ созидалъ—старайся и ты созидать,“ они говорятъ: „Рафаэль былъ геній—посему ты долженъ подражать ему.“ Въ этомъ случаѣ, они имѣютъ много общаго съ обезьяною, которая не иначе умѣетъ выразить свое уваженіе передъ высшимъ двуногимъ существомъ — человѣкомъ, какъ передразнивая его.

Какъ же помочь этой бѣдѣ? Ни какія увѣщанія не подѣйствуютъ; совершенно напрасно будутъ доказывать, что цѣль Рафаэля, когда онъ

созидалъ свои безсмертныя картины, вовсе не была та, чтобы подчинить всѣ будущія поколѣнія живописцевъ созданной имъ манерѣ; напрасно будутъ увѣрять, что всякому генію мысль, что его будутъ вѣчно копировать поколѣнія за поколѣніями рабскихъ и плохихъ подражателей, должна была бы представиться скорѣе непріятною, нежели лестною; напрасно будутъ учить, что одно творчество, уже стяжавшее свою славу, не мѣшаетъ появленію новаго творчества, что истинное творчество, напротивъ, всегда глубоко уважаетъ другое творчество, и что однимъ рабскимъ подраженіемъ не выразить еще этого уваженія. Такъ какъ же помочь злу, происходящему отъ слишкомъ раболѣпнаго поклоненія авторитетамъ? Одно средство: указать на ошибки, недостатки, промахи и слабыя стороны этихъ авторитетовъ, которые всегда легко могутъ у нихъ отыскаться, безъ всякаго подрыва ихъ всемірной славѣ; это будетъ придирка мелочная, но полезная, какъ послѣднее предохранительное средство противъ вліянія дурнаго примѣра; такимъ предостереженіемъ по крайней мѣрѣ достигнется то, что на авторитеты будутъ смотрѣть съ нѣкоторою разборчивостью, и подражать будутъ однимъ положительнымъ достоинствамъ ихъ.

Въ этомъ отношеніи, про настоящее время можно сказать, что мы переживаемъ эпоху знаменательнаго движенія въ критической литературѣ и всеобщаго стремленія къ эмансипаціи разума отъ тиранніи давно отжившихъ авторитетовъ. Скептицизмъ и отрицательное направленіе заразили все и всѣхъ. Нѣтъ предмета, который не подвергся бы пыткѣ самаго строгаго анализа; никакая святость традиціи не защититъ доселѣ неприкосновеннаго прошедшаго отъ пробнаго огня критики. На слово никому уже не вѣрятъ; нѣтъ того великаго историка, котораго историческая критика не повѣрила бы въ каждомъ переданномъ имъ фактѣ; нѣтъ того философа, математика, естествоиспытателя, котораго мысли, открытія, наблюденія не подверглись бы тщательному переизслѣдованію. Человѣчество какъ будто сознаетъ, что оно теперь созрѣло, и что настала пора подчинить контролю разсудка и нравственныхъ требованій вѣка тѣ истины, которыя оно въ минувшемъ младенчествѣ своемъ принимало на вѣру и считало безошибочными. Само-собою разумѣется, что въ эту всеобщую инсуррекцію новыхъ идей противъ преданій старины глубокой была вовлечена и критика изящныхъ искусствъ. На великихъ художниковъ итальянской, фламандской и другихъ школъ, уже не смотрятъ, какъ на полубоговъ; репутація и права ихъ на безсмертіе подвергаются тщательному и внимательному пересмотру въ очистительномъ судѣ строжайшей критики, и судятъ ихъ уже не восторженные поклонники, а люди спокойные, хладнокровные, безпристрастные и совершенно свободные отъ авторитета славнаго имени. Нѣтъ сомнѣнія, что

изъ этой инквизиціи не одна покрытая сѣдинами столѣтій слава выйдетъ съ поникшею головою, пристыженная и черная, какъ пепелъ сгорѣвшей бумаги; зато другое безсмертное имя покроется новою славою, и получитъ еще большій авторитетъ, а польза человѣчеству будетъ та, что оно научится покланяться славѣ не слѣпо, какъ покланяются дикіе своимъ идоламъ, а разумно, какъ подобаетъ цивилизованнымъ, свободнымъ и мыслящимъ людямъ.

7) *Критика всегда должна быть правдива.*—Есть особый родъ критицизма, говорящій обо всемъ громко, свободно, безцеремонно, съ видомъ весьма ученаго знанія, но въ сущности обнаруживающій совершенное отсутствіе основательныхъ познаній и полнѣйшее незнакомство съ предметомъ. Такая критика, блещущая внѣшнею самоувѣренностью тона и внутреннею пустотою мысли, большею частью грѣшитъ противъ одного изъ важнѣйшихъ условій критицизма — противъ правдивости: это критика поддѣльная. Человѣкъ, дѣйствительно знающій свое дѣло, серіозный и правдивый, никогда не станетъ прибѣгать къ эффектамъ наружной формы рѣчи, къ громкимъ словамъ, дерзкимъ оборотамъ фразы и другимъ чисто внѣшнимъ уловкамъ авторитетнаго тона; онъ всегда будетъ болѣе заботиться о глубинѣ содержанія, нежели о заманчивой поверхностности. Указанная недобросовѣстность, неправдивость критика чаще, можетъ быть, есть послѣдствіе бѣдности его умственныхъ средствъ, его невѣжества и небрежности характера, нежели легкости его нравственныхъ принциповъ и шаткихъ понятій о чести; онъ не столько обманываетъ другихъ, сколько самого себя; онъ не подлецъ, а только невѣжда; онъ лжетъ не потому, что онъ лжецъ, что онъ способенъ не уважать правду, а потому, что онъ не знаетъ самой правды, потому, что берется говорить о такихъ вещахъ, которыхъ не понимаетъ и которыя не сложились въ его головѣ въ формѣ усвоенныхъ убѣжденій и истинъ. Цѣль его не поучать, не проповѣдовать, а просто бесѣдовать, болтать, переливать изъ пустаго въ порожнее. Такой тонъ господствуетъ во многихъ французскихъ журналахъ, въ статьяхъ, посвящаемыхъ критикѣ изящныхъ искусствъ—особенно живописи. Изъ статей этихъ вы ничему не научитесь; вы не найдете въ нихъ ни какой основной мысли, не поймете, къ чему онѣ стремятся и что намѣрены доказать, и вынесете изъ нихъ—и то рѣдко—развѣ только то, что авторъ человѣкъ довольно ловкій и нелишенный остроумія. Подобные критики поставили бы себя въ слишкомъ безвыходное положеніе, если бы задались цѣлью написать что либо новое и полезное; они не могутъ, садясь за бумагу, сказать себѣ: „ну, я буду сегодня писать только то, что я думаю, и передамъ только собственныя свои убѣжденія,“ — потому что они ровно ничего не думаютъ и ни какихъ собственныхъ убѣжденій никогда не имѣли.

Къ счастію, вліяніе псевдокритиковъ не можетъ быть очень значительно, потому что всякое общество одарено какимъ-то природнымъ чутьемъ, которымъ оно всегда отгадываетъ поддѣльное. Тѣмъ не менѣе противодѣйствіе настоящей критики не безполезно. Одинъ писатель съ серіознымъ направленіемъ и твердыми убѣжденіями,—каковы бы даже они ни были, хорошія или плохія, — имѣетъ болѣе значенія и вѣса въ обществѣ, нежели сотни благеровъ, неимѣющихъ никакихъ убѣжденій. Поэтому вліяніе подобныхъ людей можетъ быть замѣтно только въ такой средѣ, гдѣ нѣтъ истиннаго критика, да и тутъ появленіе одного мыслящаго писателя парализуетъ вліяніе критиковъ-самозванцевъ. То же инстинктивное недовѣріе, которое общество чувствуетъ къ поддѣльному критику, оно имѣетъ и въ отношеніи къ поддѣльнымъ художникамъ, на сторонѣ которыхъ конечно всегда стоятъ братья ихъ по нравамъ и убѣжденіямъ—означенные псевдокритики.

8) *Критика, изъ опасенія укора въ непостоянствѣ, не должна бояться выражать открыто всѣ оттѣнки и измѣненія, которымъ, сообразно разнымъ, конечно, законнымъ обстоятельствамъ, могутъ подвергнуться проповѣдуемыя ею убѣжденія а).* — Объ этой обязанности критики мы говоримъ особо только во вниманіе ея значительной важности, хотя она подходитъ подъ предъидущую категорію, т. е. составляетъ особый видъ обязанности критики быть правдивою. Непостоянству убѣжденій обыкновенно приписываютъ больше злаго умысла, нежели сколько оно заслуживаетъ; на дѣлѣ, оно довольно естественно, и даже неизбѣжно, и вовсе не доказываетъ отсутствія въ человѣкѣ твердыхъ принциповъ или недобросовѣстности. Человѣкъ правдивый, который говоритъ всегда то, что онъ думаетъ, не можетъ постоянно говорить одно и то же, ибо онъ думаетъ не постоянно одинаково, ибо мысли и мнѣнія его часто мѣняются, или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣняются. Такое измѣненіе убѣжденій, составляя въ сущности только развитіе ихъ, есть необходимое послѣдствіе свойствъ человѣческаго мышленія, повинующагося закону вѣчнаго прогресса. Убѣжденія людей мыслящихъ растутъ и мѣняются, какъ сами люди, переходя

а) Все сказанное въ этомъ мѣстѣ можетъ быть, съ нѣкоторою справедливостью, допущено лишь для художественныхъ убѣжденій, или, точнѣе, теорій.—Въ наукѣ нѣтъ перемѣны убѣжденій, а есть лишь расширеніе знаній, вслѣдствіе котораго гипотеза, прежде принимаемая ученымъ какъ самая вѣроятнѣйшая, отбрасывается имъ какъ противорѣчащая новымъ, извѣстнымъ ему, фактамъ. — Въ отношеніи нравственныхъ убѣжденій справедливо оправдывается въ молодомъ человѣкѣ измѣненіе убѣжденій въ *прогрессивномъ* направленіи, и осуждается противоположная тому перемѣна. Въ зрѣломъ человѣкѣ измѣненіе нравственныхъ убѣжденій есть сознаніе въ большой слабости ума и характера.

всѣ возрасты отъ младенчества до возмужалости. Всѣ честные люди очень хорошо понимаютъ это, и въ глазахъ ихъ такъ называемое постоянство убѣжденій, которое есть не что иное, какъ неотступное повтореніе однажды формулированной мысли, представляется дѣломъ, незаслуживающимъ еще особеннаго уваженія. Подобное постоянство часто составляетъ или простое упрямство, тупоуміе, или застой въ развитіи мыслительныхъ способностей, а еще чаще, особенно въ критикѣ, оно представляетъ собою особую уловку для побужденій не совсѣмъ честныхъ: писатель, который непрестанно думаетъ о томъ, какъ бы ему не стать въ противорѣчіе съ своими прежде заявленными убѣжденіями, котораго девизъ: «Помни всегда, о чемъ ты пишешь, и остерегайся сказать что нибудь такое, что было бы несогласно съ разъ уже высказанными тобою убѣжденіями,» — такой писатель, говоримъ мы, едва ли можетъ назваться добросовѣстнымъ; ибо, повторяя въ данное время убѣжденія, которыя онъ заявлялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ высказываетъ убѣжденія, несоотвѣтствующія его настоящему, непремѣнно измѣнившемуся — вслѣдствіе опыта, собственнаго его развитія и новыхъ успѣховъ науки — образу мыслей, а только возвращается къ старому, съ единственною цѣлью не компрометировать въ глазахъ людей, легко осуждающихъ, своего ложно понятаго постоянства. Съ другой стороны, постоянство убѣжденій можетъ быть и признакомъ глупости; человѣкъ недальняго ума вѣренъ своимъ убѣжденіямъ вслѣдствіе инерціи его умственныхъ силъ; если ему удалось когда нибудь случайно или съ большимъ трудомъ и напряженіемъ мысли составить нѣчто въ родѣ убѣжденія, онъ останется при этомъ послѣднемъ постоянно, потому что развить, усовершенствовать, измѣнить его къ лучшему, для такого человѣка, было бы трудомъ, слишкомъ несоразмѣрнымъ съ его силами. Писатель, который, въ одно и то же время, и уменъ, и добросовѣстенъ, не стоитъ на одной точкѣ, а слѣдитъ за успѣхами мысли, постоянно повѣряетъ самого себя, свои выводы и заключенія, постоянно открываетъ свои ошибки и кается въ нихъ. Спрашивается: есть ли какое нибудь справедливое основаніе къ тому, чтобы укорять въ непостоянствѣ и лишать довѣрія человѣка, сознающаго свои прежнія ошибки и простодушно кающагося передъ публикою, что онъ ее прежде ошибочнымъ мнѣніемъ своимъ вводилъ въ обманъ? Очевидно, что ни какого справедливаго основанія такому явленію не отыщешь, а между тѣмъ явленіе это повторяется въ обществѣ на каждомъ шагу. Общество такъ много наслышалось о томъ, что мѣнять убѣжденія изъ-за личныхъ выгодъ не хорошо, что оно, наравнѣ съ этимъ частнымъ случаемъ (обусловленнымъ личными выгодами того, который своимъ убѣжденіямъ дѣлается невѣренъ), осуждаетъ всякое проявленіе непостоянства, какъ

незаконное, и преслѣдуетъ человѣка въ немъ уличеннаго, какъ ненадежнаго. „Не довѣряйте,“ говорятъ, „этому человѣку; онъ самъ не знаетъ, куда поведетъ васъ.“ И въ этомъ послѣднемъ аргументѣ, они, можетъ быть, и правы, въ томъ отношеніи, что всякій человѣкъ, избирающій цѣлью своихъ стремленій истину, никакъ не можетъ знать напередъ какими изворотами онъ до нея дойдетъ.

9) *Критика должна знать по возможности все, что непосредственно или косвенно касается изящныхъ искусствъ.* — Искусство такъ обширно, что нельзя себѣ и представить, чтобы человѣкъ, желающій сдѣлаться самостоятельнымъ судьею въ немъ, не посвятилъ ему почти *всего* своего времени. Но, имѣя въ виду, что изящными искусствами занимаются не одни спеціалисты, которые одни могли бы удовлетворить означенному условію, мы можемъ настоящую категорію обязанностей критики, въ примѣненіи ея къ отдѣльнымъ занимающимся ею лицамъ, формулировать съ слѣдующею небольшою модификаціею: критикъ долженъ изучать все, что касается искусствъ, *по мѣрѣ того, какъ ему позволитъ время и обстоятельства.* Оговорка эта, разумѣется, будетъ относиться только къ тѣмъ писателямъ, которые искусству посвящаютъ часы свободнаго досуга отъ другихъ болѣе, можетъ быть, важныхъ и спеціальныхъ своихъ занятій.

Единственное средство понять искусство заключается въ прилежномъ, возможно полномъ и тщательномъ изученіи различныхъ явленій, какъ одушевленной, такъ и неодушевленной природы, которой оно служитъ выраженіемъ. Чтобы судить о картинѣ, напримѣръ, или о статуѣ, надобно прежде всего понимать то, что онѣ изображаютъ, надобно быть знакомымъ съ *сюжетомъ* картины или статуи. Для оцѣнки ландшафта, надобно хорошо знать внѣшній міръ, понимать его явленія и гармонію; для оцѣнки исторической картины, надобно быть хорошо знакомымъ съ исторіею; для оцѣнки картины аллегорической или изображающей вымышленный предметъ, надобно умѣть чувствовать поэзію и обладать развитымъ воображеніемъ; для такъ называемаго жанра, надобно опять-таки знать исторію различныхъ народовъ, обычаи и нравы различныхъ эпохъ, и вообще имѣть довольно подробныя свѣдѣнія по части этнографіи; для оцѣнки портрета, — съ его чисто художественной конечно стороны, — надобно, если не знать изображенное имъ лице, то по крайней мѣрѣ понимать человѣка вообще съ его, какъ физіологической, такъ и психической стороны: надобно быть физіономистомъ. — Трудно перечислить всѣ отрасли знанія, которыя *необходимы* для всякаго желающаго сдѣлаться критикомъ по части изящныхъ искусствъ. Критикъ долженъ получить гораздо болѣе пространное воспитаніе, нежели художникъ, потому что каждый художникъ имѣетъ свою спеціальность, смо-

тря по роду живописи, которымъ занимается, а критикъ долженъ обнимать всѣ эти спеціальности. Художникъ можетъ быть или пейзажистомъ, или жанристомъ, или портретистомъ и т. д.; пейзажистъ не обязанъ быть жанристомъ и, наоборотъ, жанристъ — портретистомъ и т. д. Критикъ не можетъ выбирать между спеціальностями; иначе, кругъ его дѣятельности будетъ слишкомъ тѣсенъ, статьи недоступны для публики, и пользы онъ принесетъ не много.

Кромѣ познаній, даруемыхъ воспитаніемъ, хорошій критикъ можетъ обогатить свой запасъ свѣдѣній наблюденіями изъ собственнаго опыта и изъ современной общественной и гражданской жизни; онъ долженъ путешествовать, для того, чтобы познакомиться съ явленіями чужой, неизвѣстной ему природы, нравами иноземныхъ народовъ и произведеніями искусства въ различныхъ странахъ. Критикъ не можетъ всему научиться у себя въ кабинетѣ. Можетъ ли, напримѣръ, англичанинъ, никогда невыѣзжавшій изъ Англіи, быть хорошимъ судьею въ пейзажной живописи, когда на англійскихъ выставкахъ безпрестанно появляются ландшафты, изображающіе мѣстности совершенно незнакомой ему природы? Ландшафтъ у насъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ живописи; пейзажисты наши давно уже перестали довольствоваться изображеніемъ монотонной природы своей родины; они пишутъ Альпы и Пиренеи, ущелья Кавказа, лѣса Скандинавіи, степи Азіи и пальмы Египта. Конечно, кругосвѣтнаго путешествія нельзя требовать отъ всякаго кандидата на званіе критика; но поѣздка по Европѣ для него почти необходима, какъ для изученія природы и людей различныхъ странъ, такъ преимущественно для ознакомленія съ твореніями различныхъ мастеровъ различныхъ школъ. Хорошій критикъ долженъ собственными глазами видѣть *въ оригиналахъ* всѣ капитальныя картины извѣстныхъ художниковъ, потому-что по описаніямъ и гравюрамъ, и даже по копіямъ, нельзя имѣть еще понятія объ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ ихъ — о колоритѣ.

10) *Критика должна умѣть сочувствовать искусству, а для сего должна обладать большою чувствительностью и понимать психическую сторону художественныхъ произведеній.* — Умѣнье чувствовать, понимать человѣческую душу, во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляетъ счастливое и довольно рѣдкое качество въ критикѣ. Искусство есть выраженіе человѣческаго сердца; потому, — чтобы судить объ искусствѣ, надобно знать сердце, надобно быть до нѣкоторой степени психологомъ, а для этого необходимо самому обладать тонкою чувствительностью. Холодный и равнодушный темпераментъ не годится для критики. Истинный критикъ чувствуетъ вмѣстѣ съ художникомъ, и вмѣстѣ съ нимъ способенъ даже увлекаться; его удовлетворяютъ произведенія, въ кото-

рыхъ выражаются иногда самыя разнородныя мысли и проявленія человѣческой души, потому что само чувство до безконечности разнообразно. Критикъ, хвалящійся тѣмъ, что ничто не трогаетъ его, этимъ только доказываетъ, что онъ не умѣетъ чувствовать и не способенъ понимать чувства въ другомъ. Художникъ можетъ чувствовать самъ по себѣ, но критикъ долженъ, кромѣ того, сочувствовать всѣмъ художникамъ, чтобы не считаться рабомъ своихъ личныхъ эгоистическихъ и узкихъ воззрѣній.

11) *Критика должна преслѣдовать предразсудки установившіеся и предупреждать возникновеніе новыхъ предразсудковъ и предубѣжденій въ области изящнаго.* — Почти всѣ изящныя искусства, по самой натурѣ своей, заключаютъ въ себѣ множество причинъ къ образованію предразсудковъ разнаго рода. Такъ почти каждый живописецъ предубѣжденъ противъ того или другаго техническаго пріема, той или другой манеры, жанра и т. п. Часто предметомъ такого личнаго предубѣжденія художника бываетъ та именно сторона живописи, которая почему либо ему не подъ силу, не дается ему, которую талантъ его не можетъ преодолѣть; напримѣръ, живописецъ, который не можетъ совладать съ колоритомъ, непремѣнно вооруженъ противъ какой нибудь краски, и увѣряетъ всѣхъ, что краска эта никуда не годится. Одинъ художникъ старался убѣдить меня, что употребленіе кобальта (особый родъ голубой краски) вредитъ общей гармоніи колорита, и, подобно кобальту, почти каждая краска имѣетъ своего заклятаго врага между живописцами. Подобныя предубѣжденія объясняются тѣмъ, что художникъ, работающій постоянно въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругѣ своей спеціальности, дотого свыкается съ повторяющимися въ каждомъ штрихѣ его работы особенностями и недостатками его таланта, что извлекаемыя имъ изъ собственнаго опыта наблюденія принимаютъ въ его умѣ форму непреложныхъ истинъ; привычка всѣхъ другихъ художниковъ эгоистически мѣрить на свою мѣрку, убѣждаетъ его, что всякій пріемъ, который не удается ему, не долженъ даваться и другимъ художникамъ; онъ никогда не признается въ неудачѣ, въ неспособности, и даже всякій капризъ свой непремѣнно старается оправдать какимъ-нибудь раціональнымъ основаніемъ. Если онъ, напримѣръ, не любитъ кармина, онъ не скажетъ прямо: „я избѣгаю употребленія кармина, потому что краска эта мнѣ не нравится,“ а скажетъ: „я не употребляю кармина, потому-что это плохая и вредная для колорита краска!“ — Особенно капризны бываютъ пейзажисты: я зналъ одного англичанина, который имѣлъ антипатію къ тополямъ, и одного француза, который не могъ равнодушно видѣть на полотнѣ каштановыя деревья. Подобные предразсудки, конечно, не столько вредны для самихъ художниковъ, ими одержимыхъ,

сколько для интересовъ общественнаго вкуса вообще: кому не нравятся тополи, тотъ и не будетъ рисовать ихъ — вотъ и все; но публика, которая привыкла на-слово вѣрить всему, что говоритъ художникъ о своемъ искусствѣ, можетъ заразиться антипатіею къ тополямъ и незаслуженно порицать всѣ картины, въ которыхъ тополи попадутся. Отучить художниковъ отъ этой слабости и спасти общество отъ заразы можетъ только *здравая* критика.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ важнѣйшія условія и обязанности хорошей эстетической критики, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ *ложной* критики, которая при всей своей несостоятельности пользуется еще довольно значительнымъ вліяніемъ на общество.

Выше было доказано, что истинный критикъ долженъ обладать огромнымъ запасомъ познаній и свѣдѣній, какія не всякому человѣку доступны, по недостатку воспитанія, времени, средствъ и даже охоты. Само собою разумѣется, что условію этому мы предпосылаемъ и sine qua non условіе умственныхъ дарованій и природной способности или по крайней мѣрѣ склонности къ критицизму. Но одного послѣдняго условія, — т. е. ума, безъ перваго, т. е. познаній, — недостаточно: врожденная способность того, что называется критиковать, можетъ только научить человѣка говорить красно и остроумно; но говорить о вещахъ, которыхъ не знаешь, невозможно безъ того, чтобы не наговорить кучи нелѣпостей.

Псевдо-критикъ есть именно писатель, пишущій о такихъ предметахъ, которыхъ онъ не знаетъ. Главная забота его направлена къ тому, чтобы скрыть отъ читателя эту несостоятельность свою по части знанія и казаться человѣкомъ весьма по своему дѣлу свѣдущимъ. Само собою разумѣется, что удободостигаемость этой цѣли обратно пропорціональна степени образованности кружка читателей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло: чѣмъ менѣе образованы читатели, тѣмъ легче псевдо-критику скрыть отъ нихъ свою слабую сторону.

Отличительная черта настоящаго критика та, что онъ никогда не скрываетъ своего незнанія. Ему никакого труда не составляетъ признаться, что онъ такой-то спеціальности не знаетъ, такой-то частности не понимаетъ. Если онъ не знаетъ, напримѣръ, анатоміи, то, разсуждая о какой нибудь нагой фигурѣ въ статуѣ или картинѣ, онъ прямо скажетъ своимъ читателямъ, что, не имѣя понятія объ анатоміи, онъ не можетъ судить о достоинствахъ и вѣрности фигуры съ этой точки зрѣнія, и не станетъ затѣмъ вовсе говорить о расположеніи мышцъ, о линіяхъ подкожныхъ венъ и т. п.; другой случай: положимъ, что критикъ никогда не видалъ и не испыталъ бури на морѣ; онъ не станетъ судить о

морскихъ пейзажахъ; если же ему придется по необходимости,—напримѣръ, при описанiи цѣлой выставки или галлереи разныхъ картинъ,—сказать свое мнѣнiе о картинѣ, изображающей бурю, онъ вѣроятно съ перваго же слова предупредитъ читателя насчетъ своего невѣдѣнiя по части кораблекрушенiй, и затѣмъ будетъ разсматривать картину со стороны ея внѣшнихъ и независящихъ отъ сюжета качествъ. Псевдо-критикъ на такую откровенность положительно не способенъ; онъ никогда не рѣшится сознаться, что онъ *чего нибудь* не знаетъ. Вообще, если критикъ *обо всемъ* говоритъ тономъ знатока,—это вѣрный признакъ, что онъ *ничего* не знаетъ; претензiя на всевѣдѣнiе въ критикѣ непремѣнно доказываетъ пустоту и невѣжество.

Другая отличительная черта псевдо-критика—это исключительно *отрицательный тонъ* его критицизма: онъ почти никогда не хвалитъ—умалчиваетъ о достоинствахъ и говоритъ *только* о недостаткахъ разбираемаго произведенiя. Постоянная цѣль его—открывать недостатки. Цѣль истиннаго критика—приходить къ выводамъ и заключенiямъ. Само собою разумѣется, что псевдо-критикъ не осмѣливается искать недостатковъ въ авторитетахъ, потому что этимъ онъ могъ бы навлечь на себя неудовольствiе толпы, авторитетамъ покланяющейся. Поэтому раболѣпное подчиненiе авторитету и безпощадная строгость и придирчивость къ второстепеннымъ и современнымъ талантамъ—вотъ характеръ ложной критики. Найти недостатокъ въ любомъ произведенiи искусства не трудно—*la critique est aisée*! Возьмемъ, напримѣръ, опять живопись: передать безукоризненно-вѣрно внѣшнюю природу на полотно невозможно; иногда трудно бываетъ на одномъ и томъ же полотнѣ совмѣстить нѣсколько требованiй и соблюсти всѣ условiя; художникъ иногда поставленъ въ необходимость колоритомъ до нѣкоторой степени пожертвовать для освѣщенiя, или освѣщенiемъ—для экспрессiи, перспективою—для очертанiя главныхъ формъ сюжета, формою—для мысли и т. д. Живописецъ, однимъ словомъ, всегда достигаетъ одного достоинства въ ущербъ или на счетъ другихъ; величайшiе генiи не изъяты отъ этой бѣды: Рафаэль грѣшитъ противъ перспективы, Микель Анджело противъ красоты, и т. д. Для непосвященныхъ въ искусство и дилеттантовъ, обстоятельство это, между тѣмъ, вовсе неизвѣстно или непонятно, а псевдо-критикъ находитъ въ немъ обильную пищу для своей потребности порицать, отыскивать ошибки, осуждать, поднимать на смѣхъ. Техническая часть искусства представляетъ собою еще большiй просторъ для безцеремоннаго критицизма. Техника живописи такъ трудна, что даже великiе мастера не могли владѣть ею въ совершенствѣ, и часто впадали въ ошибки. Посредственные таланты ошибаются на каждомъ шагу, но ошибки ихъ, простительныя въ глазахъ истиннаго критика, подвергаются

самому безпощадному гоненію со стороны критика ложнаго. Вообще манера псевдо-критика болѣе напоминаетъ болтовню старой бабы, исполненную сплетень, клеветы и скандалезныхъ намековъ, нежели серіозное разсужденіе.

Ложная критика чаще всего отдѣлывается общими мѣстами. Пріемы ея всѣ болѣе или менѣе извѣстны, стары и опошлены. Такова, напримѣръ, старая замашка упрекать вещь тѣмъ, что она такъ создана, а не иначе; зачѣмъ, дескать, такъ? лучше бы такъ!—зачѣмъ NN пишетъ пейзажи? лучше сдѣлался бы жанристомъ; — и все это, замѣтьте, совершенно голословно, бездоказательно. Но въ числѣ казенныхъ уловокъ псевдо-критика есть уловки позднѣйшаго происхожденія; сюда принадлежитъ поддѣлка подъ снисходительный тонъ и еще чаще разные способы льстить самолюбію читателя. Напримѣръ, критикъ говоритъ, что о такомъ-то произведеніи онъ имѣлъ бы еще многое что сказать, но недостатки его такъ очевидны, что онъ увѣренъ, что читатель самъ хорошо ихъ видитъ, и поэтому онъ, великодушный критикъ, избавляетъ читателя отъ скучныхъ подробностей полной спецификаціи тѣхъ недостатковъ. Этотъ пріемъ почти всегда удается, потому что публика не прочь, чтобы ей польстили.

Вообще пріемы ложной критики мелки, придирчивы, нахальны и недостойны разумно-свободной природы человѣка; напротивъ, пріемы истинной критики всегда великодушны и исполнены достоинства. Псевдо-критикъ не знаетъ искусства, лжетъ самому себѣ и смѣется надъ публикою; истинный критикъ прилежно трудится на пользу общую, служитъ искусству и воспитываетъ общество.

ВЫСШЕЕ
ПРЕПОДАВАНІЕ ВО ФРАНЦІИ,

ЕГО ИСТОРІЯ И БУДУЩЕЕ.

СТАТЬЯ ЭРНЕСТА РЕНАНА.

Въ числѣ лучшихъ особенностей нашего времени слѣдуетъ считать проявившуюся недавно всеобщую склонность къ умственнымъ занятіямъ, толчекъ, данный этимъ просвѣщенному и стремящемуся къ образованію обществу, и содѣйствіе администраціи развитію этихъ полезныхъ попытокъ. Но въ этихъ новыхъ попыткахъ открылась, какъ и всегда бываетъ, своя опасная сторона. Многіе, очень серіозные люди, замѣтили, что демократія, имѣя прежде всего въ виду пользу самыхъ многочисленныхъ классовъ, и принимая за основаніе, чтобы оплачиваемое всѣми было полезно всѣмъ, кончитъ тѣмъ, что нанесетъ важный ущербъ великимъ открытіямъ, тѣмъ открытіямъ, которыя зараждаются въ умѣ небольшаго числа людей прежде, нежели сдѣлаются общимъ достояніемъ человѣчества. Дѣйствительно, высшее умственное развитіе есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, чисто-аристократическое начало. Чтобы пріобрѣсть его, необходимо спеціальное знаніе, исключительное посвященіе себя научнымъ изслѣдованіямъ и размышленіямъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить его, требуются обширныя познанія, философія, умѣніе обнять общимъ взглядомъ прошлое и будущее, на что способны весьма немногіе. Если бы существованіе курса высшей математики во „Французской коллегіи“ потребовало когда либо, чтобы масса лицъ, вносящихъ подати, поняла всю пользу этой науки, то послѣдней грозила бы

большая опасность. Но мнѣ кажется, что эти опасенія основываются на ложномъ пониманіи народныхъ стремленій въ новѣйшее время. Народъ, какъ въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, такъ и въ умственныхъ, не способенъ анализировать то, чего онъ хочетъ; но его хотѣнія направлены вѣрно. То, чему станетъ содѣйствовать демократія, будетъ, я думаю, очень аристократично. Искусство, поощряемое народомъ, будетъ великимъ искусствомъ, а не мишурою, которою тѣшатся отживающія эпохи. Литература, внушенная народомъ, будетъ высокая литература, затрогивающая наши лучшіе инстинкты, а не остроумная забава, не фокусы оборотовъ рѣчи. Самый языкъ, избранный народомъ, будетъ чистый французскій языкъ, простой, естественный, а не вычурный языкъ, мѣняющійся съ господствомъ той или другой школы, порожденный личной фантазіей. Я точно такъ же надѣюсь, что будущая демократія, не входя въ тонкости науки, инстинктивно пойметъ ея смыслъ и значеніе. Она будетъ смотрѣть на ученыхъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ варвары относились къ святымъ — съ чувствомъ уваженія и удивленія, испытываемаго предъ неясно-проникнутой тайной. Народъ пойметъ, что успѣхи точныхъ изслѣдованій—лучшее пріобрѣтеніе человѣчества, пріобрѣтеніе прежде всего необходимое для тѣхъ, кого оно облагороживаетъ и освобождаетъ. Міръ безъ науки — это рабство, это человѣкъ, вертящій жерновъ, порабощенный матеріей, приравненный вьючному животному. Міръ, просвѣтленный наукой, будетъ царствомъ духа, царствомъ дѣтей божіихъ.

Главная причина, заставляющая превосходныхъ судей предмета опасаться вліянія демократіи на высшее развитіе, есть весьма распространенное мнѣніе, будто наука должна измельчиться, чтобъ сдѣлаться достояніемъ большинства. Дѣло въ томъ, что есть два способа дѣлать науку доступной всѣмъ; это — разсматривать ее съ самой возвышенной ея стороны, или съ самой мелкой. Средняя точка зрѣнія, область спеціальныхъ выводовъ, ускользаетъ отъ тѣхъ, кто не имѣетъ предварительныхъ познаній. Преподаватели, для того, чтобы стать въ уровень со своею публикою, впадаютъ обыкновенно въ ту ошибку, что нисходятъ до анекдотовъ, до поверхностныхъ аналогій, до бросающихся въ глаза опытовъ, мелочныхъ примѣненій; было бы гораздо лучше прямо начинать съ вершинъ, куда стягиваются всѣ научныя истины, и гдѣ онѣ становятся, въ нѣкоторой степени, общимъ достояніемъ *а)*. Я не

а) Мысль автора вѣрна, но выраженіе ея нѣсколько неточно. Всѣ научныя истины доступны большинству, и, конечно, тогда только преподаваніе достигаетъ своей цѣли, когда слушатели не остановились на пестромъ калейдоскопѣ научныхъ примѣненій, а достигли до пониманія научныхъ идей. Но до этихъ идей, которыя преподаватель ни-

требую, чтобы толпѣ объясняли всѣ тонкости, всѣ различные оттѣнки въ области религіозныхъ, нравственныхъ и философскихъ истинъ; но я убѣжденъ, что нѣтъ такой тонкой истины, которую не могли бы всѣ понять. Популяризація философскихъ результатовъ, должна быть не умаленіемъ, а переводомъ. Большая ошибка обращаться съ народомъ, какъ съ ребенкомъ: съ нимъ слѣдуетъ обращаться, какъ съ женщиной. Рѣчь, произносимая въ присутствіи женщинъ, лучше той, что произносится въ ихъ отсутствіи; она подчинена большему числу правилъ, болѣе строгимъ требованіямъ. Точно такъ же и то, что пишутъ для народа, должно быть строже обдумано. Ему можно все сказать, но съ условіемъ не говорить ничего такого, чего бы онъ не понималъ, и въ особенности ничего такого, что̀ онъ могъ бы понять превратно *а*).

I.

До сихъ поръ, не только во Франціи, но и ни въ какой другой странѣ не совершалось ничего великаго ~~помимо~~ независимо государства. Наше время первое поняло соціальную организацію, гдѣ предоставляется полная свобода личной инціативѣ. Вотъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, хотя бы даже и не возможно было осуществить его вполнѣ. Первый догматъ нашихъ политическихъ, соціальныхъ, философскихъ и религіозныхъ вѣрованій, это — свобода, а для насъ свобода есть воздержаніе государства отъ всего, что не составляетъ непосредственнаго обще-

---

когда не долженъ терять изъ виду, слушатели должны быть доведены постепенно, и за точку исхода, большею частью, всего лучше взять вопросы жизненные и точки зрѣнія, всего ближе подходящія къ практическимъ воззрѣніемъ, которыя сами собою понятны слушателямъ. Съ этой точки зрѣнія, преподаватель долженъ по возможности скорѣе возвести свою аудиторію на точку зрѣнія руководящихъ научныхъ идей, и тогда уже, достигнувъ этихъ послѣднихъ, руководствоваться чисто научными требованіями.

а) Вопросъ о книгахъ и о преподаваніи для массы затруднителенъ именно въ слѣдствіе послѣднихъ двухъ требованій, совершенно вѣрныхъ. Извѣстно что каждый человѣкъ имѣетъ свой обыденный словарь выраженій, которыя понимаетъ и которыми обходится въ жизни. Этотъ словарь весьма различенъ, смотря по развитію, и словарь образованнаго литератора, или разносторонне-развитаго ученаго, въ нѣсколько сотъ разъ превосходитъ словарь простолюдина, или человѣка, получившаго слабое образованіе. Авторъ или профессоръ, чтобы быть понятымъ, и понятымъ надлежащимъ образомъ, долженъ имѣть самое точное свѣдѣніе о словарѣ своихъ читателей и слушателей. На сколько онъ съумѣетъ выразить научныя идеи помощью этого словаря, на столько его слова могутъ произвести ясное и опредѣленное впечатлѣніе. Правомъ вводить новыя слова, опредѣляя ихъ (а самое старое слово, не входящее въ обыденный словарь читателя или слушателя, для него ново), должно пользоваться съ большою осторожностью, потому что слово, получившее опредѣленіе, усвоивается еще не сейчасъ, а при большомъ количествѣ новыхъ словъ, даже получающихъ въ надлежащее время опредѣленіе, книга или рѣчь все-таки оставитъ смутное впечатлѣніе.

ственнаго интереса. Но, съ другой стороны, конечно всѣ здравомыслящіе люди согласятся, что до такого идеала намъ еще очень далеко, и что самое вѣрное средство отодвинуть его еще далѣе,- это именно слишкомъ поспѣшное отреченіе государства отъ своего вмѣшательства въ чисто общественныя дѣла. Съ нашею системою вовсе не сообразно, чтобы забота о воспитаніи лежала на государствѣ, а между тѣмъ едва-ли найдется такой либералъ, который потребовалъ бы къ завтру же уничтоженія министерства народнаго просвѣщенія. Главное, чтобы государство не имѣло ни въ чемъ исключительнаго вліянія. Но благодаря духу индивидуализма, пустившему такіе глубокіе корни въ образованномъ мірѣ, расположеніе или нерасположеніе правительствъ къ умственнымъ вопросамъ имѣетъ теперь второстепенную важность. Личное мнѣніе и вкусъ Лудовика XIV были закономъ для его вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, люди, желавшіе имѣть вліяніе на свое время, должны были обращать большое вниманіе на Фридриховъ и другихъ вѣнчанныхъ меценатовъ. Въ наше время, вся умственная власть перешла къ европейской публикѣ. Въ такомъ огромномъ обществѣ, интриги и шарлатанство не могутъ имѣть никакого значенія. Пространство имѣетъ то же дѣйствіе, что и время; черезъ сто лѣтъ, всякому воздается по заслугамъ; точно такъ же и просвѣщенная Европа не можетъ долго заблуждаться на счетъ истиннаго достоинства личностей и идей. Этотъ неподкупный, неуловимый судья есть истинный меценатъ: его расположить можно дѣломъ, а не лестью.

Во всемъ, что относится къ искусству и литературѣ, вопросъ о покровительствѣ государства рѣшается, относительно, легко. Такая реформа, которая уничтожила бы его вліяніе на поэзію, на продукты воображенія, на живопись, музыку, скульптуру, была бы почти своевременна въ настоящую эпоху. Во всемъ этомъ, настоящее поощреніе— свобода. Искусство и литература только тогда истинны, когда они дѣти своего времени; общество поощряетъ лишь то, что сообразно съ его чувствами и потребностями въ данное время. Такая литература можетъ быть очень плохою, если не хорошъ ея вѣкъ; но она литература своего времени. Поддерживать искусственно и насильно, помимо публики, такой родъ литературы или искусства, какого она не требуетъ, дѣло безплодное, потому что оно не производитъ ничего истиннаго и естественнаго. Случается почти неизбѣжно такъ, что эти поощренія, которыхъ не добиваются истинные художники, награждаемые за свое сочувствіе общему вкусу, падаютъ на одну посредственность и увлекаютъ на умственное поприще людей безъ призванія, видящихъ въ немъ одно ремесло.

Но какъ бы то ни было относительно этого пункта, на которомъ слѣдуетъ еще остерегаться слишкомъ поспѣшныхъ и радикальныхъ рѣшеній, а нельзя опровергать того, что высшее умственное образованіе составляетъ важнѣйшій интересъ государства. Государству въ высшей степени необходимы ученые по части физическихъ и математическихъ наукъ. Эти науки произвели и произведутъ еще существенные перевороты въ промышленности, торговлѣ, войнѣ и администраціи. Въ настоящее время міръ раздѣляется на два разряда націй: на такія, у которыхъ есть ученые, и на такія, у которыхъ нѣтъ ихъ. Послѣднія стоятъ ниже въ политическомъ отношеніи, точно такъ же, какъ и въ умственномъ. Мусульманскій востокъ соперничалъ съ западомъ и даже побѣждалъ его до XVI вѣка, т. е. до рожденія новѣйшей науки. Мусульманскій міръ сталъ самоубійцею, задушивъ въ себѣ, въ XIII вѣкѣ, зародышъ науки. То, что я сказалъ о наукахъ математическихъ и физическихъ, можно сказать и о наукахъ историческихъ. Эти науки суть не что иное, какъ отысканіе законовъ, которымъ подчинялось до сихъ поръ человѣческое развитіе. Онѣ служатъ основою общественнымъ наукамъ. Безъ нихъ въ обществѣ получаются умы не прочные, не оживленные, не проницательные. Житель востока ниже европейца гораздо болѣе потому, что онъ не знаетъ исторіи, нежели потому, что ему неизвѣстна природа *а*). Великая причина превосходства Европы надъ Соединенными Штатами, превосходства въ которомъ такъ трудно дать себѣ отчетъ, хотя оно дѣйствительно существуетъ, есть недостатокъ въ Соединенныхъ Штатахъ учрежденій въ области науки, учрежденій, подобныхъ нашимъ университетамъ, академіямъ, умственной аристократіи нашихъ европейскихъ столицъ *б*). Государство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ такому явленію, какъ всеобщая тупость и грубость умовъ.

Прибавимъ, что возраженія, которыя можно привести противъ

а) Это слишкомъ рѣшительно сказано. Кто болѣе или менѣе ясно знаетъ природу, тотъ неизбѣжно придетъ къ знанію и пониманію исторіи, и за поколѣніемъ, которое ясно ставитъ вопросы естествознанія непремѣнно скоро послѣдуетъ и поколѣніе, которое ясно поставитъ вопросы исторіи. Мусульманскій востокъ страдаетъ невѣжествомъ вообще, и различать вліяніе отсутствія разныхъ знаній невозможно тамъ, гдѣ онѣ отсутствуютъ всѣ.

б) Превосходство европейскаго общества, какъ цѣлаго, надъ сѣверо-американскимъ, подлежитъ большому сомнѣнію. Все, что можно сказать, повидимому ограничивается слѣдующимъ: въ жизни обществъ обоихъ полушарій есть свои недостатки, спеціальные для каждаго общества, но эти недостатки такъ разнородны, что сравненіе ихъ весьма затруднительно. Каждый, по своему взгляду на достоинство общества прилагаетъ свою единицу, и, смотря по этой единицѣ, ставитъ выше европейское или сѣверо-американское общество.

роли государства въ дѣлѣ искусства, не приложимы къ наукѣ. Весьма неудобно, если государство имѣетъ свое мнѣніе въ области искусства и поэзіи. Для этого оно должно имѣть свой догматъ, быть классикомъ или романтикомъ, принимать чью нибудь сторону въ вещахъ совершенно свободныхъ и относящихся для всякаго къ области произвольнаго выбора. Тогда какъ, напротивъ того, покровительствуя наукѣ, государство не рѣшаетъ насильственно никакого спорнаго вопроса. Тутъ дѣло идетъ о положительныхъ изслѣдованіяхъ, конечно также подлежащихъ многимъ спорамъ, но въ которыхъ личный вкусъ ничего не значитъ. Государство не обязано наблюдать за тѣмъ, чтобы въ странѣ не выводились люди, пишущіе эпопеи и трагедіи, но оно обязано наблюдать надъ тѣмъ, чтобы были люди, занимающіеся научными изслѣдованіями *а*). Поощряя эти изслѣдованія, оно не принимаетъ ни чьей стороны, оно служитъ только общему умственному прогрессу. Въ болѣе совершенномъ обществѣ, гдѣ высшее образованіе болѣе распространено, такое поощреніе излишне; но въ нашемъ обществѣ оно необходимо. Наука чаще всего разработывается такими людьми, которымъ необходимо жить своимъ трудомъ; а сама по себѣ наука, источникъ всякаго прогресса, не производительна. Она обогащаетъ не того, кто дѣлаетъ въ ней открытія, а того, кто примѣняетъ ихъ. Ни Ньютонъ, ни Лейбницъ не извлекли для себя никакой выгоды изъ открытаго ими дифференціальнаго исчисленія. Истинные создатели химіи не пользовались доставленными ею громадными промышленными богатствами. И это справедливо, потому что на ихъ долю выпала слава *б*). Во всякомъ случаѣ, это неизбѣжно. Какъ же не вступиться обществу, чтобы вознаградить эту необходимую несправедливость, которою оно пользуется,

---

а) Тутъ можно не совсѣмъ согласиться. Красота картины, статуи можетъ быть независима оттого, что художникъ классикъ или романтикъ, а такъ какъ музеи составляютъ государственную собственность, то кто же будетъ покупать произведеніе искусства, если государство не станетъ этого дѣлать. Только вмѣшательство государства должно происходить чрезъ посредство знающихъ экспертовъ, а не чиновниковъ.— Относительно же поощренія науки можно сказать, что награды ученымъ справедливы, но едва-ли многочисленные капиталы, употребляемые прямо на награды ученымъ, сдѣлали когда нибудь и гдѣ нибудь столько для возбужденія новыхъ научныхъ пріобрѣтеній, какъ свобода науки, возвышеніе тѣмъ самымъ достоинства ученаго въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества, и отсюда проистекающее возрастаніе любви къ наукѣ въ молодомъ поколѣніи. Лучшія работы производятся обыкновенно учеными до тѣхъ поръ, когда ихъ дѣлаютъ академиками, осыпаютъ звѣздами и т. д.

б) Здѣсь приличнѣе бы говорить не о славѣ, но о собственномъ удовлетвореніи, о наслажденіи открыть истину. Едва ли Коперникъ, котораго сочиненіе явилось послѣ смерти, и который, слѣдовательно, славой не воспользовался, не былъ счастливѣе Леверрье, облеченнаго всѣми возможными почестями по случаю удачнаго вычисленія, которое

или, вѣрнѣе, какъ же бы оно не дѣлало ссудъ на предпріятія, плоды которыхъ составляютъ его барышъ.

Средніе вѣка, не имѣвшіе понятія о государствѣ, дѣйствовали тутъ совсѣмъ иначе. Умственное и нравственное развитіе принадлежало по принципу церкви; но мастера по умственнымъ вопросамъ составили вскорѣ въ самой церкви независимое сословіе. Университеты, состоявшіе вначалѣ въ непосредственной зависимости отъ духовенства, мало-помалу освободились, опираясь на королевскую власть, и составили родъ полу-духовной, полу-свѣтской власти, представительницы государственнаго образованія. XII и XIII вѣка были самымъ цвѣтущимъ временемъ этого великаго движенія, прославившаго по всему свѣту гору св. Женевьевы, Гарландскій садъ, лавочки Фуарской улицы *а*). Это было очень оригинальное движеніе—въ особенности вначалѣ—настоящее возрожденіе, только не давшее прочныхъ плодовъ. Въ XIV и XV вѣкахъ, мы видимъ университеты въ полномъ упадкѣ, наводненными педантизмомъ, занятыми однимъ преподаваніемъ, ничего не дѣлающими для общаго умственнаго прогресса. Въ истинномъ, великомъ возрожденіи, которымъ заслужила себѣ вѣчную славу Италія, университеты почти не участвовали. Мало того, злѣйшіе враги его были въ университетахъ; противъ него возстали всевозможные ученые доктора. Это возрожденіе было дѣломъ Флоренціи, а не Падуи, дѣломъ свѣтскихъ людей, а не профессоровъ. Ни Петрарка, ни Боккачіо, ни Бэконъ, ни Декартъ не принадлежали къ университетамъ. Въ особенности парижскій университетъ низошелъ, въ XVI вѣкѣ, до послѣдней степени смѣшнаго и отвратительнаго по своей глупости, нетерпимости, по тупому упрямству, съ которымъ онъ отвергалъ всякую новую науку. Нужно было, чтобы королевская власть, почти освободившая своимъ могущественнымъ покровительствомъ университеты отъ церкви, отстаивала движеніе науки отъ университетовъ, и создала въ XVI вѣкѣ французскую коллегію, а въ XVII академіи, и ихъ противопоставила лѣнивымъ привычкамъ и не-

---

повело въ открытію Нептуна. Что касается до справедливости, то это звучитъ еще страннѣе. Неужели Ренанъ находитъ, что общество поступаетъ справедливо, не давая ученымъ изобрѣтателямъ участія въ капиталѣ, въ который обращается ихъ изобрѣтеніе? Но онъ положительно требуетъ отъ общества ниже вознагражденія этой несправедливости. Или онъ имѣетъ въ виду другую, мистическую, внѣміровую справедливость?

а) Мѣста въ Парижѣ, гдѣ въ XII и XIII вѣкѣ преподавали замѣчательнѣйшіе профессора. Напр. гора св. Женевьевы была мѣсто, гдѣ Абеларъ основалъ свою школу; которая, по мнѣнію Кузена и Тюро, служила началомъ парижскому университету.

доброжелательному духу отрицанія, отъ которыхъ рѣдко могутъ предохранить себя учрежденія, занимающіяся исключительно преподаваніемъ.

Такимъ образомъ, научное движеніе во Франціи нашло себѣ покровительство у королей. Мы не будемъ доискиваться, всегда ли это покровительство было просвѣщеннымъ. По нашему мнѣнію, королевская власть причинила болѣе вреда наукѣ искорененіемъ протестантизма, нежели пользы своимъ покровительствомъ. Французскій протестантизмъ, при Генрихѣ IV и Лудовикѣ XIII, былъ превосходною школою филологіи и исторической критики. Протестантская Франція была, въ первой половинѣ XVII вѣка, на пути тѣхъ дѣлъ, которыя совершила протестантская Германія во второй половинѣ XVIII вѣка. Вызванные этимъ споры и изслѣдованія дали сильный толчекъ умамъ. То было время Казобона, Скалигера, Сомэза. Съ отмѣною нантскаго эдикта, все кончилось. Историческая критика во Франціи была убита; поощрялась одна литература, которая сдѣлалась отъ этого довольно пустою. Голландія и Германія получили почти монополію науки, благодаря отчасти нашимъ изгнанникамъ. Съ той поры рѣшили, что французы прежде всего остроумная нація, которая хорошо пишетъ, прекрасно разговариваетъ, но, въ дѣлѣ знанія, стоитъ ниже другихъ, и отличается легкомысліемъ, котораго можно избѣжать только съ помощью обширныхъ познаній и зрѣлаго разсудка.

Устройство средневѣковыхъ университетовъ почти совершенно исчезло во Франціи XVIII столѣтія. Въ Англіи, въ Германіи, въ Голландіи, въ Швеціи оно продолжало существовать, и удержалось до нашихъ временъ во всѣхъ этихъ странахъ. Нельзя сказать, чтобы оно дало въ Англіи особенно хорошіе результаты. Правда, Оксфордъ и Кэмбриджъ имѣли, въ XVII и XVIII вѣкахъ, весьма замѣчательныхъ людей, но никогда не были театромъ какого нибудь сильнаго движенія. Эти старыя учрежденія кончили тѣмъ, что заснули въ рутинѣ, въ невѣжествѣ, въ забвеніи всѣхъ великихъ умственныхъ интересовъ, которые такъ бы и заглохли, если бы Англія не обладала лекарствомъ отъ всѣхъ золъ въ своихъ свободныхъ учрежденіяхъ, въ личной энергіи и дѣятельности своихъ гражданъ. За то въ Германіи университеты дали самые превосходные результаты. Можно сказать, что эта страна сдѣлала то же самое въ области ума, что Англія въ области политики. Послѣдняя извлекла изъ невыносимаго, тираническаго феодализма свободнѣйшую конституцію, какая когда либо существовала *а*). Герма-

а) Надо бы прибавить: въ Европѣ. *Ред.*

нія извлекла изъ своихъ университетовъ, зараженныхъ слѣпотою и упрямствомъ, самое плодотворное, гибкое, разнообразное умственное движеніе, какое когда либо было въ исторіи человѣческаго ума. Раздробленіе Германіи на мелкія государства, и особенный духъ лютеранизма, болѣе кроткій, умѣренный, свободный отъ безусловныхъ символовъ вѣры, чѣмъ кальвинизмъ, дали удивительные результаты во всемъ, что относится къ свободной наукѣ, и возбудили такое умственное движеніе, съ которымъ не могло сравниться возрожденіе XII и XVI вѣковъ. Въ то время, какъ Франція, со своими свѣтскими и умными людьми, создавала философію XVIII вѣка, послѣднее выраженіе поверхностнаго здраваго смысла, безъ метода, безъ задатковъ прогресса, — германскіе ученые создавали исторію, но не ту анекдотическую исторію, служащую для забавы, остроумную и напыщенную, которую такъ мастерски писала Франція, а исторію, какъ параллель геологіи, исторію, изучающую прошлое человѣчества, подобно тому, какъ геологія изучаетъ измѣненія планеты. Прежде всего нужно было возстановить древніе тексты, мѣстами упущенные изъ виду и даже искаженные критиками XVI вѣка, людьми большею частью замѣчательными, но обреченными на слишкомъ спѣшный трудъ. Нужно было открыть новые источники, въ особенности въ изученіи востока, а главное, нужно было истолковать древнія свидѣтельства, взвѣсить ихъ достоинство, доказать подлинность, перенестись въ ту умственную среду, въ которой жилъ писатель, и въ которой возникли преданія, для того, чтобы понять и оцѣнить ихъ. Вотъ что дѣлала и передѣлывала Германія, съ невѣроятною послѣдовательностью, настойчивостью и проницательностью въ своихъ двадцати ученыхъ школахъ. Конечно и Франція много содѣйствовала ей. Во-первыхъ, она положила, какъ я уже сказалъ, начало, въ свой ученый періодъ отъ Франциска I до Лудовика XIII, тому, что осуществила впослѣдствіи Германія. Даже въ XVIII вѣкѣ, академія надписей и изящной литературы насчитывала въ средѣ своей пять, шесть вполнѣ замѣчательныхъ ученыхъ, основавшихъ особый родъ критики, въ нѣкоторомъ отношеніи высшей германской критики; но эти ученые стоятъ одиноко. Въ области критики, самый остроумный человѣкъ не возвышался надъ наивными и мелочными нелѣпостями старой школы. Вольтеръ не понималъ ни библіи, (x) ни Гомера, ни греческаго искусства, ни древнихъ религій, ни христіанства, ни среднихъ вѣковъ. Онъ дѣлалъ удивительное дѣло, основывалъ терпимость, справедливость, общественный здравый смыслъ: преклонимся передъ нимъ; наша жизнь опирается на основы имъ положенныя; но въ области мысли онъ не многому можетъ насъ научить. Онъ не принадлежалъ традиціи великаго умственнаго развитія. Къ нему не восходитъ ни одинъ ис-

(x) Это говорится для того, что бы Ренана не сч[illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] люди менѣе всего любятъ того отъ кого более всего [illegible].

тинно плодотворный рядъ изслѣдованій и трудовъ. Вольтеръ не создалъ школы. Я вижу, что восходитъ къ Декарту, Ньютону, Канту, Нибуру, Гумбольдту, но не вижу, что восходитъ къ Вольтеру (a).

Въ наше время, хотя движеніе въ германскихъ университетахъ и замедлилось, оно все еще блистательно, и ему принадлежитъ важнѣйшая часть положительныхъ пріобрѣтеній человѣческаго ума. Въ физическихъ и математическихъ наукахъ, у этихъ великихъ школъ еще, можетъ быть, есть соперницы, но въ историческихъ и филологическихъ превосходство ихъ таково, что Германія приноситъ, по части этихъ наукъ, болѣе услугъ, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ. Возстановленіе греческихъ и латинскихъ текстовъ, совершившееся въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, въ эти послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, есть дѣло Германіи. Сравнительную филологію также создала Германія. Историческая критика обязана ей, если не существованіемъ, то по крайней мѣрѣ самыми широкими примѣненіями. Только въ области археологіи и ученыхъ путешествій могутъ поспорить съ нею въ славѣ другія націи. Послѣдній нѣмецкій университетъ въ Гиссенѣ или Грейфсвальдѣ,

---

a) Это возмутительная несправедливость относительно одного изъ славнѣйшихъ французскихъ дѣятелей. Мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ жизненное и публицистическое вліяніе Вольтера, его борьбу съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, длившуюся всю жизнь. Это достоинство признается за Вольтеромъ всѣми мыслящими людьми; оно признается и Ренаномъ. Сказавъ о немъ: «nous vivons de ce qu'il a fondé», Ренанъ самъ опровергъ уже частью то, что сказалъ впослѣдствіи: будто Вольтеръ не оставилъ послѣ себя школы. Но мы говоримъ именно о той сферѣ, которая составляетъ исключительный предметъ изслѣдованій Ренана, объ исторіи. Ни въ одной сферѣ своихъ твореній, Вольтеръ не оставилъ такихъ неизгладимыхъ слѣдовъ, какъ именно здѣсь. Онъ *первый* взглянулъ на исторію, какъ на жизнь человѣчества, подчиненную естественнымъ законамъ, какъ на жизнь массъ, въ которыхъ личности государей, министровъ, полководцевъ исчезаютъ, какъ незамѣтныя единицы, а битвы и торжества составляютъ ничтожныя явленія въ общей картинѣ. Онъ выбросилъ миѳъ изъ исторіи, потрясъ авторитетъ древнихъ разскащиковъ, внесъ въ исторію критику, которая очистила мѣсто для возсозданія исторіи въ XIX вѣкѣ. Онъ явился предшественникомъ Нибура въ римской исторіи, однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣятелей въ очищеніи исторіи семитическаго востока отъ хлама его загромождавшаго, и безъ него самые труды Ренана на его спеціальномъ поприщѣ были бы невозможны. Если, можетъ быть, и слишкомъ уже сильно выраженіе Бэкля, что Вольтеръ «величайшій изъ историковъ, которыхъ произвела Европа» («Ист. цивил. въ Англіи», пер. Бестужева-Рюмина, I, 611), то едва ли кто яснѣе Бэкля понялъ значеніе Вольтера, какъ историка. Мы совѣтуемъ читателю, для лучшаго пониманія ошибочности мнѣнія Ренана, прочесть снова стр. 593—611 перваго тома Бэкля (въ указанномъ переводѣ). Только на основаніяхъ, поставленныхъ Вольтеромъ, и выходя изъ *его* критики, могли родиться условія для *новой* критики, возрождающей исторію изъ матеріаловъ, которымъ школа Вольтера дала надлежащее мѣсто. Въ этомъ отношеніи, всѣ современные историки — ученики Вольтера, и Ренану не худо бы припомнить слова несравненно менѣе талантливаго Лерминье: «я сожалѣю о людяхъ, которые забывались до того, что у нихъ могло сорваться съ языка презрѣніе къ геніальности этого человѣка.»

со своими узкими привычками, бѣдными и неуклюжими профессорами, и жалкими, голодными приватдоцентами, приноситъ болѣе пользы человѣческому уму, нежели аристократическій оксфордскій университетъ, съ милліонами дохода, съ великолѣпными коллегіями, роскошнымъ содержаніемъ и лѣнивыми *fellows*. Упаси меня Боже злословить Англію! У нея есть первоклассные ученые по части физики и математики. Она во всѣхъ сферахъ вознаграждаетъ слабость официальнаго управленія *а)* величіемъ усилій частныхъ лицъ; но въ историческихъ и филологическихъ наукахъ, неспособность англійскаго ума понимать все не англійское и тяжеловѣсность его грубаго практическаго смысла, не примѣнимаго къ этимъ наукамъ, дѣйствительно ставятъ Англію на низшее мѣсто. Можно подумать, что способность къ политической дѣятельности обратно пропорціональна способности къ наукамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Я взялся однажды за Маколея, но былъ возмущенъ его рѣшительными приговорами, его способомъ выказывать непріязнь врагамъ, его откровенно-сознанными предразсудками, недостаткомъ безпристрастія, неумѣньемъ понимать вещи, несогласныя съ его взглядами, его либерализмомъ безъ широты мысли, его не христіанскимъ христіанствомъ *б)*; таковъ ужъ бѣдный родъ человѣческій, что ему нужны узкіе умы. Можетъ быть, политическая слабость Германіи есть условіе ея умственнаго превосходства. Прекрасное свойство французскаго ума лучше всякаго другаго возвышаться надъ предразсудками касты, секты, ремесла, спеціальности, влечетъ за собою его противорѣчія, его слабости, его частыя возвращенія къ прошлому, которыми онъ изумляетъ міръ.

а) Эта самая слабость вмѣшательства управленія въ разныя сферы жизни и составляетъ одно изъ высшихъ достоинствъ этого управленія. *Ред.*

б) Едва ли, между парадоксами, которыхъ не мало высказалъ Ренанъ въ своихъ сочиненіяхъ, найдется парадоксъ болѣе поразительный, чѣмъ ограниченіе способностей англичанъ науками математическими и физическими, когда они создали политическую экономію, могутъ назвать въ своей средѣ имена Локка, Бентама, Милля, а относительно исторіи—Бэкля, Грота, Маколея, Мотлея, Карлейля и множество другихъ именъ. Если Ренанъ привыкъ наиболѣе обращаться съ исторіей эпохъ столь отдаленныхъ, что къ нимъ изслѣдователь не можетъ относиться иначе, какъ равнодушно, то совсѣмъ другія условія существуютъ для исторіи ближайшаго времени. Здѣсь безучастіе въ борьбѣ партій невозможно, и все, чего можно требовать отъ историка, это—стать въ ряды передовой партіи и *справедливо* относиться къ ея врагамъ. Но, даже говоря объ отдаленныхъ эпохахъ, сами нѣмцы отдаютъ справедливость труду Грота, особенно въ обзорѣ историческаго періода Греціи. Недостатки и предвзятыя мысли есть у всѣхъ историковъ; ихъ не мало и у Ренана; они есть и у англійскихъ знаменитыхъ историковъ, но о самомъ Маколеѣ, котораго Ренанъ выбралъ въ примѣръ, отзывъ его неумѣстно строгъ.

II.

Французская революція, уничтоживъ всѣ учрежденія прошедшаго, поставила лицомъ къ лицу личность и государство, и задалась трудною задачею, именно создать все заново, на началахъ чистой логики. Государство само должно было дѣлать все то, что прежде дѣлали — церковь, университеты, духовные ордена, города, провинціи, корпораціи и разныя сословіи. Легко доказать, что революція новаго не ввела ничего, а пошла торною дорогой, приготовленной королевскою властію XVII столѣтія. Какъ бы то ни было, въ той области, о которой мы говоримъ, начала были приложены съ чрезвычайною строгостью. Новое правленіе приняло наслѣдство стараго университета; оно стало преподавать. Устроились школы всѣхъ степеней, начиная съ сельской школы, и оканчивая научною школою самаго высшаго объема. Подобная система совокупляясь съ особенною природою французскаго ума, произвела результаты весьма оригинальные, изученіе которыхъ въ ихъ цѣлости полезно для насъ, отодвинутыхъ на нѣкоторый промежутокъ времени. Я воздержусь отъ всякаго сужденія о преподаваніи начальномъ и второстепенномъ, не оттого, чтобы я не признавалъ существенной важности этого дѣла, но потому, что высшее образованіе представляетъ свои особые интересы, которыхъ теперь достаточно для насъ.

Высшее преподаваніе, выработанное революціей (подъ этимъ словомъ я понимаю имперію, какъ естественное слѣдствіе и развитіе предъидущаго), состояло изъ трехъ разрядовъ учрежденій:

1. Школы спеціальныя, обязанныя передавать знанія, необходимо нужныя для государства (напр. политехническая школа).

2. Учрежденія чисто-научныя, имѣющія единственною обязанностью увеличивать сокровищницу пріобрѣтенныхъ истинъ, и продолжать традицію научныхъ розысканій (французская коллегія, музеумъ и проч.).

3. Словесные и научные факультеты, которымъ было поручено распространеніе преподаванія болѣе широкаго чѣмъ въ коллегіяхъ, не имѣя въ виду непосредственнаго примѣненія, лишь съ цѣлью чистаго умственнаго развитія.

Принятіе въ спеціальныя школы было сопряжено съ нѣкоторыми условіями, а потому онѣ получили сразу совершенно опредѣленный кругъ слушателей; хотя онѣ нерѣдко и радушно допускали въ свою среду желающихъ учиться, но тѣмъ не менѣе получили постоянный составъ, изъ людей способныхъ, доказавшихъ обладаніе предварительными знаніями. Не то было въ научныхъ учрежденіяхъ и факультетахъ; такъ какъ безплатность была и должна была быть здѣсь закономъ, то приняли

странный способъ устройства. Двери были открыты для всѣхъ. Въ опредѣленные часы государство открывало залы, гдѣ произносились рѣчи по предметамъ, относящимся къ наукѣ и литературѣ. Два раза въ недѣлю профессоръ обязанъ былъ являться на часъ передъ слушателями, собравшимися случайно, и очень нерѣдко совершенно различными, на двухъ послѣдовательныхъ лекціяхъ. Онъ долженъ былъ говорить, ни мало не заботясь о потребностяхъ своихъ слушателей, о томъ, что они знаютъ, и чего не знаютъ. Какого результата можно было ожидать при такихъ условіяхъ? Понятно само собою. Пришлось устранить длинные ученые выводы, требующіе, чтобъ слушатель слѣдилъ за цѣлымъ рядомъ разсужденій. Слушатель идетъ или не идетъ на такіе курсы, смотря по своимъ занятіямъ, или по капризу. Конечно, плохой разсчетъ на успѣхъ было чтеніе лекцій, которыя предполагали бы необходимо, что слушатель присутствовалъ на предъидущей лекціи, и приготовился прежде, чѣмъ идти на новую. Что значило въ самомъ дѣлѣ при такомъ порядкѣ вещей это ужасное слово — „плохой успѣхъ?“ Это значило имѣть мало учениковъ; т. е. именно то, что есть признакъ высшаго преподаванія, дѣлалось какъ бы укоромъ. Если бы Лапласъ имѣлъ тамъ каѳедру, то, конечно, число его слушателей не превышало бы дюжины. Чѣмъ могли быть такіе курсы, открытые для всѣхъ, сдѣлавшіеся ареной нѣкотораго соперничества, съ цѣлью привлекать и удерживать публику? Блестящими разсказами, амплификаціями на манеръ декламаторовъ временъ паденія Рима. Что давали эти курсы? Истинно знающихъ людей? ученыхъ, способныхъ въ свою очередь подвинуть науку? — Они давали людей, развлекавшихся очень умно, это правда, впродолженіи какого нибудь часа, но умъ которыхъ не пріобрѣталъ никакихъ новыхъ знаній въ этомъ преподаваніи.

Конечно, были исключенія, которыя протестовали противъ всеобщей эпидеміи умныхъ говоруновъ (bel-esprits), естественнаго слѣдствія подобной системы. Какой нибудь Эженъ Бюрнуфъ считалъ для себя высшею славою имѣть шесть — восемь учениковъ, пришедшихъ съ четырехъ концовъ Европы, и съ которыми онъ изучалъ самые трудные тексты, которые и понимать и объяснять могъ только онъ одинъ; но для этого надо быть героемъ науки. Во многихъ случаяхъ основательный ученый будетъ завидовать своему поверхностному собрату, который краснорѣчивыми фразами и легкодоступными очерками, лекціями, составляющими — каждая отдѣльно — нѣкоторое цѣлое, умѣлъ лучше привлечь и удержать толпу. Началось въ высшей степени неумѣстное соперничество, гдѣ серіозный ученый, желающій передать слушателямъ что либо положительное, всегда будетъ побѣжденъ. Нужно лишь, чтобъ каждый праздный человѣкъ, являющійся на какую нибудь четверть

часа, въ открытую для всѣхъ аудиторію, вышелъ довольный тѣмъ, что слышалъ. Но не унизительно ли для профессора стать на степень публичнаго забавника, тѣмъ самымъ поставленнаго ниже своей аудиторіи, и на ряду съ древними актерами, о которыхъ говорилось: Saltavit et placuit (прыгалъ и нравился).

Удивленіе нѣмца, посѣщающаго подобныя лекціи, неописанно. Онъ пріѣхалъ изъ своего университета, гдѣ привыкъ очень уважать профессора. Его профессоръ гофратъ (Hofrath), въ назначенные дни имѣетъ свободный доступъ къ государю. Это человѣкъ серіозный, говорящій лишь всегда замѣчательныя вещи, и смотрящій на себя весьма серіозно. Тутъ все иное: хлопанье дверей, безпрестанно отворяемыхъ и затворяемыхъ во время чтенія, постоянное движеніе въ аудиторіи, праздный видъ слушателей, профессоръ, не говорящій почти никогда поучительнымъ тономъ, иногда декламирующій искусное изыскиваніе звучныхъ общихъ мѣстъ, не научающихъ ни чему новому, но вызывающихъ всегда одобреніе; все это для нѣмца странно и необъяснимо. Но всего болѣе удивляютъ его аплодисменты. Внимательная аудиторія не имѣетъ времени аплодировать. Этотъ странный обычай ему доказываетъ кромѣ того, что здѣсь хотятъ не поучать, но блистать. Онъ замѣчаетъ, что ничему не научается, и говоритъ про себя, что въ Германіи не подписался бы на подобный курсъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ курса, за который платятъ, за свои деньги хотятъ имѣть положительныя знанія, точные результаты. Никто не заплатитъ, чтобы слушать человѣка, который говоритъ лишь съ цѣлью доказать вамъ, что умѣетъ хорошо говорить. Я слышалъ, что Вильгельмъ Шлегель хотѣлъ въ Боннѣ открыть подобные ораторскіе курсы на французскій манеръ; онъ вовсе не имѣлъ успѣха. Ни кто не хотѣлъ платить за блестящее изложеніе, главною цѣлью котораго было выказать умъ профессора, и которое давало въ результатѣ лишь то, что при выходѣ говорили: онъ человѣкъ съ талантомъ.

Талантъ — это была высшая цѣль новаго развитія, получившагося подъ двойнымъ вліяніемъ безусловной публичности и безплатности. Два важныя обстоятельства дали этому направленію еще болѣе рѣзкій характеръ. Революція, не прервавъ традиціи въ наукахъ физическихъ и математическихъ, повидимому дала имъ новый толчекъ. Но иначе было въ области такъ называемой „литературы", что гораздо лучше было бы называть областью наукъ историческихъ и филологическихъ. Здѣсь Франція въ концѣ XVIII вѣка стояла очень низко. Революція окончательно убила эти занятія; въ 1800 году, Франція имѣла въ сущности лишь двухъ замѣчательныхъ ученыхъ по предмету изслѣдованій, о которыхъ говоримъ, Сильвестра де-Саси и д'Ансъ де-Вилуазонъ (d'Anse de Vi-

loison), и еще эти два человѣка, первостепенные спеціалисты, были вовсе не философы. Историческія и литературныя занятія, касаясь предметовъ гораздо болѣе щекотливыхъ, чѣмъ науки физическія и математическія, не могли развиться во время имперіи: они получили блестящій толчокъ лишь во время реставраціи, но направленіе было уже придано. Печальный перерывъ, внесенный революціею въ ученыя занятія, долженъ былъ отзываться на полвѣка. Его слѣдствіемъ была нѣкоторая слабость въ самыхъ основахъ преподаванія языковъ и исторіи. Оставивъ въ сторонѣ нѣсколько замѣчательныхъ людей, стоявшихъ, можетъ быть, выше всѣхъ европейскихъ ученыхъ въ этомъ родѣ, французская учено-литературная школа осталась посредственною. Ей недоставало не ума, не проницательности, не трудолюбія, но традиціи. Огромное количество силъ было потеряно по недостатку направленія; сверхъестественныя усилія были употреблены на пріобрѣтеніе того, что узнаетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ студентъ въ порядочномъ нѣмецкомъ или голландскомъ университетѣ.

Особенное свойство французскаго ума содѣйствовало еще больше склонности высшаго французскаго преподаванія къ ораторскимъ упражненіямъ. Со времени Лудовика XIV, превосходство французскаго ума заключается гораздо больше въ формѣ, придаваемой вещамъ, чѣмъ въ ихъ содержаніи. Нигдѣ не пишутъ такъ хорошо, какъ во Франціи; нигдѣ не передается по наслѣдству такое драгоцѣнное сокровище изящной рѣчи, такія прекрасныя правила слога; обработанная нѣсколькими поколѣніями неподражаемыхъ мастеровъ слова, французская рѣчь представляетъ какъ бы превосходное руководство для мысли; она ее сдерживаетъ, придаетъ ей мѣру, иногда ограничиваетъ, но всегда доставляетъ ей выпуклость и ясность, какъ ни какой другой языкъ *a*). Итальянцы обладаютъ подобнымъ же свойствомъ, и пишутъ лучше всѣхъ другихъ націй, кромѣ французовъ. Конечно я не говорю, что ясность изложенія исключаетъ основательность изслѣдованія: совершенство заключалось бы въ соединеніи обоихъ качествъ; но совершенство рѣдко, и дарованія народовъ почти всегда исключительны. Съ ея чрезвычайнымъ пуризмомъ въ языкѣ, Италія должна была придти къ сонетамъ и къ изящному вздору академій XVIII вѣка. Франціи въ области ума угрожаетъ опасность сдѣлаться народомъ говоруновъ и редакторовъ чужой мысли, не обращая вниманія на сущность вещей и на истинный прогрессъ знаній.

---

a) Ренанъ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ истины столь горькія для французской науки, что всѣ его возгласы о превосходствѣ французскаго языка, французскихъ способностей, французскаго ума, можно считать лишь необходимыми подслащеніями для читателей, національное тщеславіе которыхъ легко оскорбить.

Въ отдѣлѣ литературы, учрежденіе, которому Франція довѣрила пополненіе сословія преподавателей во второстепенныхъ и въ высшихъ школахъ, нормальная школа была въ особенности школой, гдѣ научались слогу, а не дѣлу. Она дала изящныхъ публицистовъ, привлекательныхъ романистовъ, остроумныхъ людей въ самыхъ разнообразныхъ родахъ, — все наконецъ, кромѣ людей съ основательнымъ знаніемъ языковъ и литературы. Особенно грамматическое преподаваніе, основаніе филологіи, поставлено было тамъ систематически низко. Подъ предлогомъ общихъ истинъ нравственности и вкуса, ученикамъ давали лишь общія мѣста. Конечно умы — если они встрѣчались тамъ — брали свое, и ни одна нѣмецкая семинарія *а)* не дала людей подобныхъ Прево́-Парадо́лю, Абу, Тэну *б)*. Такова Франція, разомъ умѣющая наверстать то, въ чемъ отстала, знающая все не учась, достигающая помощью счастливыхъ дарованій своего духа того, чего другіе достигаютъ стараніемъ и трудомъ *в)*.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли забыть, сколько блеска и славы заключала иногда система высшаго преподаванія, исключительныя стремленія которой мы только-что подвергли критикѣ. Можно ли забыть знаменитыхъ профессоровъ, придавшихъ въ первой половинѣ этого вѣка ни съ чѣмъ несравнимый блескъ свѣтской каѳедрѣ. Это было совершенно оригинальное проявленіе французскаго духа, проявленіе, которому ни одна нація не представляетъ ничего подобнаго. Но учрежденія должны имѣть въ виду продолжительное существованіе. Въ системѣ, обнимающей сотни лицъ, надо, чтобы и посредственность имѣла себѣ мѣсто и приносила плоды. Ученикъ Бэка, Боппа, Карла Риттера,— даже второстепенный, — человѣкъ полезный, участвующій въ научномъ движеніи времени и исполняющій свою долю труда, полируя одинъ изъ камней въ зданіи вѣчнаго храма; но что такое посредственный ученикъ Кузена, Гизо, Вильмена, Мишлэ. Способъ преподаванія этихъ первостепенныхъ личностей годился только для нихъ. Онъ не могъ служить началомъ плодотворнаго движенія въ области изслѣдованій. Блистательныя обобщенія, изложенныя съ рѣдкимъ талантомъ, привлекаютъ слушателей, но не образуютъ учениковъ. Въ странѣ такой, какъ Франція, гдѣ заразительность успѣха опасна, успѣхъ подобныхъ курсовъ долженъ былъ имѣть невыгодные результаты. Онъ долженъ былъ повредить спеціальному преподаванію. Изъ факультетовъ, гдѣ оно было

а) Семинаріи въ Германіи почти однозначущи нормальнымъ школамъ.

б) Поставить рядомъ Тэна съ какимъ нибудь Абу—просто странно, да и Прево-Парадоль здѣсь не у мѣста.

в) См. прим. на предъидущей страницѣ.

на мѣстѣ, ораторское преподаванiе должно было перейти въ собственно ученыя заведенiя *а*). Качество курса стали измѣрять количествомъ слушателей. Первостепенному ученому, имя котораго сохранится въ продолженiе столѣтiй, въ связи съ замѣчательными открытiями, предпочитали его помощника, изощреннаго долгимъ упражненiемъ въ искусствѣ говорить. Ученымъ, подающимъ надежды, называли молодаго человѣка, искусно излагающаго предметъ, но большею частью неспособнаго подвинуть науку впередъ, работать съ пользою подъ даннымъ руководствомъ, или даже слѣдить за накопленiемъ знанiй *б*). Чистыя изслѣдованiя значительно оттого пострадали. Слишкомъ часто считалось признакомъ вкуса выслушивать съ искусственной недовѣрчивостiю новые результаты и разысканiя по источникамъ; ихъ называли дерзостями нѣмецкой критики. Этимъ высокомѣрнымъ презрѣнiемъ придавали себѣ видъ превосходства, и въ то же время извиняли свою умственную лѣнь. Дѣйствительно, человѣкъ, посвятившiй себя изложенiю чужихъ мыслей, не любитъ, чтобы измѣняли его однажды принятыя положенiя, и заготовленныя фразы. Менѣе заботясь объ истинѣ, чѣмъ о формѣ, онъ желалъ бы имѣть условленные тезисы, какъ въ Китаѣ, гдѣ, говорятъ, преподаютъ ложную астрономiю — зная, что она ложна — лишь потому, что ее находятъ у извѣстныхъ авторовъ. Во „Всеобщей исторiи Боссюэта", при теперешнемъ состоянiи историческихъ знанiй, не осталось живаго мѣста; но книга эта признана классической: тѣмъ хуже для исторiи. Какъ ни старается Момзенъ, его признаютъ неправымъ предъ этимъ прекраснымъ слогомъ и этими укоренившимися привычками.

Я не жалуюсь, что это направленiе существуетъ. Оно полезно, можетъ быть, необходимо; но мнѣ кажется, что оно слишкомъ охватило высшее преподаванiе. Отсюда получилось дѣйствительное пониженiе въ разысканiяхъ по источникамъ. Образованiе, вращающееся въ кругѣ безъ возобновленiя, переходитъ неизбѣжно въ риторство. Не должно думать, что преподаватели въ цѣломъ составѣ могутъ, безвредно для себя, не быть вовсе учеными. Что не чувствуешь живо и непосредственно,

---

а) Если дѣло идетъ объ краснорѣчивомъ изложенiи богатаго содержанiя, то оно нигдѣ не мѣшаетъ; если же о риторическомъ пустословiи, то оно нигдѣ не на мѣстѣ.

б) Ренанъ упускаетъ изъ виду еще одну причину упадка талантовъ на каѳедрахъ отдѣла, о которомъ говоритъ. Это — чрезвычайная централизацiя преподаванiя, въ слѣдствiе которой каѳедры могли получить лишь профессора которые готовы были стереть свой личный взглядъ предъ взглядомъ авторитетовъ въ наукѣ. Отъ подобныхъ господъ и нельзя ожидать другаго, какъ пустословiя. Примѣромъ этому можетъ служить то, что всѣ каѳедры философiи во Францiи заняты эклектиками школы Кузена, а Тэнъ не имѣетъ каѳедры.

то и преподаешь дурно. Примѣръ объяснитъ мою мысль. Древніе тексты, до насъ, подвергнулись тысячѣ случайностей, которыя дѣлали весьма часто сомнительнымъ и всегда труднымъ ихъ возстановленіе. Первыя изданія классиковъ, сдѣланныя въ XV вѣкѣ, ограничивались почти воспроизведеніемъ буква въ букву одной какой либо рукописи, и читать ихъ было невозможно. Ученые издатели XVI вѣка, люди со вкусомъ, и особенно озабоченные желаніемъ доставить древнимъ писателямъ тотъ успѣхъ, который они заслуживаютъ, захотѣли дать публикѣ изданія, гдѣ не встрѣчалась бы безсмыслица на каждой строчкѣ. Они исправляли, иногда удачно, но часто чрезвычайно смѣло, желая во что бы то ни стало представить публикѣ изящный и ясный текстъ. Сравненіе всѣхъ рукописей было тогда невозможно, и кромѣ того они торопились: надо было удовлетворить справедливую жажду, съ которой публика желала прочесть столько образцовыхъ произведеній. Въ дѣйствительности, классическіе тексты, которымъ удивлялись и на которые писали комментаріи въ школахъ, были, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, тексты весьма искаженные, и въ значительной степени носили на себѣ слѣды участія византійскихъ риторовъ и филологовъ эпохи возрожденія. Какой методъ употребила германская критика въ продолженіи великаго движенія, начавшагося въ ней къ концу послѣдняго вѣка? Тотъ же, которому она слѣдовала для возстановленія древняго искусства. Множество древнихъ статуй были въ XVI вѣкѣ подправлены и дополнены, потому что въ эту эпоху желали собственно не видѣть древнія произведенія такими, какъ они дошли до насъ, но выставить прекрасное произведеніе, которое бы не имѣло недостатковъ. Когда съ болѣе изящнымъ вкусомъ приступили къ изученію древняго искусства, то поторопились устранить эти несчастныя прибавки. Такъ же поступили съ текстами. Благодаря легкости, представляемой теперь большими собраніями рукописей въ столицахъ, начался обширный трудъ сравниванія рукописей; на основаніи твердыхъ правилъ, достигли до древнѣйшаго текста намъ доступнаго, и оцѣнили по достоинству неловкія поправки новыхъ издателей. Но вотъ что замѣчательно: отдѣлъ рукописей въ императорской парижской библіотекѣ представляетъ самое драгоцѣнное собраніе древнихъ латинскихъ текстовъ. Профессорами ли французскаго университета употреблены въ дѣло эти сокровища? Нисколько. Колоніи нѣмцевъ и голландцевъ обработали этотъ обширный складъ, и собрали его плоды. Во Франціи издавались коллекціи классиковъ, для которыхъ ничего не жалѣли въ типографскомъ отношеніи, но никто не позаботился пойти въ улицу Ришельё поискать средство исправить текстъ. Университетская школа даже смотрѣла недружелюбно на этотъ самый трудъ, исполненный съ рѣдкимъ терпѣніемъ въ Германіи и въ

Голландіи. Привыкли говорить, что нѣмцы „измѣняютъ тексты", когда въ сущности они старались только возстановить эти тексты. Это все равно, какъ если бы сказали, что картину великаго мастера измѣняютъ, освобождая ее отъ дурныхъ поправокъ. Впрочемъ рутина всегда та же: когда появился греческій, настоящій Аристотель, ему пришлось выдержать долгую борьбу съ ложнымъ Аристотелемъ университета. Профессора жаловались; привыкнувъ держаться школьныхъ тетрадокъ, которымъ не было еще ста лѣтъ, и которыя долженствовали заключать истинное ученіе философа, они смотрѣли на него, какъ на врага, когда онъ появился съ настоящимъ текстомъ своихъ произведеній. Какъ многіе учители были бы столь же дурно встрѣчены тѣми, которые считаютъ себя ихъ учениками, если бы они снова явились на свѣтъ.

Я знаю, что въ сказанномъ мною необходимо было бы сдѣлать многія ограниченія; лучше другаго я могъ оцѣнить достоинство нѣкоторыхъ изъ нашихъ учителей, и объявляю вовсеуслышаніе, что всѣ предъидущія положенія ложны, если имъ придать безусловный смыслъ; но я полагаю, что почти всѣ истинные ученые, занимающіеся преподаваніемъ, сожалѣютъ вмѣстѣ со мною, что направленіе, ими представляемое, имѣетъ такъ мало послѣдователей. Въ его цѣлости, преподаваніе французскихъ литературныхъ факультетовъ принадлежитъ не столько современной наукѣ, сколько риторству IV и V вѣковъ, и часто мнѣ кажется, что если бы грамматики, современные Авзонію, вступили въ залы, посвященныя нашему высшему преподаванію, они подумали бы, что находятся въ своей школѣ. Парижъ представляетъ столь блестящій центръ, что подобный недостатокъ не замѣтенъ. Но что за пустыня въ провинціи! За исключеніемъ нѣсколькихъ личностей, достойныхъ уваженія, провинціальные факультеты не даютъ ничего оригинальнаго, ни одной работы по источникамъ. Одна или двѣ попытки образовать или продолжать провинціальныя школы, выказали, хотя и похвальную дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ печальный недостатокъ серіознаго взгляда, мелочность и ложность сужденія. Только Страсбургъ, вслѣдствіе своихъ протестантскихъ учрежденій, сохранилъ свою крѣпкую традицію самостоятельныхъ изслѣдованій и основательныхъ методовъ. Затѣмъ научная производительность болѣе и болѣе концентрируется въ Парижѣ. Лишь тамъ ищутъ, лишь тамъ находятъ что либо. Эта блистательная Александрія безъ товарищей меня безпокоитъ и пугаетъ. Ни одинъ центръ умственной работы нельзя сравнить съ Парижемъ: это городъ, какъ бы нарочно сдѣланный для умныхъ людей *а*); но не должно до-

---

а) См. примѣч. на стр. 180.

вѣрять этимъ оазисамъ среди степи; они окружены безпрестанными опасностями. Налетѣлъ порывъ вихря, изсякъ источникъ, вырублены нѣсколько пальмъ, и степь распространилась повсюду.

Скажемъ не колеблясь: это—положеніе, о которомъ должно позаботиться. Франція потеряетъ свое мѣсто на новыхъ путяхъ, по которымъ идетъ европейскій умъ послѣднія сто лѣтъ, если она будетъ держаться старыхъ традицій своего остроумнаго легкомыслія. Допустимъ, что Франція нынче столь же остроумна, какъ была прежде; достовѣрно по крайней мѣрѣ, что умъ въ ея родѣ не такъ уже нравится. Не этотъ умъ уже даетъ законы Европѣ. Многочисленный кружокъ разумныхъ людей, съ жаромъ и съ успѣхомъ трудящихся въ Англіи, чтобы измѣнить ея отсталыя привычки, весь обращенъ къ Германіи. Пробуждающаяся Италія ищетъ учителей не во Франціи, а въ Германіи. Россія уже сто лѣтъ, какъ дѣлаетъ то же, и при томъ остается. Но особенность Франціи именно заключается въ умѣніи приноравливаться ко всему, и отличаться даже въ томъ, что она заимствуетъ. Франція въ данную минуту довольно невѣжественна: она воображаетъ, что ей говорятъ смѣлыя вещи, когда дѣло идетъ о вещахъ самыхъ элементарныхъ; но это не должно обманывать. Завтра она овладѣетъ предметомъ. Такъ женщина сначала васъ слушаетъ не понимая, и вдругъ доказываетъ вамъ однимъ вѣрнымъ, живымъ, глубокимъ словомъ, что она все поняла, и въ одно мгновеніе угадала то, что вамъ стоило долгихъ усилій. Такъ, Франція въ одинъ часъ можетъ исправить всѣ свои прежнія ошибки. Въ наивномъ удивленіи, съ которымъ она встрѣчаетъ новыя изслѣдованія, столько остроумія, что оно обезоружило бы даже педанта. Но мы не должны полагать, что для поддержанія нашей репутаціи, мы должны быть поверхностными. Наши отцы не были такъ поверхностны, какъ это говорятъ; во всякомъ случаѣ, въ нихъ это было естественно. Легкомысліе имѣетъ сначала привлекательность, но на немъ не должно долго останавливаться. Будемъ остерегаться того, что г-жа Сталь называетъ гдѣ-то педантизмомъ легкомыслія.

III.

Предлагая предшествующія замѣчанія тѣмъ, кто интересуется областью ума, я вовсе не имѣлъ въ виду критиковать какую бы то ни было администрацію. Все, что случилось, было въ порядкѣ вещей, и никто въ томъ не отвѣтственъ; тѣ, которые всего справедливѣе могутъ умыть себѣ въ томъ руки, приняли лишь такое наслѣдство послѣ долгаго прошлаго. Еще менѣе вышеизложенное имѣетъ цѣлію вызывать или указывать реформы. Я мало вѣрю въ дѣйствительность постанов-

леній, хотя и не отвергаю совершенно ихъ вліянія; но польза реформъ вознаграждаетъ рѣдко за неудобства измѣненія того, что уже установилось. Я представляю себѣ идеальную администрацію, которая не вводила бы ни одного новаго постановленія, но ограничилась бы надлежащимъ выборомъ личностей; вся сила въ людяхъ, а не въ постановленіяхъ. Къ тому же, условія нашего высшаго преподаванія такъ тѣсно связаны съ основными законами французскаго общества, созданнаго революціею, что нечего и думать о какомъ бы то ни было радикальномъ преобразованіи въ этомъ отношеніи. Ограниченіе полной безплатности и публичности преподаванія показалось бы не либеральнымъ. Перенесеніе его изъ Парижа, созданіе во Франціи учебныхъ центровъ, подобныхъ Геттингену или Гейдельбергу, показалось бы многимъ мыслью столь безумною, что на ней нечего и останавливаться. Но вся система высшаго преподаванія во Франціи есть результатъ этихъ трехъ-четырехъ основныхъ общественныхъ условій. Что же, неужели слѣдуетъ отказаться отъ мысли дать Франціи великія научныя учрежденія, составляющія славу другихъ странъ? Нѣтъ, конечно; рамки существуютъ, просвѣщенная администрація, одинаково внимательная ко всѣмъ сторонамъ своей дѣятельности, и проникнутая убѣжденіемъ, что обязанности государства двойственны, именно что оно должно распространять знанія и ихъ усиливать,—такая администрація могла бы отлично воспользоваться безконечными средствами Франціи. Мнѣ кажется, что два-три недавнія обстоятельства облегчаютъ эту задачу, и позволяютъ поднять у насъ уровень высшаго преподаванія.

На первое мѣсто при этомъ я ставлю допущеніе, сдѣланное въ принципѣ, рядомъ съ государственнымъ преподаваніемъ, и преподаванія вольнаго, привлекательнаго по изложенію и возвышеннаго по содержанію. Если это прекрасное учрежденіе получитъ болѣе широкое развитіе, какъ и должно надѣяться, то отъ него можно ожидать самыхъ лучшихъ результатовъ. Все, что пробуждаетъ мысль, дѣйствуетъ благотворно, и дѣйствіе свободы такъ спасительно, что она полезна всѣмъ, даже тѣмъ, чьи привиллегіи повидимому нарушаетъ; по моему мнѣнію отъ вольнаго преподаванія выиграетъ болѣе всего преподаваніе государственное; когда обязанность просвѣщать, забавляя веселую и остроумную публику, станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, — ремесломъ произвольнымъ, разрѣшеннымъ, даже поощряемымъ, тогда обязанности профессоровъ ученыхъ каѳедръ значительно облегчатся. На государствѣ не лежитъ обязанность забавлять публику; оно обязано доставлять всѣмъ и каждому элементарное образованіе, обязано также доставлять избранному меньшинству высшее образованіе, благодѣянія котораго распространяются на все общество. Можно положительно разсчитывать на то, что

учрежденія высшаго преподаванія выиграють, освободясь отъ слушателей, которые побуждали ихъ перейти на ложный путь. Возвратясь къ своему первоначальному назначенію, эти учрежденія будутъ имѣть въ виду не столько привлеченіе толпы слушателей, сколько образованіе учениковъ. Авторитетъ науки, вполнѣ отсутствующій во Франціи, тогда распространится и окрѣпнетъ.

Кромѣ того, мало по малу установится различіе. Каѳедры факультетовъ пусть имѣютъ по прежнему спеціальною цѣлью распространеніе выработанныхъ истинъ и установившейся науки; это не представляетъ неудобствъ; но этой законной потребности изящнаго и яснаго изложенія не должно жертвовать наукою, еще слагающеюся, преподаваніемъ, имѣющимъ преимущественно цѣлью открытіе новыхъ результатовъ. Пусть французская коллегія сдѣлается вновь тѣмъ, чѣмъ была въ XVI вѣкѣ, чѣмъ была еще не разъ и въ послѣдствіи, т. е. великимъ собраніемъ ученыхъ, лабораторіею всегда и для всѣхъ отворенною, гдѣ вырабатываются открытія, гдѣ общество видитъ какимъ путемъ доходятъ до открытій, какъ повѣряютъ эти открытія. Курсамъ занимательнымъ или чисто учебнымъ не мѣсто въ коллегіи; въ ней не можетъ быть рѣчи о программахъ полныхъ и связанныхъ въ одно цѣлое. Самые кадры коллегіи должны измѣняться безпрестанно; за исключеніемъ извѣстнаго числа каѳедръ, существованіе которыхъ есть необходимость, потому что онѣ представляютъ великіе научные отдѣлы, гдѣ трудъ продолжается изъ вѣка въ вѣкъ, самыя наименованія каѳедръ должны большею частью измѣняться сообразно съ предметами ежедневныхъ научныхъ изысканій. Здѣсь не слѣдуетъ руководствоваться воображаемой симметріею, поставить правиломъ, чтобы всѣ отрасли преподаванія имѣли своихъ представителей. Я, конечно, далекъ отъ мысли объ упраздненіи хотя одной изъ существующихъ нынѣ каѳедръ, потому что всѣ онѣ заняты профессорами рѣдкаго достоинства *а*); но нельзя не пожалѣть, что нѣтъ до сихъ поръ вакантнаго мѣста для каѳедры зендскаго языка, для литературы ведъ, и въ особенности для кельтійскихъ нарѣчій и литературы. Послѣднее обстоятельство въ особенности прискорбно для всѣхъ друзей ученыхъ изысканій. Въ Германіи, не только въ университетахъ, но въ каждомъ училищѣ перваго разряда существуетъ каѳедра для древне-германскихъ языковъ и литературы. Неужели кельтійскіе языки имѣютъ менѣе памятниковъ? неужели они представляютъ критикѣ менѣе важныя и менѣе разнообразныя задачи? Напротивъ: пись-

---

а) Это комплиментъ, довольно не соотвѣтствующій истинному положенію дѣла.

менные памятники, сохранившіеся до насъ на четырехъ кельтійскихъ нарѣчіяхъ, почти равны по объему и по древности происхожденія съ памятниками древне-германской письменности, а въ отношеніи интереса поэтическаго и историческаго они, на мой взглядъ, выше германскихъ. И между тѣмъ, эти національныя сокровища у насъ въ забвеніи. Достаточно было нѣсколькихъ преувеличенныхъ выходокъ, достаточно было одной, двухъ смѣшныхъ кельтическихъ академій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чтобы совершенно безосновательно уронить эти изслѣдованія; наши древнія туземныя нарѣчія не пользуются одинаковымъ почетомъ даже съ языками турецкимъ и яванскимъ: они никогда не имѣли представителя въ высшемъ преподаваніи. Богато обставленная французская коллегія, гдѣ ничто не было бы пожертвовано для поверхностнаго блеска, едва извѣстная большинству, хотя открытая всѣмъ — вотъ великое средство поднять высшія изслѣдованія въ народѣ, который не можетъ терпѣливо переносить, чтобы ему не завидовали. Причины, побудившія къ основанію коллегіи въ XVI вѣкѣ, суть тѣ же самыя, по которымъ она должна существовать и нынѣ. Въ эпоху возрожденія возникло много изслѣдованій и методовъ, которые университетъ не допускалъ въ свою среду; тогда Францискъ I, не желая предпринимать прямо административныхъ мѣръ противъ духа рутины, существовавшаго въ университетѣ, основалъ рядомъ съ нимъ соперничествующее учрежденіе, гдѣ нашли убѣжище новыя изслѣдованія. И горсть отверженныхъ ученыхъ образовала великое заведеніе, которому досталась слава съ самыхъ первыхъ дней существованія быть представителемъ высшей человѣческой культуры. Университетъ, напримѣръ, не допускалъ преподаванія греческаго языка, потому что почтенные доктора его не знали; королевская коллегія дала греческую каѳедру Данесу. Еврейскій языкъ встрѣтилъ еще болѣе предубѣжденій; въ королевской коллегіи сталъ читать его Ватабль. Профессора правъ каноническаго и римскаго утверждали, что собственно французское право не существуетъ и не можетъ имѣть каѳедры; королевская коллегія создала первую каѳедру національнаго права и ее занялъ Де-Лонэ. Рамюсъ пытался тщетно оживить изложеніе философіи въ университетѣ духомъ болѣе либеральнымъ, и король Генрихъ II основалъ для него каѳедру, гдѣ онъ могъ продолжать свои изслѣдованія по собственному плану.

Французская коллегія вовсе не представляетъ втораго университета, какъ это часто полагаютъ: она удовлетворяетъ потребностямъ инаго рода. Ея существованіе и преуспѣяніе такъ тѣсно связаны съ развитіемъ человѣческаго ума, что по тому, какъ она исполняетъ свое назначеніе, можно судить о степени научнаго развитія вообще въ данную минуту. Тѣ эпохи, когда французская коллегія видѣла на своихъ ка-

ѳедрахъ представителей умственнаго движенія, были эпохами великихъ результатовъ; времена же, когда она лишь вторила университету, не выработывая никакого новаго метода, были временемъ пониженія науки. Говоря собственно объ общемъ направленіи такого учрежденія, какъ университетъ, а не о замѣчательныхъ личностяхъ, принадлежащихъ къ его составу, университетъ, имѣющій задачею обученіе наукамъ, такъ-называемымъ классическимъ, необходимо долженъ держаться нѣсколько исключительно: науки новыя не могутъ вводиться смѣло въ программу преподаванія; онѣ должны, такъ сказать, имѣть свой періодъ кандидатуры, и нельзя порицать того, что общее преподаваніе лишь въ извѣстной степени слѣдитъ за успѣхами науки: иначе, оно рисковало бы оффиціально признать рѣшенія еще гипотетическія, и увлечься попытками, неизбѣжными въ началѣ новаго рода изысканій. Къ тому же, всякая корпорація должна отличаться свойственнымъ ей духомъ. Но этотъ духъ корпораціи тѣмъ самымъ предполагаетъ уже нѣчто весьма отличное отъ свободной дѣятельности ученаго, ничѣмъ не связаннаго. Общество преподавателей, каковы бы ни были знаменитости, вошедшія въ его составъ, не можетъ не сохранить въ нѣкоторой степени добрый узенькій взглядъ Роллена, благоразумный, честный, не погрѣшающій слишкомъ большою проницательностью и живостью; у науки иныя права и иныя обязанности: полезныя ограниченія, налагаемыя строгими требованіями преподаванія, были бы для нея часто стѣсненіемъ. Первое условіе, необходимое для того, чтобы она была плодотворна, это — свобода. Слѣдовательно, на ряду съ учрежденіями, которыя охраняютъ складъ знаній уже выработанныхъ, необходимо должны существовать независимыя каѳедры, гдѣ могла бы найти себѣ надлежащее мѣсто самая полная самобытность, не составляющая необходимаго качества въ обыкновенномъ преподаваніи.

Что же сдѣлать, чтобы возвратить французской коллегіи ея высшее назначеніе? Нужно взяться снова за дѣло въ духѣ Франциска I и Генриха II; нужно призвать въ ея стѣны умы творческіе въ дѣлѣ наукъ физическихъ, математическихъ, историческихъ, филологическихъ. Пусть ни одна новая отрасль изслѣдованій не проявится во Франціи безъ того, чтобы ея основатель не сдѣлался ея представителемъ въ коллегіи. Нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы каѳедры коллегіи соотвѣтствовали рамкамъ энциклопедическаго преподаванія: необходимо, чтобы коллегія представляла современное положеніе движенія въ наукѣ. Цѣль основанія коллегіи была не столько дать слушателямъ полный циклъ курсовъ, сколько сохранить великую традицію оригинальныхъ научныхъ изслѣдованій, а при этомъ лекціи профессора, во многихъ случаяхъ, составляютъ лишь часть его обязанностей. Никогда французская коллегія не стояла на такой высотѣ, какъ въ то время

когда у нея не было ей принадлежащаго помѣщенія *а*), и когда каждый профессоръ собиралъ у себя на дому желающихъ его слушать. Существенно важно то, чтобы ученый, посвятившій себя роду новыхъ разысканій, собиралъ около себя учениковъ, трудящихся подъ его руководствомъ. Лабораторіи совершенно достигаютъ этой цѣли въ отношеніи физики, химіи, естественныхъ наукъ. Относительно филологіи, можетъ быть, слѣдовало бы открыть нѣсколько стипендій, такъ какъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ филологическія занятія для молодыхъ людей совсѣмъ не производительны; гораздо затруднительнѣе стала для молодаго труженика парижская жизнь, при ея новѣйшихъ требованіяхъ; это поведетъ къ ущербу развитія высшихъ знаній, если не предотвратить зло заранѣе обдуманными мѣрами.

Такая забота о занятіяхъ, повидимому скромныхъ и не громкихъ, покажется многимъ излишнею. Великая ошибка нашихъ обществъ въ ихъ недальновидности; въ томъ, что они думаютъ не дальше, какъ о текущемъ поколѣніи. „Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ—замѣчаетъ весьма вѣрно Біо *б*) —физика и химія наполнили міръ произведенными ими чудесами: пароходство, электрическіе телеграфы, газовое освѣщеніе, освѣщеніе электричествомъ, свѣтъ солнца, приспособленный къ рисованію, печатанію, гравированію, сотни другихъ чудесъ, о которыхъ и не вспомнишь, поразили народъ неизмѣримымъ и общимъ изумленіемъ. Тогда толпа, не размышляя, не зная причинъ, увидѣла въ наукахъ лишь ихъ результаты, и, какъ дикарь, охотно срубила бы дерево, чтобъ достать съ него плодъ. Начните говорить ей о предварительныхъ изысканіяхъ, о теоріяхъ физики и химіи, которыя вызрѣли въ тиши кабинета, и вышли на свѣтъ въ видѣ дивнаго явленія; хвалите ей математику, этотъ основной корень всѣхъ наукъ положительныхъ — она даже не станетъ васъ и слушать. На что намъ теоретики? Развѣ Лагранжъ или Лапласъ устроили желѣзный заводъ? основали промышленность?—Вотъ что нужно. Толпа хочетъ только наслаждаться; для нея все въ результатѣ; она не знаетъ ничего предшествовавшаго, и пренебрегаетъ имъ. Не будемъ смущаться, мы всѣ, труженики науки, этимъ шумомъ требованій толпы. Не слушая ихъ, будемъ неутомимо продолжать наши терпѣливыя изысканія.“

Не столько невѣжественная толпа, сколько тщеславная мелочная посредственность дѣлаетъ возраженія, справедливо порицаемыя Біо;

а) Слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить, что прежній «королевскій лекторъ» получалъ жалованье за распространеніе и усовершенствованіе науки ему представляемой, тѣми способами, которые признавалъ за лучшіе. Коллегія получила свое помѣщеніе лишь при Лудовикѣ XIII.

б) Въ Journal des Sav ants марта 1854 Mér., и langes Scientifiques, т. I, стр. 469—470.

но совершенно вѣрно, что именно это-то ложное сужденіе составляетъ дѣйствительную опасность современныхъ обществъ, въ особенности общества французскаго. Все, что имѣетъ блескъ и минутное значеніе, цѣнится у насъ гораздо больше того, что даетъ далекіе результаты. Это значительно повредило основательности взгляда. Конечно, мы знаемъ болѣе, чѣмъ знали въ XVII и въ XVIII вѣкѣ; міръ для насъ раздвинулся; въ особенности исторія, какъ мы ее понимаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что прежде называли исторіею; но прежде умственная дисциплина была строже. Сколько старанія, труда, сколько любви къ истинѣ среди странной мелочности! Распредѣленіе общественныхъ классовъ было тогда лучше въ нѣкоторомъ отношеніи *а*): магистратура, духовное званіе, монастыри доставляли людямъ, желающимъ трудиться, прекрасную форму существованія. Бюджетъ, взявшій на себя замѣнить все это, взялъ на себя огромную отвѣтственность. Онъ не долженъ отъ нея отказываться; правительство обязано принять всѣ тѣ мѣры относительно высшаго образованія, какія принимаетъ относительно предметовъ первой необходимости, которые пострадали бы отъ его невмѣшательства. Лѣса, напримѣръ, исчезли бы, если бы были предоставлены частной спекуляціи; но лѣса нужны, и потому о нихъ заботятся, какъ о государственномъ дѣлѣ. То же можно сказать о высшей наукѣ. Она, конечно, не погибла бы, если бы французское правительство оставило ее безъ вниманія: благодаря раздѣленію Европы и спасительному въ дѣлѣ науки соревнованію между націями, благодаря въ особенности иниціативѣ личной и огромнымъ средствамъ, которыя преимущественно въ Англіи сосредоточились въ рукахъ людей мыслящихъ, будущность свободнаго умственнаго развитія обезпечена. Но дѣло здѣсь идетъ о чести нашего отечества. Недостаточно внутренняго убѣжденія въ томъ, что міръ намъ удивляется; нужно доказать ему, что мы стоимъ на надлежащей высотѣ въ томъ родѣ умственнаго развитія, которому Европа окончательно оказала предпочтеніе.

Конечно было бы смѣшно ожидать, что Франція измѣнитъ свой характеръ: было бы дерзко даже желать этого. И тому, кто обладалъ бы волшебною силою, должно остерегаться прикоснуться къ этимъ сложнымъ вещамъ, гдѣ все связано, гдѣ качества истекаютъ изъ недостат-

---

а) Хотя эти слова нѣсколько и объясняются послѣдующимъ, но все-таки, они, *такъ, какъ они высказаны*, заключаютъ страшный парадоксъ. Распредѣленіе сословій во Франціи до 1789 г., представляло такую массу несправедливости, что удобство, доставляемое нѣсколькимъ ученымъ личностямъ (и то чрезвычайно сомнительное, при многочисленныхъ стѣсненіяхъ мысли и круга дѣятельности), вовсе не можетъ быть взято въ соображеніе какъ что либо *лучшее*, въ какомъ бы то ни было отношеніи.

ковъ, гдѣ ничего нельзя измѣнить, безъ опасенія разрушить все цѣлое. Но поблажка недостаткамъ не есть путь къ достиженію самобытности. Все величіе Франціи въ томъ, что она заключаетъ противоположные полюсы. Франція — родина Казобона, Декарта, Сомэза, Дюканжа, Фрерэ. Она была націею серіозною въ то же время, какъ была и самою остроумною націею; даже можно сказать, что была всего остроумнѣе, когда была всего серіознѣе, и потеря основательности не придала ей новой прелести. Сохранимъ традицію французскаго ума, — я совсѣмъ не прочь, — но сохранимъ ее цѣликомъ. Въ особенности не будемъ надѣяться на то, что мы удержимъ за собою вліяніе на Европу, которое имѣли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, если сохранимъ старинныя привычки. Умственное развитіе Европы представляетъ въ огромныхъ размѣрахъ взаимный обмѣнъ, гдѣ каждый даетъ и получаетъ поочередно, гдѣ вчерашній ученикъ нынче дѣлается учителемъ. Это дерево, гдѣ каждая вѣтвь участвуетъ и въ жизни другихъ, и гдѣ лишь тѣ вѣтви непроизводительны, которыя уединены и не участвуютъ въ общемъ питаніи.

Съ конца прошлаго столѣтія, Франція совершаетъ великій опытъ, какъ въ области политики, такъ и въ области мысли. Результатъ такого опыта предсказать трудно, но есть нѣкоторая заслуга въ томъ, чтобы предпринять его. Можетъ ли демократія, въ родѣ французской, стать сильнымъ и прочнымъ политическимъ обществомъ? Можетъ ли она въ области ума составить просвѣщенное общество, гдѣ не господствовали бы шарлатаны, гдѣ знаніе, размышленіе, превосходство ума занимали бы приличное имъ мѣсто, имѣли бы законное господство и получали бы надлежащую оцѣнку? Вотъ что разрѣшится лѣтъ черезъ сто, и разрѣшится при пособіи Франціи. Я изъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ будущность демократіи, но эти предвидѣнія всегда весьма сомнительны: все, относящееся къ человѣку, весьма сложно, и трудно быть увѣреннымъ, что обнялъ разомъ всѣ данные вопросы; къ тому же произволъ великихъ людей отъ времени до времени дѣлаетъ вычисленія ошибочными. Какъ бы то ни было, должно продолжать опытъ. *Felix culpa!* (счастливая вина). Дерзость, лишающая Францію иногда выгодъ разсудительности, составляетъ ея величіе. Много свѣтлыхъ умовъ, при видѣ періодическихъ кризисовъ, за которыми слѣдуетъ уныніе, — что, повидимому, составляетъ нормальный порядокъ во Франціи, — покушаются прописывать ей діету непогрѣшимости, или такія лекарства, которыя возвратили бы намъ спокойствіе. Но спокойствіе, это — смерть. Франція не умѣетъ быть посредственною. Если будутъ работать въ этомъ направленіи, то ее сдѣлаютъ не посредственною, а ничтожною, и поставятъ ниже всѣхъ. Не станемъ же лечить этой лихорадки, когда больной бредитъ славой: она признакъ нашего достоинства. Будемъ только

оберегать больнаго, чтобъ какой либо припадокъ не уморилъ его, или не оставилъ въ немъ послѣ себя неизцѣлимой хилости. Здоровая умственная пища, неусыпная забота о томъ, что составляетъ постоянный интересъ обществъ, ~~неустанная~~ осторожность отъ вліянія поверхностныхъ взглядовъ, слишкомъ часто извращающихъ сужденія толпы — вотъ средство къ предотвращенію нѣкоторыхъ дурныхъ случайностей, возможныхъ при опасностяхъ нашего положенія.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.

(СТ. ЛУДВИГА РЮДИГЕРА).

Вопросъ о національности и ея правахъ получилъ слишкомъ важное значеніе въ наше время въ европейской исторіи и слишкомъ часто въ самомъ нашемъ отечествѣ онъ выставляется на видъ писателями разныхъ школъ, чтобы мы не воспользовались первымъ представляющимся случаемъ для сообщенія читателямъ его современнаго состоянія.

Въ исторіи борьба постоянна и столкновенія между личностями, отдѣльными кружками того же общества, различными общественными классами того же государства—становятся безпрестанно помѣхою для правильнаго развитія общества вообще, для его историческаго роста. Значительный историческій успѣхъ возможенъ лишь тогда, когда борющіеся общественные элементы забываютъ временно свои распри во имя высшаго начала, т. е. высшаго *для нихъ*, а въ сущности весьма часто фиктивнаго и заключающаго гораздо менѣе дѣйствительнаго содержанія чѣмъ начала, во имя которыхъ происходила борьба. Экономическіе вопросы всегда составляли самую существенную основу историческихъ столкновеній: господинъ и рабъ, помѣщикъ и крѣпостной, собственникъ и пролетарій, капиталистъ и поденщикъ, все это были различныя формы проявленія того же самаго экономическаго дуализма, который возбуждалъ продолжительную борьбу, рядъ административныхъ реформъ, рядъ политическихъ сдѣлокъ.

Эта экономическая борьба ослаблялась отъ времени до времени, во имя общихъ интересовъ, и эти общіе интересы, давая начало блестящему историческому движенію, окрашивали своимъ блескомъ цѣлые періоды и прикрывали отъ взгляда историка экономическую борьбу, продолжавшуюся безостановочно въ болѣе или менѣе сильной степени, во имя никогда не исчезающихъ потребностей. Такъ религіозное движеніе въ XVI вѣкѣ породило періодъ реформаціи и соединило въ мистическихъ побужденіяхъ всѣ классы населенія. Такъ политическое движеніе въ концѣ XVIII вѣка, длившееся до половины XIX (и можетъ быть еще не конченное) породило періодъ революцій и соединило подъ общимъ знаменемъ борьбы за политическія права и меньшинство, которое могло получить ихъ, и огромное большинство, которое не было въ состояніи ими воспользоваться.

Въ наше время идея національности послужила въ различныхъ углахъ Европы знаменемъ, подъ которымъ сходились съ воодушевленіемъ различные общественные классы, забывая временно свои споры, и потому національныя движенія получили такой яркій характеръ, потому они доставили временный отводъ все еще продолжающейся экономической борьбѣ.

Знамена, за которыми идутъ большія массы, рѣдко представляютъ совершенно ясное понятіе; нѣкоторая неопредѣленность тутъ даже полезна, потому что для умовъ, находящихся на весьма разнообразныхъ ступеняхъ развитія, лишь то можетъ служить соединяющимъ началомъ, что̀ представляется въ разной формѣ различнымъ группамъ лицъ. Поэтому не мудрено, что понятіе о національности было довольно неопредѣленно и допускало большіе споры. Къ тому же, весьма рѣдко къ нему относились безпристрастно, и чаще дѣлали его предметомъ лирическихъ возгласовъ, чѣмъ ученаго изслѣдованія.

Статья Рюдигера на столько разумна и безпристрастна, что мы считаемъ себя въ правѣ предложить ее читателямъ, какъ одну изъ лучшихъ иностранныхъ статей по разсматриваемому вопросу, хотя и она не полна. По нашему мнѣнію, авторъ взглянулъ на національность слишкомъ отвлеченно, какъ на элементъ научнаго построенія общества, а не на элементъ его жизни. Кромѣ того, мы полагаемъ, что онъ напрасно упустилъ изъ виду то историческое значеніе національнаго движенія для нашего времени, на которое мы пытались указать въ предъидущихъ строкахъ. Во всякомъ случаѣ, статья Рюдигера представляетъ многія здравыя мысли, которыя могутъ навести читателя на болѣе ясное представленіе о томъ, какіе сложные и разнообразные элементы входятъ въ то, что привыкли формулировать подъ словомъ *національность*.

I.

Ни въ какое время народы такъ не сближались и не перемѣшивались другъ съ другомъ, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Путешествовать сдѣлалось такъ легко, удобно и дешево, что ни одинъ сколько нибудь достаточный человѣкъ не пропуститъ случая повидать иностранныя земли. Главныя страны Европы такъ ужъ извѣстны, что никто не станетъ описывать своего путешествія по нимъ, съ цѣлію удовлетворить лишь любопытству читателя. Тѣ, которые ищутъ въ путешествіи сильнаго ощущенія, отправляются въ малоизвѣстныя части свѣта и полудикія страны, чтобы не найти того же, что есть у нихъ дома. На водахъ и въ большихъ городахъ бываетъ постоянный приливъ и отливъ чужестранцевъ, изъ которыхъ и состоитъ главнѣйшая доля ихъ населенія. Значительныя зрѣлища, какъ напримѣръ всемірная выставка, привлекаютъ изъ чужихъ странъ бо́льшія массы людей, чѣмъ сколько ихъ выходило изъ своихъ земель во время переселенія народовъ. Такъ же живо совершается и умственное сближеніе между народами. Изученіе иностранныхъ языковъ считаютъ вообще необходимой частью образованія, и съ каждымъ днемъ умножаются вспомогательныя средства, чтобы сдѣлать недостатокъ въ этомъ знаніи менѣе чувствительнымъ для незнающихъ. Переводы, по тому совершенству, съ какимъ дѣлаютъ ихъ нѣкоторые писатели, дошли до степени художественности, а съ другой стороны, по безчисленному множеству и механической заготовкѣ,—до фабричной работы. Книга, сдѣлавшая сильное впечатлѣніе, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего выхода, появляется на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ, а произведенія знаменитыхъ писателей нерѣдко появляются въ одно время и въ оригиналѣ, и въ различныхъ переводахъ. Все равно, въ какой формѣ, въ оригиналѣ, переводѣ, или подражаніи, но чужеземная литература составляетъ большую часть нашихъ матеріаловъ для чтенія; невозможно отрицать, что мысли, чувства и формы выраженія другихъ народовъ дѣйствуютъ на нѣмцевъ, и они пользуются французскими пьесами и англійскими романами такъ же, какъ ежедневно употребляютъ аравійскій кофе и китайскій чай.

Не замедлило проявиться и слѣдствіе этого физическаго и умственнаго сближенія, этого лучшаго знакомства со всѣмъ иноземнымъ и лучшей оцѣнки его: различіе между народами все уменьшается, каж-

дый день сглаживаетъ какой нибудь выдающійся уголъ, служившій особымъ признакомъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и проч. Теперь можно сказать, что англичанинъ живетъ въ Великобританіи, итальянецъ на Апенинскомъ полуостровѣ, французъ во Франціи, образованный же человѣкъ во всей Европѣ. Эта часть свѣта приняла уже одну и ту же форму одежды и выбрала у отдѣльныхъ народовъ извѣстные танцы, игры, забавы и кушанья, сдѣлавъ ихъ общеевропейскими. Даже нравы, отъ внѣшней общественной вѣжливости до обычаевъ, тѣсно связанныхъ съ практической жизнью, всюду одни и тѣ же, и существуетъ одно европейское общественное мнѣніе. Если и сохранились въ какомъ нибудь отдаленномъ углу, между низшими сословіями, удаленными отъ всемірныхъ сношеній и всемірнаго образованія, нѣкоторые остатки старыхъ обычаевъ, одеждъ или преданій, то они быстро идутъ къ уничтоженію, какъ скоро открывается доступъ вліянію общительности и образованія; старинный образъ жизни какой нибудь страны также мало можетъ устоять противъ желѣзныхъ дорогъ, какъ и ея старинные лѣса. Какъ часто собиратель пѣсень, мѣстныхъ сказаній и особыхъ обычаевъ, который первый открываетъ ихъ свѣту, бываетъ въ то же время и послѣднимъ, знавшимъ ихъ во всей чистотѣ. Со всѣхъ сторонъ стараются разрушить границы земель. Ученые сходятся на научные конгрессы и отказываются отъ отечественной исключительности. Независимыя государства заключаютъ таможенные союзы и условія для общаго употребленія средствъ обмѣна, и даже безъ договора случается, что какая нибудь страна заимствуетъ у другой ея законы и учрежденія, если признаетъ ихъ для себя выгоднѣйшими, нежели свои собственныя.

Это многостороннее уравненіе и смѣшеніе породило мнѣніе о существенномъ равенствѣ всѣхъ людей. Всѣ люди, говорятъ, одинаково одарены умственно и нравственно; различіе происходитъ отъ различной разработки способностей, но и это должно уравняться съ теченіемъ времени; священнѣйшая обязанность каждаго открывать для всѣхъ источники образованности, а факты показываютъ, что для образованности дѣлается многое, и съ этой стороны люди также сближаются другъ съ другомъ *а*). Отсюда стремленіе освободить негровъ, уравнять въ правахъ цвѣтныя племена Америки съ креолами, дать права гражданства презираемымъ въ Европѣ народамъ (евреямъ, цыганамъ, вендамъ), доста-

---

а) **Къ сожалѣнію, это гораздо болѣе желательно, чѣмъ осуществимо. Напротивъ, разница между міросозерцаніемъ развитаго весьма небольшаго меньшинства и міросозерцаніемъ огромнаго большинства людей—никогда не была такъ громадна, какъ въ наше время.**

вить подавленнымъ племенамъ политическое равенство съ ихъ побѣдителями. Между тѣмъ, какъ эти стремленія проистекаютъ изъ теорій, нѣтъ недостатка и въ практическихъ попыткахъ, когда природа сводитъ вмѣстѣ людей изъ всѣхъ странъ, чтобы образовать изъ нихъ государство. Европейская колонія содержитъ множество людей изъ всѣхъ странъ Европы, въ томъ числѣ и коренныхъ обитателей колоніи и пришельцевъ, которые добровольно или по принужденію пришли на работы: негровъ, индійскихъ кулисовъ, китайцевъ и т. д.

Изъ такихъ разнородныхъ частей, при помощи житья вмѣстѣ и кровнаго смѣшенія, составляется съ теченіемъ времени государственное цѣлое, не имѣющее никакого національнаго характера, но представляющее только общечеловѣческія формы. Сѣвероамериканскіе штаты представляютъ величайшій примѣръ такого лишеннаго національности государства *а*); но и каждый большой приморскій городъ отличается этимъ космополитическимъ характеромъ.

Если еще принять въ разсчетъ то разрушеніе, которое европейскіе народы все дальше вносятъ въ восточныя государства, въ жизнь дикихъ или полудикихъ племенъ, то очевидна справедливость пророчества тѣхъ, которые предвѣщаютъ, что не будетъ наконецъ никакихъ національностей, но одно нераздѣльное человѣчество.

II.

Однако, этому всеобщему и, какъ казалось бы, непреодолимому сглаживанію различій между народами, противодѣйствуетъ другое, *національное* стремленіе, желающее сохранить и даже усилить эти различія и необходимо переходящее съ одной стороны въ пристрастіе къ соотечественникамъ, а съ другой въ незнаніе и презрѣніе чужеземцевъ и во вражду къ чужимъ странамъ. Космополитическое направленіе, подготовленное всей исторіей новѣйшихъ народовъ, съ каждымъ столѣтіемъ усиливалось и становилось сознательнѣе; идея же національности принадлежитъ послѣднимъ годамъ или не болѣе какъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Вѣроятно, мнѣ не нужно описывать современникамъ ея обширное распространеніе и силу ея вліянія. Такая общая и сильная идея не могла произойти искусственно и не можетъ исчезнуть въ короткое время. Родъ этого явленія заставляетъ насъ искать условій его происхожденія въ самыхъ обстоятельствахъ нашего времени *б*).

а) Это не совсѣмъ справедливо, потому что преобладающая масса населенія англосаксонскаго племени.

б) Если можно допустить, что идея національности, какъ сознательная теорія, принадлежитъ новѣйшему времени, то нельзя, кажется, отрицать, что она, какъ элементъ

Первая причина того, что идея національности является именно въ такое, повидимому, неблагопріятное для нея время, состоитъ въ томъ, что она не христіанская. Я не хочу утверждать, что національное чувство и христіанство практически не могутъ существовать вмѣстѣ. Есть достаточно примѣровъ противнаго. Но національность противорѣчитъ съ самаго начала присущему христіанству стремленію признать равенство всѣхъ людей. Христіанская вѣра возникла при такихъ обстоятельствахъ, что должна была бороться со всякой національной исключительностью. Проповѣдь была обращена и къ іудеямъ *а*), и къ римлянамъ, двумъ народамъ, пропитаннымъ національными предразсудками. Іудеи, въ своемъ ограниченномъ высокомѣріи, думали, что имѣютъ, какъ избранный народъ, такое преимущество передъ другими націями, котораго тѣ не пріобрѣтутъ никакой заслугой, такъ какъ оно зависитъ отъ рожденія; они внесли свой взглядъ и въ христіанство, и мы знаемъ изъ исторіи перваго вѣка его, какъ сильна была борьба іудео-христіанской общины съ язычеcко-христіанскою *б*). Римлянамъ нужно было много преодолѣть въ себѣ гордости господствующаго народа надъ древнимъ міромъ, чтобы считать презрѣнныхъ варваровъ, которыхъ они покорили, равными себѣ по происхожденію и братьями въ евангельскомъ смыслѣ; потому-то, между высшими сословіями, христіанство распространилось уже въ третьемъ столѣтіи, когда римская гордость ослабла и всѣ подданные имперіи уже имѣли права римскихъ гражданъ. Но всего сильнѣе наносило ущербъ національному чувству аскетическое стремленіе христіанства, забота о вѣчномъ спасеніи. Когда человѣкъ долженъ былъ заботиться о „единомъ, что ему потребно", какое ему было дѣло до мірскихъ различій національности? По христіанскому понятію, каждый былъ на землѣ пришельцемъ, а отечество было на небѣ.

общественной жизни, существовала весьма давно, возбуждая симпатіи и антипатіи, вліяя на ожесточенность войнъ, на одушевленіе населенія въ продолженіе ихъ, на политическіе планы государственныхъ людей и на мечтанія визіонеровъ. Однимъ изъ ея проявленій въ послѣдней формѣ можетъ считаться Жанна д'Аркъ.

а) Между тѣмъ, какъ іудеи считали переводъ на другіе языки священнаго писанія святотатствомъ, въ преданіяхъ христіанства первымъ чудомъ послѣ смерти Христа, представляется то, что апостолы при сошествіи Св. Духа заговорили разными языками, и даръ разумѣть языки составляетъ въ томъ же преданіи одинъ изъ даровъ благодати первой церкви.

б) Историческимъ доказательствомъ этой борьбы мы обязаны тюбингенской школѣ богослововъ: знающіе нѣмецкій языкъ могутъ обратиться къ сочиненіямъ Баура, Швеглера, Гильгенфельда. Къ сожалѣнію, ни одно изъ нихъ не переведено на русскій языкъ. Штейнталь очень ловко указалъ въ представленіи объ *избранномъ* народѣ мистическое воплощеніе національнаго чувства, которое, впрочемъ, здѣсь ограничивалось лишь племенемъ Бени Израиль, но это племя тогда было націею.

Дѣйствіе этихъ идей распространилось на всѣ средніе вѣка и даже до новѣйшаго времени. Въ замѣнъ того, что мы называемъ государствомъ, отечествомъ, націей,—существовало у европейца среднихъ вѣковъ одно понятіе: христіанская община *a*). Всякій принадлежавшій къ ней былъ другъ, соотечественникъ, братъ, и никогда не спрашивали, французъ онъ, нѣмецъ, англичанинъ или итальянецъ; даже значительное различіе между побѣдителями варварами, которые разрушили римскую имперію, и побѣжденными, уравнено было болѣе всего христіанствомъ. Тотъ же, кто стоялъ внѣ христіанской общины, былъ не смотря на происхожденіе отъ одного племени „язычникъ и мытарь", и на него падала вся ненависть къ чужеземцамъ, предписываемая ветхимъ завѣтомъ. Преслѣдовать, грабить и убивать невѣрныхъ было не только позволительно, но и считалось заслугой, хотя бы они и принадлежали къ своему народу. Такъ поступили, наприм., французы съ альбигойцами.

Съ возрастаніемъ религіозныхъ расколовъ, народы чаще стали подвергаться внутреннему разладу. Гдѣ могло найти мѣсто національное чувство французовъ во время религіозныхъ войнъ шестнадцатаго столѣтія, или нѣмцевъ во время великой германской войны? Нѣмцу-католику пріятнѣе было видѣть скорѣе испанца, а нѣмцу-протестанту—шведа, чѣмъ своего соотечественника; между собою они были врагами. Религія такъ ослабила національное настроеніе, что Густавъ Адольфъ, покоритель и разоритель бо́льшей части Германіи, еще нѣсколько лѣтъ назадъ прославлялся въ нѣмецкихъ книгахъ, какъ спаситель и освободитель отечества. Даже маленькія области, какъ Нидерланды и Швейцарія, не избѣжали раскола, и различіе религій дѣлало одну часть народа смертельнымъ врагомъ другой.

Лишь тогда могла получить въ западной Европѣ идея о національности силу и значеніе, когда различіе католика отъ протестанта отступило на второй планъ, когда законъ допустилъ вѣротерпимость, т. е.

---

a) Рюдигеръ, какъ кабинетный ученый, имѣетъ постоянно въ виду болѣе или менѣе сознательныя теоріи высшихъ классовъ общества, и въ этомъ отношеніи онъ правъ. Для монаха, для рыцаря, для менестреля существовала одна христіанская община въ противоположность невѣрной. Но если обнять въ представленіи о среднихъ вѣкахъ и низшіе классы, то, повидимому, слѣдовало бы измѣнить нѣсколько этотъ взглядъ. Во-первыхъ, горожанинъ, кабальный, ремесленникъ не былъ нигдѣ другомъ и братомъ дворянину; во-вторыхъ, понятіе о христіанской общинѣ осталось весьма смутнымъ въ низшихъ классахъ до нашего времени; наконецъ, національныя симпатіи и антипатіи, особенно при содѣйствіи политическихъ вопросовъ, хотя и не формулировались въ теорію, но сильно вліяли на дѣйствія массъ, если и не въ сельскомъ населеніи, то въ городахъ. Примѣромъ могутъ служить сицилійскія вечерни, борьба англичанъ съ шотландцами, ирландцами, валлійцами и т. п.

исповѣданіе нѣсколькихъ дозволенныхъ или даже равноправныхъ религій, когда общество начало смотрѣть равнодушнѣе на то, которому изъ этихъ исповѣданій принадлежитъ тотъ или другой его членъ, когда на первый планъ, среди общественныхъ заботъ, стали заботы о мірскихъ благахъ, и вліяніе убѣжденій на общество уменьшилось.

Далѣе, національная идея могла укрѣпиться лишь при коренномъ измѣненіи взглядовъ на политику и государственное право. Въ средніе вѣка и въ новое время послѣднее опиралось на начало собственности. Населенія областей, вмѣстѣ съ самыми областями, переходили по наслѣдству, по брачнымъ договорамъ, по мирнымъ трактатамъ; совокуплялись, раздроблялись, вымѣнивались согласно съ случайностями историческихъ событій. Повиновеніе новымъ властямъ при подобныхъ переходахъ было такъ же обязательно, какъ повиновеніе прежнимъ, хотя бы одна имѣла мѣстопребываніемъ Парижъ, другая Лондонъ или Мадридъ. Различіе племени, языка, промышленныхъ связей, исторіи не принималось въ разсчетъ. Спрашивать подданныхъ никто и не думалъ, и они сами не считали, чтобы ихъ должно было спросить, хотятъ ли они признавать власть Генриха V или Карла VII, Пія VII или Наполеона I. Эта система признавала и признаетъ законность владѣнія лишь на основаніи международныхъ трактатовъ или законовъ о престолонаслѣдіи. Таково было основаніе европейскаго государственнаго строя, утвержденнаго трактатами 1815 г. Если тогда, при распредѣленіи народовъ между государями, считали какой нибудь пунктъ несправедливымъ, то несправедливость видѣли лишь въ томъ, что одно государство дѣлало пріобрѣтенія на счетъ другаго государства. Большею частью на этомъ основаніи существуетъ и нынѣшній государственный строй Европы.

Національныя стремленія въ Бельгіи, Испаніи, Венгріи, Германіи внесли, въ противоположность предъидущему, требованіе, чтобы нѣкоторыя области, соединенныя трактатами и законами о престолонаслѣдіи, были отдѣлены, другія, раздѣленныя, были слиты. Праву германскихъ князей, итальянскихъ государей эти стремленія противопоставляли если не права, то желанія народовъ. Теоріи, защищавшія національныя права римлянъ противъ папы, ирландцевъ—противъ англичанъ, должны были отрицать и дѣйствительно отрицали безусловное право правительства. Національныя идеи могли укрѣпиться лишь тогда, когда убѣжденіе въ безспорности послѣдняго было разрушено.

Далѣе, идея національности не можетъ произойти тамъ, гдѣ народъ слишкомъ дорожитъ мѣстными обычаями, интересами и различіями, гдѣ господствуетъ муниципализмъ; эти различія закрываютъ національное единство. Для того, чтобы оно выступило замѣтнымъ

образомъ, прежде необходимо, чтобы живыя сношенія связали между собою часть страны и уравняли различія городовъ и округовъ. Такимъ образомъ, даже космополитическое направленіе нашего вѣка было благопріятно идеѣ національности.

Наконецъ, національной идеѣ способствовало въ западной Европѣ расширеніе политическихъ правъ въ теоріи или на практикѣ на большинство населенія. Сословныя разграниченія тѣмъ болѣе противодѣйствовали національности, чѣмъ они были строже, потому что они придаютъ различію общественнаго положенія значеніе, предъ которымъ блѣднѣетъ національная разница (таково до сихъ поръ ~~католическое~~ духовенство, военное сословіе). Во времена Лудовика XVI, какъ во времена Филиппа Августа, дворянство всей западной Европы чувствовало гораздо болѣе тѣсную связь между членами своего сословія въ противуположеніи недворянами, чѣмъ связь, которая существовала между герцогомъ Ришельё и французскимъ мѣщаниномъ или крестьяниномъ. Превосходство „крови“ не дозволяло допустить мысли объ одинаковости національнаго происхожденія герцога, графа или барона съ его крѣпостнымъ или городскою чернью. Реформы, внесшія въ западной Европѣ въ законодательство равноправность всѣхъ личностей предъ закономъ, перевороты, уничтожившіе сословныя различія, борьба демократическихъ началъ съ аристократическими — дали возможность развиться идеѣ національности.

Въ нашемъ вѣкѣ общество стало смотрѣть болѣе разумно и равнодушно на разницу личностей по ихъ исповѣданіямъ, по династіямъ ихъ властителей, по мѣстности ихъ жительства, по ихъ общественному и сословному положенію, и потому, нашему вѣку принадлежитъ идея національности.

Часто замѣчали, что къ національности обращаются не кстати. Въ искусствахъ и наукахъ, въ общественной и частной жизни восхваляются вещи не по заслугамъ, а потому, что онѣ національныя. Политика признаетъ или отвергаетъ національность, смотря по тому, какъ ей удобнѣе. Желаютъ пріобрѣсть чужую область въ силу права національности и удерживаютъ за собой свою собственную, не смотря на чужеземныхъ ея обитателей, по праву владѣнія. Иной разъ, народъ считаетъ себя въ правѣ во имя національности угнетать остальныхъ жителей страны. Можно сказать, что принципъ національности еще нигдѣ не имѣлъ настоящаго и честнаго примѣненія. Это впрочемъ доказываетъ не что иное, какъ силу и распространеніе этой идеи. Все, что поднимается временемъ, есть сила, которою хитрецы овладѣваютъ и употребляютъ на свою пользу.

III.

При этихъ разнообразныхъ недоразумѣніяхъ и злоупотребленіяхъ, не безполезно будетъ твердо опредѣлить понятія. Итакъ, національность означаетъ особенность, которою одинъ народъ отличается отъ другихъ народовъ. Слѣдовательно, она съ одной стороны противоположна общему человѣческому равенству, а съ другой принадлежитъ нераздѣльно всему народу и представляетъ его единство въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи къ отдѣльнымъ сожителямъ, которые признаются частями одного цѣлаго, и въ историческомъ народѣ, въ которомъ она соединяетъ живущее племя съ его предшественниками.

Національность можетъ быть въ союзѣ и съ прогрессомъ, и съ реакціей. Во-первыхъ, внѣшнимъ образомъ, но также и внутренно, когда сами идеи соединяются. Это происходитъ именно оттого, какого рода препятствіе противодѣйствовало до тѣхъ поръ національному развитію. Если этимъ препятствіемъ была реакція, то національныя стремленія будутъ вмѣстѣ либеральными. Это мы видимъ въ Германіи, гдѣ государи противодѣйствуютъ и свободѣ и единству націи, или въ Италіи, гдѣ имъ противодѣйствовали и государи и церковь. Если же прогрессъ былъ помѣхою или противникомъ національности, то она становится враждебной всякому прогрессу. Такъ ненавидятъ въ славянскихъ земляхъ нѣмецкое образованіе, т. е. почти единственное образованіе, которое тамъ существуетъ, и національность явно стремится къ варварству прошедшихъ столѣтій.

Національность нужно тщательно отличать отъ другихъ стремленій, которыя часто смѣшиваютъ съ ней, потому что они сходны или проявляются обыкновенно заодно съ нею. Сюда принадлежитъ прежде всего патріотизмъ. Патріотизмъ есть привязанность къ государству или, въ монархическихъ государствахъ, болѣе къ правителю. Я уже упоминалъ, какъ рѣдко нація и государство совпадаютъ другъ съ другомъ; это и есть причина, почему патріотизмъ и національное чувство должны быть различаемы. Національное стремленіе у англичанина или француза есть патріотическая добродѣтель, у венгерца же и римлянина— государственное преступленіе.

Другое политическое стремленіе, которое часто смѣшиваютъ съ національнымъ, бываетъ направлено противъ рѣшенія правительственныхъ дѣлъ въ столицѣ (централизаціи). Когда хотятъ ограничить всемогущество государства и его вмѣшательство въ частныя отношенія, которыя до него не касаются, то должно выставить впередъ права общинъ, обществъ и отдѣльныхъ личностей противъ превышенія правъ государства; націю же нельзя противопоставить государству, потому

что она слишкомъ велика, чтобы лучше государства обдѣлывать подобныя дѣла. Часто впрочемъ идетъ дѣло только о томъ, чтобы власть чиновниковъ перевести изъ столицы въ провинцію, а не объ ограниченіи всюду вмѣшивающейся администраціи; и ей, и бюрократизму охотно готовы оставить ихъ значеніе, только должно перенести ихъ мѣстопребываніе въ провинцію. Здѣсь очевидно именемъ національности называется нѣчто совсѣмъ постороннее.

IV.

По общепринятому понятію, національныя различія основываются на происхожденіи. На животныхъ и растеніяхъ замѣчаютъ, что свойства родителей наслѣдуются дѣтенышами, и въ физическомъ отношеніи это явленіе такъ часто встрѣчается между людьми, что кажется весьма основательнымъ относить къ происхожденію націи и свойства, служащія общими признаками соединенія націи, и, въ то же время, отдѣляющія ее отъ другихъ народовъ. Французъ болтливъ, потому что происходитъ отъ французовъ, а турокъ молчаливъ, потому что происходитъ отъ турокъ и потому, что еще дѣды и прадѣды одного любили говорить, а другаго молчать. Этотъ родъ объясненія, конечно, удобенъ: онъ не только устраняетъ другія объясненія, но и каждое стараніе возвысить націю. Народъ или принадлежитъ къ племени, облагодѣтельствованному природой, и тогда ему прирождены политическія добродѣтели, даже политическія учрежденія, какъ напр.: конституціонная форма правленія, свобода общинъ, судъ присяжныхъ; или онъ не снабженъ этими дарами отъ природы, и тогда уже безполезно ихъ добиваться. Такъ изобрѣли англосаксонскую, латинскую расу и т. д., причину особенностей которыхъ искали съ такой же увѣренностью въ происхожденіи, какъ широкую морду бульдога и продолговатое туловище гончей собаки. Замѣчу по этому поводу:

1) Совершенно неправильно употреблять здѣсь не строго опредѣленное въ научномъ смыслѣ выраженіе: раса. Безъ сомнѣнія, человѣчество раздѣляется на расы, т. е. отдѣлы, которые отличаются другъ отъ друга наслѣдственными тѣлесными свойствами. Но это не имѣетъ ничего общаго съ національностью. Мы спрашиваемъ не о томъ, чѣмъ ацтекская нація отличается отъ англійской, или какъ относятся нѣмцы къ племени мандинго. Національные вопросы ограничиваются одной расой, расой бѣлыхъ.

2) Въ самой бѣлой расѣ, обитатели Европы принадлежатъ къ одному арійскому племени. Исключеніе составляютъ финны, баски и евреи, но и они стоятъ гораздо ближе къ главнымъ народамъ, чѣмъ напр. арійскіе цыганы.

3) При происхожденіи принимаютъ въ разсчетъ только отца, который даетъ имя, и забываютъ мать. Въ несмѣшанномъ народѣ, конечно, и мать изъ туземныхъ. Но тамъ, гдѣ нѣсколько народовъ живутъ вмѣстѣ, не рѣдко бываютъ и смѣшанные браки. Если переселяются холостые мужчины въ большомъ числѣ (напр. въ случаѣ покоренія мѣстности, часто и въ колоніяхъ), то они женятся уже въ другой странѣ, и потомство бываетъ смѣшанное, хотя и причисляется къ націи отцовъ.

4) Выводъ какого нибудь свойства изъ происхожденія часто бываетъ опровергнутъ болѣе глубокимъ сравненіемъ. Такъ обыкновенно считаютъ легкомысліе французовъ дѣйствіемъ „кельтской крови", и, конечно, нужно именно въ ней искать его причины, если хотятъ основывать его на происхожденіи; другіе предки французской націи, нѣмцы и римляне, не имѣли этого свойства. Но тѣ изъ французовъ, которые въ наибольшей чистотѣ сохранили кельтское происхожденіе, бретонцы,— угрюмы и неповоротливы. Даже въ тѣлесномъ различіи происхожденіе часто не имѣетъ вліянія; напр. между евреями, по происхожденію смуглыми, встрѣчаются на сѣверѣ личности съ голубыми или сѣрыми глазами и льняными волосами.

5) Обыкновенно представляютъ себѣ слишкомъ большимъ число покорителей какой нибудь страны. Страхъ подчиненнаго народа и обыкновенныя преувеличенія историковъ варварскихъ временъ—до невѣроятности увеличили ихъ число. Слѣдуетъ принять въ соображеніе:

a) Войска древнихъ и среднихъ вѣковъ были невелики, потому побѣдителямъ не нужно было много людей, чтобы разбить ихъ; впрочемъ, побѣды никогда не одерживались превосходствомъ числа, а высшими воинскими способностями, такъ какъ націи не столько походили одна на другую въ воинскомъ искусствѣ и воинственныхъ свойствахъ, какъ въ наше время.

b) При дурныхъ средствахъ сообщенія и трудности содержанія невозможно было набирать большихъ массъ людей. Покорители должны были страдать отъ этого тѣмъ болѣе, что приходили въ непріятельскую землю, и своими раззореніями еще больше лишали себя средствъ къ существованію.

c) Войска побѣдителей состояли обыкновенно изъ волонтеровъ, которыхъ привлекала надежда на добычу. Бѣдняки, которые не могли вооружиться на свой счетъ, безъ сомнѣнія, исключались; женатые и семейные также обыкновенно оставались дома, — такъ что уходящіе составляли только малую часть цѣлаго народа.

d) Завоеватели приходили обыкновенно изъ неплодородныхъ или дурно-воздѣланныхъ и малонаселенныхъ странъ, напр. изъ Скандинавіи.

Отечество норманновъ не могло бы и въ настоящее время поставить 400,000 солдатъ; а что же было во время нашествія норманновъ?

e) Когда побѣдителямъ нужно было являться изъ-за моря, число ихъ бывало ограничиваемо уже несовершенствомъ тогдашняго кораблестроительнаго искусства; маленькія суда могли вмѣстить немного людей. О норманнахъ извѣстно намъ, что они проплывали по французскимъ и нѣмецкимъ рѣкамъ въ самую средину страны и въ мелководьи переносили свои суда на плечахъ. Такія суда не могли же вмѣщать много людей.

f) Послѣ водворенія въ покоренной странѣ, число побѣдителей должно было еще уменьшаться, если не приходило подкрѣпленія изъ отечества. Ибо, такъ какъ побѣжденнымъ жителямъ не довѣряли оружія, то побѣдители и ихъ потомки одни составляли оборонительную силу страны и одни несли потери во время войнъ. Это видно на туркахъ, которые уже давно вымерли бы въ Европѣ, еслибъ не пополнялись постоянно изъ покоренныхъ народностей (обращеніемъ христіанскихъ подданныхъ; прежде даже похищеніемъ людей).

g) Также много преувеличеній въ извѣстіяхъ объ искорененіи побѣдителями туземныхъ жителей. Побѣдители всюду брали себѣ землю и не могли обойтись безъ туземцевъ для ея обработки. Какъ бы жестоко они ни поступали, все же, для своей собственной выгоды, имъ нужно было остерегаться сильнаго уменьшенія прежняго населенія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что побѣдители въ смѣшеніи народа извѣстной страны составляли только малую часть и тѣмъ меньшую, чѣмъ больше было число населенія во время завоеванія.

6) Различія, которыя выводятъ изъ происхожденія, могутъ имѣть причину совершенно въ другомъ. Продолжительныя причины имѣютъ и продолжительныя дѣйствія, и если народъ долго находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ, то слѣды этого вліянія на немъ окажутся, не будучи вовсе наслѣдственными; напр., если народъ занимается мореплаваніемъ, то у него есть нѣкоторыя отличительныя свойства, привитыя ему мореплаваніемъ, а не происхожденіемъ. Въ Турціи живутъ греки, евреи и армяне торговлей и маклерскими дѣлами для господствующаго народа, турокъ, и всѣ они сдѣлались въ высшей степени похожи другъ на друга, не смотря на совершенно различное происхожденіе.

7) Многія, такъ называемыя, національныя различія бываютъ временны, т. е. они проявляются у одного и того же народа въ разныя времена его исторіи, потому что соотвѣтствуютъ различнымъ отношеніямъ и степенямъ образованія, напр. многія, такъ называемыя, особенности венгровъ были совершенно обыкновенны въ Германіи за нѣсколько столѣтій.

V.

Какъ относится національность къ элементамъ, составляющимъ человѣческое общество?

1) Языкъ не столько служитъ основаніемъ національному различію, сколько обозначеніемъ ему. Разумѣется, каждый языкъ выражаетъ образъ мышленія своего народа и, въ свою очередь, дѣйствуетъ на этотъ образъ мышленія. Но въ цѣломъ, общечеловѣческое начало имѣетъ перевѣсъ, какъ это видно почти въ совершенно одинаковомъ синтаксисѣ самыхъ различныхъ языковъ. Къ тому же, всякое высшее развитіе языка ведетъ къ ослабленію звуковаго элемента характерности (флексій и производныхъ формъ) и къ усиленію логическаго элемента; особенные обороты, пословицы выходятъ изъ употребленія. За то языкъ есть важнѣйшее средство для различенія націй, въ особенности потому, что онѣ, подобно расамъ, не отдѣляются тѣлесными различіями. Народы познаются по языку, какъ отдѣльныя личности по имени.

Общность языка двухъ народовъ можетъ произвести духовную зависимость слабѣйшаго или менѣе дѣятельнаго народа отъ сильнѣйшаго. Такъ Бельгія находится подъ вліяніемъ французской мысли, Сѣверная Америка зависитъ умственно отъ Англіи.

Изъ всѣхъ составныхъ частей національности, языкъ всего легче измѣняется. Во многихъ странахъ можно замѣтить, что одинъ языкъ вытѣсняетъ другой. Такъ въ Канадѣ и Луизіанѣ французскій языкъ уступаетъ англійскому; въ Тиролѣ граница языка между Германіей и Италіей замѣтно передвигается къ сѣверу. Въ нѣкоторыхъ странахъ бываетъ по два языка вдругъ и одинъ вытѣсняетъ другой, пока вытѣснится третьимъ. Такъ нижнегерманское нарѣчіе изгоняетъ нарѣчіе фламандское, между тѣмъ какъ само уступаетъ шагъ за шагомъ верхнегерманскому языку (Hochdeutsch). Въ Буковинѣ русинскій языкъ вытѣсняетъ валахскій и самъ вытѣсняется польскимъ. Такія измѣненія объясняются направленіемъ и силой отношеній. Французы въ Канадѣ и Луизіанѣ не имѣютъ никакого сношенія съ Франціей; напротивъ, сильное съ англійскими обитателями ихъ страны, которые даже и составляютъ большинство. Въ Тироль постоянно переселяются къ нѣмцамъ обитатели болѣе населеннаго подвижнаго юга, и нѣмцы тѣмъ менѣе могутъ противостоять имъ, что они искусственно отдѣлены духовенствомъ отъ нѣмецкаго образованія. Верхнегерманскій языкъ, какъ языкъ книжный, долженъ вытѣснить простой діалектъ нижнегерманцевъ; если предположить, что нижніе и верхніе германцы имѣютъ одинаковую потребность понимать другъ друга, то у первыхъ болѣе основанія учиться верхнегерманскому, чѣмъ у вторыхъ нижнегерманскому языку.

Языкъ можетъ даже уничтожиться, между тѣмъ какъ національное чувство будетъ продолжаться. Такъ ирландцы, въ массѣ говорятъ болѣе по-англійски, и О'Коннель долженъ былъ произносить проклятія чужеземцамъ на ихъ же собственномъ языкѣ.

2) Религія то охватываетъ нѣсколько народовъ и содѣйствуетъ постепенному уничтоженію различій, то обнимаетъ только одну часть народа и пораждаетъ различіе, которое сильнѣе раздѣляетъ массы, чѣмъ тѣлесное происхожденіе или политическая отдѣльность. Предѣлы религіи не легко совпадаютъ съ предѣлами націи, въ особенности если религія имѣетъ стремленіе къ пропагандѣ, слѣдовательно стремится распространиться дальше народа, въ которомъ зародилась. Но тамъ, гдѣ религія совпадаетъ съ національностью, она составляетъ сильнѣйшее средство для поддержки послѣдней. Это мы видимъ у христіанскихъ народовъ въ Турціи, у ирландцевъ въ противодѣйствіи англичанамъ.

3) Значеніе обычаевъ исчезаетъ съ усиленіемъ образованія, и мѣсто ихъ занимаетъ основанное на общихъ представленіяхъ общественное мнѣніе. Здѣсь также всего чаще встрѣчается обстоятельство, что различія, зависящія отъ времени развитія, принимаются за народныя, напр.: ленная система, бо́льшая власть отца семейства, общее семейное пользованіе собственностью.

4) Промыселъ можетъ поддержать національность, если онъ дѣлается отличительнымъ ея признакомъ, т. е. если извѣстное занятіе посредственно или непосредственно прокармливаетъ массу народа, тогда какъ сосѣди его этимъ мало занимаются, напр. мореплаваніе у жителей Нидерландовъ.

5) Война можетъ подвергнуть національность величайшей опасности, такъ какъ она уменьшаетъ число народа, и, въ случаѣ несчастнаго исхода, можетъ подчинить націю чуждому владычеству. Даже побѣдоносная нація часто стирается отъ смѣшенія съ побѣжденными и принятія ихъ образованія; такъ постоянно бывало при азіятскихъ завоеваніяхъ, въ Европѣ при норманнахъ. Напротивъ, ничто такъ сильно не соединяетъ націю, какъ воспоминаніе о взаимно выдержанной опасности и о военной помощи, которую одно племя оказало другому; воспоминаніе о побѣдоносныхъ подвигахъ составляетъ лучшую часть національныхъ идей и начало каждой литературы. Война есть существенное средство для укрѣпленія національнаго единства, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ.

6) Изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, государство есть самое важнѣйшее. Огромнѣйшія средства, которыя оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи, могутъ утвердить или уничтожить національность. Даже

тамъ, гдѣ ихъ не употребляютъ для этой цѣли, все-таки очень важно, что извѣстное число людей долгое время было соединяемо въ государство. Обитатели одной страны, испытавшіе одну и ту же судьбу, отъ судьбы сосѣдей совершенно различную, непремѣнно сдѣлаются однимъ и тѣмъ же народомъ, какъ бы не сходны они ни были вначалѣ; напротивъ, долгое разъединеніе невозвратно уничтожаетъ то, что было сходнаго вначалѣ; сильные интересы тоже способствуютъ въ короткое время къ соединенію или раздѣленію народовъ. Въ нѣсколько историческихъ столѣтій, бельгійцы сдѣлались врагами голландцевъ. Въ Сѣверной Америкѣ составился народъ изъ англичанъ, ирландцевъ, нѣмцевъ, французовъ и проч., единство котораго уже черезъ восемьдесятъ лѣтъ перевѣшиваетъ первоначальныя различія.

Нѣтъ ни одного государства, котораго границы совпадали бы съ границами національнаго мѣста жительства. Маленькія государства содержатъ обыкновенно только часть народа; большія государства совмѣщаютъ въ себѣ жителей различныхъ національностей.

7) Такое же мѣсто, какъ государство у образованныхъ народовъ, занимаетъ у народовъ дикихъ и варварскихъ—племя. Оно составляетъ крайнюю границу, начиная съ которой на все, лежащее внѣ ея, распространена ненависть личности, принадлежащей племени; оно составляетъ и послѣднюю грань, до которой распространяется любовь этой личности. Величайшіе интересы для отдѣльныхъ личностей составляютъ интересы и всего племени; слава, къ которой они чувствительны, только слава ихъ племени, племя есть самое обширное общество, которое они способны понять. Но племя никогда не заключаетъ цѣлаго народа; народъ распадается всегда на нѣсколько племенъ. Между отдѣльными племенами часто существуетъ наслѣдственная ненависть, и войны при этомъ состояніи общества, конечно, бываютъ войны одного племени противъ другаго.

Я говорилъ уже, насколько общинное стремленіе ограничиваетъ національность. Но отдѣленіемъ членовъ общины отъ сосѣдей иностранцевъ, она можетъ быть отличнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію національности. Колоніи цѣлыя столѣтія держались въ средѣ чуждыхъ народовъ, пока онѣ сохраняли свои особенныя права, т. е. внутреннюю связь и отдѣльность отъ чужеземцевъ; напр.: нѣмцы въ Седмиградіи; безъ особенныхъ правъ, колоніи скоро исчезаютъ въ массѣ туземныхъ жителей, какъ нѣмцы въ Сіерра-Моренѣ, французскіе протестанты въ Германіи.

Итакъ, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: національность есть измѣняющееся понятіе, которое образуютъ языкъ, нравы и государство въ различныхъ пропорціяхъ смѣшенія, т. е. то одно, то дру-

гое преимущественно опредѣляетъ понятіе; къ этому можетъ также присоединиться общность другихъ общественныхъ отношеній. Такъ національность германцевъ состоитъ только изъ языка, обычаевъ, науки и искусства; національность турокъ — изъ вѣры, обычаевъ и государства. Происхожденіе имѣетъ существенное значеніе только въ томъ, что первоначально обусловливаетъ одинаковость языка, обычаевъ и другихъ общественныхъ учрежденій, одинаковость, конечно, продолжающуюся только до тѣхъ поръ, пока не помѣшаютъ противоположныя вліянія. Впрочемъ, въ первоначальной исторіи народовъ, національность основываетъ государства и творитъ политическое единство; впослѣдствіи отношенія становятся обратны, и изъ политическаго единства государства вытекаетъ національность.

Народъ можетъ выше цѣнить свою государственную форму, чѣмъ свое происхожденіе, и даже есть націи, которыя составились черезъ государственное соединеніе изъ различныхъ составныхъ частей (напр. англійская); впрочемъ, здѣсь не можетъ быть другаго судьи, кромѣ самого народа; его одного можетъ касаться выборъ. Такъ напр., если тессинцы лучше желаютъ быть швейцарцами, чѣмъ итальянцами, то Италія не имѣетъ права привлекать ихъ къ себѣ силою, также какъ не имѣетъ права Англія удерживать іонійцевъ, если они выше цѣнятъ соединеніе съ Греціей, нежели великія выгоды отъ подданства Великобританіи.

VI.

Вопросъ, какія средства способствуютъ или не благопріятствуютъ національности, легко находитъ разрѣшеніе въ томъ, что я сказалъ объ отношеніи національности къ общественнымъ учрежденіямъ. Въ особенности процвѣтаетъ національность тамъ, гдѣ она совпадаетъ съ государствомъ или, по крайней мѣрѣ, гдѣ правительство само поощряетъ требованія національности.

Нерѣдко случается, что правительство ручается за сохраненіе извѣстной націи, разумѣется такой, къ которой само не принадлежитъ. Обыкновенно это бываетъ поставлено условіемъ, когда государство при своемъ расширеніи пріобрѣтаетъ подданныхъ чуждой національности. Въ этомъ случаѣ, правительство обѣщаетъ больше, чѣмъ можетъ дать. Никакое правительство не можетъ охранить націи противъ естественныхъ послѣдствій государственнаго сожительства, или не можетъ пожертвовать государственными учрежденіями національному инте-

ресу. Настоящее охраненіе націи требуетъ, чтобъ ея языкъ сдѣлался дѣловымъ языкомъ и чтобы она управлялась только взятыми изъ ея среды чиновниками; требуетъ собственныхъ финансовъ, собственнаго войска собственнаго министерства, чтобы ни въ какомъ случаѣ національный интересъ не находился подъ вліяніемъ лицъ, принадлежащихъ къ другой націи. Союзъ съ одноплеменниками въ чужомъ государствѣ отнюдь не долженъ бы былъ подвергаться запрещенію, а еще менѣе слѣдовало бы требовать отъ подданныхъ, чтобъ они принимали участье въ войнѣ противъ этихъ одноплеменниковъ. Подобное сохраненіе національности было-бы распаденіемъ каждаго государства, заключающаго въ себѣ нѣсколько національностей. Если оно могло существовать хотя въ извѣстной степени въ прежнія времена, когда политическія соединенія едва заслуживали названія государства, то это невозможно теперь, когда ни одно государство не захочетъ отказаться отъ могущества, доставляемаго ему устраненіемъ всѣхъ особенныхъ отношеній, и когда дѣятельность государства сильно вліяетъ на всѣ общественныя дѣла, а во многихъ случаяхъ и на частныя *а*). Впрочемъ, особенное искушеніе къ подавленію какой нибудь націи заключается въ томъ, что правительство, возбуждая неудовольствіе одной части подданныхъ, можетъ быть увѣрено въ сочувствіи другой. Если же, напротивъ, правительство обратитъ особенное вниманіе на чуждую національность, то остальной народъ будетъ смотрѣть на это съ завистью, тѣмъ болѣе, что правительство обыкновенно старается вознаградить на немъ потерю власти, которую испытываетъ тамъ. Такимъ образомъ, государство разомъ можетъ возбудить неудовольствіе нѣсколькихъ національностей. Одна нація жалуется на то, что исполнили только часть ея желаній, а другая на то, что въ этой части все-таки заключается болѣе того, чѣмъ пользуется она. Такъ въ Австріи до 1848 г. итальянцы видимо пользовались предпочтеніемъ, что оскорбляло другія провинціи, не пріобрѣтая правительству расположенія Италіи; на мысѣ Доброй Надежды голландскіе колонисты (боэры) оставили страну, потому что правительство приняло чорное племя подъ свою защиту отъ нихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что судьба націи гораздо больше опредѣляется смѣшеніемъ народовъ государства, нежели обѣщаніями его

а) Если усиленіе государственной власти, вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ государства, влечетъ за собою, конечно, подавленіе слабѣйшихъ національностей, то этого нельзя сказать въ томъ случаѣ, когда государственная власть ограничивается необходимыми насущными своими отправленіями и въ особенности, когда предѣлы государственныхъ единицъ не обширны. *Ред.*

правительства. Когда, напр., Австрія говоритъ объ уравненіи всѣхъ націй, то это вѣроятно (на сколько вообще государство можетъ поддержать чуждую національность), потому что ни одна нація въ Австріи не достаточно сильна, чтобы уничтожить другія; нація, къ которой причисляетъ себя правительство, т. е. нѣмецкая, относится къ нѣмецкому народонаселенію какъ 1 къ $4^1/_2$. Въ Пруссіи пропорція существенно иная, здѣсь $^7/_8$ населенія нѣмецкаго и только $^1/_8$ славянскаго. Очевидно, что въ Австріи уже числительная пропорція допускаетъ уравненіе; но въ Пруссіи это правило было бы не естественно.

Какъ иногда государственная политика подавляетъ національность, чтобы сдѣлать правительство тѣмъ сильнѣе и неодолимѣе, такъ въ другомъ случаѣ она можетъ находить выгоднымъ для себя раздѣленіе населенія вслѣдствіе національныхъ различій. Это случается, или когда правительство слабо сравнительно съ подданными, и потому хочетъ сдержать одну часть народа посредствомъ другой, или когда нужно охранять предѣлы своихъ владѣній отъ угрожающихъ имъ опасностей, со стороны стремленія національностей къ соединенію. Въ прежнія времена *право* національности было неизвѣстно, но сила этой идеи была достаточно извѣстна, такъ что мы встрѣчаемъ попытки къ подобному соединенію во всѣ періоды исторіи. Генуэзцы, господство которыхъ въ Корсикѣ безпрестанно колебалось отъ постоянныхъ возстаній, старались возбудить другъ противъ друга обѣ части острова. Жители восточной части (riviera di levante) считались другой націей, чѣмъ жители западной части (riviera di ponente), и даже оставались безнаказанными преступленія, если они совершались въ одной части Корсики противъ обитателя другой ея части. Въ Германіи мирные трактаты 1815 года перепутали самымъ произвольнымъ образомъ прежнія области.

Самое большое, чисто германское государство, Баварія, содержитъ въ себѣ обитателей баварскаго, швабскаго и франкскаго племенъ; изъ маленькихъ государствъ напр., Нассау, заключающее менѣе полумилліона населенія, составилось изъ двадцати трехъ исторически различныхъ областей, что не мѣшаетъ, въ случаѣ надобности, говорить о „племени нассауцевъ.“ Въ новѣйшее время изобрѣтена неаполитанская нація, чтобы охранить владычество Бурбоновъ отъ стремленія Италіи къ единству. Подобныя искусственныя національности не имѣютъ никакого значенія.

Конечно, сильными средствами государство можетъ создать или уничтожить національность. Но для этого нужно послѣдовательное, ничѣмъ не дорожащее проведеніе цѣли, и даже оно едва ли можетъ достигнуть успѣха въ сто лѣтъ. Созданіе національности требуетъ также,

при строгомъ огражденіи отъ внѣшняго вліянія, свободнаго движенія внутри государства, что было бы весьма непріятно самимъ изобрѣтателямъ этой мысли. Искусственная національность всегда есть продуктъ минутнаго затрудненія, а при слѣдующей перемѣнѣ въ положеніи дѣлъ правительство о ней уже не думаетъ.

Другой искусственный родъ національности выходитъ изъ предѣловъ исторіи. Попытки являются частію со стороны націй, которыя, будучи слабы сами по себѣ, стремятся къ увеличенію, частію отъ государствъ, которыя хотятъ привести въ исполненіе планы правительственной политики силою національнаго движенія. Этотъ родъ національности имѣетъ также мало значенія, какъ и предъидущій. Одно желаніе не наполнитъ еще пропасти между двумя народами, которые всегда считали другъ друга чужими, и родственная связь которыхъ только въ новѣйшее время открыта учеными. Если станутъ утверждать единство двухъ такихъ народовъ, то придется отвергать самое основаніе всякой національности—исторію. Можно положительно допустить, что двѣ націи, которыя не граничатъ одна съ другой географически, или которыя не понимаютъ другъ друга при обыденныхъ сношеніяхъ, никогда не сольются въ одну. Легко также замѣтить, что любовь къ подобнымъ отдаленнымъ родственникамъ по племени есть лишь изобрѣтеніе ученыхъ. Въ дѣйствительности же выказывается или незнаніе родственности, — такъ напр., итальянецъ очень бы удивился, если бы ему объявили, что онъ родственъ испанцу, — или даже глубоко вкоренившаяся ненависть, когда границы сходятся и частыя войны озлобили народы одинъ противъ другаго. Это мы видимъ, наприм., у нѣмцевъ и датчанъ.

VII.

Еще говорятъ, что никакая христіанская нація не можетъ умереть; но это одна изъ теорій, которыя составляются обыкновенно не по исторіи, но взамѣнъ исторіи. Римляне въ пятомъ столѣтіи, по бóльшей части христіане, представляютъ величайшій примѣръ умершей христіанской націи. Если нужны еще другіе факты, то я спрошу: гдѣ армянское царство, гдѣ кельтскія государства Бретани, Валлиса, Ирландіи? Гдѣ греки? Потому-что влахи или арнауты, населяющіе теперь Элладу, суть столь же мало греки Византійскаго царства, какъ мало Аѳины — Константинополь. Еще чаще, чѣмъ путемъ насильственнаго покоренія, народы исчезаютъ вслѣдствіе постепеннаго ослабленія національности; въ примѣръ можно привести славянъ на сѣверо-востокѣ Германіи,

пруссовъ. Въ Корнвалиссѣ умеръ въ началѣ нашего столѣтія послѣдній человѣкъ, говорившій по-кельтски.

Лишенное національности, народонаселеніе затеривается потомъ въ массѣ другихъ жителей. Даже и при завоеваніяхъ, самое существенное составляетъ это постепенное ослабленіе и исчезаніе, потому-что только очень рѣдко случается, чтобы побѣжденная нація была совсѣмъ уничтожена. Но продолженіе существованія и размноженіе индивидуумовъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ сохраненіе націи.

Націи не только умирали, но и умираютъ еще у насъ на глазахъ. Въ будущемъ столѣтіи, вѣроятно, не будетъ болѣе вендовъ въ Саксоніи. О литовцахъ теперь много спорятъ; разныя славянскія племена хотятъ причислить ихъ къ своей народности. По истинѣ же, литовцы вовсе не славяне, потому что имѣютъ свой собственный языкъ, совершенно отличный отъ славянскаго, свою собственную исторію (разумѣется, уже прекратившуюся тому нѣсколько вѣковъ) и много особенностей въ характерѣ и обычаяхъ. Но такъ какъ ихъ національность все болѣе и болѣе слабѣетъ, то они необходимо должны потеряться среди какого-либо славянскаго племени.

Въ мухаммеданскихъ владѣніяхъ, національность прежнихъ христіанскихъ жителей пострадала двумя путями. Мирные народы потеряли свою самостоятельность, какъ армяне, копты, греки, болгары. Воинственныя племена въ сущности остались свободны и независимы, но приняли религію побѣдителей, какъ босняки и арнауты. Черкесы столѣтія за два съ половиной такъ же храбро стояли за христіанство, какъ теперь за исламизмъ.

Если въ какой нибудь странѣ дворянство пришло изъ чужой земли, то оно принимаетъ національность страны и отрекается отъ собственнаго племени, напр. дворянство Венгріи, которое большею частію образовалось изъ германскихъ выходцевъ. Споры между креолами и европейцами въ колоніяхъ представляютъ то же явленіе.

Вообще можно сказать: изъ двухъ борющихся національностей побѣдитъ та, на сторонѣ которой преимущество числа, богатства, политической силы или образованія. Значеніе числа народа и политическаго могущества для поддержанія національности ясно само по себѣ. Богатство даетъ средства сохранить независимость и сдѣлать зависимыми другихъ. Высшее образованіе даетъ высшую умственную силу; впрочемъ, всякое образованіе, занесенное извнѣ, ослабляетъ національность—такъ что, чѣмъ образованнѣе нація, тѣмъ меньше нужно ей принимать чужаго.

Какъ цѣлые народы могутъ утратить національность, такъ можетъ повториться это и въ маломъ видѣ, именно, что отдѣльныя лица мѣ-

няютъ свою прирожденную національность на другую. Я говорю только о такихъ націяхъ, которыя живутъ въ одномъ и томъ же государствѣ, другъ подлѣ друга, потому что, если, напр., нѣмецъ поселится въ Испаніи, то понятно, что онъ долженъ сдѣлаться испанцемъ, и подобная перемѣна должна считаться не отдѣленіемъ отъ своей націи, а скорѣе переселеніемъ. Переходъ же изъ одной національности въ другую въ одномъ и томъ же государствѣ, отдѣленіе изъ духовнаго отечества, между тѣмъ какъ не покидаютъ тѣлеснаго, бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе крѣпка связь, соединяющая покидаемую націю, и чѣмъ менѣе опредѣленны ея границы. Въ этомъ отношеніи, нѣмцы отличаются печальной способностью, имѣющею впрочемъ свою основу въ національномъ характерѣ. Ихъ часто приводили въ примѣръ какъ народъ, имѣющій всего менѣе предразсудковъ, и который всего лучше можетъ перенестись въ чужія мысли и чувства. Говорятъ, что французъ остается только французомъ, англичанинъ англичаниномъ, только нѣмецъ—человѣкомъ. Но эта способность быть всѣмъ требуетъ мягкости, подающейся передъ каждымъ впечатлѣніемъ, производимымъ чуждой націей. Національныя представленія необходимо должны имѣть нѣкоторую односторонность; національное чувство немыслимо безъ нѣкоторой несправедливости къ иностранцамъ. Можно сказать, что то же свойство, которое дѣлаетъ нѣмцевъ, безспорно, лучшими переводчиками въ свѣтѣ, помогаетъ имъ и въ жизни также легко погружаться въ идеи и побужденія другихъ народовъ. Сочтите нѣмецкія имена между славянами и другими сосѣдними народами; но и это счисленіе не даетъ настоящей цифры, потому что многіе заимствовали свои имена изъ принятаго вновь языка.

Можно проклинать отступниковъ, но не справедливо утверждать, будто нація, къ которой они переходятъ, ничего въ нихъ не пріобрѣтаетъ. Можно ожидать большей приверженности отъ того, кто добровольно избралъ себѣ народъ, чѣмъ отъ того, который принадлежитъ ему только по случайности рожденія. Пусть довольно часто случается, что перебѣжчикъ не вполнѣ сживается съ своей новой національностью, что онъ, по неловкости и обыкновенному усердію новообращенныхъ, бываетъ смѣшонъ; но то, что онъ дѣлаетъ для чужаго народа, остается сдѣланнымъ, и его дѣти, воспитанныя уже въ новой національности, составляютъ для нея несомнѣнную прибыль. Впрочемъ, нѣмцы часто дѣлались вождями національныхъ стремленій своихъ новыхъ соотечественниковъ, и оказывали такое усердіе и устойчивость, которой нѣмецкая нація никогда не находитъ для защиты своего собственнаго дѣла.

VIII.

Разсматривая развитіе исторіи, мы видимъ, что національное стремленіе, по крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ оно сознательно, становится въ противодѣйствіе образованности. Съ образованностью неразлучно исканіе вообще хорошаго, внѣ предѣловъ данной одной народности и необращеніе большаго вниманія на несущественныя различія. Образованный умъ требуетъ отъ каждаго мнѣнія—истины, отъ каждаго произведенія искусства—красоты, отъ каждаго учрежденія—цѣлесообразности. Но въ каждой націи есть многое, что не выдержитъ подобнаго испытанія; существуетъ какое-то благоговѣніе, по которому очевидная сказка изъ первобытной исторіи націи считается правдой, грубая картина грубаго времени—мастерскимъ произведеніемъ искусства, глупый законъ — продуктомъ высочайшей государственной мудрости. Большинство вѣритъ этому у многихъ народовъ, а тѣ, которымъ дѣло лучше извѣстно, не отваживаются противорѣчить. Такое высокое мнѣніе о собственныхъ преимуществахъ и пренебреженіе къ другимъ народамъ чаще происходитъ отъ невѣжества, чѣмъ отъ гордости. Тотъ, кто знакомится съ чужими краями, открываетъ, что во многомъ не имѣлъ основанія ихъ ненавидѣть или гордиться національными преимуществами.

Далѣе, образованіе вредитъ національности тѣмъ, что сглаживаетъ народныя различія. Это дѣйствіе не есть только особенность нашего времени, потому что то же явленіе находимъ мы и въ древности. Когда македонское завоеваніе внесло въ Азію греческое образованіе, то оно ослабило различія какъ между собственно азіятскими народами, такъ и между ними и греками. Западная и восточная страны сдѣлались болѣе сходными между собою, и сами греки уничтожали границы, отдѣлявшія ихъ, частію отъ сѣверныхъ сосѣдей (этолійцевъ, македонянъ, эпиротовъ), какъ отъ варваровъ, частію другъ отъ друга, какъ дорійцевъ и іонійцевъ; замѣчательно, что именно тогда прекращается употребленіе діалектовъ, и аттическое нарѣчіе дѣлается общимъ письменнымъ языкомъ. Рядъ македонскихъ царей, Селевкидовъ и Птолемеевъ, образовалъ государственную систему, совершенно похожую на нынѣшнюю европейскую; въ Александрію стекались науки, искусства и даже религія съ цѣлаго древняго міра. Это уравненіе посредствомъ образованія было еще усилено римлянами, и въ третьемъ столѣтіи по Р. Х. отъ Англіи до Египта и отъ Испаніи до Евфрата были одни и тѣ же политическія учрежденія и законы, тотъ же господствующій языкъ, тѣ же науки и искусства, тѣ же обычаи между образованными людьми, и всѣ свободные были равны и считались римскими гражданами.

Подобное же смѣшеніе народовъ произошло въ средніе вѣка подъ вліяніемъ христіанства *а*).

Національность начинается только съ реформаціи, частію случайно, потому что тогда государства укрѣплялись и оживало воспоминаніе о классической древности, частію какъ неизбѣжное слѣдствіе того, что реформація, внѣшнимъ образомъ—переводомъ Библіи и введеніемъ отечественнаго языка въ богослуженіе, а внутренно—уничтоженіемъ іерархіи, уничтожила церковное общеніе націй, присудила каждому правительству церковную власть въ своей странѣ и вообще была благопріятна личной самостоятельности. *б*)

Итакъ никого не должно удивлять, если національное стремленіе часто является какъ реакція противъ прежняго періода общаго образованія. Умѣренные желали бы изгнать чужеземцевъ изъ страны, удержавъ образованіе, которымъ имъ обязаны. Упорные же или болѣе послѣдовательные изгоняютъ самое образованіе, потому что видятъ, что его нельзя отдѣлить отъ принесшихъ его иноземцевъ. Въ этомъ побужденіи имъ помогаютъ всѣ тѣ, которымъ въ особенности важно поддержать грубость и невѣжество народа, тѣ, которымъ именно тягостны преимущества образованныхъ или выгодно невѣжество; отсюда произошелъ во многихъ странахъ союзъ національной партіи съ реакціонною. Вытащили на свѣтъ обычаи, одежду и пищу крестьянъ, и высшія сословія стали подражать имъ, потому ли, что это было всего ближе, или потому, что хотѣли, во что бы то ни стало, быть національными, а между тѣмъ не знали, какъ за нѣсколько столѣтій жили, ѣли и одѣвались образованные люди.

Извѣстно, что въ древнія, такъ называемыя, варварскія времена были гораздо либеральнѣе относительно чуждаго образованія. Западные славяне призывали въ средніе вѣка нѣмцевъ, желая бо́льшихъ выгодъ странѣ, и весь міръ знаетъ, что Петръ Великій только чрезъ переселеніе къ себѣ иностранцевъ и подражаніе ихъ постановленіямъ сдѣлалъ Россію европейскимъ государствомъ *в*). Восточная Европа

а) Мы уже говорили выше (стр. 419 примѣч.) о томъ, на сколько слѣдовало бы ограничить эту мысль. Должно замѣтить, что единству образованныхъ классовъ Европы способствовало и общее употребленіе латинскаго языка въ наукѣ, государственныхъ и дипломатическихъ актахъ.

б) Точно также возбужденію національной раздѣльности содѣйствовало прекращеніе господства латинскаго языка въ свѣтскихъ сношеніяхъ, въ наукѣ, государственныхъ актахъ и т. под. Сюда же должно отнести усиленіе литературъ на новыхъ европейскихъ языкахъ.

в) Передавая слова иностранца, мы отклоняемъ отъ себя всякую отвѣтственность за мнѣнія, способныя вызвать гнѣвъ многихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей.

обязана единственно вліянію иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ, всѣмъ, что есть въ ней по части промышленности, политическаго устройства, науки, искусства и общественныхъ обычаевъ. Даже религію восточная Европа получила частію отъ византійскихъ грековъ, а частію изъ Германіи. Здѣсь національная партія, въ своей ненависти къ иностранцамъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ старѣйшими и обыкновенно такъ восхваляемыми временами своей исторіи. Слѣдствіемъ этого является обширное искаженіе исторіи, чтобы какъ можно болѣе ослабить значеніе внесеннаго образованія.

Дальнѣйшее уклоненіе національной идеи есть каста. Гдѣ существуютъ касты, тамъ нація считаетъ такою благодатью самое свое происхожденіе, что даже не принимаетъ въ свою среду иностранцевъ; она признаетъ, что преимуществъ рожденія, принадлежащихъ ея членамъ, нѣтъ возможности пріобрѣсть. Въ такой странѣ различныя національности живутъ не другъ подлѣ друга, но одна надъ другой. Побѣдоносное племя присвоиваетъ навѣки господство одному себѣ, другія населенія утѣсняются и часто объявляются вовсе нечистыми, такъ что самыя высокія касты не должны имѣть съ ними сношеній. Избѣгая общеній, по ним возможно свойство касты переносит вообще на лиц высшаго сословія, не обращая вниманія на происхожденіе.

IX.

Если сравнить различныя времена, то окажется, что древность болѣе способствовала развитію и сохраненію національности. Изъ причинъ, въ особенности, слѣдуетъ упомянуть о малой общительности. Нѣкоторыя государства запрещали своимъ подданнымъ ѣздить въ чужіе края, какъ было въ древнемъ Египтѣ и Индіи; еще чаще запрещаемъ былъ иностранцамъ въѣздъ въ страну, какъ еще недавно въ Китаѣ и Японіи. Кромѣ запретительныхъ законовъ, путешествіе было затруднительно по недостатку географическихъ познаній, по опасности и дурному состоянію дорогъ, и потому совершалось рѣдко. Одинъ народъ не оказывалъ никакого вліянія на другой, и потому послѣднему было легко безъ помѣхи развивать свои особенности. Народы были неизвѣстны другъ другу, и потому каждый могъ укрѣпляться во мнѣніи о своемъ превосходствѣ, въ пренебреженіи и ненависти ко всѣмъ иностранцамъ.

Однако, это могло существовать только во время мира. Война же, напротивъ, приносила національности несравненно бо́льшую опасность чѣмъ теперь, ибо никакое право и никакой обычай не защищалъ побѣжденнаго отъ произвола побѣдителя. Если послѣдній хотѣлъ упрочить свое завоеваніе уничтоженіемъ побѣжденной націи, то этому онъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій и могъ употреблять самыя жестокія

средства. Конечно, ни одна національность не устоитъ, когда большая часть мужескаго населенія умерщвлена, жители страны проданы въ рабство или хоть доведены до нищеты и зависимости разграбленіемъ ихъ имущества — а это было международное право въ продолженіе цѣлой древности — или, какъ дѣлали многіе азіятскіе завоеватели, когда народонаселеніе выведено изъ родной страны, для поселенія его за сотни миль въ чуждой обстановкѣ. Можно сказать, что въ наше время національность болѣе защищена отъ насильственныхъ нападеній, но зато всемогущее разложеніе, посредствомъ чуждаго вліянія, имѣетъ болѣе легкій доступъ.

Исторія показываетъ впрочемъ, что преимущественно смѣшанныя націи бываютъ велики. Въ древности падаютъ царства Ассирійское (семитовъ) и Египетское подъ владычествомъ мидо-персовъ, составившихся изъ семитовъ и арійцевъ. Греція покорена (греко-иллирійскими) македонянами, и вся древняя исторія идетъ къ всемірной римской имперіи, составныя части которой были уже смѣшанными народами. Въ средніе вѣка господствуютъ германцы, въ религіи и образованіи — чистѣйшее изъ романскихъ племенъ, итальянцы; впослѣдствіи они были смѣнены наиболѣе подвергшимися смѣшенію романскими и германскими племенами, Франціею и Англіею. Даже тамъ, гдѣ два народа родственны или развиваютъ одинъ и тотъ же принципъ, смѣшанный народъ всегда имѣетъ преимущество. Такъ уступаетъ чисто славянское государство Польша смѣшанной Россіи; между тѣмъ, какъ арабы въ Европѣ, Азіи и Африкѣ теряютъ господство, смѣшанные турки завоевываютъ аравійскія и многія другія христіанскія земли. Въ Германіи политическое значеніе переходитъ отъ внутреннихъ чисто-германскихъ племенъ къ перемѣшаннымъ съ пруссами, леттами и славянами жителямъ прусской монархіи и къ Австріи, которая вмѣстѣ съ нѣмцами заключаетъ въ своихъ предѣлахъ потомковъ древнихъ кельтовъ и представителей всевозможныхъ племенъ, нынѣ населяющихъ Европу.

Это явленіе, впрочемъ, можно объяснить тѣмъ, что, при постоянно увеличивающейся связи между народами, національности, явившіяся позже, необходимо должны быть смѣшанными. Но не всегда самый молодой народъ бывалъ сильнѣе; такъ персы были побѣждены греками, а многіе варвары римлянами, нѣмцы разбили западныхъ славянъ, венгровъ и турокъ. Господство смѣшанной націи распространяется и крѣпнетъ гораздо сильнѣе господства несмѣшанной ея предшественницы. Наконецъ, паденіе столькихъ чистыхъ націй указываетъ на ихъ коренную слабость. Если разсмотримъ только съ начала среднихъ вѣковъ, то замѣтимъ, что въ Европѣ пали царства остготовъ, лонгобардовъ, бургундовъ, саксовъ (въ Англіи), кельтовъ въ Бретани, Ирландіи, Валисѣ и

Шотландіи, славянскія царства въ предѣлахъ настоящей Германіи и Турціи, пруссы, летты и финны, наконецъ поляки. Зато, ни одна смѣшанная нація не пала, кромѣ мавровъ въ Испаніи.

X.

Начиная съ отдѣльной личности, мы находимъ цѣлый рядъ общественныхъ связей, которыя ее окружаютъ. Во-первыхъ, семья связываетъ человѣка съ другими, потомъ общество, которое у кочующихъ народовъ организуется въ племя, у осѣдлыхъ въ общину. Еще далѣе распространяется общественный союзъ народности, и наконецъ всѣ эти связи охватываютъ общественный союзъ человѣчества. Домъ, городъ или мѣсто жительства, страна, земной шаръ обозначаютъ здѣсь пространственное протяженіе; но каждая изъ этихъ связей обнимаетъ собою все бо́льшее число людей, на которыхъ обращаются наши мысли и чувства. Семейство состоитъ изъ немногихъ лицъ, община содержитъ въ себѣ сотни и тысячи, народъ образуетъ милліоны, а человѣчество обнимаетъ весь родъ двурукихъ.

Зато чувства, которыя мы питаемъ ко всѣмъ этимъ союзамъ, и которыми мы соединены съ ними, становятся именно тѣмъ слабѣе, чѣмъ шире распространяется союзъ. Изъ всѣхъ симпатій любовь къ семейству есть самая обыкновенная и самая сильная; словомъ *кровное родство* мы обозначаемъ, что семейство связано съ нами даже тѣлесно. Изъ жителей одного съ нами мѣста мы любимъ уже не всѣхъ; всѣхъ своихъ соотечественниковъ мы даже никогда не узнаемъ; о цѣломъ человѣчествѣ и говорить нечего: привязанность уменьшается въ той же мѣрѣ, въ какой распространяется союзъ. Не разъ говорили, что меньшія изъ упомянутыхъ связей эгоистичнѣе, а бо́льшія имѣютъ болѣе идеальное содержаніе и заставляютъ личныя ощущенія отступать передъ болѣе общими и потому болѣе благородными чувствами. Въ этомъ мнѣніи есть доля справедливости. Конечно, въ лицѣ родителей мы любимъ тѣхъ, которые сдѣлали *намъ* добро; въ лицѣ дѣтей тѣхъ, въ комъ мы видимъ часть *своего* собственнаго тѣла и продолженіе *своей* собственной жизни. Въ дальнихъ родственникахъ мы видимъ людей, которые всего болѣе сходны съ нами или всего ближе связаны съ нашими интересами; любовь же къ соотечественникамъ, бо́льшею частію, основывается на томъ, что мы взаимно понимаемъ другъ друга, не въ языкѣ только, но и въ обычаяхъ, образѣ жизни, взглядахъ и предразсудкахъ, и что мы находимъ у нихъ усерднѣйшее признаніе нашихъ преимуществъ и осторожнѣйшій приговоръ нашимъ ошибкамъ. Но примѣсь себялюбія неизбѣжна въ несовершенномъ человѣкѣ тамъ, гдѣ

должна возникнуть сильная и продолжительная склонность. Любовь къ семейству такъ обыкновенна, что отсутствіе ея мы порицаемъ, какъ большой нравственный недостатокъ, и почти не считаемъ ее добродѣтелью, когда она проявляется. Стремленіе къ благу своихъ согражданъ встрѣчается уже рѣже. Наконецъ, легко можно пересчитать людей, у которыхъ любовь къ человѣчеству не есть кажущаяся или удобный предлогъ не любить никого кромѣ самого себя и не дѣлать никакого добра, когда оно встрѣчается подъ рукою. Чувства людей походятъ на волны, которыя описываютъ тѣмъ бóльшіе, но и тѣмъ слабѣйшіе круги, чѣмъ болѣе удаляются отъ центра.

Въ двойственномъ положеніи между общиной и человѣчествомъ, народное чувство (національность) необходимо подвергается двоякаго рода испытаніямъ. Съ одной стороны, болѣе сильная разработка общины помѣшаетъ развитію національности; съ другой стороны, гуманное развитіе, которое всего короче можно понимать какъ общее образованіе, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на національныя идеи. Легко можно замѣтить, что первая опасность всего сильнѣе въ начальныхъ временахъ народа, а вторая въ его позднѣйшей исторіи. Слѣпая, полуживотная привязанность къ родинѣ необходимо теряется при высшемъ образованіи, и нужно возвысить свою страну посредствомъ свободы и прогресса до степени того отечества, которое можетъ любить образованный и обладающій твердымъ сознаніемъ человѣкъ.

XI.

Пожалуй, можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ, что я беру на себя предсказывать дальнѣйшую судьбу національнаго движенія. Но я только вообще высказываю то, чему научаютъ насъ природа вещей и опытъ, и предоставляю каждому примѣнять результаты къ той или другой націи.

Прежде всего, невѣроятно, что человѣчество или хоть одна бѣлая раса сольется когда нибудь во-едино. Человѣкъ никогда не будетъ просто человѣкомъ; онъ всегда будетъ на столько связанъ съ естественными свойствами страны, съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ получитъ воспитаніе, и съ исторіей, что будетъ принадлежать извѣстному народу; а такъ какъ всѣ народы имѣютъ особенныя свойства (откуда бы они ни произошли), то различное дѣйствіе этихъ свойствъ не перестанетъ проявляться и въ будущемъ. Но если нельзя принять одну пригодную для всѣхъ вообще форму вмѣсто несовершенныхъ національныхъ формъ, то зачѣмъ же мѣнять собственную національность на чужую, въ которой есть хотя и не такіе же, но ужь

конечно какіе нибудь другіе недостатки? Итакъ нельзя ожидать, чтобы люди добровольно отреклись каждый отъ своей національности, или чтобы слились въ одну единственную націю. Лишь одно единственное государство, обнимающее всѣ народы бѣлой расы, всемірное царство, котораго еще никогда не существовало, могло бы произвесть это дѣйствіе. Между тѣмъ, вѣроятно никто не сомнѣвается, что настоящее устройство государствъ представляетъ весьма мало вѣроятности для подобнаго міроваго царства.

Даже въ меньшей мѣрѣ, между народами, родственными по племени, нельзя предположить соединенія. Причины, не допускающія слитія въ одну общую націю, являются и здѣсь; да къ тому же, родственные по племени народы, еще чаще нежели чуждые другъ другу, доходили до ненависти и взаимнаго недоброжелательства. Впрочемъ, различія между ними такъ же важны и такъ же глубоко вкоренились, какъ различія между чуждыми націями. Народъ есть національный видъ (Species), который дѣйствительно существуетъ въ природѣ; племя есть національный родъ (Genus), который наука строитъ изъ найденныхъ сходствъ между видами.

Но не всѣ существующія теперь націи могутъ надѣяться на одинаково долгое существованіе. Мы уже знаемъ, что народы смертны; при какихъ условіяхъ могутъ они ожидать, по крайней мѣрѣ на сколько теперь можно судить, неограниченной жизни? Это будутъ не новыя обстоятельства, а только заключенія изъ предложеній, которыя я уже развилъ.

1) Необходимо извѣстное число людей, чтобы составить наконецъ народъ. Отдѣльныя личности могутъ имѣть свойства націи, изъ которой произошли, но онѣ слишкомъ слабы, чтобы охранить эти свойства отъ напора чуждой обстановки; для того-то и требуется бо́льшее и безъ примѣси живущее вмѣстѣ число людей. По этой же причинѣ нѣсколько тысячъ, разсѣянныхъ по Европѣ, армянъ и даже еще многочисленнѣйшіе евреи не имѣютъ національной будущности. Итакъ, я ставлю первымъ условіемъ: многочисленность народа и замкнутую область его распространенія.

2) Я уже показалъ, какія опасности представляетъ для національности политическая зависимость. Поэтому, самостоятельное государство есть второе условіе сохраненія національности.

3) Духовная независимость такъ же необходима, какъ и политическая. Нація, не имѣющая собственнаго круга идей и своеобразной разработки этихъ идей, будетъ нравственно покорена тѣмъ народомъ, котораго образъ мыслей она приметъ. Поэтому, невозможна нація безъ собственной литературы.

4). Наконецъ, для того, чтобы существовать, нація должна имѣть особое значеніе для человѣчества. Преимущества какого либо народа составляютъ силу, съ помощію которой онъ можетъ устоять противъ чуждыхъ народовъ. Относительно идеала человѣчества, каждая національность является только ограниченіемъ, которому духъ подчиняется лишь на столько, на сколько ему предоставляется удовлетворительнаго вознагражденія. Каждая нація должна обладать нѣкоторою неизгладимою заслугою передъ человѣчествомъ, для того, чтобы не быть смытой потокомъ исторіи. Она поддерживается лишь производя что нибудь превосходное въ какомъ нибудь направленіи человѣческой дѣятельности, что нибудь могущее стать образцомъ внѣ національныхъ предѣловъ. Художественный духъ грековъ, политическій духъ римлянъ не только поставили эти народы на ихъ высокую степень въ древности, но и господствуютъ еще въ новѣйшее время. Германія обязана своимъ политическимъ существованіемъ вначалѣ нынѣшняго столѣтія, вѣроятно великому литературному періоду; Италія цѣлыя три столѣтія сохраняла свою жизнь только искусствомъ. Потому-то никто и не жалѣетъ объ уничтоженіи національности тамъ, гдѣ грубый народъ порабощается образованнымъ, и никто не думаетъ о будущности какой нибудь цыганской націи. Образованные народы имѣютъ, сравнительно съ необразованными, гораздо бо́льшую возможность продолженія существованія; они уже перенесли испытаніе: ихъ національность не разложилась отъ образованія.

Противъ этихъ условій нельзя возразить того, что исторія показываетъ примѣры, какъ долго держались маленькія, политически-подчиненныя народности безъ образованія и особенныхъ заслугъ. Въ прежнія времена общеніе между народами было очень слабо, а образованію нужна только та національность, которая уже проявила себя. Если какой нибудь народъ былъ достаточно силенъ сравнительно съ ближайшими сосѣдями, то онъ могъ продолжать существованіе, потому что не приходилъ въ соприкосновеніе съ дальними націями по движенію исторіи. Распространеніе образованія также было слишкомъ медленно, чтобы серьезно угрожать какому нибудь народу; оно было принадлежностью отдѣльныхъ личностей и сословій, и легко могло быть подавлено тамъ, гдѣ казалось опаснымъ. Теперь же образованіе проникаетъ даже туда, куда его не вводятъ, черезъ всѣ щели и спайки; оно такъ связано съ матеріяльнымъ прогрессомъ, что даже самые закоренѣлые враги не могутъ не признавать его. Къ тому же, народы сблизились такъ, что каждая нація нуждается въ другой; теперь недостаточно только удержаться между сосѣдями, нужно быть достаточно сильнымъ, чтобы устоять противъ всякой націи въ мірѣ.

Эти отношенія еще рѣшительнѣе для будущаго. Въ высшей степени важно, какого развитія уже достигъ народъ; о нѣкоторыхъ родахъ дѣятельности, въ которыхъ народъ еще не достигъ до сихъ поръ до нѣкоторой высокой степени, можно сказать, что начинать уже поздно. Знакомство съ какимъ нибудь великимъ успѣхомъ на какомъ бы то ни было поприщѣ, препятствуетъ произвести самимъ что нибудь совершенное и при томъ самостоятельное. Потому-то менѣе образованные народы и творили достойное замѣчанія и національное только до тѣхъ поръ, пока ничего не знали о дѣятельности другихъ народовъ. Какъ только касалось ихъ общее образованіе, то съ нимъ приходилъ и конецъ умственной самостоятельности. Такъ въ наше время поэты этихъ націй стараются пробавляться національными воспоминаніями; но эти писатели уже вовсе не національные, а новѣйшіе европейскіе поэты, продолжающіе идти по пути, проложенному нѣмцами и англичанами. Не иначе происходитъ и во всякой другой умственной дѣятельности. Народъ, который теперь начинаетъ свое образованіе, не можетъ избѣжать сильнаго вліянія нѣмецкой науки, итальянскаго искусства, французскихъ государственныхъ учрежденій, и потому не приходитъ къ самостоятельному развитію. Но будущность націй относится къ тому времени, когда образованіе сдѣлается еще сильнѣе и однороднѣе чѣмъ теперь, такъ что не слѣдуетъ думать, будто національное развитіе, котораго до сихъ поръ еще не было, можно произвести искусственно.

Единственный успѣхъ, который можетъ принести будущность національности,—есть политическій; это въ одно и тоже время и больше и меньше того, чего ожидаютъ теперь націи. Потому что ни одна нація не имѣетъ столько значенія, чтобы занять мѣсто человѣчества и обойтись безъ всего того, что осуществилось помимо ея въ какомъ нибудь направленіи человѣческаго духа. Но каждая нація имѣетъ право приписывать себѣ столько значенія, чтобы требовать измѣненія границъ, проведенныхъ случаемъ, силою или хитростью. Такъ какъ человѣчество никогда не составитъ *одного* государства, то во имя разума оно допускаетъ лишь раздѣленіе по національностямъ. Націи съ одной стороны узнаютъ, что, не смотря на всевозможныя гарантіи, онѣ должны пасть безъ политической независимости, а съ другой стороны, что всякая борьба съ чуждою образованностью ведетъ только къ уменьшенію значенія собственной націи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея крѣпости.

Нельзя сожалѣть о судьбѣ, которая предстоитъ націямъ. Большія націи, представительницы теперешняго человѣческаго образованія, останутся; маленькія же или не имѣющія для человѣчества значенія—исчезнутъ. Хорошо, если это случится. Малые народы требуютъ непро-

порціональной траты силы для одной своей поддержки. Если каждый народъ считаетъ и долженъ считать свое существованіе своей высшей цѣлью, то нельзя не признать съ общечеловѣческой точки зрѣнія, что только народы съ значительнымъ перевѣсомъ силъ имѣютъ значеніе въ исторіи. Такъ напр., Шотландія, пока была независима, тратила почти всѣ свои силъ на борьбу противъ Англіи; но что такое всѣ общечеловѣческія стремленія независимыхъ шотландцевъ сравнительно съ тѣмъ, что они сдѣлали послѣ соединенія съ Англіей? Такъ уничтоженіе національной особенности можетъ быть иногда счастьемъ для народа, потому что способности отдѣльныхъ личностей получаютъ болѣе обширное поле дѣятельности, тогда какъ прежде недоставало благопріятныхъ условій или сила тратилась на безполезныя стремленія къ созданію національной литературы, національнаго искусства и т. п. Но желательно, чтобы между народами, которые удержатъ свое самостоятельное существованіе, прекратилась національная борьба, какъ вывелись религіозныя войны, не путемъ установленія повсюду одной и той же единственно-пригодной формы, но терпимостью одного народа къ другому.

СОНЪ

ПО АНГЛІЙСКИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

—

Долго психологія и физіологія представляли двѣ области, раздѣленныя глубокою, непереходимою пропастью. Вопросы ихъ, взгляды ихъ на человѣка, методы разрѣшенія были существенно различны, и тѣ писатели, которые хотѣли перескочить чрезъ пропасть, пытались это дѣлать лишь съ помощью бездоказательныхъ гипотезъ, которыя уничтожали вопросъ, когда требовалось разрѣшить его.

Теперь чувствуютъ, что только приступая дружно, всѣми возможными методами, къ разрѣшенію вопросовъ самыхъ важныхъ для уясненія человѣческаго существа, можно сколько нибудь приблизиться къ ихъ рѣшенію, и потому обратили особенное вниманіе на вопросы, относящіеся къ обѣимъ областямъ и остававшіеся долгое время на весьма низкой степени обработки.

Къ этимъ вопросамъ относится теорія ощущеній, составляющихъ исходную точку психическихъ процессовъ и въ то же время самую доступную физическому опыту. Сюда же относится теорія тѣхъ состояній, въ которыхъ проявляется переходъ отъ сознанія къ безсознательности, и къ нимъ принадлежитъ *сонъ*.

Послѣднее время о снѣ появилось нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Англійскій критикъ, статью котораго мы представляемъ; остановился преимущественно на работахъ англійскихъ ученыхъ, отзывъ о которыхъ мы здѣсь и приводимъ. Правда, въ концѣ статьи онъ посвятилъ нѣсколько строкъ замѣчательной книгѣ извѣстнаго французскаго ученаго Альфреда Мори: «Сонъ и сновидѣнія», но этотъ отзывъ такъ слабъ, что мы его не сообщаемъ читателямъ.

———

Многое о снѣ извѣстно всѣмъ; многое въ настоящее время не извѣстно никому: многое также большинству людей кажется таинственнымъ, но, при надлежащемъ разсмотрѣніи, становится яснымъ и вполнѣ понятнымъ. Мы намѣрены на слѣдующихъ страницахъ разобрать преимущественно тѣ явленія сна, которыя были въ недавнее время предметомъ ученыхъ изслѣдованій, а о болѣе извѣстныхъ явленіяхъ мы упомянемъ на столько, на сколько они связаны съ процессами внутренняго измѣненія, мало замѣченными, или вовсе не признанными до сихъ поръ. Что же касается до многочисленныхъ и въ высшей степени интересныхъ сторонъ предмета, для которыхъ у насъ нѣтъ ни свѣдѣній, ни объясненій, мы скажемъ только, что они, какъ и всѣ другія явленія и законы природы, еще недоступные намъ, не должны считаться навсегда необъяснимыми, потому только, что необъяснены до сихъ поръ; если они не изучены и неизвѣстны въ настоящее время, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они были таинственны и недоступны нашимъ будущимъ средствамъ къ изслѣдованію. Предположеніе, что сущность сна совершенно необъяснима и покрыта непроницаемой тайной, было сильно распространено между психологами и метафизиками; они и теперь не отрѣшились отъ него. Такое предположеніе ошибочно и вредно. Ошибочно потому, что оно приписываетъ предполагаемой темнотѣ предмета затрудненія, происходящія отъ нашего собственнаго невѣжества и неспособности; вредно потому, что необходимо стремится подавить духъ изслѣдованія и остановить при самомъ началѣ изысканія, полныя научнаго интереса и практической важности.

Для того, чтобы дойти до совершеннаго пониманія природы сна и узнать изъ его явленій все, что возможно, о тайнахъ нашего бытія, намъ необходимо, такъ сказать, вдоль и поперегъ изучить его анатомію и физіологію; но мы не должны сосредоточивать нашего вниманія на одной его психологіи, какъ большинство философскихъ писателей дѣлало до сихъ поръ.

Каждый имѣетъ общее понятіе, основанное на собственномъ опытѣ, о томъ, что́ такое сонъ. Однако, какъ ни странно это можетъ показаться, далеко не легкое дѣло удовлетворительно описать, а еще того менѣе ясно опредѣлить это по истинѣ удивительное положеніе. Трудно даже, какъ замѣчаетъ сэръ Г. Голландъ *a*) „отличить самое совершенное

a) «On sleep» by *Sir H. Holland*, въ «Chapters on mental Physiology».

состояніе сна — состояніе наиболѣе удаленное отъ бодрствованія." Одни говорятъ, что мы не теряемъ сознанія во время сна, другіе—наоборотъ; одни утверждаютъ, что мы всегда видимъ сны, когда спимъ, другіе, что сновидѣнія бываютъ во время дремоты и некрѣпкаго сна. Объ этихъ и многихъ другихъ сторонахъ нашего предмета существуетъ величайшее разнообразіе мнѣній между различными писателями. Это разнообразіе мнѣній можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, у людей съ различными организаціями ощущенія во время сна также различны, какъ и во время бодрствованія, хотя, конечно, далеко не въ одинаковой степени; вслѣдствіе этого, различные наблюдатели, судя по собственному опыту, пришли къ не совсѣмъ одинаковымъ заключеніямъ; во-вторыхъ, „сонъ не представляетъ *единства положенія:* онъ есть цѣлый рядъ смѣняющихся состояній;" такимъ образомъ могло случиться, что одни приняли одинъ *фазисъ*, а другіе другой за самый совершенный; въ-третьихъ, многія теоріи сна были очевидно допущены скорѣе вслѣдствіе ихъ совпаденія съ любимыми убѣжденіями метафизиковъ, чѣмъ вслѣдствіе ихъ согласія съ простыми указаніями опыта и наблюденія.

Сэръ Г. Голландъ и г. Дэргамъ *a*), разсматривая предметъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, высказываютъ свои мнѣнія о природѣ сна въ выраженіяхъ далеко не одинаковыхъ. Первый разсматриваетъ сонъ въ самомъ общемъ его значеніи, второй — въ самомъ спеціальномъ. Сэръ Генри Голландъ пишетъ слѣдующее:

„Сонъ, въ самомъ общемъ и правильномъ значеніи этого термина, должно разсматривать не какъ одно положеніе, а какъ цѣлый рядъ положеній, подверженныхъ постояннымъ измѣненіямъ; эти измѣненія состоятъ не въ томъ только, что одно и тоже чувство (sens) или одна и та же способность подвергается дѣйствію сна не всегда въ одинаковой степени, но и въ различіи мѣры его вліянія на различныя способности въ одно и то же время. Мы, такимъ образомъ, приводимъ къ одному общему началу всѣ явленія сна, какъ бы они ни казались неправильными и отдаленными, — начиная съ физическихъ дѣйствій сомнамбулизма, живаго, но непослѣдовательнаго, сцѣпленія мыслей, вызваннаго внѣшними впечатлѣніями, случайно проницательной дѣятельности разума и силы волненія, и кончая тѣмъ глубокимъ сномъ, во время котораго никакія впечатлѣнія не дѣйствуютъ на чувства, не существуетъ никакого проявленія воли и по прекращеніи котораго въ памяти или сознаніи не остается и слѣда мыслей или ощущеній, на-

---

a) «The Physiology of sleep» by *A. E. Durham.*

полнявшихъ умъ. Вмѣсто того, чтобы считать многіе изъ этихъ фактовъ исключеніями и неправильностями, несравненно разумнѣе принять опредѣленіе сна, могущее совмѣстить ихъ всѣхъ.“

Дэргамъ, съ другой стороны, говоритъ:

„Разсматривая сонъ *психологически*, я думаю, что лучшее его опредѣленіе есть состояніе, во время котораго воля, ощущеніе, сознаніе прерваны, но легко могутъ быть возстановлены дѣйствіемъ нѣкоторыхъ стимуловъ. „Только тотъ сонъ здоровъ, — говоритъ докторъ Уильямъ Филиппъ,— во время котораго насъ легко разбудить; когда же наша усталость дѣлаетъ его болѣе крѣпкимъ, онъ превращается въ болѣзненное состояніе“

„Разсматриваемый *физіологически*, сонъ можетъ быть весьма правильно названъ особеннымъ состояніемъ мозговаго бездѣйствія, съ которымъ существенно связано питаніе и обновленіе мозговаго вещества.“

Эти описанія сна — мы не можемъ назвать ихъ опредѣленіями — вовсе не противорѣчатъ другъ другу, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Мы думаемъ, что въ нихъ обоихъ есть правда, хотя ни одно изъ нихъ не выражаетъ полной истины. Ихъ кажущееся несогласіе происходитъ отъ-того, что сэръ Г. Голландъ говоритъ о *дѣйствительномъ* снѣ, а Дэргамъ о снѣ *идеальномъ*. Одинъ, слѣдовательно, описываетъ сонъ такъ, какъ онъ обыкновенно бываетъ, а другой—отвлеченную идею самаго совершеннаго сна. Наблюденія и опыты, приводимые Дэргамомъ, и нить аргументовъ въ его интересной запискѣ не только вполнѣ поддерживаютъ его гипотезу, но и стремятся также доказать, a priori, почему сонъ есть необходимо, „рядъ непрестанно измѣняющихся положеній,“ какъ весьма справедливо утверждаетъ сэръ Г. Голландъ.

Каждая часть тѣла, отправленіе которой не просто механическое, но и жизненное, проходитъ черезъ періоды дѣятельности и отдыха. „Сердце останавливается послѣ каждаго біенія, и за каждымъ нашимъ вздохомъ слѣдуетъ періодъ, во время котораго нервы и мускулы дыханія остаются въ покоѣ, прежде чѣмъ снова будутъ возбуждены къ дѣятельности.“ Всякій знаетъ, что невозможно долго оставаться въ какомъ нибудь особенномъ положеніи, требующемъ непрерывнаго напряженія мускуловъ. Послѣ нѣкотораго періода дѣятельности, мускулы требуютъ соразмѣрнаго періода отдыха. Это справедливо и въ отношеніи органа разума — мозга и другихъ жизненныхъ частей. Эти чередующіеся періоды покоя и дѣятельности не одинаково продолжительны во всѣхъ частяхъ. Сердце дѣйствуетъ и отдыхаетъ семьдесятъ или восемьдесятъ разъ, а часто и болѣе, въ одну минуту. Мускулы движенія могутъ сохранять дѣятельное состояніе въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, а ор-

ганы чувствъ и мозгъ гораздо долѣе. Но во всѣхъ случаяхъ, необходимая соразмѣрность между покоемъ и дѣятельностью должна существовать, безъ чего здоровье частей неизбѣжно разстраивается. Ежедневный опытъ доказываетъ намъ, что это справедливо; физіологія объясняетъ намъ, почему это должно быть такъ.

Во время каждаго періода дѣятельности, ткань частей (то есть главное вещество, изъ котораго она сдѣлана) тратится и уничтожается; въ продолженіе отдыха она питается и потеря вознаграждается. Временное бездѣйствіе кажется необходимо для совершеннаго обновленія. Различныя части одного и того же органа, напримѣръ, различныя части мозга или мускуловъ, могутъ быть, безъ всякаго сомнѣнія, въ различныхъ состояніяхъ, въ одно и то же время. Одна часть можетъ дѣйствовать и уничтожаться, тогда какъ другая находится въ покоѣ и поправляется; но есть основаніе думать (впослѣдствіи мы въ состояніи будемъ это доказать), что въ одной и той же части дѣятельность и потеря съ одной стороны, а покой и вознагражденіе—съ другой не могутъ существовать вмѣстѣ, или, если они и существуютъ, то временно, потому что рано или поздно потеря пересиливаетъ вознагражденіе. Мы не только не знаемъ, но и угадывать не можемъ настоящую причину тѣсной связи, существующей между потерею ткани и развитіемъ дѣятельности въ какой нибудь части; но что подобная связь существуетъ, мы имѣемъ неопровержимыя доказательства.

Намъ случается иногда слышать выраженіе: „лампа жизни“. Сравненіе это весьма удачно. Когда лампа хорошо заправлена и зажжена, химическое дѣйствіе возбуждено. Дѣйствіе это длится нѣкоторое время, масло сгараетъ, теплота распространяется и свѣтъ видимъ. Нѣсколько времени спустя, нужно прибавить масла и поправить лампу. Пока она горитъ, продукты сгаранія — новыя вещества, образовавшіяся вслѣдствіе происходящаго химическаго дѣйствія — должны быть удалены; въ противномъ же случаѣ они быстро потушатъ пламя. Тоже самое происходитъ и съ тканями нашего тѣла. Пусть будутъ дѣйствовать надлежащіе стимулы на какую нибудь живую, здоровую часть — на мозгъ или на мускулъ все равно — и она будетъ дѣйствовать какъ хорошо заправленная и зажженая лампа. Въ этомъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, химическое дѣйствіе возбуждено, химическое измѣненіе совершается, матеріалъ сгараетъ, и продукты его уничтоженія должны быть удалены. Но въ послѣднемъ случаѣ, вмѣсто тепла и *свѣта*, мы получаемъ тепло и *проявленіе жизни*, или, говоря короче, функцію *а*) ка-

---

а) *Функція*, въ принимаемомъ смыслѣ, есть отправленіе, составляющее *особенность* того или другаго органа тѣла. *Функціонною дѣятельностью* органа, называется именно дѣятельность, спеціально ему принадлежащая. Такимъ образомъ въ этой статьѣ

кой нибудь части. Мы не знаемъ, производятъ ли химическія измѣненія, происходящія въ пламени лампы, тепло и свѣтъ, или свѣтъ и тепло суть причины химическихъ измѣненій. Равно о химическихъ измѣненіяхъ, совершающихся въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего тѣла, мы не можемъ сказать — причины они, или слѣдствія функціонной дѣятельности этихъ частей. Въ обоихъ случаяхъ, вѣрно только то, что извѣстныя химическія измѣненія нераздѣльно соединены съ видимыми явленіями, и то, что когда, вслѣдствіе истощенія матеріяла или по другой какой-либо причинѣ, нормальные процессы химическаго дѣйствія нарушены или прерваны, явленія, съ ними связанныя, измѣняются, или вовсе прекращаются.

Сознаніе, ощущеніе, воля, чувство и разумъ, все это проявленія функціонной дѣятельности мозга. Вмѣстѣ съ этими высшими проявленіями нашего существа и въ соразмѣрной продолжительности, совершаются въ мозгу химическія измѣненія, что необходимо влечетъ за собой разрушеніе нѣкоторой части его вещества. Для того, чтобы потеря могла быть вознаграждена, требуется, какъ мы видѣли, временное прекращеніе дѣятельности. И такъ, функціонную дѣятельность мозга, проявляющуюся въ ощущеніи и въ разумѣ, въ чувствѣ и въ волѣ, и соединенную съ разрушеніемъ мозговаго вещества, можно считать существеннымъ психологическимъ и физіологическимъ условіемъ совершеннаго бодрствованія, а спокойствіе мозга (прекращеніе болѣе или менѣе продолжительное отправленія тѣхъ способностей, которыя проявляютъ его дѣятельность) можно принимать, вмѣстѣ съ питаніемъ и возобновленіемъ мозговаго вещества, за соотвѣтственныя условія совершеннаго сна.

Итакъ, если все сказанное справедливо, то очевидно, что между состояніемъ мозга во время сна и тѣмъ, съ которымъ связаны его удивительныя отправленія впродолженіе бодрствованія, существуетъ большое, такъ сказать, осязательное различіе. „Не подлежитъ сомнѣнію,“ говоритъ сэръ Бенджаминъ Броди *а)* „что въ какомъ нибудь отношеніи состояніе нервной системы должно быть различно во время сна и бодрствованія; но, кажется, мы никогда не узнаемъ въ чемъ заключается это различіе, потому что ни наше простое зрѣніе, ни микроскопъ, ни химическій анализъ, никакая аналогія и никакія другія средства, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, не даютъ намъ возможности со-

---

подъ *функціонной дѣятельностью* мозга надо понимать психическіе процессы, въ противуположность процессамъ питанія, кровеобращенія и т. д., тоже совершающимся въ мозгу. *Ред.*

а) Физіологическія изслѣдованія, часть I, стр. 134.

ставить себѣ какое нибудь понятіе объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ головномъ или спинномъ мозгу, отъ котораго зависятъ всѣ другія нервныя явленія.“ Дэргамъ, не колеблясь, расходится съ этимъ мнѣніемъ, и, кажется, на сколько мы можемъ судить изъ его записки, онъ вполнѣ оправдываетъ выражаемое имъ убѣжденіе: „что разсмотрѣніе живаго мозга (вскрытаго, какъ онъ описываетъ, и изучаемаго съ помощью микроскопа), вмѣстѣ съ осторожнымъ взвѣшиваніемъ нѣкоторыхъ очевидныхъ аналогій, можетъ много содѣйствовать намъ къ проникновенію тайнъ сна и приблизить насъ къ правильному пониманію настоящей его природы и нѣкоторыхъ другихъ условій нервной системы.“

Разсматривая сонъ, такъ сказать, *анатомически*, его можно описать, согласно съ воззрѣніями Дэргама, какъ состояніе, во время котораго сосуды мозга наполнены сравнительно малымъ количествомъ крови, движущейся тише, чѣмъ впродолженіе бодрствованія.

„Во время сна, мозгъ, сравнительно говоря, лишенъ крови. И не только количество ея уменьшается въ мозговыхъ сосудахъ, но и двигается она съ меньшею быстротой“.

Опыты и наблюденія доказали, что дѣйствительно таково кровообращеніе въ мозгу во время сна. Кальдуэль *а)* разсказываетъ случай, приведенный у Дэргама, объ одной женщинѣ изъ Монпелье, которая „потеряла часть своего черепа (вслѣдствіе болѣзни), такъ что нѣкоторая доля ея мозга была открыта. Когда она спала глубокимъ сномъ, мозгъ лежалъ почти неподвижно въ черепѣ; когда ей снилось что нибудь, онъ приподнимался, а когда ея сны (разсказываемые ею послѣ пробужденія) бывали живы и интересны, онъ высовывался изъ отверстія черепа.“

Блуменбахъ описываетъ также случаи, во время которыхъ, вслѣдствіе потери нѣкоторыхъ частей черепа, „онъ наблюдалъ положеніе мозга паціентовъ; мозгъ опускался во время сна и приподнимался, наполняясь кровью, при пробужденіи.“

Подобные случаи встрѣчались и будутъ встрѣчаться отъ времени до времени. Пишущій эти строки имѣетъ въ настоящую минуту возможность наблюдать подобное явленіе. Но свидѣтельства этихъ случаевъ, въ большей или меньшей степени, неизбѣжно неполны и неудовлетворительны. Мозгъ и его оболочки, открытые у человѣка случайно, или вслѣдствіе болѣзни, всегда теряютъ, болѣе или менѣе, свой нормальный видъ прежде, чѣмъ возможно сдѣлать точныя сравнительныя наблюденія, съ безопасностью для паціента.

а) «Психологическій журналъ», т. V, стр. 74.

Дэргаму пришла мысль, что при искусственномъ вскрытіи мозга живыхъ животныхъ можно сдѣлать болѣе точныя наблюденія, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ, онъ произвелъ многочисленные опыты надъ различными животными. „Полученные результаты были всегда одинаковы, когда неизбѣжныя и случайныя затрудненія въ данномъ случаѣ были побѣждены.“

Дэргамъ описываетъ слѣдующимъ манеромъ свой образъ дѣйствій и свои наблюденія:

„Совершенно усыпивъ собаку хлороформомъ, я вынулъ изъ ея черепа, помощью трепана, часть кости величиною въ шиллингъ и вырѣзалъ въ этомъ мѣстѣ твердую мозговую оболочку. Открытая такимъ образомъ часть мозга приподнялась, какъ бы стремясь высунуться въ сдѣланное отверзтіе. Толстые сосуды на поверхности мозга были нѣсколько расширены и никакой разницы въ цвѣтѣ артерій и венъ нельзя было замѣтить. Когда дѣйствіе хлороформа стало проходить, животное впало въ сравнительно здоровый и естественный сонъ. Соотвѣтственное измѣненіе произошло въ наружномъ видѣ мозга: поверхность его поблѣднѣла и опустилась нѣсколько ниже кости; расширеніе венъ уменьшилось. Небольшіе сосуды, заключающіе въ себѣ кровь артеріальнаго цвѣта, ясно стали видимы, а многіе другіе, прежде переполненные темною кровью, теперь съ трудомъ могли быть различаемы. По прошествіи нѣкотораго времени, животное проснулось: яркая краска мгновенно показалась на поверхности мозга, снова высунувшагося изъ отверзтія, сдѣланнаго въ кости. По мѣрѣ того, какъ животное приходило въ бо́льшее волненіе, мягкая оболочка мозга тоже все болѣе и болѣе волновалась, а мозговое вещество все болѣе и болѣе наполнялось кровью. Поверхность мозга сдѣлалась свѣтло-краснаго цвѣта; безчисленные сосуды, невидимые въ продолженіе сна, сдѣлались вездѣ замѣтны, и кровь повидимому текла въ нихъ съ значительною быстротой. Вены, артеріи и волосные сосуды были наполнены кровью и расширены, но различіе ихъ цвѣта и величины позволяло ясно различать ихъ. По прошествіи еще нѣкотораго времени, животное было накормлено и снова заснуло. Кровеносные сосуды постепенно приняли свой прежній видъ и размѣръ, и поверхность мозга сдѣлалась блѣдна, какъ и прежде. Животное спало совершенно естественнымъ сномъ. Различіе между наружнымъ видомъ мозга во время сна и бодрствованія было весьма замѣчательно.“

Чтобы предупредить нѣкоторыя возраженія, существующія или возможныя, Дэргамъ въ нѣсколькихъ опытахъ „замѣщалъ вынутую часть кости плотно приходящимся выпуклымъ стекломъ, дѣлая соединеніе ихъ краевъ непроницаемымъ для воздуха, посредствомъ сгущеннаго канадскаго бальзама.“ Такимъ образомъ, различныя перемѣны на-

ружнаго вида мозга у животныхъ могли быть удовлетворительно наблюдаемы чрезъ окна ихъ череповъ, и вполнѣ согласовались съ вышеприведеннымъ описаніемъ.

Какого бы мнѣнія ни были противники живосѣченій объ операціяхъ Дэргама, не подлежитъ сомнѣнію, что полученные имъ результаты въ высшей степени интересны и важны. Они ставятъ внѣ вопроса то, что могло быть предполагаемо a priori, но чего, конечно, никогда нельзя было удовлетворительно доказать другимъ путемъ.

Но вмѣстимость черепа не можетъ отъ времени до времени измѣняться такъ, чтобы быть приспособленною къ вѣчно-измѣняющемуся положенію его содержанія; нельзя даже предполагать, чтобы самъ мозгъ измѣнялся въ размѣрѣ, т. е. чтобы объемъ его вещества увеличивался, или уменьшался, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ или секундъ; однако же, вмѣстимость черепа должна быть всегда наполнена. Вслѣдствіе этого, представляется вопросъ: возможно-ли, чтобы въ сосудахъ мозга было иногда больше, а иногда меньше крови? Разсмотрѣніе этого затрудненія привело многихъ физіологовъ къ ошибочному предположенію, что все количество крови въ мозговыхъ сосудахъ должно быть всегда одинаково, но что оно различно распредѣляется между артеріями, венами и волосными сосудами во время разныхъ состояній мозга. Но въ сущности, мозгъ, оболочки его и сосуды съ ихъ содержаніемъ никогда совершенно не наполняютъ внутренности черепа. Въ добавокъ, есть жидкость, называемая церебро-спинальной, которая наполняетъ болѣе или менѣе нѣкоторыя полости мозга (желудочки), а также и пространство между двумя его перепонками, между мягкой его оболочкой и внутреннимъ слоемъ паутинной оболочки. Эта жидкость, на сколько намъ извѣстно, служитъ только для механическихъ цѣлей. Опытъ доказалъ, что ея объемъ весьма измѣнчивъ. Съ одной стороны, она легко можетъ всосаться въ кровеносные сосуды, и легко можетъ быть выгнана изъ черепа въ каналъ спиннаго мозга; а съ другой, при измѣнившихся условіяхъ, она можетъ съ равною легкостью получиться путемъ выдѣленія или выпотѣнія изъ кровеносныхъ сосудовъ, или можетъ быть прогнана изъ спиннаго канала въ черепъ атмосферическимъ давленіемъ, дѣйствующимъ чрезъ мягкія части тѣла. Мажанди, Гильтонъ, Эккеръ и другіе физіологи доказали опытами изумительную быстроту, съ которою эта жидкость можетъ быть всосана и снова выдѣлена, согласно съ обстоятельствами; очевидно изъ анатоміи частей, замѣчаетъ Дэргамъ, что, по мѣрѣ того, какъ кровеносные сосуды мозга расширяются, жидкость эта свободно можетъ переходить изъ желудочковъ мозга къ его основанію, и изъ полостей подъ паутинною оболочкою черепа въ подобныя же полости спиннаго мозга. Но когда, съ другой стороны, количество крови въ сосудахъ

уменьшается, давленіе атмосферы на поверхность тѣла (передаваемое мягкими тканями) причиняетъ соразмѣрное повышеніе церебро-спинальной жидкости; можно еще прибавить, что по причинамъ чисто физическимъ, — другими словами, согласно съ извѣстными законами эндосмоза и экзосмоза жидкостей, — расширенное состояніе кровеносныхъ сосудовъ и быстрое въ нихъ движеніе крови, связанное съ функціонной дѣятельностью мозга, способствуютъ всасыванію церебро-спинальной жидкости, тогда какъ противоположное состояніе кровеносныхъ сосудовъ и ихъ содержанія, соединенное съ покоемъ, благопріятствуетъ ея выдѣленію. Такимъ образомъ поддерживается постоянное наполненіе вмѣстимости черепа, и въ тоже время можетъ измѣняться количество крови, текущей по кровянымъ сосудамъ мозга.

Хотя справедливость заключенія, къ которому мы теперь пришли, относительно мозговаго кровеобращенія во время сна и бодрствованія; доказана методомъ, которому рѣдко кто имѣетъ возможность или охоту слѣдовать, однако оно подтверждается и ежедневными фактами, доступными наблюденію каждаго.

Кромѣ того, оно доказывается опытами докторовъ надъ паціентами, страдающими преимущественно безсонницей.

Но упомянемъ прежде объ опытѣ, приготовленномъ самой природой, которымъ почти каждый можетъ воспользоваться. Кости черепа новорожденнаго ребенка, какъ извѣстно, такъ отдѣлены другъ отъ друга, что дозволяютъ по одному прикосновенію узнавать, до извѣстной степени, состояніе мозговаго кровеобращенія и количество крови, находящейся въ черепѣ; тонкая и податливая верхняя оболочка мало этому препятствуетъ. Если мы осторожно разсмотримъ эти отверзтія черепа (или роднички), то найдемъ, что находящаяся подъ ними поверхность мозга понижается, когда ребенокъ спитъ, слегка подымается, когда онъ бодрствуетъ, а когда онъ чѣмъ-либо взволнованъ, то ея повышеніе соразмѣрно этому волненію. Далѣе, всякій знаетъ, что разгоряченная голова, „съ раскраснѣвшимися щеками и бьющимися висками, вмѣстѣ съ холодными, влажными руками и ногами, и повсемѣстная блѣдность съ ощущеніемъ озноба на поверхности тѣла,“ самое дурное состояніе для сна. Въ этомъ случаѣ, кровеносные сосуды мозга очевидно наполнены кровью и мозговое кровеобращеніе весьма дѣятельно. Съ другой стороны, не менѣе извѣстно, что свѣжесть головы, вмѣстѣ съ теплотою оконечностей, неизмѣнно связаны съ спокойнымъ сномъ; въ такомъ положеніи сравнительно большое количество крови не въ мозгу, а въ общей поверхности тѣла. Во многихъ случаяхъ безсонницы отъ слишкомъ большаго напряженія мозга, „теплая ванна или даже поставленіе ногъ въ теплую воду, дѣйствуетъ магически,“ говорить

Дэргамъ, и всеобщій опытъ подтвердитъ его слова. Онъ прибавляетъ: „Причина этого очевидна. Кровь оттягивается къ поверхности тѣла, къ самымъ его оконечностямъ, вслѣдствіе чего облегчаются долго расширенные сосуды мозга. Атмосферическій сапогъ Жюно и центробѣжная кроват старшаго Дарвина, инструменты, предназначенные для возбужденія сна (посредствомъ весьма неудобныхъ пріемовъ) обязаны были своимъ дѣйствіемъ тому обстоятельству, что отвлекали кровь отъ головы къ оконечностямъ и, такимъ образомъ, уменьшали дѣятельность мозговаго кровеобращенія. Но, можетъ быть, одно изъ самыхъ поразительныхъ практическихъ подтвержденій справедливости воззрѣнія Дэргама на природу сна представляютъ нѣкоторые результаты, полученные докторомъ Джономъ Чэпманомъ, о которыхъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ.

Въ „Медицинской газетѣ“, 18 іюля 1863, докторъ Чэпманъ напечаталъ записку, съ тѣхъ поръ уже изданную особо, о „новомъ способѣ излѣчивать болѣзни, соразмѣряя кровеобращеніе въ различныхъ частяхъ тѣла.“ Въ этой запискѣ онъ говоритъ:

„Я открылъ, что дѣйствіемъ тепла и холода на различныя части спины, можно соразмѣрять кровеобращеніе мозга, позвоночнаго столба, узловъ нервной системы и, при посредствѣ нервныхъ центровъ, всѣхъ другихъ частей тѣла... Я нашелъ возможнымъ усилить кровеобращеніе въ какой бы то ни было части тѣла, успокоивая, подавляя, или даже совсѣмъ парализируя (смотря по степени требуемаго усилія) узлы симпатической системы, посылающіе нервы къ сосудамъ той части тѣла, на которую я хотѣлъ подѣйствовать. Этого результата можно достигнуть, прикладывая ледъ къ срединѣ спины на пространствѣ четырехъ или четырехъ съ половиной дюймовъ, и совершенно покрывая имъ тѣ части симпатическихъ нервовъ и спиннаго мозга, на которыя хотятъ подѣйствовать. Напримѣръ, желая привлечь сильный и ровный токъ крови къ мозгу, я прикладываю ледъ къ задней части шеи и между лопатками..... На грудныя и брюшныя внутренности можно подѣйствовать такимъ же образомъ; а прикладываніемъ льда къ нижней части спины можно усилить въ ногахъ кровеобращеніе до того, что онѣ сдѣлаются совершенно горячими.“

Съ другой стороны, дѣйствіе теплоты на тѣ же самыя части, совершаемое съ помощью теплыхъ припарокъ, производитъ діаметрально противоположные результаты, ослабляя кровеобращеніе въ частяхъ, находящихся въ зависимости отъ тѣхъ спинныхъ нервныхъ центровъ, на которые дѣйствіе теплоты направлено.

Теперь ясно отношеніе открытія доктора Чэпмана къ разбираемому нами предмету. Онъ уже печаталъ, что дѣйствіе холода на зад-

нюю часть шеи усиливаетъ мозговое кровеобращеніе и вмѣстѣ съ нимъ функціонную дѣятельность мозга. Сверхъ того, онъ весьма любезно сообщилъ намъ частнымъ образомъ произведенные имъ многочисленные опыты, еще не напечатанные, доказывающіе самымъ убѣдительнымъ образомъ, что прикладываніе теплоты къ задней части шеи значительно ослабляетъ кровеобращеніе въ головѣ и, въ то же время, производитъ усыпленіе. Мы не можемъ не сказать, что мы считаемъ наблюденія доктора Чэпмана достойными величайшаго вниманія какъ ученыхъ физіологовъ, такъ и практическихъ врачей.

Теперь мы можемъ продолжать изслѣдовать, почему сравнительная полнота кровеносныхъ сосудовъ мозга и быстрота кровеобращенія соединены съ бодрствующею дѣятельностью, а противоположныя условія неразлучны со сномъ.

Мы уже говорили, что различныя химическія измѣненія происходятъ въ мозгу въ одно время съ его функціонной дѣятельностью и соразмѣрно съ нею. Новѣйшія изслѣдованія повидимому доказываютъ, что эти измѣненія состоятъ преимущественно въ окисленіи нѣкоторыхъ частей мозговаго вещества. Если это справедливо, то ясно, что большой и быстрый притокъ артеріяльной крови, заключающей много кислорода, долженъ подѣйствовать на мозгъ, какъ широкая и свободная струя воздуха на лампу или печку: она доставляетъ нужное количество элементовъ, необходимыхъ для особенныхъ химическихъ измѣненій, которыя должны совершиться. Далѣе, подобно струѣ воздуха, не только доставляющей кислородъ въ изобиліи, но и служащей для удаленія изъ печки или лампы продуктовъ сгаранія, быстрота, съ которою кровь течетъ по сосудамъ во время функціонной дѣятельности, не только доставляетъ ткани кислородъ, но и способствуетъ всасыванію сосудами продуктовъ распаденія, не мало помогая въ то же время ихъ быстрому удаленію изъ тѣхъ частей, гдѣ они могли бы быть вредны.

Съ другой стороны, опавшіе сосуды и сравнительно медленное кровеобращеніе не доставляютъ достаточно кислорода для функціонной дѣятельности, но, согласно съ простыми физическими законами, способствуютъ тому экзосмозу питательныхъ веществъ въ ткани, который необходимъ для ихъ обновленія.

Какое бы ни было свойство жизненныхъ процессовъ, посредствомъ которыхъ производится питаніе (усвоеніе новаго вещества живою тканью), не подлежитъ сомнѣнію, что питательныя вещества проходятъ изъ волосныхъ сосудовъ въ ткань, а продукты распаденія идутъ въ сосуды, согласно съ извѣстнымъ физическимъ процессомъ, называемымъ осмозомъ.

Далеко не легкое дѣло открыть причины, производящія измѣненія въ характерѣ мозговаго кровеобращенія. Мы знаемъ, что артеріи находятся въ зависимости отъ состоянія органа, къ которому онѣ принадлежатъ, чрезъ посредство симпатической нервной системы, и что съ ея помощью діаметръ ихъ соразмѣряется согласно съ измѣняющимися требованіями той части, къ которой онѣ идутъ. Мы знаемъ также, что „обмѣнъ отношеній“ между кровью въ сосудахъ и тканью снаружи играетъ не маловажную роль въ развитіи особенной силы кровеобращенія, совершающагося въ волосныхъ сосудахъ этой системы. Вслѣдствіе этого, можетъ быть, Дэргамъ недалекъ отъ истины, говоря:

„Когда мозгъ какимъ-нибудь стимуломъ возбужденъ къ дѣятельности, его сродство къ кислороду увеличивается, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчаетъ менѣе препятствій своему дѣйствію. Произведенная (такимъ образомъ тяга *vis a fronte*) заставляетъ кровь, содержащую кислородъ, быстро двигаться впередъ. Увеличившійся притокъ крови необходимо растягиваетъ волосные сосуды механическимъ дѣйствіемъ. Многіе сосуды, принимавшіе въ себя, во время невозбужденнаго состоянія мозга, одну сыворотку, даютъ теперь пропускъ кровянымъ шарикамъ, содержащимъ кислородъ, тогда какъ другіе, чрезъ которые и прежде проходили кровяные шарики, пропускаютъ ихъ теперь въ несравненно бо́льшемъ числѣ. Количество и быстрота теченія крови одинаково увеличиваются, „функціонное кровеобращеніе“ *а*) устанавливается и происходятъ самыя благопріятныя условія для взаимодѣйствія кислорода и ткани. Далѣе, когда стимулъ перестаетъ дѣйствовать, или по какой-либо другой причинѣ стремленіе ткани къ окисленію уменьшается, тяга подвергается соразмѣрному уменьшенію, и кровь, двигающаяся впередъ, теряетъ свою быстроту и уменьшается въ количествѣ. Вслѣдствіе этого, волосные сосуды (не находясь болѣе подъ вліяніемъ растягивающей силы) принимаютъ снова, въ силу своей элластичности, первоначальные размѣры; „питательное кровеобращеніе“ наступаетъ, и самыя благопріятныя условія для обновленія ткани устанавливаются.“

Дэргамъ дѣлаетъ добавленіе, достойное вниманія по своему практическому значенію. Онъ говоритъ:

„Если растяженіе волосныхъ сосудовъ длилось слишкомъ долго, вслѣдствіе непрерывнаго возбужденія органа, то ихъ стѣнки — какъ и всѣ эластическія тѣла слишкомъ долго растянутыя — не скоро принимаютъ свой первоначальный размѣръ. При такихъ обстоятельствахъ,

---

а) Т. е. кровеобращеніе, при которомъ въ мозгу происходитъ процессъ мысли, чувства и воли.

питательное кровеобращенiе не легко устанавливается. *Это даетъ нѣкоторое объясненiе трудности, съ которою мы добиваемся сна, послѣ чрезмѣрной умственной дѣятельности.*"

Кажется, есть апрiорическое вѣроятiе, что воспрiимчивость самаго мозговаго вещества измѣняется, и его способность подвергаться химическимъ измѣненiямъ необходимымъ для функцiонной дѣятельности находится въ нѣкоторой зависимости отъ степени питанiя и отъ другихъ обстоятельствъ, о существованiи которыхъ мы можемъ только догадываться; о сущности же ихъ мы не имѣемъ рѣшительно никакого понятiя. Такимъ образомъ можетъ быть, что высокая степень воспрiимчивости мозговаго вещества и склонности его къ химическимъ измѣненiямъ есть необходимое условiе бодрствованiя, а противоположное состоянiе — необходимое условiе сна. Но мы еще не ушли далѣе вѣроятности, что подобное различiе можетъ существовать въ разные перiоды въ здоровомъ мозговомъ веществѣ. Мы рѣшительно не имѣемъ никакого понятiя о томъ, въ чемъ оно можетъ состоять и что его производитъ. Намъ извѣстенъ, однако, одинъ фактъ, разсмотрѣнiе котораго поможетъ намъ объяснить, почему за функцiонной дѣятельностью мозга вообще слѣдуетъ покой, за бодрствованiемъ сонъ, совершенно независимо отъ какого-бы то ни было измѣненiя въ воспрiимчивости мозга и въ химическомъ состоянiи мозговаго вещества.

Всѣми принято за общее правило, что продукты какого нибудь химическаго дѣйствiя мѣшаютъ своимъ присутствiемъ продолженiю процесса, которому они обязаны своимъ происхожденiемъ, гораздо прежде, чѣмъ необходимые матерiалы истощатся. Напримѣръ, если масляная и молочная кислоты не уравновѣшены, или какимъ нибудь путемъ не удалены по мѣрѣ того, какъ онѣ производятся, то онѣ задерживаютъ или совсѣмъ останавливаютъ процессы броженiя, которымъ онѣ преимущественно обязаны своимъ появленiемъ. Далѣе, сѣрнокислый цинкъ, по мѣрѣ того, какъ онъ накопляется въ гальванической батареѣ, уменьшаетъ химическое дѣйствiе, вмѣстѣ съ которымъ развивается электричество, гораздо ранѣе, чѣмъ кислота истощится. То же самое происходитъ въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Теперь, имѣя все это въ виду и, въ то же время, признавая неоспоримый фактъ существованiя тѣхъ же самыхъ законовъ химическаго дѣйствiя во всякомъ живомъ тѣлѣ, какъ и внѣ его, мы не можемъ не прiйти къ заключенiю, что продукты окисленiя мозговаго вещества, или другихъ какихъ нибудь химическихъ процессовъ въ мозгу, должны своимъ присутствiемъ стремиться къ уменьшенiю химическаго дѣйствiя, вслѣдствiе котораго они произошли, если только эти продукты накопились въ достаточномъ количествѣ въ ткани, или въ крови. Правда, мы не имѣемъ прямаго до-

казательства того, что продукты мозговаго распаденія когда либо образуются въ здоровомъ состояніи скорѣе, чѣмъ отъ нихъ можно избавиться; но мы имѣемъ такія доказательства относительно мускуловъ. Немедленно послѣ долгаго, или слишкомъ сильнаго напряженія мускуловъ, продукты окисленія ткани (креатинъ, креатининъ и т. под.) легко могутъ быть найдены въ той части, надъ которою производится опытъ, въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ послѣ періода отдыха. Интересно замѣтить, что такимъ образомъ, съ помощью самой функціонной дѣятельности мозга, образуются соединенія, которыя, по прошествіи нѣкотораго времени, мѣшаютъ взаимодѣйствію кислорода и ткани, и тѣмъ самымъ стремятся предупредить слишкомъ большое истощеніе или потребленіе вещества, содѣйствуя, въ то же время, установленію спокойствія, необходимаго для обновленія ткани. Можно замѣтить, что „это воззрѣніе подтверждается тѣмъ, что задержаніе въ тѣлѣ продуктовъ его разрушенія почти неизмѣнно соединено съ особенною усталостью и дремотой.“

Если допустятъ справедливость того, что мы сказали, то будетъ очевидно, *почему* сонъ *долженъ быть* „цѣлый рядъ непрестанно смѣняющихся состояній“.

Во-первыхъ, нѣкоторые періоды времени несомнѣнно необходимы для того, чтобы могли совершиться въ характерѣ кровеобращенія тѣ измѣненія, которыя, какъ мы видѣли, непремѣнно сопровождаютъ измѣненія въ физіологическомъ состояніи мозга: эти періоды могутъ быть длиннѣе или короче, смотря по обстоятельствамъ. Они соотвѣтствуютъ промежуткамъ между сномъ и бодрствованіемъ и соединены съ среднимъ состояніемъ кровеобращенія, ясно замѣченнымъ въ опытахъ Дэргама. „Когда нашъ сонъ глубокъ, мы не можемъ разомъ проснуться съ полнымъ обладаніемъ нашихъ способностей, точно также, какъ не можемъ мгновенно перейти отъ совершеннаго бодрствованія къ здоровому сну.“ Во время этихъ посредствующихъ періодовъ снятся тѣ сны (изъ всѣхъ сновъ самые обыкновенные), которые мы видимъ между сномъ и бодрствованіемъ.

Во-вторыхъ, переходъ отъ того состоянія, во время котораго ткань, до извѣстной степени, израсходована, и продукты ея уничтоженія своимъ присутствіемъ уменьшаютъ дѣятельность жизненнаго сродства, этотъ переходъ необходимо долженъ совершаться постепенно. Состояніе самаго мозга и его послѣдовательная воспріимчивость къ вліяніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ должны испытать цѣлый рядъ измѣненій во время этого перехода.

Въ-третьихъ, согласно съ выраженными воззрѣніями, не трудно понять, что различныя части мозга могутъ быть далеко не въ одинаковомъ

положенiи въ одно и то же время. Напримѣръ, нѣкоторыя его части могутъ скорѣе другихъ перейти отъ дѣятельности и распаденiя къ отдыху и обновленiю. Есть достаточныя основанiя думать, что разныя части мозга имѣютъ различныя отправленiя, или, другими словами, способствуютъ проявленiю разныхъ способностей. И такъ, если нѣкоторыя части продолжаютъ дѣйствовать въ то время, какъ другiя отдыхаютъ, то мы можемъ сдѣлать еще шагъ въ нашемъ объясненiи непрерывныхъ сновидѣнiй, свойственныхъ нѣкоторымъ лицамъ, во время несовершеннаго сна; тогда воля не проявляется болѣе, но сознательность еще бодрствуетъ, сохраняя воспрiимчивость къ влiянiю не матерiяльныхъ вещей, дѣйствующихъ на чувства, но таинственныхъ процессовъ внутренняго измѣненiя; тогда воображенiе вызываетъ поблѣднѣвшiя картины, отраженiе которыхъ сохранилось въ памяти, и путаетъ, и смѣшиваетъ ихъ по произволу. Эти непрерывныя сновидѣнiя относятся скорѣе къ неполному бодрствованiю, чѣмъ къ несовершенному усыпленiю. Во всякомъ случаѣ, они обусловливаютъ вѣчно измѣняющееся состоянiе.

Многое можно было бы прибавить къ подтвержденiю того, что мы сказали о физiологической природѣ сна и объ анатомическихъ условiяхъ, съ нимъ связанныхъ. Но исчерпать этотъ предметъ было бы невозможно; къ тому же, мы думаемъ, что сказали достаточно для того, чтобы привлечь вниманiе читателей къ выраженнымъ нами воззрѣнiямъ. Мы совершенно согласны съ мнѣнiями сэра Г. Голланда и Дэргама, относительно многихъ разобранныхъ нами вопросовъ. Превосходное сочиненiе сэра Голланда будетъ непремѣнно прочтено еще бóльшимъ числомъ лицъ чѣмъ до сихъ поръ, съ удовольствiемъ и пользою, а наблюденiя и опыты Дэргама заслуживаютъ полнаго вниманiя, какъ психологовъ и практическихъ врачей, такъ и всѣхъ, изучающихъ физiологiю.

ПРЕДКИ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ.

(СТ. РЕВИЛЯ).

—

Двѣ статьи, предлагаемыя читателю, имѣютъ почти одинъ и тотъ же предметъ, но сравненіе ихъ можетъ имѣть не малый интересъ. Статья Ревиля принадлежитъ къ тому роду обзоровъ, которые получили начало въ Англіи и образовали въ средѣ литературныхъ дѣятелей особый разрядъ *эссеистовъ*. Но Ревиль одинъ изъ умнѣйшихъ эссеистовъ Франціи: онъ принадлежитъ къ страсбургской школѣ писателей, усвоившихъ себѣ нѣмецкую науку и французскую ясность выраженія: его статьи въ области богословія стóятъ всегда вниманія читателей, а статья въ декабрской книжкѣ «Германскаго обозрѣнія» о книгѣ, надѣлавшей во всей Европѣ громадный шумъ, есть едва ли не лучшая изъ обширной критической литературы, вызванной этою книгою. Но тѣмъ не менѣе, Ревиль относится къ своему предмету, какъ эссеистъ, и нѣсколько широко раздвигаетъ предѣлы того, что намъ извѣстно о древнихъ арійцахъ, а какъ французъ, онъ руководствуется единственно книгою француза по языку—Пиктэ.

Ученый нѣмецъ, Шлейхеръ, игнорируетъ Пиктэ, хотя не можетъ не знать его трудовъ, и выставляетъ книжку Куна, которая, конечно, замѣчательна, какъ большая часть произведеній одного изъ творцовъ сравнительной миѳологіи, но болѣе бросаетъ мысль, чѣмъ ее разработываетъ, и по *матеріялу*, доставляемому читателю, гораздо менѣе значительна, чѣмъ трудъ Пиктэ. Зато Шлейхеръ несравненно строже: онъ говоритъ *почти* лишь то, что положительно доказано, и не можетъ даже въ популярную статью не вносить ученыхъ доказательствъ.— Изъ статьи Ревиля читатель лучше увидитъ обширность горизонта, открывающагося трудами по доисторическому періоду. Изъ статьи Шлейхера онъ, можетъ быть, лучше увидитъ методъ полученія безспорнаго результата и предѣлы, за которыми эти результаты дѣлаются гипотетическими.

———

Женева славится тѣмъ, что была родиною многихъ отличныхъ ученыхъ и художниковъ; дѣйствительно, трудно найти на земномъ шарѣ мѣстность, которая была бы богаче знаменитыми учеными и литераторами; тамъ родина Казобона и Руссо, Ш. Боннэ и Неккера, Делюка и Сисмонди, двухъ де Соссюровъ и двухъ Декандолей, ла-Рива, великаго физика, Тэпфера, кроткаго и симпатическаго юмориста, и столькихъ другихъ. Франція не всегда отдаетъ себѣ точный отчетъ въ томъ вліяніи, которымъ параллельно съ нею пользуется въ мірѣ мысли маленькая страна, называемая французскою Швейцаріею, говорящая однимъ языкомъ съ нею, читающая однихъ и тѣхъ же писателей, пользующаяся безусловною свободою, и произведенія которой, литературныя и ученыя, обращаются повсюду вмѣстѣ съ ея произведеніями. Кто можетъ опредѣлить, на сколько вліяніе г-жи Сталь и ея кружка затмило въ Европѣ солнце Аустерлица?

Произведеніе, на которое мы хотимъ обратить вниманіе читателей, плодъ глубокаго и обширнаго труда, принадлежитъ тоже перу женевца *a*). Въ Женевѣ, какъ во всѣхъ главныхъ научныхъ центрахъ, умы все болѣе и болѣе предаются изученію обширныхъ областей, открывающихся для научнаго изслѣдованія сравненіемъ языковъ, религій, породъ. До сихъ поръ еще никто не предпринималъ слить во едино данныя, разсѣянныя во множествѣ сочиненій французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, съ тѣмъ, чтобы представить результаты изслѣдованій, столь интересныхъ для насъ и относящихся къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ существованія нашей расы. Дѣйствительно, дѣло идетъ о нашихъ предкахъ: мы всѣ по прямой линіи происходимъ отъ тѣхъ арійцевъ, которыхъ новая наука отправилась открывать за большою солончаковою степью между Аральскимъ моремъ и горами Гинду-ку. Авторъ ученаго сочиненія, о которомъ мы собираемся говорить—Адольфъ Пиктэ, уже извѣстный своими трудами по эстетикѣ и древностямъ друидическимъ и индійскимъ, имѣлъ много данныхъ для успѣха въ трудной задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ могъ не только связать, но продолжать и дополнять труды другихъ. Онъ принадлежитъ къ той благородной семьѣ, которой женевская республика обязана столькими замѣчательными людьми и къ которой въ наше время принадлежитъ

---

a) «Les Origines indo-européennes ou les Aryas primitifs», essai de paleontologie linguistique par *Ad. Pictet*. 2 т. 1855 — 63.

извѣстный зоологъ Пиктэ де-ла-Ривъ. Умственная республиканская аристократія обязываетъ, какъ и всякая другая, и Адольфъ Пиктэ оказался достойнымъ своего имени еще до того, какъ рѣшился посвятить досугъ своей трудолюбивой старости созданію одного изъ тѣхъ памятниковъ, которые остаются замѣтными въ наукѣ даже и тогда, когда послѣдующіе труды измѣнятъ ихъ выводы, ибо опредѣляютъ точку зрѣнія и даютъ уму возможность прочно обознаться въ новомъ направленіи. Авторъ „Опыта лингвистической палеонтологіи“ (такъ онъ назвалъ свою книгу) исходитъ изъ того факта, уже признаннаго наукою, что прежде исторіи, сохраненной письменными памятниками, существовалъ народъ, котораго индусы, индоперсы и почти всѣ европейскіе народы суть потомки. Что за народъ? Гдѣ онъ жилъ? Какіе у него были нравы, стремленія, какой бытъ, какія вѣрованія? вотъ вопросы, которые слѣдуетъ разрѣшить. Мы постараемся, при помощи изысканій г. Пиктэ и опираясь на другіе новѣйшіе труды, изложить отвѣтъ, который даетъ новая наука. Предварительно только нужно убѣдиться въ положительности выводовъ этой науки, убѣдиться, что она вовсе не собраніе гипотезъ болѣе или менѣе остроумныхъ. Для того мы постараемся показать путь и средства, которыми нашли и до нѣкоторой степени вызвали къ жизни народъ, исчезнувшій пять тысячъ лѣтъ тому назадъ.

I.

Важность открытія санскрита для знаній этнологическихъ и лингвистическихъ никогда, кажется, не будетъ оцѣнена вполнѣ. Это открытіе напоминаетъ—хотя въ сферѣ болѣе широкой и менѣе непосредственно-доступной, то, что можно назвать открытіемъ языковъ еврейскаго и греческаго въ эпоху возрожденія. Цѣлый неизвѣстный міръ вышелъ изъ тумановъ, облекающихъ доисторическую эпоху. Вотъ, что надо понять прежде всего.

Предположимъ, какъ предлагаетъ Максъ Мюллеръ, что латинскій языкъ не только исчезъ изъ употребленія, но и самая память о немъ затеряна, и черезъ тысячу двѣсти лѣтъ филологи начали сравнивать между собою четыре или пять нарѣчій, которыя въ то время назывались французскимъ, итальянскимъ, испанскимъ, португальскимъ и къ которымъ позднѣйшія открытія прибавили, какъ родственныя нарѣчія, валлонское, провансальское, гризонское и румунское. Самое поверхностное сравненіе скоро приведетъ къ рѣзкому отдѣленію этой группы языковъ отъ другихъ и къ поставленію дилеммы: или языки эти происходятъ отъ одного изъ нихъ, или они происходятъ отъ одного общаго

корня, одного неизвѣстнаго языка. Признавъ это, каждый легко согласится, что можно допустить только второе предположеніе и что всѣ различные языки, о которыхъ идетъ рѣчь, суть весьма вѣроятно отрасли одного общаго корня. Корень этотъ неизвѣстенъ, и прелесть неизвѣстнаго и черезъ тысячу лѣтъ, какъ теперь, какъ всегда, поведетъ къ созданію науки. Вслѣдствіе того филологи попытаются составить понятіе объ этомъ ископаемомъ коренномъ языкѣ; можно заранѣе признать за ними достаточно проницательности для того, чтобы посредствомъ наведенія возстановить многіе формы и корни его.

Правда, что подобные результаты будутъ достигнуты цѣною многихъ трудовъ, многихъ смѣлыхъ гипотезъ и натянутыхъ объясненій, и что сами эти результаты много потерпятъ отъ неизбѣжныхъ колебаній, которыя имъ предшествовали; предположимъ, что открытъ языкъ, конечно, не самъ латинскій, не тотъ, которымъ говорили въ Римѣ при Августѣ, но близкій къ нему; положимъ напр., что колонисты римскіе, поселенные Траяномъ на нижнемъ Дунаѣ, создали въ первые вѣка своего поселенія поэтическую и религіозную литературу задолго до того, какъ языки французскій и итальянскій, испанскій и португальскій получили свою окончательную форму, даже прежде румунскаго въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, на столько же далекій, какъ и всѣ другіе, отъ первоначальнаго корня; положимъ, что эта литература вдругъ представится изумленнымъ глазамъ филологовъ будущаго,—легко понять всю важность этого открытія, представляющаго рудникъ новыхъ наведеній, теперь уже болѣе точныхъ и основанныхъ на положительныхъ фактахъ.

Это предположеніе осуществилось, или почти что осуществилось въ болѣе широкихъ размѣрахъ посредствомъ открытія санскрита, сдѣланнаго въ концѣ прошлаго столѣтія англичаниномъ Уильямомъ Джонсомъ, извлекшимъ его изъ мрака святилищъ Индіи въ то самое время, какъ нерадивые хранители этого сокровища древности могли бы утратить его навсегда. Санскритъ дѣйствительно языкъ *ведъ* (книги знанія), гдѣ записаны первоначальные гимны, изливающіе, такъ сказать, благоуханіе дѣвственной природы; далѣе, это священныя книги брахманизма; но послѣдніе брахманы, способные еще понимать этотъ языкъ, уже вымирали въ то время, когда Кольбрукъ, Вильсонъ, Шлегели, Боппъ, Лассенъ, Эженъ Бюрнуфъ, при помощи трудовъ древнихъ индійскихъ грамматиковъ, сдѣлали его предметомъ одной изъ самыхъ блестящихъ вѣтвей европейскаго знанія. Этотъ переворотъ былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ переворотовъ въ новѣйшей филологіи.

И такъ, санскритъ былъ языкъ, которымъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ говорили предки завоевателей Индіи, когда, сходя съ за-

падныхъ склоновъ Гималая, они проходили по холмистой и плодоносной странѣ, орошаемой среднимъ теченіемъ Инда, и которую они назвали Сапта-синду (теперь Пенджабъ и восточная часть Афганистана), т. е. „страна семи рѣкъ". Къ глубокому удивленію тогдашняго ученаго міра, оказалось, что этотъ языкъ брахманическихъ святилищъ, котораго азбука и грамматика, чрезвычайно сложныя, кажутся тарабарскою грамотою, родственъ съ нашими романскими, германскими, славянскими и до того богаче ихъ, что они кажутся передъ нимъ почти ничтожными. Изъ всего этого уяснился фактъ, съ виду странный, что языки, исторически гораздо болѣе близкіе къ намъ, глубже отличаются отъ нашихъ новыхъ западныхъ языковъ, чѣмъ это нарѣчіе глубокой древности, соприкасающейся съ колыбелью міра.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ открытіемъ, было такъ сильно, что санскритъ долго считался первоначальнымъ языкомъ, которымъ говорило все племя, до сихъ поръ упорно называемое нѣмцами индогерманскимъ (какъ будто оно состоитъ только изъ нихъ и индійцевъ), хотя приличнѣе называть его индо-европейскимъ. Это заблужденіе похоже на то, какъ если бы кто нибудь, при гипотезѣ, высказаной выше, счелъ бы средневѣковой румунскій языкъ за чисто латинскій. Другое лингвистическое открытіе, честь котораго принадлежитъ Франціи, открытіе зенда, языка *Авесты* и древнихъ индо-персовъ, открытіе, уступающее въ важности только открытію санскрита и получившее вслѣдствіе послѣдняго особенное значеніе — не допускало подобнаго предположенія. Дѣйствительно, зендъ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, хотя и уступаетъ въ древности санскриту, но все-таки древенъ; къ санскриту онъ стоитъ въ такомъ же отношеніи, какъ въ языкахъ латинскихъ племенъ итальянскій къ французскому; словомъ, это вѣтвь менѣе близкая къ корню, чѣмъ санскритъ, но все же непосредственно слѣдуетъ за нимъ и отъ него независима. Первоначальный языкъ индо-европейскій обратился въ санскритъ въ Индіи, въ зендъ въ Персіи и сверхъ того отъ него пошли въ другихъ направленіяхъ значительныя вѣтви, отъ которыхъ произошли языки европейскіе.

Такъ создалось генеалогическое дерево языковъ индо-европейскихъ, которое рѣзко отдѣляется отъ другихъ органическихъ формацій, каковы языки: финскіе, тибетскіе, семитическіе, съ которыми первые иногда соприкасаются, но чисто внѣшнимъ образомъ, не проникаясь взаимно. Само собою, что не слѣдуетъ нашихъ европейскихъ языковъ, результаты столькихъ скрещиваній и смѣшеній, связывать прямо съ первоначальнымъ языкомъ нашего племени; для этого слѣдуетъ обратиться къ языкамъ, уже сложившимся въ началѣ нашей исторіи, прежде смѣшенія народовъ, произведеннаго сначала основаніемъ, потомъ паденіемъ

римской имперіи. Такимъ образомъ, мы получаемъ вѣтвь греко-латинскую, отъ которой пошли двѣ извѣстныя отрасли; вѣтвь кельтскую, изъ отраслей которой наиболѣе замѣчательны: нарѣчія арморикское, кимри, ирландское и гальское, къ сожалѣнію, погибшее; вѣтвь германскую, отъ которой выдѣляются древній готскій и скандинавскій; вѣтвь славяно-литовскую. Стоитъ замѣтить, что изъ всѣхъ языковъ, которымъ еще говорятъ, литовскій въ глазахъ филолога наименѣе отклоняется отъ первоначальныхъ формъ; безъ преувеличенія можно сказать, что на берегахъ Немана говорятъ нарѣчіемъ санскритскимъ. Въ Европѣ только языки: баскій, — языкъ весьма странный, аналогію которому можно найдти только между нарѣчіями туземцевъ Америки, — финскій, мадьярскій и турецкій, чужды семьѣ арійской или индо-европейской.

Это подведеніе бо́льшей части нашихъ языковъ къ одному общему первоначальному типу имѣетъ непосредственнымъ результатомъ признаніе предшествовавшаго письменной исторіи существованія народа, говорившаго праязыкомъ и подтверждаетъ древнія преданія, которыя ведутъ насъ изъ Азіи; причемъ эти преданія неожиданно получаютъ значительную точность. Всѣ воспоминанія древнихъ народовъ Европы, начиная съ миѳа о Прометеѣ до кимрійской легенды о Гусильномъ, ведшемъ свой народъ отъ Геллеспонта до Великобританіи, приводятъ насъ къ подошвѣ Кавказа; но очевидно, мы пришли изъ страны, еще болѣе отдаленной. Книга Бытія, указывая на Араратъ, какъ на исходную точку людей, спасшихся отъ потопа, а въ томъ числѣ и нашего предка Іафета, побуждаетъ искать нашей прародины далѣе; благодаря открытію санскрита и зенда мы можемъ точнѣе оріентироваться. Дѣйствительно, преданія *Авесты* и *Веды* (собственно такъ называемой) указываютъ предѣлъ нашихъ поисковъ на востокѣ. Громадная Гималая и безъ того представляетъ непереходимую преграду съ этой стороны: она какъ бы дѣлитъ человѣчество на-двое; но *Авеста* и *Веды* положительно ведутъ насъ въ страну на сѣверъ отъ Ирана (теперь Персія и Афганистанъ) и къ сѣверо-западу отъ Инда. Цѣль поисковъ близка.

Развернувъ карту Азіи, заключающую въ себѣ обширное пространство отъ Гималаи до пространной долины Тигра и Евфрата, легко опредѣлить себѣ предѣлы, которыми слѣдуетъ ограничиться. Къ сѣверу взоры останавливаются на моряхъ Каспійскомъ и Аральскомъ, нѣкогда, вѣроятно, соединявшихся между собою. Огромная рѣка Оксусъ, стекая съ Гинду-ку, западнаго продолженія Гималаи, впадаетъ въ Аральское море и частью теряется въ пескахъ, черезъ которые должна проходить въ своемъ низовьи. Нѣкогда одинъ рукавъ Оксуса впадалъ въ Каспійское море или, скорѣе, видимое ложе этого рукава

служитъ послѣднимъ признакомъ древняго соединенія этихъ морей. На сѣверѣ Аральскаго моря другая большая рѣка, Яксартъ древнихъ, нынѣшняя Сыръ-Дарья, сливаясь съ горъ Туркистана, пробивается параллельно Оксусу среди песковъ туранскихъ. Къ югу Персидскій заливъ и Индійскій океанъ, а на востокъ — Индъ, сходящій съ Гималаи, ограничиваютъ горизонтъ. Теперь это обширное пространство занято Персіею, Белуджистаномъ, Афганистаномъ, Гератомъ. Татары (туркоманы, туранцы) съ незапамятныхъ временъ населяютъ сѣверныя равнины, граничащія съ громадными степями средней Азіи; они поселились далеко за Яксартомъ и Оксусомъ, къ ущербу древнихъ арійскихъ племенъ, которыя загнали въ города или обратили въ рабство.

Въ странѣ, которой границы мы стараемся опредѣлить, степи занимаютъ чрезвычайно важное мѣсто. Дѣйствительно, эта часть Азіи поражаетъ страннымъ контрастомъ: здѣсь самыя пустынныя въ мірѣ страны лежатъ по сосѣдству съ областями, которыхъ плодородіе, славное въ древности, до сихъ поръ достойно своей прежней славы. Поясъ пустынь, —который, какъ бы стягивая старый свѣтъ, начинается въ Африкѣ, продолжается въ Аравіи и Сиріи и оканчивается къ с. отъ Тибета,—едва прерываясь такими оазисами, какъ Египетъ, Мессопотамія, Сузіана, занимаетъ болѣе половины описываемой нами страны. Огромная солончаковая степь, отдѣляющая Персію отъ Афганистана *а*), черезъ Хорасанъ соединяется съ туранскою степью, потомъ, безмѣрно расширяясь, даритъ Азіи свою Сахару, подъ видомъ монгольской степи Гоби.

Число рѣкъ, стекающихъ съ горъ: Загро на западѣ, Эльбурджъ на сѣверѣ, Гинду-ку на востокѣ, и теряющихся въ пескахъ, не достигая никакого моря, громадно. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Гильмендъ и Мургабъ, чрезвычайно значительны. Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, и на болотистомъ устьѣ Тигра и Евфрата, родится то громадное количество насѣкомыхъ, въ особенности саранчи, которая, кидаясь на поля Персіи и Пенджаба, въ нѣсколько минутъ лишаетъ ихъ всей зелени и обращаетъ въ состояніе выжженныхъ равнинъ. Очевидно, что въ подобныхъ странахъ народъ никогда не жилъ иначе, какъ временно и противъ воли. Это очень важно для нашихъ изысканій, ибо если страна, которую мы

а) Новѣйшіе труды не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ арійскомъ происхожденіи афгановъ. Ихъ притязаніе на происхожденіе отъ еврейской колоніи, предводимой мнимымъ *Афганомъ*, внукомъ Саула, служившимъ въ войскахъ Соломона — не что иное, какъ легенда, внушенная мусульманскою гордостью, очень сильною у этого племени и побуждающею ихъ желать быть связанными и племенемъ съ правовѣрными. Нѣсколько еврейскихъ или, скорѣе, семитическихъ словъ, существующихъ въ ихъ языкѣ, внесены вліяніемъ исламизма. По этому вопросу, долго спорному, можно съ пользою прочитать ученое сочиненіе Шпигеля: «Eran» *Berl.* 1863, въ особенности стр. 141.

отыскиваемъ, находится на сѣверъ отъ Ирана и на сѣверо-западъ отъ Сапта-синду (Пенджабъ), то только Бактріана (теперь Балкъ) и Согдіана (Бухара и Самаркандъ) соотвѣтствуютъ указаннымъ условіямъ. За ними снова степь и, какъ на востокѣ, населеніе искони принадлежитъ къ туранскому или монгольскому племени.

Дѣйствительно, туда, въ древнюю Бактріану и Согдіану приводятъ насъ всѣ заключенія, которыя можно, на основаніи Ведъ и Авесты, сдѣлать о прародинѣ нашего племени. Здѣсь началось историческое существованіе нашихъ предковъ. Откуда пришли они? когда сознали въ себѣ жизнь? Это тайна минувшаго. Въ наше время, эти страны мало извѣстны, негостепріимны, опасны. Лишь очень немногіе путешественники осмѣлились посѣтить свирѣпыя племена, замѣстившія нашихъ предковъ. Но такъ не можетъ продолжаться всегда, а пока въ самой Европѣ ученыя изысканія облегчаютъ будущіе труды. Въ своемъ сочиненіи о языкахъ индо-европейскихъ, Пиктэ съ большимъ остроуміемъ опредѣлилъ въ первоначальной арійской смѣси тѣ вѣтви, которымъ позднѣе суждено было сдѣлаться индо-европейскими племенами. Если исключить иранцевъ или древнихъ бактро-мидо-персовъ, которыхъ, по доказательному мнѣнію Шпигеля, Пиктэ помѣстилъ слишкомъ далеко на сѣверъ, то нельзя не согласиться съ его идеальнымъ расположеніемъ. Представимъ себѣ элипсисъ, восточный фокусъ котораго пересѣкаемый верховымъ теченіемъ Оксуса, составляетъ Бактріана; изъ фокуса идутъ двѣ линіи, сначала параллельно и даже сливаясь, а потомъ раздвояясь: одна на юго-востокъ, другая на юго-западъ. Эти линіи представляютъ собою группу индо-иранскую или санскрито-зендскую, которая съ одной стороны распространяется до Инда и Ганга, а съ другой до Персіи и Мидіи. Прямая линія, по направленію къ далекому западу, обозначаетъ собою кельтовъ, которые въ своемъ пути къ западу, останавливаются только у Атлантическаго океана. Между этою послѣднею линіею и двумя первыми обозначается группа греко-латинская; выше линіи кельтской слѣдуетъ провести линію германо-скандинавскую, и еще выше славяно-литовскую. Такимъ образомъ, все это принимаетъ видъ опахала. Во всемъ мірѣ нѣтъ источника выселеній болѣе обильнаго и неизсякаемаго. Въ послѣднія триста лѣтъ онъ, кажется, получилъ новую силу. Отсюда населились: Индія, Иранъ, Малая Азія и Европа; потомъ это населеніе наводнило Америку, затронуло Африку и теперь достигаетъ Австраліи.

При видѣ этого изумительнаго распространенія, я постоянно спрашивалъ себя, да конечно и каждый спроситъ также: не было ли при первыхъ переселеніяхъ какого нибудь обстоятельства, которое благопріятствовало бы этой способности распространяться въ даль и въ

ширь и развивало эту способность, какъ бы прирожденную нашему племени; обстоятельство, о которомъ я упомяну, не замѣчено — сколько я знаю — ни однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, чьи открытія я передаю здѣсь. Должно припомнить здѣсь, что въ глубокой древности къ переселенію массами побуждаетъ въ особенности, и даже болѣе чѣмъ размноженіе населенія, натискъ иноплеменныхъ ордъ, которыя кидаются на понравившуюся имъ страну часто послѣ того, какъ ихъ самихъ изгнали изъ отечества. Въ такомъ случаѣ переселенцы не только ищутъ новаго отечества, но еще стараются найдти его подалѣе отъ тѣхъ, кто ихъ выгналъ изъ прежняго. Кажется, что искони главнымъ двигателемъ переселенія народовъ было монгольское племя. Можно считать даже доказаннымъ, что движеніе этихъ страшныхъ номадовъ рикошетомъ направило германскіе народы на римскую имперію въ первые вѣка нашей эры. И что же? Эта давняя и длинная исторія еще продолжается до сихъ поръ, хотя въ размѣрахъ уже стѣсненныхъ, въ томъ смыслѣ, что древняя родина арійцевъ теперь, какъ и искони, подвергается безконечнымъ набѣгамъ разбойническихъ племенъ туранскихъ. Изъ зендскихъ памятниковъ и клинообразныхъ надписей намъ извѣстно, что борьба между этими племенами и арійцами была чѣмъ-то постояннымъ. Такова основа героической легенды древняго Ирана; вѣроятно, что и Веда упоминаетъ о ней, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первыя переселенія арійскихъ племенъ были произведены натискомъ туранцевъ. Но болѣе всего — по моему мнѣнію — должна была бы поразить этнологовъ узкость того, что можно назвать каналомъ, которымъ выходилъ изъ древней арійской земли избытокъ населенія. Возьмемъ снова карту Азіи. Вотъ племена, стѣсненныя къ Болорскимъ горамъ нашествіемъ туранцевъ. Медленно, какъ бы просачиваясь вслѣдствіе стѣсненія, южная часть этого населенія переходитъ черезъ страшныя ущелія Гинду-ку, чтобы разсыпаться по долинамъ, напояемымъ Индомъ. А пока что же дѣлаютъ другія? къ сѣверу и востоку отъ нихъ туранцы; впереди — Каспійское море; ниже его — великая солончаковая степь. Имъ осталась одна, только одна дорога — узкая полоса оазисовъ, раздѣляющая великую пустыню отъ сѣверной и идущая отъ Герата до южнаго берега Каспійскаго моря. Здѣсь поднимаются снѣжныя вершины горъ Эльбурджа, господствующія съ одной стороны надъ моремъ, съ другой — надъ безплодною степью. Единственная дорога, открывающаяся передъ переселенцами — узкая полоса между этими горами и моремъ, выводящая по ту сторону къ подошвѣ Кавказа. Понятно ли, какому страшному давленію подвергались отъ новопришедшихъ тѣ толпы переселенцевъ, которыя первые задумали искать спасенія въ этой тѣсной странѣ? Не видно ли теперь, какъ подъ этимъ давленіемъ,

все усиливающимся, самъ Кавказъ не могъ долго вмѣщать волны народныя, постоянно возрастающія, и съ какою энергіею эти племена вырвались отсюда, какъ вода изъ слишкомъ узкаго рукава пожарной трубы, и разошлись до крайнихъ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ предѣловъ Европы? Они шли впередъ, все впередъ, они и теперь идутъ на невѣдомый *far west* (далекій западъ). Кельтская вѣтвь, вѣроятно, давно была передовою въ отыскиваніи обѣтованной земли на краю свѣта, ибо она до сихъ поръ сохранила то имя, которое носила не переходя Кавказъ. Ир-ландія, Гибернія (или Ибг-*эринія*) *a*) *зеленый Эринъ* значитъ не что иное, какъ земля *эровъ* или *ировъ*; быть можетъ, и Иберія имѣла то же значеніе.

Само собою разумѣется, что привычки и удобства переселенія новаго времени не слѣдуетъ переносить на эту эпоху, предшествующую всякой исторіи, когда наша большая дорога всѣхъ переселеній—море, было напротивъ, величайшимъ препятствіемъ для передвиженія племенъ. Слѣдовательно, нужны были вѣка для переселенія, которое въ наше время могло бы окончиться въ нѣсколько лѣтъ. Только подъ условіемъ смотрѣть на ходъ дѣлъ издали и сверху, можно представить себѣ ту идеальную картину переселенія, которую мы сейчасъ передали. Слѣдуетъ замѣтить еще фактъ, свидѣтельствующій въ пользу нашей теоріи: подраздѣленія европейскаго племени не входили между собою въ столкновеніе въ эпоху доисторическую. По крайней мѣрѣ, только борьба галловъ съ народами латинскими служитъ замѣтнымъ исключеніемъ изъ отношеній или, лучше, отсутствія всякихъ отношеній между народами греко-римскими съ одной стороны и народами сѣверными съ другой. При молчаніи исторіи, по крайней мѣрѣ миѳъ, легенда сохранили бы память о подобныхъ столкновеніяхъ, какъ они сохранили на востокѣ воспоминаніе о безконечныхъ войнахъ между сынами *Эраджа*, иранцами, и сынами *Тура*, туранцами. Такъ какъ миѳъ и легенда безмолвствуютъ въ этомъ отношеніи, то слѣдуетъ предположить, что развитіе племенъ европейскихъ шло по линіямъ почти параллельнымъ.

Греко-латины едва прошли черезъ кавказскія ворота, какъ хлынули на полуостровъ эллинскій, а потомъ и на италійскій. Галло-кельты, прибывъ въ Галлію, направились на страну, которая послѣ названа Италіею. Германцы, слѣдуя за кельтами и отстраняя ихъ на своемъ пути вверхъ по долинѣ Дуная, рѣшились повернуть направо только въ виду Альпъ и Рейна, т. е. тамъ, гдѣ кельтійское племя могло представить довольно сильное сопротивленіе, поддержанное условіями

---

a) *Ibh* по-ирландски земля, племя.

природы, не легко побѣдимыми. Нашли ли арійцы при своемъ переселеніи жителей въ Европѣ? Многіе признаки археологическіе, лингвистическіе и даже геологическіе свидѣтельствуютъ, что они поглотили или истребили предшествующее имъ племя, отличное отъ нихъ въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ, остатки котораго такъ долго сохранялись въ Пиринеяхъ, что ихъ языкъ остался тамъ господствующимъ, хотя ихъ физическій типъ и исчезъ. Это племя, впрочемъ, не встрѣтило, кажется, энергическимъ сопротивленіемъ новоприбывшихъ, описывавшихъ на своемъ пути съ Кавказа почти концентрическія кривыя. Славяне послѣдніе пришли на европейскую почву. Они жили съ мидо-персами, когда эти послѣдніе поселились въ горахъ Мидіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тѣсное сходство ихъ языка съ зендомъ и санскритомъ. Этимъ же объясняется сходство ихъ миѳологіи съ миѳологіей Ирана. Обѣ отличаются самымъ яркимъ дуализмомъ; замѣчательно, что Авеста, считая востокъ Ирана своею коренною страною, своею святою землею, выводитъ своего пророка Зороастра съ юго-западнаго берега Каспійскаго моря, изъ того мѣста, гдѣ мы указали вершину угла, занятаго предками теперешнихъ европейскихъ народовъ.

Такъ не прибытіе ли славянъ, сжатыхъ между мидянами и Кавказомъ, произвело потрясеніе, почти одновременное во всѣхъ другихъ великихъ племенахъ? Достовѣрно только то, что принимая Кавказъ за точку исхода и предполагая значительную энергію въ силѣ давленія по ту сторону этого хребта, мы замѣчаемъ, что извѣстные факты согласуются съ гипотезами, основанными на характерѣ мѣстности и людей. Народы европейскіе, выходя съ Кавказа, сдѣлали фланговое движеніе налѣво, греки были здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, и если бы не безпорядки, производимые германцами, которые не смогли и не съумѣли держаться въ назначенномъ разстояніи, то маневръ совершился бы съ величественною правильностью.

Должны ли мы этимъ ограничить наши изысканія? Неужели отъ первобытнаго арійскаго народа, народа *докавказскаго*, до насъ дошло только имя, первоначальное мѣсто жительства и направленія, по которымъ разошлись его вѣтви? Здѣсь-то начинаются самыя тонкія процессы современной этнологіи. Благодаря ея остроумнымъ усиліямъ, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени исторію, бытъ, нравы и вѣрованія этого народа, который не оставилъ ни одного непосредственнаго слѣда своего существованія. Какъ по установленію факта первоначальнаго языка, общаго предкамъ всего индо-европейскаго племени, можно было заключить о существованіи этого народа, такъ до извѣстной степени можно опредѣлить то, что каждый рой вынесъ изъ родимаго улья.

Главнымъ орудіемъ для этихъ изысканій служитъ сравнительная этимологія. Эта отрасль знаній въ послѣднее время возвысилась на степень науки. Долго этимологія предана была на жертву капризамъ и фантазіи грамматиковъ. Въ началѣ лингвистическихъ занятій казалось очень простымъ, что слова, сходныя между собою въ различныхъ языкахъ, происходятъ одно отъ другаго; и дѣйствительно, въ нашихъ южныхъ языкахъ можно на каждомъ шагу въ новомъ словѣ узнать латинское; никто не сомнѣвался тогда, что такое же отношеніе существуетъ и между всѣми языками. Такъ французскій языкъ производили отъ латинскаго, латинскій отъ греческаго, греческій отъ еврейскаго. Этотъ послѣдній считался языкомъ рая, и во многихъ странахъ писали ученыя диссертаціи, непосредственно связывающія мѣстный языкъ автора съ языкомъ Адама, Евы и древняго змія. Быть можетъ, и теперь есть нѣсколько упорныхъ бретонцевъ, утверждающихъ, что армориканскій языкъ очень похожъ на языкъ Ветхаго Завѣта.

Трудно составить понятіе о томъ произволѣ, который господствовалъ въ изслѣдованіяхъ этимологическихъ, пока они состояли въ простомъ сближеніи словъ каждаго языка, представляющихъ нѣкоторое созвучіе для уха. Такъ напр., не затруднялись сближать *jeûne* (постъ) съ *jeune* (молодой), на томъ основаніи, что молодость утро жизни, а утромъ люди бываютъ натощакъ. Когда въ языкѣ коренномъ, или считавшемся коренными, не находили соотвѣтствующаго слова, тогда не затруднялись выдумывать его: знаменитый французскій грамматикъ Менажъ не останавливался передъ этимъ. Случалось и такъ, что брали сходное слово, но имѣющее другой смыслъ; потомъ придумывали самые странные переходы, чтобы показать, какъ изъ одного могло произойти другое. Развѣ не доходили до предположенія, что названіе предмета можетъ происходитъ отъ качества, противнаго тому, которое онъ имѣетъ, ибо утвержденіе вызываетъ отрицаніе; развѣ не говорили, что латинское *lucus* (священная роща) происходитъ отъ *non lucere*, подъ тѣмъ предлогомъ, что входя въ лѣсъ, не видишь тамъ ясно? Наконецъ, заблужденія, слѣдствія этой страсти этимологовъ, сдѣлались притчею въ наукѣ: они ставили себѣ почти въ честь не обращать вниманія на трудности и на подтвержденія, которыя можно было встрѣтить съ этой стороны.

А тѣмъ не менѣе, существуютъ очевидныя, дѣйствительныя этимологіи, которыя открываются, или если переходимъ отъ латинскаго языка къ французскому, или если слѣдимъ списокъ словъ, постепенно производимыхъ отъ стариннаго слова. Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что французское слово *nation* происходитъ отъ латинскаго *natio?* слово *nation*, долго остававшееся безъ производныхъ во французскомъ языкѣ, по-

лучило послѣ XVIII в. болѣе важный смыслъ и стало чаще употребляться, что повело къ образованію производныхъ, изъ которыхъ иныя относятся къ новѣйшему времени: *national*, *nationalité* и т. д. Точно также достовѣрно, что латинское окончаніе *tio*, столь частое въ существительныхъ, переходитъ во французскомъ языкѣ въ носовой звукъ *tion*. Въ англійскомъ языкѣ, напр., носовой звукъ уступаетъ мѣсто звуку небному, который можно выразить слогомъ *шенъ*, а въ языкахъ германскихъ нѣкоторыя, вошедшія слова этого рода произносятся такъ, что *о* становятся долгимъ, а *n* звучнымъ. Вотъ факты: отчего же не поступать здѣсь, какъ повсюду? почему не искать законовъ, которымъ подчиняется эта категорія явленій; почему не наблюдать, что въ нихъ есть общаго, правильнаго? Такъ напр., нѣкоторые законы происхожденія языковъ можно, вѣроятно, подмѣтить въ томъ, какъ каждый народъ произноситъ слова языка чужаго; эта манера до того правильна и постоянна даже въ неправильностяхъ своихъ, что по ней легко узнать, къ какому народу принадлежитъ говорящій. Развѣ мы не видимъ такъ же, какъ дѣти искажаютъ нѣкоторые, всегда одни и тѣ же звуки, такъ, что если бы не поправляли ихъ, то они создали бы новыя слова, хотя несомнѣнно происходящія отъ словъ роднаго языка *a*). Наконецъ, въ образованіи языковъ могли быть, да и дѣйствительно были, явленія, подобныя тому, что въ медицинѣ называется идіосинкразіею, т. е. факты личные, исключительные, условливаемые особою организаціею лица. Есть организаціи, для которыхъ положительно невозможно произнести извѣстный звукъ. Французу почти невозможно произнести какъ слѣдуетъ англійское *th* или нѣмецкое *ch*, а англичанину трудно произнести слово *toujours* и вообще слова на *our*.

Подобныхъ фактовъ чрезвычайно много въ исторіи языковъ; точное наблюденіе показываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, господствуетъ законъ, и что можно формулировать правила происхожденія одного языка отъ другаго и правила развитія въ исторіи одного и того же языка. Познаніе этихъ правилъ дозволяетъ основать этимологію на фактахъ положительныхъ, а не на простомъ созвучіи, часто случайномъ и обманчивомъ. Въ ряду этихъ фактовъ одинъ изъ самыхъ очевидныхъ тотъ, что гласныя, если только дѣло идетъ не о звукоподражаніи, составляютъ измѣняемую, подвижную часть слова, тогда какъ согласныя составляютъ его скелетъ, элементъ по преимуществу прочный: корень состоитъ изъ согласныхъ, согласная выноситъ гласную;

---

a) Китайцы, эти старыя дѣти, не могутъ произносить буквы *р* и всегда вмѣсто его произносятъ *л* въ тѣхъ европейскихъ словахъ, гдѣ встрѣчается первая; такъ французовъ они называютъ *фолонза*: вѣроятно, это добросовѣстная передача произношенія какого нибудь солдата: *frrancé*.

ее-то въ особенности энергично должны произносить ораторы, если желаютъ, чтобы ихъ голосъ слышенъ былъ въ многолюдномъ собраніи; но тѣмъ не менѣе переходы согласныхъ звуковъ весьма часты. Такъ согласныя, произношеніе которыхъ зависитъ отъ одного органа рта, напр. зубныя, постоянно переходятъ одна въ другую. Переходъ отъ *б* къ *в*, отъ *в* къ *ф*, отъ *л* къ *р* и т. д. весьма легокъ. Съ такою же легкостью *s* одного языка обращается въ *h*, *p* въ *f*, *v* въ *u*. Слитіе (contraction) двухъ гласныхъ, между которыми ослабла промежуточная согласная, перенесеніе придыханія изъ середины на начало (напр. французскіе крестьяне вмѣсто *enharnacher* говорятъ *henarnacher*) и т. п. — явленія, такъ сказать, постоянныя. Въ санскритѣ и нарѣчіяхъ германскихъ множество гортанныхъ звуковъ, самыхъ рѣзкихъ, которые французы и итальянцы, по недостатку ли подвижности гортани, или по чрезвычайной чувствительности слуха, обратили въ твердое *c* и безобидный *h*, итальянцы даже почти совсѣмъ уничтожили. Орѳографическія странности, столь многочисленныя во французскомъ языкѣ, гдѣ множество буквъ согласныхъ совсѣмъ не произносится, происходятъ отъ грамматической строгости, соединенной съ постояннымъ стремленіемъ къ упрощенію произношенія и могутъ служить драгоцѣнными указаніями для этимологіи.

Отсюда можно понять, если не безконечно-малыя тонкости этимологіи, то, по крайней мѣрѣ, какъ сложили въ науку то, чему, казалось, слѣдовало остаться принадлежностью личной фантазіи. Такимъ путемъ прослѣдили родство между словами, которыя съ перваго взгляда казались лишенными всякой взаимной связи. Чтобы допустить существованіе слова до этихъ раздѣленій племенъ, вовсе не нужно находить его во всѣхъ языкахъ арійскихъ. Частныя исчезновенія слова не должны слишкомъ обезпокоивать. Когда слово существуетъ въ языкахъ ирландскомъ, славянскихъ, въ зендѣ и санскритѣ, то отсутствіе его въ греческомъ, латинскомъ и германскихъ нисколько не свидѣтельствуетъ противъ существованія его у общихъ предковъ кельтовъ, славянъ, иранцевъ и индійцевъ.

Вотъ тотъ методъ, при помощи котораго можно возстановить первоначальное арійское племя: посредствомъ сравненія языковъ индо-европейскихъ отыскивать слова и въ особенности корни, общіе различнымъ отраслямъ этого семейства; такимъ образомъ получимъ очевидное доказательство существованія въ эпоху нераздѣльнаго единства этого семейства вещи или чувства, обозначаемыхъ этимъ корнемъ; тогда наведеніе укажетъ въ этомъ собраніи положительныхъ фактовъ любопытнѣйшіе результаты относительно матеріяльнаго, политическаго и нравственнаго состоянія нашихъ предковъ пять тысячь лѣтъ тому назадъ.

Можно ли впрочемъ сказать, что это любопытное поле изслѣдованій защищено отъ увлеченій воображенія? Подобный результатъ былъ бы слишкомъ хорошъ, и въ дѣйствительности, пристрастіе къ своимъ соображеніямъ можетъ иногда повести къ принятію слишкомъ смѣлой гипотезы. Но изъ того, что плавая можно утонуть, слѣдуетъ ли отказываться отъ плаванія? положительные результаты, подкрѣпленные прочными доказательствами, уже полученные посредствомъ строгаго приложенія научной этимологіи, даютъ намъ право предсказывать, что эта отрасль наукъ, подобно всѣмъ другимъ, будетъ становиться все тверже и богаче.

II.

Посмотримъ же теперь, какіе изъ положительныхъ результатовъ, добытыхъ наукою касательно таинственнаго народа древней Аріаны наиболѣе интересны? Во-первыхъ, что значитъ имя Арійцы, которое придается этому народу до раздѣленія его на племена? Нельзя сомнѣваться, что этимъ именемъ онъ самъ называлъ себя; имъ называли себя двѣ южныя вѣтви: индусы ведической эпохи и иранцы; его унесли въ свое переселеніе кельты и сохранили до сихъ поръ; быть можетъ, Арменія, Азія, Скандинавія, Асы, даже германскій Арминій (*Ehrman*, *Aryaman*), и греческое Аріадна (святѣйшая земля), все это слѣды того имени, которое еще Геродотъ засталъ живымъ въ странахъ, указанныхъ нами какъ исходныя точки всего племени. Благодаря санскриту, мы знаемъ, что́ это слово значитъ, а слѣдственно знаемъ и то, какъ смотрѣли на себя наши предки арійцы. Корень *ar* выражаетъ собою понятіе о возвышеніи, какъ латинское *oriri*, и производное отъ него существительное обозначаетъ господина, владыку, того, кому подобаетъ честь; оно значитъ такъ же человѣка хорошей породы, чистой крови, въ противоположность низшимъ кастамъ или низшимъ племенамъ. Отсюда видно, что наше племя издавна имѣло о себѣ высокое понятіе. Его первоначальное имя запечатлѣно духомъ рыцарскимъ, аристократическимъ, который въ столь замѣчательной степени проявляется въ народныхъ легендахъ и миѳологическихъ поэмахъ. Варваръ (слово это происходитъ отъ санскритскаго слова, значущаго *картавящій*) издавна считается предметомъ презрѣнія, какъ неспособный говорить языкомъ высшаго племени *a*).

---

a) Максъ Мюллеръ напрасно опровергаетъ это значеніе слова *arya*, стараясь придать ему значеніе земледѣлецъ (отъ корня *ar*—пахать землю, въ смыслѣ латинскаго *arare*), какъ будто наши предки первоначально отличались, какъ народъ осѣдлый и земледѣльческій отъ кочующихъ ордъ, которыя ихъ окружали. Этого и потому нельзя до-

Замѣчательно, что имена другихъ вѣтвей, какъ они ни различны между собою, согласуются съ высокимъ понятіемъ, которое наши предки имѣли о себѣ. Такъ геты временъ римской имперіи кажутся тождественными съ гетами, извѣстными прежде; оба имѣли значеніе: „люди породистые“ или „люди по преимуществу“. Даки—предки датчанъ—„блистательные, славные“. Имя славянъ, хотя и происходящее отъ другаго корня *а*), тоже выражаетъ понятіе славы, извѣстности. Таинственное имя Іаванъ, которымъ библія обозначаетъ грековъ и которое потомъ встрѣчается въ *Iafones* и наконецъ *Iaones*, іоняне, неожиданно объясняется, когда узнаемъ, что оно сближается съ санскритскимъ и зендскимъ словами, обозначающими юношей или защитниковъ страны, ибо—какъ еще очень вѣрно замѣтилъ Варронъ — слово *juvenis* (юноша) происходитъ отъ *juvare* (помогать) и обозначаетъ человѣка, достигшаго того возраста, когда онъ въ состояніи покровительствовать и защищать. Такое имя наиболѣе прилично было тому отдѣлу племени, который, поселясь на границѣ, имѣлъ своимъ назначеніемъ защищать ее отъ вторженія враждебныхъ ордъ. Эта вѣтвь, отдѣлившись отъ общаго корня, сохранила свое имя, какъ почетный титулъ.

Нужно замѣтить, что соображенія, которыя можно вывести изъ первоначальныхъ арійскихъ названій временъ года, подтверждаютъ предположеніе, что древніе арійцы жили въ умѣренномъ климатѣ. Въ Аріанѣ времена года строго различались; зима была особенно сурова, какъ видно изъ того, что названіе этого времени года тожественно у всѣхъ отраслей этого племени; эти подробности очень хорошо согласуются съ Бактріаною, въ особенности въ ея горной части. Арійскій народъ, кажется, зналъ только три времени года, причемъ зима непосредственно слѣдовала за лѣтомъ, ибо названіе осени различно. Зима — судя по ея названію — обозначалась временемъ снѣга (бѣлое время). Первоначальное названіе весны обозначаетъ пору, одѣвающую землю зеленою мантіею. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Индіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи приходъ весны символически изображается юношею, покрытымъ листьями. Лѣто, характеризуемое менѣе однообразно, считается временемъ спокойнымъ и пріятнымъ; это указываетъ скорѣе на пастушескій, чѣмъ на земледѣльческій народъ.

Топографія Бактріаны объясняетъ намъ также, почему, изучая языки исторически, мы встрѣчаемъ такое поразительное сходство между

пустить, что именно тѣ двѣ вѣтви (индусская и иранская), которымъ мы обязаны сохраненіемъ и этнологическимъ значеніемъ этого слова, были исключительно пастухами въ эпоху своего переселенія въ страны, гдѣ они окончательно утвердились.

а) Отъ корня *слу*, откуда и *слава* и *слово*. *пр. пер.*

словами, обозначающими степь съ тѣми, которыя обозначаютъ море. Единственное море, которое было извѣстно арійцамъ—Каспійское. Оно отдѣляется отъ Бактріаны совершенно безплодною степью, которую западные вѣтры изрыли волнистыми бороздами и которая, понижаясь незамѣтнымъ склономъ до морскаго берега, такъ сливается съ нимъ, что для путешественника, прибывшаго съ востока, море кажется, пока онъ не подойдетъ ближе, продолженіемъ степи. Надо еще прибавить, что для народа, ограничивавшагося, какъ видно изъ всѣхъ указаній, только первыми началами мореплаванія, море, подобно степи, представляетъ безплодіе, смерть и опустошеніе. Очень часто и по той же причинѣ, слова, означающія *западъ*, тожественны со словами, означающими *степь*. Слова, обозначающія: *гора* и *рѣка*, заставляютъ признать, что арійцы жили въ странѣ гористой и слѣдственно обильно орошаемой. Въ той же категоріи изслѣдованій нашли этимологическое доказательство того легко объяснимаго факта, который уже можно было предполагать на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ сравнительной миѳологіи, что первыми наковальнями были грубые камни, и что сначала смотрѣли на молнію, какъ на камни, падающіе съ неба и погружающіеся въ почву. Пиктэ припоминаетъ по этому случаю извѣстный феноменъ стекляныхъ трубочекъ (fulgurites) *a)*, производимыхъ иногда молніею въ пескѣ. Что касается до рѣкъ, то кажется, что племена арійскія въ своихъ странствованіяхъ по Европѣ называли просто „рѣкою" каждую рѣку, подлѣ которой поселялись. Имена Рейна, Арно, Орна, Арнона не что иное, какъ кельтійское названіе рѣки, значущее: что движется, идетъ. Это этимологія очень грустная для германскаго патріотизма. *Синду*, по зендски *Генду*, которое греки передѣлали въ *Индъ*, значитъ тоже самое. Иногда впрочемъ въ имени рѣки можно найти признакъ, въ особенности ее отличающій: *Темза* — рѣка мутноводная; *Дюранса* — стремительно бѣгущая, *Рона* — сильно текущая, и т. д.

Если обратиться къ языкамъ съ вопросомъ о степени цивилизаціи, достигнутой нашими предками въ ихъ среднеазійскомъ жилищѣ, то мы получимъ результаты, конечно, слишкомъ общіе, но довольно точные для того, чтобы утверждать, что они достигли развитія, которое; хотя его еще нельзя назвать цивилизаціей, все-таки ставило ихъ выше дикарей. Такъ несомнѣнно, что они знали употребленіе металловъ, именно золота, серебра, олова, мѣди и, вѣроятно, желѣза, хотя нѣтъ поводовъ полагать, что имъ извѣстно было приготовленіе стали. Это снова при-

---

a) А не fulminites, какъ пишетъ авторъ; это послѣднее слово имѣетъ другое значеніе. *Пр. пер.*

водитъ насъ къ Бактріанѣ, ибо намъ извѣстно, что горы хребта Гинду-ку изобилуютъ всевозможными металлами. Итакъ, этимологическія изслѣдованія подкрѣпили предположенія палеонтологовъ, которые наклонны были въ людяхъ такъ называемаго каменнаго вѣка видѣть племя, отличное отъ того, которое въ своихъ желѣзныхъ орудіяхъ и желѣзномъ оружіи оставило слѣды высшаго развитія. Правда, что употребленіе металловъ не составляетъ достаточнаго доказательства дѣйствительной цивилизаціи, ибо въ восточной Африкѣ существуютъ негрскія племена, обрабатывающія желѣзо съ замѣчательнымъ искусствомъ, е смотря на неудовлетворительность своихъ техническихъ пріемовъ, и распространяющія произведенія изъ этого металла между племенами внутренней Африки; тѣмъ не менѣе, племена эти погружены въ глубокое варварство; но если употребленіе металловъ не есть признакъ цивилизаціи, все-таки цивилизація не можетъ обойтись безъ него.

Сравненіе названій растеній приводитъ къ весьма немногимъ положительнымъ результатамъ. Я даже опасаюсь, не увлекся ли въ этомъ отношеніи Пиктэ, не смотря на свое обычное благоразуміе, до слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ. Можно сказать заранѣе, что въ продолжительныхъ странствованіяхъ народовъ арійскихъ, общія названія растеній и плодовъ могли специализироваться, а спеціальныя обобщаться, такъ напр., французское слово *pomme* обозначаетъ извѣстный плодъ (яблоко), а латинское *pommum* обозначало плодъ вообще. Несомнѣнно, что арійцы знали виноградъ и вино; любопытно, что въ санскритскомъ словѣ *rasin* (сочный) мы встрѣчаемъ французское *raisin*, происходящее отъ латинскаго *racemus*. Вообще можно сказать—признавая, конечно, какъ многое еще не точно, что флора, которую можно предполагать по свидѣтельству языковъ индо-европейскихъ, указываетъ на страну умѣренную, плодоносную, сходную съ тѣми, которыя мы обитаемъ. Береза, не растущая далѣе Гиммалаи, носитъ одно названіе въ санскритѣ и многихъ европейскихъ языкахъ. Все это указываетъ на Бактріану, которой плодородіе, прекрасныя деревья, прекрасный виноградъ, хорошее вино и разнообразныя произведенія хвалитъ Квинтъ Курцій (VII, 4).

Фауна доставляетъ подобныя же и еще болѣе убѣдительныя доказательства. Въ самыя древнія эпохи исторіи нашего племени находимъ одомашненіе быка, лошади, барана, свиньи и собаки уже совершившимся фактомъ. Кажется, что именно арійцы дали міру домашняго быка. Его арійское названіе распространено далеко за географическими предѣлами арійскаго племени; таковъ общій законъ языковъ человѣческихъ, что названіе домашнихъ животныхъ у народовъ, принявшихъ

его отъ другаго народа, сохраняется въ своей первоначальной формѣ. Такимъ образомъ, туземцы Сѣверной Америки даютъ лошади названіе, которое звучитъ по-англійски; тогда какъ у туземцевъ Америки Южной оно звучитъ по-испански. За то весьма сомнительно, чтобы наши арійскіе предки употребляли осла. Они знали его только въ дикомъ состояніи и потомъ укрощеннаго и прирученнаго получили отъ народовъ семитическихъ, у которыхъ онъ давно уже былъ въ чести. Сравнительная этимологія недавно явилась на помощь естествоиспытателямъ, которые, основываясь на анатомическихъ выводахъ, утверждали, что наша домашняя свинья не происходитъ, какъ долго полагали, отъ кабана нашихъ лѣсовъ, но отъ азіятской породы, еще до сихъ поръ существующей въ Персіи. Если этотъ послѣдній фактъ точенъ, то вѣроятно, что арійцы въ своемъ переселеніи увели съ собою это животное, столь полезное и столь легко питаемое; этимологія названій этихъ двухъ сродственныхъ породъ дѣлаетъ это соображеніе почти вѣрнымъ. Собака повсюду слѣдовала за нашими предками; названіе ея одинаково и въ санскритскомъ, и въ кельтійскомъ языкѣ; крестьяне сѣверной Франціи произносятъ его также, какъ ихъ предки четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Гусь навѣрное, курица и пѣтухъ, вѣроятно, составляли часть первоначальнаго птичника. Сомнительно, чтобы у нашихъ предковъ были домашняя кошка и голубь. Къ сожалѣнію, они перенесли въ Европу и своихъ паразитовъ, которые, какъ кажется, этимъ очень довольны: мышь, которой санскритское имя, очень распространенное въ языкахъ европейскихъ, значитъ *воровка*, и блоху *(сильно размножающаяся)*.

Что касается до лѣсной фауны, то сравнительная этимологія даетъ поводъ предполагать, что арійцы, при первомъ своемъ появленіи въ Европѣ, нашли здѣсь льва въ дикомъ состояніи; предположеніе это подтверждается многими греческими миѳами. Что касается до тигра, который появляется въ туранскихъ степяхъ, но котораго никогда не видали на западѣ отъ Каспійскаго моря, то вѣроятно, что европейцы его забыли. Только черезъ Грецію они получили впослѣдствіи слово *tigris*, обозначающее животнаго и рѣку этого названія; санскритскій корень этого слова выражаетъ быстроту. Бобра же они нашли еще на нашихъ рѣкахъ. Названія медвѣдя, волка, лисицы восходятъ до первоначальной Аріаны. Воронъ во многихъ языкахъ сохранилъ свое санскритское имя, значащее: *что за крикъ!* Первоначальное имя трясогузки указывало на ея привычки: по-санскритски она называется „бьющая крыльями“, по-арморикски „прачечка“ (во Франціи иногда тоже зовутъ ее *la lavandière*), ибо птичка любитъ садиться на берегу ручья, а такъ какъ она слѣдуетъ за земледѣльцемъ, чтобы ловить червей въ свѣже-распаханныхъ бороздахъ, то по-скандинавски зовутъ ее

работницею, и по-шведски *сѣятельницею*. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что арійское имя паука — *ткачъ*; а такъ какъ искусство ткать было положительно извѣстно до раздѣленія племенъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что видъ работающаго паука внушилъ человѣку это полезное искусство.

Подобные же пріемы даютъ намъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ образѣ жизни арійцевъ до ихъ переселеній. Оказывается, что они, конечно, задолго до поисковъ другихъ странъ, прекратили бродячую жизнь дикихъ охотниковъ; можно доказать, что у нихъ преобладала тогда пастушеская жизнь. Не только названіе главныхъ животныхъ, составляющихъ стада, одни и тѣ же въ большей части арійскихъ языковъ; но также изумительны и соотношенія между словами, означающими: пастухъ, паства, пастбище, стадо, стойло и т. д. Корень *pâ* обошелъ весь свѣтъ съ первоначальнымъ значеніемъ кормить, покровительствовать, охранять. Латинская богиня *Палесъ* завѣдывала стадами. Во многихъ языкахъ слова: царь, владыка и пастухъ одинаковы. Сравнительная этимологія разомъ сбила съ пьедестала, воздвигнутаго нѣкоторымъ пантеизмомъ, бѣднаго бога Пана: оказалось, что это вовсе не „великое цѣлое", а покровитель аркадскихъ пастуховъ овецъ. Слова, обозначающія стойло, напоминаютъ то время, когда еще не было построекъ этого рода, а просто останавливались ночевать подъ открытымъ небомъ. Надо замѣтить, что масло мало извѣстно отрасли греко-латинской; а сыръ не имѣетъ названія ни въ санскритскомъ, ни въ древнихъ сѣверныхъ языкахъ. Изученіе арійскихъ древностей подтвердило то, что знали изъ Библіи—именно, что богатство измѣрялось стадами и въ нихъ заключалось. Слова, обозначающія собственность, деньги, добычу, повсюду связываются съ словами, обозначающими скотъ и стада.

Что касается до земледѣлія, то оно еще не получило важнаго значенія въ эпоху нераздѣльности арійскаго племени; знаменательно то, что въ языкахъ европейскихъ употребляются слова одного корня для обозначенія главныхъ дѣйствій земледѣльческихъ: паханія, сѣянія, жатвы, тогда какъ языки азіятскіе: санскритъ и зендъ вовсе не представляютъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствія. Это можетъ подтвердить тотъ фактъ, что сначала послѣдовало раздѣленіе на двѣ группы: одна азіятская, индо-иранская, а другая впослѣдствіи сдѣлавшаяся европейскою; въ этой послѣдней земледѣліе началось сравнительно ранѣе: *иго* слово общее всему племени, показывающее, что быкъ былъ первымъ рабочимъ животнымъ. Колесница, колесо, ось—слова, соотвѣтствующія словамъ очень древнимъ. Молотьба—пріемъ, изобрѣтенный сѣверными племенами и оставшійся неизвѣстнымъ южнымъ.

У первоначальныхъ арійцевъ были постоянныя жилища, построенныя изъ дерева. Они пряли волокнистыя растенія. Слова, означающія *тростникъ* въ одномъ языкѣ, въ другомъ обозначаютъ прялку. Тканье было также извѣстно; есть много указаній на то, что снарядъ, для того употреблявшійся, принуждалъ ткача работать стоя. Вертикальный способъ тканья употребляется и теперь въ Индіи; древніе египтяне тоже употребляли его. По свидѣтельству Ливингстона, тоже дѣлается въ центральной Африкѣ.

Судоходство у нашихъ первоначальныхъ предковъ не выходило изъ дѣтства. Названія лодки и весла одни согласуются; это доказываетъ, соотвѣтственно другимъ нашимъ предположеніямъ о странѣ, ими обитаемой, что имъ было извѣстно только рѣчное судоходство и то въ небольшихъ размѣрахъ *а)*. Сравнительная этимологія индо-европейскихъ словъ, относящихся въ войнѣ, показываетъ съ другой стороны, что наши предки были народъ смѣлый, воинственный, у котораго понятія о сраженіи, о мужествѣ, о добычѣ играли очень важную роль. Шесть вѣтвей арійскаго семейства одинаковымъ словомъ обозначаютъ понятіе о славѣ, въ смыслѣ послѣдствія подвиговъ, далеко раздающихся. Вооруженіе относится тоже къ отдаленной эпохѣ. Изъ барельефовъ на траяновой колоннѣ видно, что германцы, бившіеся съ Траяномъ на Дунаѣ, были, подобно рыцарямъ, закованы въ желѣзо. Слово *знамя* весьма древнее; понятіе, имъ представляемое, чувство, имъ внушаемое, должны быть также древни въ нашемъ племени.

Проникая въ домашнюю жизнь арійцевъ, видимъ, что они жили въ деревянныхъ домахъ (слово, значащее *стѣна*, первоначально обозначало плетень); одно изъ первоначальныхъ названій крыши указываетъ на то, что она состояла изъ нѣсколькихъ частей, сходящихся угломъ на верху зданія. Кажется, что въ нихъ не было ни оконъ, ни пороговъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а были двери. Очагъ въ древности состоялъ изъ камня, положеннаго посреди жилища, и кухня, какъ въ нашихъ старыхъ фермахъ, служила мѣстомъ соединенія всего семейства. Предки наши ходили, само собою разумѣется, одѣтые, но невозможно составить понятія о томъ, какая была форма ихъ одежды; любопытно, что слова, соотвѣтственно выражающія въ языкахъ санскритскомъ и европейскомъ понятіе о наготѣ, происходятъ отъ одного

а) Отъ распространеннаго корня *nav* или *nou* происходятъ санскритское *naú*, персидское *nâw*, греческое *ναῦς*, ирландское *noi*, древне-германское *nâwa*; между тѣмъ какъ латинское *navis* обозначаетъ большіе корабли; арморикское *nev* обозначаетъ корыто, лахань, а скандинавское *nôi* сосудъ. Есть своя судьба и у словъ. Первоначальное значеніе слова «нѣчто движущееся». *Пр. автора.*

корня, обозначающаго стыдъ. Вѣроятно, у нихъ былъ довольно сильный вкусъ къ крѣпкимъ напиткамъ. За неимѣніемъ вина, они приготовляли медъ; названія этихъ двухъ напитковъ нерѣдко перемѣшиваются въ различныхъ языкахъ индо-европейскихъ. Слово *нектаръ* очень старо, и по Куну обозначаетъ напитокъ, убивающій воспоминаніе о вещахъ *а*). У скандинавовъ былъ „напитокъ забвенія". Струя грусти врывается въ наши изысканія о дѣтствѣ нашего племени! Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ показалъ, какое важное мѣсто занимаетъ въ религіозныхъ представленіяхъ древнихъ арійцевъ миѳологическое представленіе о напиткѣ безсмертія, „водѣ жизни", *ámrita* индусовъ. Жаль, что оно и не осталось только тамъ!

Одна изъ самыхъ интересныхъ областей въ этомъ родѣ изысканій — слова, относящіяся къ семейству. Не скажу, чтобы первоначальное устройство арійскаго семейства было причиною превосходства, принадлежащаго этому племени, ибо справедливѣе считать это устройство признакомъ весьма замѣтнаго родоваго превосходства. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно любопытно уловить, такъ сказать, на дѣлѣ древнія понятія о взаимныхъ отношеніяхъ между членами семьи въ томъ видѣ, какъ ихъ можно вывести изъ этимологическаго изученія словъ этого порядка. Съ удивленіемъ встрѣчаемъ здѣсь деликатность, противорѣчащую тому, что замѣтно, по другимъ указаніямъ, грубаго, даже жестокаго въ жизни арійцевъ.

По первымъ, у нихъ существовалъ бракъ, окруженный торжественными, покровительственными для женщины обрядами. Мужъ *вводилъ* къ себѣ свою жену *(ducere uxorem)*: это выраженіе встрѣчается повсюду *б*). Соединеніе рукъ брачущихся, латинское *dextrarum junctio* служило символомъ обѣщанія взаимной вѣрности; не только на утонченномъ новѣйшемъ языкѣ мужчина *проситъ* руки женщины, а женщина ее *даетъ*: этотъ способъ выраженія восходитъ съ глубокой древности. Отъ береговъ Ганга до береговъ Шанона приданое дочерей состояло изъ коровъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ Швабіи еще сохранился обычай давать невѣстѣ лучшую корову, которая, украшенная цвѣтами и лентами, идетъ вслѣдъ за свадебнымъ поѣздомъ. Въ превосходномъ трудѣ д. Гааза *в*) о ведическихъ брачныхъ обрядахъ можно видѣть, какъ много любопытныхъ аналогій существуетъ между обычаями, еще встрѣчающимися въ нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ углахъ

а) Отъ корня, повторяющагося въ латинскомъ *nex, necare*.

б) Вспомнимъ у Нестора *вводимыхъ* женъ Владиміра, въ отличіе отъ наложницъ. *Пр. пер.*

в) *Indische Studien*, Вебера, стр. 257.

нашего запада, съ тѣми, которыя нѣкогда употреблялись въ Сапта-Синду. По всему видно, что единоженство было обычаемъ нашего племени, не смотря на извѣстныя по исторіи исключенія. Мужъ „господинъ, кормилецъ, защитникъ"; жена „госпожа, та, которую слѣдуетъ кормить, любить, уважать". Первыя имена, которыя ребенокъ даетъ отцу и матери, одинаковы во всѣхъ языкахъ, ибо основаны на устройствѣ органа звука у дѣтей и на нѣкоторой естественной ономатопеѣ; но самыя знаменательныя имена для отца и матери, съ невѣроятнымъ постоянствомъ сохраняющіяся во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ, значатъ: отецъ—„покровитель"; мать — „та, которая породила"; имя дочери почти во всѣхъ языкахъ *a*) значитъ „доящая коровъ". Очевидно, что это напоминаетъ намъ пастушескіе нравы первоначальной арійской семьи. Санскритскія слова, относящіяся къ періоду арійскаго единства, обозначаютъ сына знаменательнымъ названіемъ: „дѣлающій счастливымъ", „прогоняющій печаль" и т. д.; братъ называется *поддержкою* сестры, сестра — *подругою* брата. Отношенія естественныя, но схвачены они — надо въ томъ согласиться — вѣрно и граціозно. Дядя и тетка называются именами, показывающими въ нихъ втораго отца и вторую мать; слова, обозначающія племянника и племянницу, сливаются съ тѣми, которыми обозначаются дѣти и внуки. Наконецъ замѣтимъ, что у арійскаго племени единство семьи почти всегда выражается въ передачѣ дѣтямъ отцовскаго имени.

Переходя отъ семьи къ обществу, сравнительная филологія доказываетъ, что единство общественное образовалось тѣмъ путемъ, который можно предположить теоретически, т. е. изъ соединенія нѣсколькихъ семей, изъ которыхъ каждая управляется отцомъ, составилась первая родовая община (кланъ); нѣсколько общинъ составили племя; нѣсколько племенъ— народы, управляемые царемъ, соблюдающимъ общіе интересы. Такимъ образомъ, филологическія науки показали, что власть идетъ отъ народа. Слова, означающія въ началѣ мѣста семейныхъ собраній, стали впослѣдствіи синонимомъ трибунала или совѣта общины. Первоначальное viç (латинское vicus), отъ значенія жилища послѣдовательно переходило къ значенію поселка, деревни, клана. Греческое φρατρία, латинское *gens* и ирландскій *clann* обозначали первоначально семейство.

Подобныя же соображенія внушаетъ образованіе племени и народа. Достовѣрно то, что древніе арійцы не были народомъ централизованнымъ въ новомъ смыслѣ: они оставались раздѣленными на племена, ревниво охранявшія свою внутреннюю независимость. Таково еще и теперь общественное состояніе народовъ, живущихъ въ тѣхъ же странахъ.

---

a) Между прочимъ и въ славянскихъ. *Пр. пер.*

Въ сущности таково же и общее политическое состояніе Европы, раздѣленной между двадцатью народностями, большими и малыми, различными по значенію, но вотъ уже нѣсколько столѣтій соединенными между собою общимъ чувствомъ сопротивленія преобладанію одной изъ нихъ. Римъ привилъ намъ противоположное направленіе. Съ другой стороны, у нашихъ предковъ было сильно сознаніе общности происхожденія. Они сознавали себя одною націею *а)*, т. е. большимъ семействомъ, отличнымъ отъ другихъ соединеній людей. Царь, который, какъ кажется, никогда не былъ единымъ, былъ сначала *вождемъ, направляющимъ*; греческое *базилеосъ* (*βασίλεος восшедшій на камень*), въ связи съ выраженіями и преданіями германскими, скандинавскими, шотландскими, свидѣтельствуетъ еще о древнемъ арійскомъ обычаѣ возводить на камень того, кого народное собраніе избрало вождемъ. И такъ царская властъ была у арійцевъ выборною. Мы латины только въ силу завоеванія. Глубже понятій и учрежденій, занесенныхъ къ намъ римскимъ владычествомъ, коренится въ насъ старое арійское преданіе.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ открыть въ непосредственной философіи языка ничѣмъ не подкупленное подтвержденіе теорій, выработанныхъ высшимъ разумомъ образованнаго человѣчества. Такъ однимъ изъ древнѣйшихъ именъ богатства оно опредѣляется *прибыткомъ, полученнымъ отъ труда.* Можно сказать, что наше племя философично по инстинкту: въ Индіи, Греціи, Франціи—вездѣ, гдѣ у него была исторія, оно создало философію съ глубиною и смѣлостью, недоступною ни китайцу, ни семиту. Конечно, не въ эпоху первоначальнаго единства надо искать начало дѣла утонченной цивилизаціи; но уже первоначальный языкъ выказываетъ философскія стремленія тѣхъ, кто его создалъ. Человѣкъ для нашихъ отцевъ „существо мыслящее“, *man* — слово, сохранившееся у германцевъ, въ индійскомъ *manou* и въ латинскомъ *mens* (умъ). Думать — „говорить въ брюхѣ,“ говоритъ дикій; „дѣйствовать внутри себя“ (*co-gitare*)—говоритъ аріецъ. Душа—дыханіе, нѣчто самое нематеріяльное. Знать — „собирать, соединять, схватывать“; хотѣть — „выбирать, любить“; подумавъ, мы увидимъ, что это самое разумное опредѣленіе желанія. Сочинить гимнъ — *соткать* его. Вспомнить — „подумать снова, возобновить въ себѣ мысль“; этотъ смыслъ, указанный санскритскими корнями съ точностью, передается латинскимъ *recordari* (возвратить въ сердце), нѣмецкимъ *erinnern* (заставить войдти въ себя); англійскимъ — *recolect* (собирать); французскимъ *rappeler* (призвать). Нравственное зло—это пятно, то, что грязнитъ. Сколько

а) Отъ древне-латинскаго слова *gnatio*; санскритскій корень *gan* (рожденіе, родиться).

инстинктивной тонкости въ этихъ непридуманныхъ выраженіяхъ явленій нравственныхъ и умственныхъ.

Нѣтъ основаній полагать, что письмена были употребительны у арійцевъ до ихъ разселенія, или даже извѣстны имъ. Отсюда множество символическихъ обрядовъ, смыслъ которыхъ потерянъ даже тамъ, гдѣ они еще существуютъ, но которые освѣщаются неожиданнымъ свѣтомъ, когда отыщемъ ихъ начало въ доисторическія времена. Борозда, проведенная вокругъ поля, была первоначальною границею. Это доказывается тожествомъ корней, отъ которыхъ произошли слова, обозначающія и борозду и границу; передача собственности мѣною, продажею, наслѣдствомъ была окружена торжественными обрядами. Пожать руку или ударить по рукамъ,—что называлось на старо-французскомъ языкѣ *ferir la paume a)* — еще въ глубокой древности было символомъ продажи. Другимъ обычаемъ, весьма древнимъ у нашего племени и очень характеристическимъ, было переломленіе соломенки. Его начало объясняется чрезвычайно простымъ фактомъ, что только два кусочка, бывшіе прежде однимъ, могутъ сойтись; такимъ образомъ, въ рукахъ покупателя остается настоящая квитанція. Латинское слово *stipula* въ-началѣ значило соломенку. Этотъ обрядъ, до сихъ поръ употребляемый у горцевъ Индіи и на островѣ Маннъ, разнообразенъ въ приложеніяхъ: если въ однихъ мѣстахъ онъ означалъ контрактъ, обѣщаніе, покупку, то въ старой Франціи онъ означалъ отреченіе отъ права и сдѣлался символомъ разлуки любовниковъ, какъ между Мольеровыми Маринетою и Гро-Ренэ. Въ сумракѣ этой древности рисуются также нѣкоторыя юридическія формы. Въ особенности ордаліи или суды божіи, почти общіе всему роду человѣческому, у арійцевъ приняли особыя формы, глубокая древность которыхъ доказывается ихъ существованіемъ у индусовъ, персовъ, скандинавовъ и германцевъ.

Сравнительная филологія даетъ также возможность найти начало самыхъ простыхъ дѣйствій обыкновенной жизни. Такъ напр., она указываетъ намъ, что первое оріентированіе основано было на различеніи праваго отъ лѣваго. Люди древнихъ временъ, поклоняясь солнцу при его восходѣ, обыкновенно называли востокъ—*что впереди*; западъ—*что позади;* югъ—*правая*, сѣверъ—*лѣвая.* Санскритъ, языки кельтскій и ирландскій свидѣтельствуютъ объ этомъ первоначальномъ способѣ обозначенія странъ свѣта. Луна скорѣе, чѣмъ солнце, должна была служить для опредѣленія времени, ибо ея движенія легче вычислить и предсказать. Вотъ почему лунные мѣсяцы повсюду предшествовали

---

a) У насъ до сихъ поръ безъ рукобитія не совершается сдѣлокъ. *Пр. пер.*

солнечнымъ; только припомнивъ этотъ первобытный календарь, можно понять нѣкоторыя мѣста индійскихъ и иранскихъ писателей, опредѣляющихъ десятый мѣсяцъ предѣломъ беременности. Мысль, что причина затмѣнія—болѣзнь свѣтила или нападеніе вредоноснаго существа, представленіе млечнаго пути небесною дорогою—принадлежитъ къ древнѣйшимъ представленіямъ нашихъ предковъ. Они, кажется, не различали созвѣздій, за исключеніемъ, можетъ быть, медвѣдицы. Наконецъ первоначальныя числительныя, изумительно сходныя во всѣхъ языкахъ этой отрасли, свидѣтельствуютъ, что первоначальный счетъ человѣкъ основалъ на пяти пальцахъ. Пять значитъ „протянутая рука"; десять—„двѣ протянутыя руки"; одинъ—*этотъ* и обозначается поднятымъ пальцемъ; двѣ *эти*, и т. д. Замѣтимъ, что параллелизмъ числительныхъ именъ останавливается на словѣ *сто*, что предполагаетъ весьма неразвитую привычку къ счисленію.

III.

Наконецъ, мы приступаемъ къ самой богатой и во многихъ отношеніяхъ самой интересной изъ областей, доступныхъ сравнительной филологіи, къ области религіозныхъ вѣрованій. Здѣсь наука филологическая является только пособницею новой начинающейся наукѣ—сравнительной миѳологіи. Здѣсь, для отысканія общаго корня, слѣдуетъ сближать не только слова, но миѳы, учрежденія, догматы, обряды. Наука эта образуется; но она еще далеко не сложилась. Наука миѳологіи нашего племени останется неполною и по необходимости ошибочною, пока мы не станемъ сближать религіозныхъ древностей европейскихъ съ древностями иранскими и индійскими. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ недавнихъ обобщеній, быть можетъ, черезчуръ поспѣшны. Сравнительная этимологія бываетъ иногда обманчивымъ путеводителемъ въ изысканіяхъ этого рода. Во время перехода отъ Каспійскаго моря до мыса Финистера имена боговъ и богинь могли измѣниться въ значеніи; несомнѣнныя доказательства этого находимъ въ греческой миѳологіи, изученіе которой, впрочемъ, много выиграло отъ разнообразныхъ сравненій съ ведическими миѳами. Итакъ слѣдуетъ ограничиться нѣсколькими общими и положительными данными.

Въ этомъ пунктѣ мы не можемъ безусловно соглашаться съ результатами женевскаго филолога. Онъ склоняется къ той мысли, что если религіею нашихъ предковъ, арійцевъ, на послѣдней степени ея развитія, былъ поэтическій политеизмъ, поклоненіе обожественной природѣ, то нѣтъ никакихъ доказательствъ, что такова же она была и въ началѣ; ему кажется даже, что въ названіяхъ, даваемыхъ божеству,

встрѣчаются указанія на нѣкоторый монотеизмъ, не строгій, конечно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, предшествовавшій политеизму временъ историческихъ.

Конечно, если бы у насъ были положительные факты, свидѣтельствующіе, что именно такъ развивался умъ человѣческій, то слѣдовало бы сдаться и допустить противъ всякой вѣроятности, что человѣкъ, погруженный въ грубое невѣжество, лучше понималъ религіозную истину, чѣмъ въ ту эпоху, когда онъ начиналъ знать и мыслить. Но существуютъ ли подобные факты? А если нельзя найти фактовъ, имѣющихъ доказательную силу, то не лучше ли держаться гипотезы, поддерживаемой столькими аналогіями, что и религія, подобно другимъ сферамъ, въ которыхъ выражается духъ человѣческій, возвышалась отъ начальныхъ простодушныхъ представленій до самыхъ возвышенныхъ? Когда припомнимъ все, что есть наивнаго, дѣтскаго въ ведическомъ натурализмѣ, еще столь близкомъ къ общей колыбели, то трудно представить себѣ, что имѣешь дѣло съ чѣмъ нибудь производнымъ, съ выродившимся религіознымъ представленіемъ.

Точно ли такъ важны филологическіе факты, приводимые Пиктэ въ подтвержденіе его теоріи, какъ онъ утверждаетъ?— сильно сомнѣваюсь. Самое древнее имя бога въ арійскихъ языкахъ *deva.* Оно сохранилось въ языкахъ санскритскомъ, зендскомъ (гдѣ получило значеніе демона или злаго божества), греческомъ, латинскомъ, ирландскомъ, кимрійскомъ, литовскомъ. Пиктэ представляетъ филологическое разсужденіе, имѣющее цѣлью доказать, что это слово значитъ не „свѣтлый“, какъ полагали прежде, а „небесный“. — „Здѣсь заключается — говоритъ онъ — понятіе о богѣ, стоящемъ выше міра.“ Къ сожалѣнію, если слово *deva* значитъ небесный, то слово *div*, отъ котораго оно происходитъ и которое означаетъ небо, по собственному признанію Пиктэ, значитъ *свѣтлый;* вотъ почему я не вижу, какъ можно отстранить тотъ выводъ, что выраженіе „существо небесное“ точно соотвѣтствуетъ выраженію „существо свѣтлое“. И такъ арійскій *дева* все-таки олицетвореніе естественнаго явленія и ничего болѣе. Если другое ведическое имя божества *Bhaga*, сродное славянскому слову *Богъ*, прямо не указываетъ на поклоненіе природѣ, то нельзя не согласиться, что оно не указываетъ и на противное.

При подобномъ обсужденіи арійскихъ именъ божества, не забываютъ ли, что въ конечномъ результатѣ этимъ путемъ мы не найдемъ ничего первоначальнаго? Очевидно и признано самимъ Пиктэ, что наши предки были политеистами въ эпоху своего разселенія; но политеизмъ начался не наканунѣ этого событія. У него была своя исторія; само собою разумѣется, что въ историческомъ развитіи политеистической

религіи есть зародыши, предчувствія монотеизма. Лишь только признается нѣсколько божественныхъ существъ, между ними допускается общность божественной природы. Отсюда такія прилагательныя, какъ *свѣтлый*, *обожаемый*, *живой*, *могучій*, впослѣдствіи обратившіяся въ существительныя, какъ французское *Dieu*. Олицетворенное небо ставится надъ всѣми другими и вооружается непобѣдимымъ оружіемъ — громомъ. Вотъ почему въ большинствѣ миѳологій небо имѣетъ то же значеніе, какъ Юпитеръ въ греческой — верховнаго отца боговъ и людей. Наконецъ очевидно, что разумъ, по мѣрѣ того, какъ онъ наблюдаетъ и размышляетъ, подчиняясь неизбѣжному закону, скрытому въ самомъ существѣ его — закону исканія логическаго единства, болѣе и болѣе возвышается до монотеизма; но движеніе это медленное, сдерживаемое вліяніемъ преданій и привычекъ; потому и не слѣдуетъ относить къ началу то, что принадлежитъ только концу. Ребенокъ быстро схватываетъ движеніе одного предмета, блескъ другаго, словомъ, всѣ частныя явленія, поражающія его взоръ; но онъ поздно доходитъ до цѣлостнаго взгляда и до представленія общей гармоніи вещей. Древній монотеизмъ, гдѣ онъ дѣйствителенъ, необходимо соединяется съ мнѣніемъ, что только онъ одинъ законенъ. „Да не будутъ тебе бози иніи развѣ мене,“ — вотъ первая заповѣдь каждаго религіознаго закона, основаннаго на монотеизмѣ. Въ древней исторіи нашего племени нѣтъ подобной нетерпимости: правда, что оно въ собственной средѣ преслѣдовало тѣхъ, въ комъ видѣло недостаточно благоговѣнія: Сократа, буддистовъ, евреевъ, христіанъ; но никогда тѣхъ, въ комъ видѣло его слишкомъ много. Приводить въ доказательство первоначальнаго воображаемаго монотеизма гимны или молитвы отдѣльному божеству, въ которыхъ ему приписывается безусловное совершенство, надо съ большею осторожностью. Человѣкъ, когда обожаетъ, не обожаетъ въ половину: прежде чѣмъ счесть монотеистомъ человѣка, поющаго подобный гимнъ или читающаго такую молитву, я желаю быть убѣжденнымъ, что завтра онъ не воздастъ такой же почести божеству, совершенно противоположному.

Тоже надо замѣтить и о преданіяхъ о потопѣ, которыхъ общность и единство происхожденія едва-ли не преувеличилъ Пиктэ. Я не отрицаю, что они встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ; но это, по большей части, мѣстности, въ особенности подвергающіяся наводненіямъ неожиданнымъ, опустошительнымъ; а въ другихъ оно неизвѣстно. Такимъ образомъ Ѳессалія, долины, омываемыя Гангомъ и Индомъ, въ особенности чрезвычайно низменныя равнины, гдѣ были построены Вавилонъ и Ниневія, были сценою потоповъ Девкаліона, Ману, Ксизутроса, а между тѣмъ, обширная область, сосѣдственная мѣстности, гдѣ, по сказанію книги Бытія, обновился родъ человѣческій послѣ потопа,

не сохранила преданій о немъ. *Авеста* точно также не знаетъ потопа, какъ и миѳологія германская и славянская. Дѣло въ томъ, что Иранъ громадная возвышенность, которая скорѣе должна опасаться недостатка въ водѣ, чѣмъ наводненія. Не хочу въ нѣсколькихъ строкахъ рѣшать вопросъ темный и трудный; цѣль моя была только выразить сомнѣніе въ истинно-арійскомъ характерѣ преданій о потопѣ.

Въ числѣ религіозныхъ понятій, несомнѣнно вынесенныхъ различными вѣтвями изъ общаго центра, мы встрѣчаемъ, кромѣ представленія о томъ, что божество по природѣ своей свѣтло, еще олицетвореніе и обожествленіе солнца, луны, зари и т. д. Море поэзіи открылось передъ взорами изыскателей, когда древніе миѳы, провѣянные критикою, сдѣлались достаточно прозрачными, чтобы показать природу подъ простодушными символами. Нужно написать цѣлую книгу, чтобы исчислить всѣ поразительныя открытія, сдѣланныя въ этой области, долго недоступной. Множество фантастическихъ представленій, долго презираемыхъ, но, благодаря романтической реакціи, ставшихъ общимъ достояніемъ поэтовъ и артистовъ, ведутъ свою генеалогію отъ арійской древности. Знаменитый германскій миѳъ о дикой охотѣ оставилъ слѣды на берегахъ Инда, какъ и въ лѣсахъ Швабіи. Повсюду богъ вѣтра несется въ пространствѣ, предводительствуя бѣшеною толпою тучъ и бурь. Укажемъ также на представленіе бога-солнца, ѣдущаго по небу въ колесницѣ, запряженной свѣтлыми конями. Много времени нужно было для того, чтобы рыжія кобылицы ведъ (haritas) обратились въ харитъ, спутницъ Венеры-Афродиты, природы утренней и весенней.

Есть доказательства, что первоначальное богослуженіе не знало жрецовъ, идоловъ, жертвенниковъ, что жертвованіе и молитва составляли его сущность, и что отецъ семейства былъ жертвоприноситель по естественному праву. Восходятъ ли человѣческія жертвы, столь частыя къ сожалѣнію у нашихъ предковъ, ко времени арійскаго единства? Пиктэ этого не думаетъ. Но погребальные обряды скандинавовъ, германцевъ, литовцевъ, славянъ, древнихъ грековъ, и еще болѣе извѣстныя жертвы галловъ и римлянъ показываютъ, во всякомъ случаѣ, что начало этого ужаснаго обряда относится къ глубокой древности, и если *Веды*, правильно объясняемыя, предписываютъ только обрядовое, а не дѣйствительное сожженіе вдовы, какъ хотѣли позднѣе браминскіе ханжи, то весьма вѣроятно, что пастыри береговъ Инда смягчили первоначальный обрядъ. Рядомъ съ этимъ печальнымъ уклоненіемъ важнѣйшаго изъ человѣческихъ чувствъ можно замѣтить, что вѣра въ будущую жизнь принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ нашего племени. Повсюду находимъ слѣды болѣе или менѣе простодушныхъ пріемовъ, которыми старались обезпечить дорогимъ мертвецамъ мирный и по-

койный путь въ будущее жилище. Наконецъ, нѣкоторые предразсудки, дурной глазъ, кобольты, колдовство и т. п. восходятъ до глубокой древности; чрезвычайно поразительно сходство между предразсудками и суевѣрными страхами французскаго Морбигана и долинъ Гималаи. Кто бы могъ подумать, что можно возстановить правильную связь между собакою, отводящею, по вѣрованію нижне-бретонцевъ, души къ священнику Браспарскому, и Меркуріемъ психопомпомъ грековъ, или сукою Индры, воспѣваемою на берегахъ Ганга.

Намъ достаточно было только указать здѣсь на нѣкоторые блистательные и любопытные предметы, которые изученіе индо-европейскихъ древностей подвергаетъ анализу. Отсюда можно было составить понятіе о томъ, какой интересъ представляютъ эти зараждающіяся науки, главнымъ основаніемъ которыхъ служитъ сравненіе. Пусть не думаютъ однако, что только любопытство заинтересовано въ воскрешеніи нашихъ невѣдомыхъ предковъ. Практическіе результаты такихъ занятій, быть можетъ, скоро окажутся въ образованномъ кругу, который, не занимаясь спеціальными науками, подвергается ихъ вліянію и передаетъ его тѣмъ, кто даже и не подозрѣвалъ ничего этого. Нельзя было бы представить себѣ, что сравнительная филологія когда-либо могла укрѣпить владычество англичанъ въ Индіи. А между тѣмъ, это случилось, и теперь нельзя оспаривать, что властители громаднаго полуострова по крови связаны съ брахмаическимъ населеніемъ, которому дали правильное и въ результатѣ благодѣтельное управленіе, въ особенности если сравнить его съ правленіемъ арабовъ и монголовъ, прежде угнетавшихъ потомковъ древнихъ арійцевъ. Утверждаютъ даже, что просвѣщенные индусы сознаютъ эту истину, лестную для ихъ самолюбія, и гораздо болѣе чѣмъ прежде готовы дѣйствовать заодно съ европейцами противъ своихъ прежнихъ завоевателей. Монголъ, татаринъ — вѣчный врагъ нашего племени.

Припомнимъ наконецъ, что самопознаніе есть сокращенный результатъ всякой мудрости. А знать себя нельзя, не зная своей страны и своего племени, ибо мы носимъ на себѣ нестираемую печать ихъ. Великая вѣтвь рода человѣческаго, къ которой мы принадлежимъ, носитъ въ себѣ будущность міра. Точное наблюденіе показываетъ, что на земномъ шарѣ только двѣ цивилизаціи — наша и китайская; развѣ остальное можетъ за что-нибудь считаться! Теперь только одна наша идетъ впередъ, распространяется, завоевываетъ пространство и предупреждаетъ время; этимъ она обязана тому, что понятіе объ усовершенствованіи, о лучшемъ, о правѣ каждаго искать этого лучшаго и о достиженіи его въ будущемъ составляютъ неотъемлемое наслѣдство, завѣщанное намъ отцами нашими. Китаецъ любитъ только прошлое и обожаетъ своихъ умершихъ;

мы вѣримъ въ жизнь и въ будущее. Наша цивилизація обязана своимъ превосходствомъ тому, что мы умѣли усвоить себѣ все лучшее, созданное другими племенами: письмо, мореплаваніе, монотеизмъ.

Не пойметъ ли наконецъ Европа, узнавъ лучше свое настоящее происхожденіе, и свои дѣйствительные интересы? Не пойметъ ли она, что международныя ненависти, во имя которыхъ эгоистическая политика препятствуетъ установленію порядка, обезпечивающаго каждой народности ея существованіе, каждому европейцу его свободу—не что иное, какъ предразсудки, ничѣмъ не оправдываемые, даже съ исторической точки зрѣнія? Какъ ни трудно это для самолюбія француза, но все-таки, сохраняя гордость славою и могуществомъ своей страны, мы должны признаться, что Англія, съ своимъ суровымъ климатомъ, съ своимъ населеніемъ менѣе многочисленнымъ, съ своими нравами, менѣе общительными, соперничаетъ съ нами на старомъ материкѣ, а въ остальномъ мірѣ затмѣваетъ насъ. Почему? на это есть, увы! много причинъ; но всѣ онѣ въ сущности сводятся къ тому, что изъ всѣхъ великихъ народовъ новаго времени только одни англичане поддержали и развили съ большею энергіею и большимъ постоянствомъ дивную способность нашего племени къ прогрессу посредствомъ законной свободы. *Симъ побѣдиши!* Дѣйствительно, здѣсь-то, въ этомъ благородномъ стремленіи, въ отдѣльномъ существованіи и свободной дѣятельности живыхъ силъ заключается дѣйствительное могущество европейскихъ обществъ. Пора отдѣлаться отъ кошемара Римской имперіи, которая составляетъ исключеніе въ нашей исторіи и которая, если она, къ несчастію, снова осуществится, въ Парижѣ ли, въ другомъ ли мѣстѣ, создастъ только западный Китай, неподвижный, окаменѣлый, подобно восточному. Да хранитъ наше племя свою прирожденную гордость! его преданіе — независимость, свобода и законъ! Это утверждается не построенною на воздухѣ теоріею, а его языкомъ, памятникомъ болѣе древнимъ и болѣе способнымъ противостоять переворотамъ земнымъ, чѣмъ зданія Вавилона и Мемфиса Мы всѣ дѣти арійцевъ, и наши отцы, уходя, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, изъ своей прародины, вынесли изъ нея свои дворянскія граматы и намъ ихъ завѣщали. Въ ихъ постоянномъ распространеніи по лицу земли хранится предвѣщаніе, символъ того еще болѣе славнаго распространенія, которое предстоитъ намъ въ области духа. И въ духовномъ отношеніи мы должны быть достойны древняго благословенія: *Подай, Господи, распространеніе Іафету!*

КУЛЬТУРА
ПЕРВОБЫТНАГО ИНДОГЕРМАНСКАГО*)
НАРОДА.

(СТ. А. ШЛЕЙХЕРА).

—

Поводомъ къ напечатанію слѣдующихъ строкъ послужили бесѣды съ издателемъ этого журнала (Бруно Гильдебрандомъ) *а)*, о времени происхожденія земледѣлія, скотоводства, употребленія металловъ и т. д. Издатель изъявилъ при этомъ случаѣ желаніе, чтобы я соединилъ и изложилъ въ краткомъ обозрѣніи для этого журнала то, что филологія нашего времени считаетъ достовѣрными результатами въ этомъ отношеніи, и вмѣстѣ то, какимъ образомъ были достигнуты эти результаты. Настоящей статьей я хочу исполнить это желаніе. Пусть послужитъ мнѣ это личное дружеское требованіе извиненіемъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ томъ, что я снова говорю здѣсь о предметѣ, о которомъ, хотя и въ кратчайшей формѣ, говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ; во-вторыхъ, и это самое важное въ настоящемъ дѣлѣ, я здѣсь пожинаю на томъ полѣ, которое засѣяно не мною. Мои изслѣдованія ограничиваются звуковою и строго грамматическою стороной языка. Геніальная мысль сдѣлать доступною исторію древнѣйшей куль-

---

*) О смѣшной привычкѣ нѣмецкихъ ученыхъ называть предковъ европейскихъ народовъ *индогерманцами*, а не *индоевропейцами* говоритъ уже Ревиль въ предъидущей статьѣ, стр. 5. Мы не рѣшились однакоже измѣнить способъ выраженія Шлейхера.

а) Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ по общественнымъ наукамъ, издатель «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», изъ которыхъ и заимствована статья Его курсъ политической экономіи переведенъ на русскій языкъ.

туры посредствомъ языка принадлежитъ моему другу, профессору доктору *Адальберту Куну* въ Берлинѣ *а*), и ему же, поэтому, принадлежитъ пользованіе найденнымъ имъ изобильнымъ рудникомъ. Надѣюсь, что, во имя дружескихъ отношеній, мой уважаемый собратъ, Кунъ, не будетъ въ претензіи, если я исполню самъ, на сколько достанетъ силъ, возбужденное случайными разговорами, желаніе издателя, вмѣсто того, чтобы предоставить это ему.

Прежде всего, я долженъ заявить всѣмъ извѣстное, именно, что языки, составляющіе въ совокупности индогерманскую вѣтвь языковъ, какъ-то: индійскій, иранскій (персидскій), греческій, италійскій, кельтскій, славянскій, литовскій, нѣмецкій,—происходятъ отъ одного кореннаго языка — индогерманскаго. Посредствомъ процесса дифференцированія, которому подвержены языки, пока они живутъ, произошли черезъ постепенныя выдѣленія изъ одного основнаго индогерманскаго языка, коренные языки тѣхъ восьми видовъ, которые снова, съ теченіемъ времени, сами развѣтвились въ болѣе или менѣе многочисленные языки, съ ихъ діалектами и нарѣчіями. Какъ въ историческое время развились, изъ одного латинскаго, романскіе языки: италіянскій, испанскій, португальскій, французскій и т. д., такъ распался, въ доисторическое время, тотъ коренной индогерманскій языкъ, черезъ постепенное, разнородное измѣненіе, на многіе языки. Въ началѣ, онъ какъ будто расходится на двѣ части; послѣ чего, отъ основной вѣтви отдѣлилась одна часть, изъ которой возникли впослѣдствіи языки славянскій, литовскій и нѣмецкій; вторая основная вѣтвь, въ свою очередь, потомъ раскололась, такъ что изъ нея выдѣлилась часть, изъ которой произошли потомъ языки: греческій, италійскій (латинскій, умбрійскій, осскій) и кельтскій; послѣдній остатокъ кореннаго языка развился въ иранскій (персидскій) и индійскій (древне-индійскій или санскритскій, существующій еще и теперь, въ видѣ множества ново-индійскихъ языковъ). Все это вытекаетъ изъ свойствъ языковъ, сродство которыхъ объясняется только посредствомъ такого происхожденія *б*).

Индогерманскій коренной языкъ, который, какъ общій родоначальникъ, лежитъ въ основаніи различныхъ существующихъ индогер-

---

а) A. Kuhn: «Zur ältesten Geschichte der Indogermanischen Völker». Это сочиненіе появилось сначала въ видѣ программы берлинской реальной гимназіи въ 1845 г., потомъ было помѣщено, съ многими прибавленіями, въ *A. Webers* «Indischen Studien», I. S. 321—363.

б) Ср. A. Schleicher «Die deutsche Sprache». Stuttgart 1860. V. 71 folg. Доказательство сродства индогерманскихъ языковъ даетъ ихъ сравнительная грамматика. Самое короткое изложеніе ея представилъ A. Schleicher: «Compendium der vergl. Gramm. der Indogermanischen Sprachen». Weimar 1861 — 1862.

манскихъ языковъ, въ цѣломъ и въ крупныхъ чертахъ можетъ быть выведенъ съ достаточной полнотою и съ удовлетворительной ясностью изъ своихъ нынѣшнихъ потомковъ. Именно, извѣстны законы, по которымъ измѣняются языки въ теченіе своей жизни; можно, говоря словами натуралистовъ, вывести точное заключеніе о свойствахъ молодыхъ особей изъ свойствъ старческихъ экземпляровъ. Если, напр., на готскомъ языкѣ, въ смыслѣ „*ich bin, du bist, er ist*, говорили: *im, is, ist*; по-литовски: *esmi, esi, esti*; по-славянски: *есмь, еси, есть*; по-кельтски (древне-арійски): *am*, втораго лица нѣтъ, *as*, или *is*; по-латыни: *sum, es, est*; по-гречески: *εἰμί, εἶ*, а ранѣе *ἐσσί, ἐστί*, по-древнебактрійски (зендски): *akmi, ahi, açti*; по-древне-персидски (гвоздеобразныя надписи): *amij, ahj, agtij*; по-древне-индійски (санскритски) *ásmi, ási, ásti*, то мы можемъ съ совершенною опредѣленностью утверждать, что, по законамъ измѣненія звука въ отдѣльныхъ языкахъ, всѣ эти формы, вмѣстѣ взятыя, приводятся къ основному *asmi*—я есмь, *assi*—ты еси, *asti* — онъ есть; другими словами, что въ коренномъ индогерманскомъ языкѣ, 1, 2, 3 лицо изъяв. накл. наст. времени отъ корня *as* (esse) звучало приведеннымъ здѣсь образомъ.

Какъ мы видѣли въ этомъ случайно-выбранномъ примѣрѣ, такъ бываетъ и съ относительно большимъ числомъ индогерманскихъ словъ, такъ что можно возстановить не только грамматику, но также и лексиконъ индогерманскаго языка если не вполнѣ, то въ значительно большомъ объемѣ. Если найдется, напр., соотвѣтственное слово въ индо-иранскомъ или въ греко-италійско-кельтскомъ и, кромѣ того, въ славяно-германскомъ языкѣ, и если можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что оно не произошло отъ какого нибудь заимствованія изъ другой вѣтви языковъ, то оно должно быть признано потомкомъ общаго кореннаго языка. Возможность заимствованія не нужно никогда упускать изъ вида, въ особенности между европейскими языками, и въ этомъ-то, безъ сомнѣнія, заключается большая трудность; потому-то созвучіе между европейскими членами индогерманскаго языка не всегда можетъ служить точнымъ и неизмѣннымъ признакомъ. Однако, созвучіе славяно-нѣмецкаго языка съ индо-иранскимъ и, естественнымъ образомъ, созвучіе трехъ вѣтвей языковъ, въ которыя группируются восемь индогерманскихъ семействъ языковъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ кореннаго существованія даннаго слова.

Такъ мы можетъ вывести большую часть словъ индогерманскаго языка. Но слова имѣютъ еще и значеніе. Если мы поставимъ, сообразно съ ихъ значеніемъ, слова важныя въ индогерманскомъ языкѣ для культуры народа, то получимъ, предполагая, что каждое слово есть результатъ несомнѣннаго, методически-критическаго изслѣдованія, изображенія

состоянія культуры у народа, говорившаго этимъ языкомъ. Этому изображенію, конечно, будетъ недоставать нѣсколькихъ чертъ; ибо многія слова могутъ быть затеряны въ теченіе вѣковъ; многія могли составлять часть только одного какого нибудь языка и съ нимъ утратились для насъ средства къ доказательству его кореннаго происхожденія. Но за то, наше изображеніе культуры и не будетъ заключать въ себѣ ничего, чтó бы ему не принадлежало. Мы обезпечены отъ опасности слишкомъ много приписать нашему первобытному народу и, въ то же время, намъ совершенно извѣстна невозможность возстановить нѣкоторыя стороны его культуры.

Прежде чѣмъ обращаться къ частностямъ, я желаю прибавить, что, по всей вѣроятности, древній индогерманскій народъ жилъ въ центральной Азіи, на западъ отъ Мустага и Белуртага, по берегамъ Каспійскаго моря, которое, въ прежнія времена, распространялось гораздо далѣе на востокъ, нежели послѣ, чѣмъ и объясняется то, что индогерманцамъ знакомо было мореплаваніе и кораблестроеніе. Вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и, вѣроятно, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, истощенія земли и порчи климата, короче, въ силу тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя до сихъ поръ имѣла культура, производимая по способу истощенія средствъ, индогерманцы покинули, мало-по-малу, свое коренное мѣстопребываніе. Сначала, славяногерманцы поднялись къ западу; за ними послѣдовали греко-итало-кельты *a*), наконецъ потянулись на югъ и юго-востокъ и индо-ираны.

Будемъ разсматривать теперь состояніе культуры первобытнаго индогерманскаго народа, въ то время, какъ онъ достигъ самой высокой степени своего развитія, именно передъ первымъ раздѣленіемъ. Времени, къ которому нужно отнести этотъ періодъ жизни нашего древняго народа, нельзя опредѣлить съ достаточной точностью; однако, не будетъ совершенной ошибкой, если перенести его за пять или за шесть тысячелѣтій до нашего времени. Не нужно забывать при этомъ, что, по законамъ существованія языковъ, коренной индогерманскій языкъ и, слѣдовательно, народъ, имъ говорившій, долженъ былъ прожить по крайней мѣрѣ уже десять тысячелѣтій. Ибо коренной индогерманскій языкъ есть языкъ, стоящій на высшей степени развитія изъ всѣхъ, которые мы знаемъ, а языки измѣняются необыкновенно медленно, такъ что, вѣроятно, упомянутое число лѣтъ взято еще слишкомъ низко. Я дѣлаю это замѣчаніе для того, чтобы читателю не показалось слишкомъ уди-

---

a) Изъ сравненія со статьею Ревиля читатель замѣтитъ, что ученые, на изслѣдованія которыхъ преимущественно опирается Ревиль, допускаютъ другой порядокъ разселенія племенъ.

вительнымъ то, что этотъ первобытный народъ былъ уже на такой высокой степени культуры, а въ цѣломъ стоитъ отъ насъ довольно близко. Исторически достовѣрное время, вмѣстѣ съ тѣмъ, которое можно вывести изъ имѣющихся на лицо обстоятельствъ, такъ напр. періодъ жизни индогерманцевъ, отъ высшаго развитія кореннаго языка до настоящаго времени, по всему тому, что мы знаемъ объ исторіи развитія языковъ, организмовъ вообще и о доисторическомъ времени нашей планеты, слишкомъ коротокъ, въ сравненіи съ многими тысячелѣтіями, которыя должны были ему предшествовать. Итакъ, коренной индогерманскій языкъ, равно какъ и степень культуры народа, который говорилъ имъ, должны имѣть для насъ значеніе результата постепеннаго развитія въ продолженіе неопредѣленнаго ряда тысячелѣтій. Къ цѣли настоящей статьи не принадлежитъ прямо тотъ выводъ, что у древнихъ индогерманцевъ, по всей вѣроятности, была моногамія, что ихъ семейныя отношенія были хорошо устроены, что степени родства и свойства были точно опредѣлены, что они почитали за боговъ силы природы, преимущественно свѣтъ, свѣтлое, сіяющее небо. О государственныхъ учрежденіяхъ нѣтъ никакихъ указаній; хотя и были слова въ смыслѣ господина, повелителя, но неизвѣстно, обозначался ли ими король или только глава племени. Семейства жили въ постоянныхъ жилищахъ; домъ назывался *dama–s* (въ имен. единств. числа; тире отдѣляетъ окончаніе падежа отъ кореннаго слова). Поселеніе, мѣсто жительства обозначалось словомъ *vaika-s;* но неизвѣстно, состояли ли эти *vaika-s* изъ нѣсколькихъ *dama–s,* или каждое мѣстожительство называлось *vaika-s.* Жилища имѣли дверь, *dvar* или какое-то подобное названіе. Для этихъ понятій едва-ли бы могли уже имѣть слова номады въ такое раннее время.

Главное имущество древнихъ индогерманцевъ состояло изъ скота, *paku-s.* Удивительно, что скотоводство нашихъ древнихъ предковъ было уже таково, какъ у насъ теперь; конечно, нѣкоторыя породы скота могли очень измѣниться въ теченіе тысячелѣтій, о чемъ, къ сожалѣнію, языкъ не можетъ дать намъ никакого объясненія.

Прежде всего, игралъ самую видную роль рогатый скотъ, *gâu-s.* Также названія *staura-s,* по-нѣмецки *stier*—волъ и *vaksan-s,* быть можетъ *vaktan-s*—быкъ, должны быть отнесены къ числу древняго наслѣдія нашего языка. У древнѣйшихъ народовъ нашего племени, прежде всего, въ самой отдаленной индійской древности, рогатый скотъ занимаетъ видное мѣсто.

Первобытный народъ уже употреблялъ молоко этихъ животныхъ, что доказываетъ древній глаголъ — доить (корень *marg*). О маслѣ и сырѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Изъ нерогатаго скота держали коня *akva-s* („бѣгунъ“ корень *ак*— быстро двигаться).

Потомъ имѣли овцу, *avi-s*, которой шерсть, *varnâ* (покрывающая, отъ корня *vas*—покрывать), по всей вѣроятности, была главнымъ матеріяломъ для одежды. Извѣстна была уже и свинья, *sus*, и коза, вѣроятно, называемая въ муж. род. *aga-s*, въ женск. *agâ*. Существовалъ также и стражъ для стадъ, собака, *kvan-s*. Даже есть намекъ на гуся. О пчеловодствѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но упоминается о медѣ и приготовляемомъ изъ него опьяняющемъ напиткѣ сходнаго названія, именно *madhu*. Такъ какъ медъ долженъ былъ имѣть броженіе, чтобы обратиться въ спиртовой напитокъ, то, конечно, былъ извѣстенъ и процессъ его закваски. Поэтому, пивовареніе и употребленіе спиртныхъ напитковъ относится къ древности.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, вмѣстѣ съ полезными животными, были также и маленькіе, домашніе мучители—мыши, комары и блохи.

Обратимся отъ дома къ полю, *agra-s*. Здѣсь воздѣлывали рожь *java-s*, видъ которой, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить. Если слово *ghardtâ* (по-нѣмецки *gerste*) ячмень, не было тогда заимствованнымъ словомъ (чего, кажется, не должно быть въ этомъ случаѣ), то ячмень былъ уже извѣстенъ древнему народу, потому что названіе этого рода хлѣба соотвѣтственно во всѣхъ европейскихъ членахъ нашего семейства языковъ. Очень давно существуетъ уже и пшеница, *kvaitja-s*, хотя у первобытнаго народа существованіе ея доказать нельзя, также рожь, *rugi-s* или *rugja-s*. Эти роды хлѣба были воздѣлываемы славяногерманскимъ народомъ, первымъ отдѣлившимся отъ кореннаго индогерманскаго племени, и притомъ уже въ то время, когда онъ еще составлялъ одинъ народъ, не раздѣлившійся на славяно-леттовъ и нѣмцевъ. Тѣ же славяно-германцы, хотя и пили еще древній медъ, но умѣли уже варить и пиво, *pivas*. Такимъ образомъ, воздѣлываніе пшеницы и ржи, равно какъ и вареніе пива, имѣютъ начало въ томъ времени, которое было гораздо прежде всякой исторіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Не смѣемъ съ полной увѣренностью приписывать коренному индогерманскому племени употребленіе плуга и мельницы. Выраженія для паханья и молотья встрѣчаются именно въ существенно-одинакой формѣ и значеніи только въ европейскихъ членахъ нашего семейства языковъ, но не въ азіятскихъ его представителяхъ (въ индоиранскомъ), такъ что теперь еще нельзя совершенно отказаться отъ мысли о древнемъ заимствованіи, тѣмъ болѣе, что въ новѣйшее время въ области сказокъ и разсказовъ доказаны подобныя заимствованія у индійцевъ на самомъ отдаленномъ западѣ Европы. На всѣхъ европейскихъ языкахъ нашего племени, корень *ar* означаетъ пахать, а корень *mal*

основная форма *mas,* молоть. Поэтому, къ очень древнему и, во всякомъ случаѣ, доисторическому времени относится, у нашего народа, обработываніе земли плугомъ и обращеніе зерна въ муку; рѣшеніе вопроса, можно ли то и другое приписать первобытному народу до перваго раздѣленія языка—зависитъ отъ того, соотвѣтствуютъ ли эти слова другъ другу у грековъ, италійцевъ, литово-славянъ и нѣмцевъ, вслѣдствіе происхожденія изъ общаго наслѣдія отъ кореннаго языка или вслѣдствіе заимствованія. Въ первомъ случаѣ, мы должны бы были допустить, что въ индоиранскомъ языкѣ, старыя слова затерялись и были замѣнены новыми, предположеніе, противъ котораго нѣтъ никакого важнаго возраженія, но котораго необходимости тоже нельзя доказать.

Печи были извѣстны; онѣ складывались изъ камня, *akman-s,* а названіе печей было или тоже самое *akman* (камень) или производное отъ него. Глаголы *печь* и *варить* выражались посредствомъ корня *kak.* Огонь назывался *agni-s.* Итакъ, обѣдъ древне-индогерманскаго племени легко могъ состоять изъ варенаго и жаренаго мяса съ поджаренымъ зерномъ (можетъ быть даже съ печенымъ хлѣбомъ), молока, меду и варенаго меда. Въ приправѣ изъ сала, *sar,* тоже не было недостатка.

Далѣе, имѣются ясныя доказательства того, что мореплаваніе совершалось при помощи гребныхъ судовъ. Мы выше упоминали, что первыя жилища нашихъ предковъ, отъ которыхъ сохранились теперь только остатки, находились на берегу моря. На сколько мнѣ извѣстно, географы порѣшили, что въ древности, это море, остатки котораго образуютъ теперь Каспійское и Аральское моря, простиралось тогда далѣе къ востоку. Итакъ, первое мѣстопребываніе нашего кореннаго племени находилось между высокой цѣпью горъ и большимъ средиземнымъ моремъ, почти подъ 40 град. сѣверной широты.

Такимъ образомъ, климатъ тамъ долженъ былъ быть весьма умѣренный, отчасти, можетъ быть, скорѣе прохладный, нежели теплый; объ этомъ свидѣтельствуетъ и употребленіе нашихъ домашнихъ животныхъ, обработываніе хлѣба и пользованіе шерстью животныхъ. Температура могла быть умѣряема, въ особенности, горами съ востока и большимъ моремъ съ запада, и вообще быть гораздо прохладнѣе, чѣмъ можно ожидать отъ географическаго положенія мѣстности. Слово для названія моря одинаково только у европейскихъ членовъ нашего семейства, впрочемъ, едва ли могло быть заимствовано.

Корабль назывался *nâu-s;* корень *ar, ra* значилъ грести, отсюда *artra-m* или иногда *ratra-m*—весло.

Нашему народу былъ извѣстенъ металлъ. Онъ назывался *aja-s.* Нельзя опредѣлить, какого рода былъ этотъ металлъ. Слѣдовательно,

каменное оружіе и каменная утварь, которую находятъ въ Европѣ, не могутъ быть отнесены къ индогерманцамъ, ибо имъ въ давнее время, задолго до вступленія ихъ на европейскую почву, уже былъ извѣстенъ металлъ.

Почти непонятно, чтобы народъ, съ теченіемъ времени, отказался отъ употребленія металла. Если мнѣ скажутъ, что въ буряхъ и сумятицѣ кочевой жизни находятъ объясненіе такіе обратные шаги въ культурѣ, то я возражу на это, что рѣшительно ничто не подтверждаетъ, чтобы переселенія нашего племени совершались вдругъ и внезапными походами. Скорѣе все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что перемѣна мѣстопребыванія совершалась сама собою постепенно, черезъ распространеніе въ извѣстномъ направленіи, въ долгіе промежутки времени, почти въ томъ же родѣ, какъ въ историческое время нѣмецкая область подвигается отъ запада къ востоку. Эти каменныя орудія и каменная утварь, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ старѣйшимъ слоямъ народовъ, которые занимали еще прежде индогерманцевъ то же самое мѣсто жительства. Ибо ничего не доказываетъ, чтобы послѣдніе нашли землю совсѣмъ пустою и необитаемою; скорѣе есть положительныя доказательства того, что потокъ индогерманцевъ медленно вытѣснялъ прежнихъ, чуждыхъ ему по племени, обитателей. Эти прежніе обитатели вытѣсняются мало-по-малу частію въ неудобныя страны, частію же, вѣроятно, въ маломъ количествѣ, въ теченіе времени, сливаются съ индогерманцами.

Золото и серебро, на которыя нѣтъ намека у индогерманскаго народа, были уже извѣстны славяногерманцамъ. Золото они называли *garta-m* (корень *ghar*—блеститъ, употребляющійся въ особенности для обозначенія желтой или зеленовато-желтой краски), серебро, вѣроятно, *sarabra-m* (темнаго происхожденія). Хотя слово для обозначенія золота производится во всѣхъ трехъ развѣтвленіяхъ индогерманскаго языка отъ одного и того же корня *ghar*, но такимъ сильно уклоняющимся образомъ, что нельзя опредѣлить, былъ ли извѣстенъ этотъ благородный металлъ другому народу, кромѣ славяно-германцевъ, происшедшему отъ индогерманцевъ. Напротивъ, серебро, очевидно, было извѣстно не только славяногерманцамъ, но также и тому племени, изъ котораго произошли потомъ греко-итало-кельты и индо-иранцы.

Итакъ, знаніе и употребленіе обоихъ блестящихъ благородныхъ металловъ относится къ очень древнему времени и очень отдаленному отъ начала всякой исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, къ періоду жизни разсматриваемаго нами народа, періоду, который непосредственно послѣдовалъ за первымъ раздѣленіемъ первобытнаго индогерманскаго народа.

ТЕПЛОТА И ДВИЖЕНІЕ.

Смайлсъ разсказываетъ въ своемъ „Жизнеописаніи инженеровъ“, какъ Джоржъ Стефенсонъ разъ спросилъ д-ра Бэклянда, сидя вмѣстѣ съ нимъ, когда мимо проѣзжалъ поѣздъ желѣзной дороги: „Ну, Бэкляндъ, у меня есть загадка для васъ. Можете ли вы мнѣ сказать, какая сила приводитъ въ движеніе поѣздъ?“—„Я полагаю, одна изъ вашихъ большихъ машинъ,“ отвѣчалъ тотъ.—„Но кто двигаетъ машину?“—„О, вѣроятно, хорошій ньюкестльскій машинистъ.“ — „А если я вамъ скажу, что солнечный свѣтъ?“—„Какъ это можетъ быть?“ спросилъ докторъ.—„Ни что другое,“ отвѣчалъ инженеръ:—„это свѣтъ, накопленный въ землѣ въ продолженіе десятковъ тысячъ лѣтъ,—свѣтъ, поглощаемый растеніями, который необходимъ для отложенія въ нихъ углерода во время ихъ развитія; и теперь этотъ скрытый свѣтъ, послѣ того, какъ онъ былъ погребенъ въ продолженіе многихъ вѣковъ въ пластахъ каменнаго угля, освобожденъ опять и прилагается человѣкомъ, какъ, напримѣръ, въ этомъ локомотивѣ, для достиженія его великихъ цѣлей.“

Это замѣчаніе отца системы желѣзныхъ дорогъ, какъ ни страннымъ кажется оно съ перваго взгляда, вполнѣ справедливо; оно представляетъ остроумный выводъ одной изъ истинъ природы, въ послѣднее время замѣченной учеными и извѣстной теперь подъ именемъ „механической или динамической теоріи теплоты“. Эта теорія замѣчательна не только по своему вѣрному взгляду на характеръ всеобъемлющаго и жизненнаго начала теплоты, но она ведетъ насъ къ познанію другаго рода болѣе обширныхъ и важныхъ истинъ, доказывающихъ, что свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, которые поддерживаютъ жизнь и производятъ такіе колоссальные перевороты на земномъ шарѣ, не болѣе какъ разныя выраженія одной великой силы; что эти разныя формы *дѣятельности* вообще могутъ переходить одна въ другую; что мы можемъ выразить какую-либо изъ нихъ другою, и что извѣстное количество одной изъ нихъ равномѣрно другой, или можетъ произвести опре-

дѣленное количество другой. Механическая теорія теплоты утверждаетъ, что теплота не можетъ существовать независимо отъ вещества, — что мы называемъ теплотою только извѣстное состояніе вещества, то-есть, „колебаніе его наименьшихъ частицъ"; слѣдовательно, если теплота не что иное какъ движеніе, то мы можемъ измѣрять ее, какъ мы измѣряемъ работу обыкновенной механической силы, паденіемъ груза съ опредѣленной высоты. Но ученіе этой „новой философіи", какъ ее справедливо называетъ профессоръ Тиндаль, не оставливается на этомъ; оно показываетъ далѣе, основываясь на способности этихъ такъ называемыхъ невѣсомыхъ тѣлъ взаимно замѣнять свои формы и на возможности выразить ихъ въ механическихъ формулахъ, что уничтоженіе или созданіе силы такъ же невозможно человѣку, какъ уничтоженіе или созданіе самаго вещества.

Въ исторіи естественныхъ наукъ, какъ и въ исторіи народовъ, внезапные перевороты отмѣчаютъ великія событія, которыя выдаются замѣтнымъ образомъ изъ обыкновеннаго хода дѣлъ. Такой переворотъ произвелъ Лавуазье въ мірѣ науки своимъ приложеніемъ вѣсовъ въ химіи, сдѣлавъ очевиднымъ чрезъ это, что человѣкъ не можетъ ни создать, ни уничтожить вещества: такъ, напримѣръ, когда горитъ свѣчка, вещество, изъ котораго она составлена, не уничтожается и не пропадаетъ, но только дѣлается недоступнымъ нашему зрѣнію. Второй и равно важный переворотъ въ наукѣ былъ недавно сдѣланъ распространеніемъ механической теоріи теплоты, основанной, помощью опыта, какъ мы увидимъ далѣе, докторомъ Джулемъ (Joule), изъ Манчестера, на коренномъ принципѣ „сохраненія и неуничтожаемости работы".

Для настоящаго уразумѣнія и оцѣнки обширнаго значенія этого великаго принципа, мы должны будемъ разсмотрѣть главные опыты, на которыхъ основано это послѣднее блистательное открытіе въ наукѣ, помня, что только „вопрошая саму природу," мы можемъ надѣяться разъяснить ея явленія.

Первая отрасль науки, въ которой сдѣлалось замѣтнымъ начало сохраненія работы — механика; и давно уже было извѣстно, что каждая работа требуетъ употребленія извѣстнаго механическаго количества дѣйствія. Такъ называемые „механическіе движители"—только средства для передачи работы въ извѣстномъ направленіи. Они не могутъ увеличить количество производимой работы. Такъ, хотя посредствомъ маленькаго груза на концѣ длиннаго плеча рычага мы можемъ поднять грузъ бо́льшій (напр. въ десять разъ) противъ перваго, располагая бо́льшій грузъ на короткомъ концѣ; но пространство, на которое опустился ме́ньшій грузъ, будетъ въ десять же разъ больше противъ высоты подъема другаго; слѣдовательно, тутъ не можетъ быть увеличенія работы.

Это обыкновенно называютъ „рабочею силою“ — силою, которая производитъ извѣстные результаты, которая одолѣваетъ данное сопротивленіе; и великій принципъ механики выражается такимъ закономъ: ни одна машина не можетъ произвести результаты, которые превышали бы рабочую силу. Такова настоящая мѣра механическаго дѣйствія. Для поднятія десяти фунтовъ на высоту одного фута требуется истратить извѣстное количество рабочей силы: мы должны будемъ употребить двойное количество этой силы, чтобы поднять его на два фута; то же количество рабочей силы потребуется, чтобы поднять 10 фунтовъ на высоту одного фута и одинъ фунтъ на высоту десяти футовъ. Механическая работа всѣхъ родовъ, чрезъ посредство машинъ или прямою силою животныхъ, можетъ быть представлена и измѣрима грузами, поднимаемыми на извѣстную высоту, и за единицу мѣры механической работы принятъ фунтъ, поднятый на высоту одного фута *a*). Начало сохраненія работы, на сколько это касается обыкновенной механики, было вполнѣ и математически высказано Ньютономъ, который доказалъ такимъ образомъ всю нелѣпость давнишняго исканія perpetuum mobile (вѣчнаго движенія) при посредствѣ механизмовъ.

Какъ ни яснымъ кажется, что дѣйствіе и противодѣйствіе должны быть равны въ предѣлахъ механическихъ явленій, но болѣе обширное приложеніе этого закона къ проявленіямъ другихъ силъ природы далеко не такъ ясно. Развѣ нельзя, насъ могутъ спросить, на дѣйствіи теплоты, электричества или какой другой скрытой силы, построить машину, которая производила бы механическое дѣйствіе безъ соотвѣтствующей издержки работы, и такимъ образомъ достигнуть весьма желательнаго результата: сдѣлать нѣчто изъ ничего? Не представляетъ ли паровая машина примѣръ тому? Гдѣ въ этой машинѣ издержанная работа, которая должна равняться произведенной работѣ? Въ вододѣйствующемъ колесѣ паденіе массы воды очевидно соотвѣтствуетъ произведенной ею работѣ; но въ паровой машинѣ, еслибъ охлажденіе было совершенно, мы могли бы предположить, что всѣ части машины, равно какъ и вода, нужныя для полученія пара, находятся въ томъ же самомъ положеніи подъ конецъ качанія поршня, какъ и при началѣ его.

На такіе вопросы эта новая теорія даетъ положительный и удовлетворительный отвѣтъ, доказывая такъ же ясно, какъ Ньютонъ въ механикѣ, что ни одна изъ силъ природы не можетъ дѣйствовать съ

---

a) Эта единица называется *фунтофутомъ*; у насъ употребляется *пудофутъ*, во Франціи *килограммометръ*. Слова *рабочая сила* «labouring force» у насъ не употребляются, и замѣняются вообще словомъ *работа*. Вообще, лучше избѣгать употребленія слова *сила* для величинъ, измѣряемыхъ не единицами вѣса.

пользою безъ израсходованія соотвѣтствующаго количества особой работы. Такъ въ паровой машинѣ мы находимъ, что источникъ необходимой силы — теплота, пропадающая въ цилиндрѣ; количество теплоты, переходящее съ отработавшимъ паромъ въ холодильникъ, не составляетъ и половины вошедшаго въ цилиндръ; разность между этими двумя количествами превращается въ механическое дѣйствіе. Итакъ мы приходимъ, наконецъ, къ тому заключенію, что, какова бы ни была сила природы, употребляемая нами, perpetuum mobile все-таки невозможно, и что мы не можемъ произвести какое либо дѣйствіе безъ израсходованія какой-либо работы. Что слѣдуетъ изъ этого важнаго заключенія? Что мы подразумѣваемъ, говоря, что perpetuum mobile невозможно? Мы хотимъ сказать, что въ природѣ невозможно созданіе силы; что всѣ перемѣны, которыя мы видимъ вокругъ себя, происходятъ вслѣдствіе одной передачи силы; и потому, подобно веществу, сила неуничтожаема; мы можемъ соединить всѣ эти результаты въ словахъ Грове, одного изъ самыхъ первыхъ и способныхъ истолкователей этой теоріи *а*): „Чѣмъ ближе мы разсматриваемъ всѣ явленія природы, тѣмъ болѣе приходимъ къ заключенію, что, говоря по-человѣчески, ни сила *б*), ни вещество не могутъ быть ни созданы, ни уничтожены.“

Хотя понятіе, что теплота не что иное какъ движеніе, было высказано многими писателями, даже въ давнія времена, но противныя этому мнѣнія поддерживались нѣкоторыми изъ современныхъ ученыхъ, и только въ послѣдніе годы динамическая теорія теплоты, въ противоположность матеріяльной, или теоріи отдѣленія теплорода, получила согласіе всего ученаго міра. Аристотель, повидимому, вѣрилъ, что теплота есть движеніе, и Локкъ отчетливо высказалъ ту же самую мысль: „Теплота есть быстрое сотрясеніе незамѣтныхъ частицъ предмета, производящее въ насъ ощущеніе, вслѣдствіе котораго мы называемъ этотъ предметъ теплымъ, и то, что въ нашемъ ощущеніи теплота—въ предметѣ одно только движеніе.“ Бэконъ держался тѣхъ же понятій, и во второй книгѣ „Новаго органона“ онъ говоритъ: „теплота, въ своей сущности и въ своемъ бытіи, не что иное, какъ движеніе.“ Лавуазье и Лапласъ, въ ихъ мемуарѣ о теплотѣ, напечатанномъ въ 1780 г., высказываютъ въ точности современное ученіе: „Другіе физики полагаютъ“, говорятъ они, „что теплота есть не что иное, какъ результатъ незамѣтныхъ сотрясеній вещества. Въ изслѣдуемой нами системѣ, теплота есть живая

а) Мы надѣемся скоро дать читателямъ отзывъ о замѣчательной книгѣ Грове написанный извѣстнымъ Корнеліусомъ.

б) Въ смыслѣ работы.

сила *а*), происшедшая отъ незамѣтныхъ движеній частицъ тѣла; она представляетъ сумму произведеній массы каждой частицы на квадратъ скорости ея движенія.“

Выраженія такихъ понятій, какъ ни близкими къ истинѣ оказались они впослѣдствіи, не имѣли большаго вліянія на прогрессъ науки, потому что они не были поддерживаемы свидѣтельствомъ опыта, безъ котораго такія идеи остаются все-таки одними умозрѣніями. Опираясь на болѣе прочныя основанія, современный ученый тщательно собираетъ и прилагаетъ къ дѣлу самые мелкіе факты, касающіеся изслѣдуемаго имъ предмета; неудовлетворенный простымъ наблюденіемъ явленій, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они происходятъ въ природѣ, онъ старается еще ближе познакомиться съ своимъ предметомъ, изслѣдуя явленія, происходящія при условіяхъ, подчиненныхъ его волѣ; короче, онъ прибѣгаетъ къ опыту.

Послѣдуемъ за Тиндалемъ *б*) въ его описаніи опытовъ, произведенныхъ имъ, два года тому назадъ, въ королевскомъ институтѣ, съ цѣлью убѣдить слушателей въ истинѣ механической теоріи теплоты; результаты дадутъ намъ возможность судить объ успѣхѣ его попытки „сдѣлать доступными начала новой философіи человѣку обыкновеннаго ума и образованія.“ Первая часть книги состоитъ въ ясномъ изложеніи фактовъ, на которыхъ основана механичаская теорія теплоты; описывая эти факты и заключенія, извлеченныя изъ нихъ, Тиндаль беретъ на себя только обязанность истолкователя результатовъ, выработанныхъ другими учеными; въ остальной части онъ описываетъ результаты своихъ собственныхъ изысканій уже какъ самостоятельнаго изслѣдователя въ области физическихъ наукъ. Прочитавшіе книгу увидятъ, что въ томъ и другомъ случаѣ авторъ выказалъ свои способности, и мы сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ войти подробнѣе въ тѣ части его лекцій, гдѣ онъ выводитъ свои собственныя открытія.

«Я хочу,» говоритъ Тиндаль, «сблизить теплородъ съ болѣе обыденными формами силы; и потому для начала я постараюсь ознакомить васъ съ рядомъ фактовъ, показывающихъ производство теплоты посредствомъ механическаго процесса. Я положилъ въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько кусочковъ дерева, которые мнѣ теперь передаетъ мой помощникъ. Зачѣмъ я ихъ положилъ туда? Просто

а) Величина работы, которую можетъ совершить тѣло опредѣленной массы, движущееся съ опредѣленной скоростью до тѣхъ поръ, пока его движеніе прекратится. Но это опредѣленіе, соотвѣтствующее живой силѣ, какъ она употребляется въ русскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ, дастъ величину вдвое меньшую, чѣмъ количество, употребляемое французами, о которомъ говорится въ цитатѣ.

б) «Heat considered as a mode of motion», by *John Tyndall.* London, 1863.

для того, чтобы произвести мой опытъ съ тою отчетливостью, которой требуетъ наука. Я знаю, что температура той комнаты нѣсколько ниже температуры этой, и потому дерево, лежащее теперь передо мною, должно быть немножко холоднѣе поверхности моего *a*) столба, которымъ я хочу испробовать его температуру. Докажемъ это. Я прилагаю оконечность столба къ дереву; красный конецъ стрѣлки поворачивается по направленію отъ васъ ко мнѣ, показывая, такимъ образомъ, что соприкосновеніе охладило столбъ. Я теперь начинаю легко тереть конецъ столба вдоль поверхности дерева: замѣчайте, что произойдетъ. Быстрыя и сильныя движенія стрѣлки въ направленіи къ вамъ показываютъ, что конецъ столба нагрѣлся отъ этого слабаго тренія. Эти опыты, показывающіе развитіе теплоты посредствомъ механическихъ способовъ, послужатъ для насъ какъ грамматическія упражненія для мальчика въ школѣ. Чтобы запомнить и вполнѣ усвоить ихъ себѣ, мы должны будемъ повторять и разнообразить ихъ нѣсколько разъ. Въ этомъ я попрошу васъ слѣдовать за мною. Вотъ плоскій кусочекъ зеленой мѣди съ прикрѣпленнымъ къ нему стержнемъ; я беру стержень въ мои пальцы, предохраняя мѣдь чрезъ посредство холодной фланели отъ соприкосновенія съ моею теплою ладонью. Я прикасаюсь мѣдной пластинкой къ концу моего столба: стрѣлка двигается, показывая, что мѣдь холодна. Теперь начинаю тереть мѣдь по дереву и прилагаю ее опять къ моему столбу. Я отнимаю ее тотчасъ же, потому что еслибъ я оставилъ ее въ соприкосновеніи съ инструментомъ, развившаяся теплота такъ сильно качнула бы стрѣлку, что она ударилась бы о свои задержки и, можетъ быть, разстроила бы свои магнетическія свойства. Вы видите, какое сильное уклоненіе производитъ даже мгновенное соприкосновеніе. Вотъ также бритва, охлажденная прикосновеніемъ ко льду, а вотъ сухой оселокъ; я начинаю тереть мою холодную бритву, какъ будто точу ее. Я прилагаю ее теперь къ концу моего столба, и вы видите, что сталь, которая минуту тому назадъ была холодна, теперь тепла.... Это самые простые и самые обыкновенные примѣры образованія теплоты посредствомъ тренія. Какъ ни ничтожны они кажутся, они постепенно приведутъ насъ къ самымъ сокровеннымъ тайникамъ природы, и откроютъ намъ устройство матеріяльной вселенной.»

Докторъ Тиндаль далѣе объясняетъ образованіе теплоты посредствомъ сжатія и удара; онъ показываетъ, что кусокъ дерева, сжатый подъ гидравлическимъ прессомъ, дѣлается горячимъ, и что свинцовая пуля также нагрѣвается, когда ее сплющиваютъ холоднымъ кузнечнымъ молотомъ.

«Молотъ,» продолжаетъ онъ, «опускается съ извѣстною механическою силой, и его движеніе вдругъ останавливается пулей и наковальней. Но разсмотримъ свинецъ; вы замѣчаете, что онъ нагрѣтъ, и еслибъ мы могли собрать безъ

---

a) Инструментъ, называемый термо-электрическимъ столбомъ или батареей, служитъ чувствительнымъ указателемъ и мѣриломъ измѣненій температуры, и былъ употребляемъ Тиндалемъ, чтобы сдѣлать очевидными для многочисленной публики результаты его опытовъ.

потери всю теплоту, порожденную такимъ образомъ, и сдѣлать изъ нея механическое приложеніе, мы могли бы при ея помощи поднять этотъ молотъ на ту высоту, съ которой онъ упалъ. Когда молотъ ударяетъ по колоколу, движеніе молота прекращается, но его сила не уничтожена; онъ привелъ колоколъ въ колебаніе, которое передается слуховому нерву какъ звукъ. Точно такъ же, когда нашъ молотъ опустился на пулю, его движеніе было остановлено, но не уничтожено. Его движеніе передалось частицамъ свинца и сдѣлалось ощутительнымъ для извѣстныхъ нервовъ какъ теплота.»

Теплота возбуждается не при одномъ треніи твердыхъ тѣлъ; движеніе или треніе жидкостей также развиваетъ теплоту: однимъ словомъ, при всякой остановкѣ или замедленіи движенія вещества, развивается теплота. Такъ вода, когда ее взбалтываютъ, дѣлается теплѣе; каждая капля падающаго дождя теплѣе, чѣмъ она была прежде, и вода при основаніи водопада гораздо высшей температуры, чѣмъ наверху: такъ что, — замѣчаетъ Тиндаль, — повѣрье, существующее между матросами, будто морская вода становится теплѣе послѣ бури, теоретически вѣрно, и механическое движеніе волнъ превращается окончательно въ теплоту. Произведенное такимъ образомъ возвышеніе температуры весьма незначительно, и нуженъ очень чувствительный термометръ, чтобы обнаружить его; но тѣмъ не менѣе количество его опредѣленно, и мы можемъ заранѣе вычислить его, если знаемъ вѣсъ падающей воды и высоту паденія. Фактъ развитія теплоты при паденіи жидкостей можетъ быть сдѣланъ очевиднымъ, если переливать ртуть по нѣскольку разъ изъ одной чашки въ другую; при концѣ этого опыта температура ртути будетъ найдена выше, чѣмъ она была прежде.

«При преодолѣваніи сопротивленія тренія всегда развивается теплота, и она служитъ мѣриломъ силы *a*), употребляемой на преодолѣніе тренія. Теплота тутъ представляетъ только другую форму первоначальной силы, и если мы желаемъ воспрепятствовать подобному переходу, то должны уничтожить теплоту. Мы натираемъ масломъ оселокъ, смазываемъ пилу, и принимаемъ всѣ предосторожности, чтобы всѣ оси у вагоновъ на желѣзной дорогѣ были тщательно смазаны? Что мы, по-настоящему, дѣлаемъ при такихъ случаяхъ? Сперва усвоимъ себѣ общія понятія, а потомъ уже перейдемъ къ подробностямъ. Цѣль инженера желѣзныхъ дорогъ — двигать поѣздъ изъ одного мѣста въ другое; онъ прилагаетъ для этой цѣли силу своего пара или жаръ печи, который придаетъ пару его упругость. Ему невыгодно допустить, чтобы какая нибудь часть его силы перешла въ другую форму, неудобную для достиженія предлагаемой цѣли. Оси у его колесъ никакъ не должны нагрѣваться, потому что съ каждымъ градусомъ теплоты, развитой въ нихъ отъ тренія, онъ будетъ терять опредѣленное количество силы, дѣйствующей въ машинѣ. Безусловной потери силы не существуетъ.

---

a) Собственно *работы*.

Еслибъ мы могли собрать всю теплоту, развитую треніемъ, и механически приложить ее къ дѣлу, то мы сообщили бы поѣзду ту самую скорость, которую онъ утратилъ вслѣдствіе тренія. Такимъ образомъ, каждый работникъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, держащій лейку желтаго жира, и поминутно открывающій ящички, которые окружаютъ оси колесъ, подтверждаетъ, самъ того не зная, одинъ изъ основныхъ принциповъ природы. Дѣлая это, онъ безсознательно доказываетъ въ одно и то же время превратимость и неуничтожаемость силы. Онъ на дѣлѣ показываетъ, что механическая работа можетъ превратиться въ теплоту, и что, превратившись, она не дѣйствуетъ болѣе какъ механическая работа, но что съ каждымъ градусомъ возвышенія температуры, локомотивъ утрачиваетъ соотвѣтственное и совершенно опредѣленное количество работы машины, долженствовавшей двигать поѣздъ. Поѣздъ подъѣзжаетъ къ станціи съ быстротою, положимъ, тридцати или сорока миль въ часъ; задержка нажимается: дымъ и искры вылетаютъ изъ-подъ захваченнаго ею колеса. Поѣздъ останавливается. Какимъ образомъ? Просто чрезъ превращеніе въ теплоту всей живой силы поѣзда въ то мгновеніе, когда начала дѣйствовать задержка.»

Первый, сдѣлавшій положительные опыты надъ переходомъ механической работы или движенія массъ въ теплоту или движеніе частицъ, былъ графъ Румфордъ *а*), весьма замѣчательный человѣкъ, который болѣе извѣстенъ какъ изобрѣтатель дешевой, здоровой пищи для солдатъ во время похода, чѣмъ какъ физикъ. Такъ часто случается, что трудъ цѣлой жизни человѣка остается въ неизвѣстности, между тѣмъ какъ вся его слава основывается на какомъ-нибудь изобрѣтеніи, которое онъ самъ считалъ ничтожнымъ и о которомъ онъ мало думалъ.

Румфордъ, занимаясь въ Мюнхенѣ сверленіемъ орудій, былъ такъ пораженъ большимъ количествомъ теплоты, которое развивается при этомъ процессѣ, что устроилъ аппаратъ съ единственною цѣлью изслѣдовать развитіе теплоты отъ тренія, и представилъ результаты своихъ опытовъ въ весьма интересномъ мемуарѣ королевскому обществу въ 1798 г. Въ этомъ мемуарѣ онъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: откуда происходитъ теплота, развитая въ вышеупомянутомъ процессѣ? Происходитъ ли она отъ металлическихъ стружекъ, которыя отдѣляются отъ металла? Развитіе теплоты при треніи или при ударѣ было всегда точкою преткновенія для защитниковъ матеріяльной теоріи теплоты. Они объясняли это однако, говоря, что сплющенная пуля или металлическая стружка имѣютъ менѣе теплоемкости, чѣмъ тотъ же самый металлъ, прежде чѣмъ онъ былъ подвергнутъ вышеупомянутымъ

а) Румфордъ по рожденію англо-американецъ; его фамильное имя Бенджаминъ Томпсонъ; онъ служилъ во время войны за независимость въ англійской арміи; потомъ онъ былъ военнымъ министромъ у курфюрста баварскаго, сдѣлавшаго его дворяниномъ; впослѣдствіи онъ поселился въ качествѣ ученаго въ Парижѣ, женившись на вдовѣ знаменитаго Лавуазье.

механическимъ процессамъ и вслѣдствіе того температура ихъ возвышалась. Разница въ степени теплоемкости тѣлъ дѣйствительно существуетъ; такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ двѣ жидкости, воду и ртуть, и станемъ нагрѣвать по фунту каждой отъ 50° до 60° по Фаренгейту, приливая къ нимъ кипятку, то найдемъ, что количество горячей воды, которое будетъ нужно прибавить къ фунту холодной воды, въ тридцать разъ болѣе противъ того, которое нужно прибавить къ ртути, чтобы возвысить температуру этихъ жидкостей на десять градусовъ. Поэтому говорятъ, что вода имѣетъ болѣе теплоемкости чѣмъ ртуть: — данное количество теплоты не можетъ нагрѣть до такой высокой степени воду, какъ ртуть. Румфордъ доказалъ однако, что стружки, высверленныя изъ его орудія, не измѣнили своей теплоемкости, и спрашиваетъ далѣе: можно ли предположить, чтобы вся теплота, развитая при сверленіи, выходила изъ такого ничтожнаго количества металлической пыли. Описаніе опытовъ этого физика составляетъ пріятный переходъ для читателя тяжелыхъ ученыхъ трактатовъ „Философическихъ записокъ“ *а*). Помѣстивъ 18¾ фунтовъ воды, температуры 60° по Фаренгейту, вокругъ своей пушки, въ которой высверливался каналъ при помощи лошадиной силы, Румфордъ замѣтилъ, что, по прошествіи двухъ часовъ и двадцати минутъ, вода достигла температуры 200°, а чрезъ десять минутъ спустя, — „начала кипѣть“. Онъ продолжаетъ такъ:

«Трудно описать удивленіе зрителей, когда они увидѣли такую большую массу воды кипящею безо всякаго огня. Хотя тутъ не было ничего особенно удивительнаго, но я сознаюсь, что это зрѣлище привело меня почти въ дѣтскій восторгъ, который мнѣ слѣдовало бы скрыть, еслибъ я желалъ пользоваться репутаціею серьезнаго философа.»

И тутъ мы искренно соглашаемся съ замѣчаніемъ Тиндаля, что мы можемъ легко обойтись безъ той философіи, которая осуждаетъ чувство, высказанное Румфордомъ, потому что развѣ это не самое высокое умственное наслажденіе для ученаго, когда послѣ многосложныхъ опытовъ онъ нападаетъ на новую, до тѣхъ поръ неизвѣстную истину, которая освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ его темный и утомительный путь.

Приведемъ интересный опытъ, сдѣланный сэромъ Гэмфрейемъ-Деви въ 1799 г., такъ какъ онъ считается первымъ доказательствомъ несуществованія теплорода какъ особаго вещества. Деви взялъ два куска льда и, положивъ ихъ въ комнатѣ, температура которой была ниже точки замерзанія (32° по Фаренгейту), началъ ихъ тереть одинъ

а) «Philosophical Tansactions», мемуары Лондонскаго королевскаго общества.

о другой, позаботившись при этомъ, чтобы къ нимъ не могла проникнуть внѣшняя теплота. Онъ нашелъ, что чрезъ треніе ледъ сталъ таять и температура полученной воды поднялась до 35°. Ледъ есть не что иное, какъ твердая вода, и такъ какъ его теплоемкость въ половину менѣе противъ теплоемкости воды въ жидкомъ состояніи, то количество теплоты, которое въ состояніи возвысить температуру фунта воды на одинъ градусъ, увеличитъ температуру льда на два градуса. Кромѣ того, вода, при переходѣ изъ твердаго состоянія въ жидкое, принимаетъ въ себя большое количество теплоты, которая дѣлается скрытою (latente) и не обнаруживается термометромъ, а потому ясно, если жидкая вода при 32° содержитъ въ себѣ гораздо болѣе теплоты, чѣмъ твердая вода (ледъ) при той же температурѣ, то когда ледъ началъ таять отъ тренія, происходило развитіе теплоты, а не передача ея, такъ какъ нельзя предполагать, что только сдѣлалась явною теплота, скрытая во льду, тѣмъ болѣе, что она составляетъ самую незначительную часть количества теплоты, содержащейся въ водѣ. Изъ этого Деви выводитъ, что „непосредственная причина явленія теплоты есть движеніе, и законы ея передачи тѣ же самые, какъ и законы передачи движенія. Если, какъ мы видѣли, теплота не что иное, какъ движеніе наименьшихъ частицъ вещества или, такъ называемаго, свѣтоноснаго эфира (и это не представляетъ существенной важности, которое изъ двухъ вѣрно), то результатомъ соединенія двухъ лучей тепла можетъ быть пониженіе температуры, точно такъ же, какъ дрожанія эфира, производящаго свѣтъ, могутъ быть такъ направлены, чтобы взаимно нейтрализировать одно другое, и два луча свѣта обратятся въ темноту, подобно тому, какъ два глиняные шара, движущіеся съ одинаковою быстротою въ разныхъ направленіяхъ, при встрѣчѣ приходятъ въ неподвижномъ Французскіе физики, Физо и Фуко, доказали опытами вѣрность этихъ заключеній, и такимъ образомъ связали вмѣстѣ всѣ выводы въ пользу теоріи несуществованія теплорода какъ особаго вещества.

Убѣдившись въ возможности взаимнаго превращенія между механическою работою и теплотою, мы теперь перейдемъ къ соображеніямъ о пропорціи и узнаемъ, какое отношеніе существуетъ между даннымъ количествомъ теплоты и механической работы, способной произвести его? Сколько рабочей силы мы можемъ получить изъ даннаго количества тепла, и наоборотъ? Очевидно, что это количество должно быть опредѣленное. Отъ извѣстной степени тренія можетъ произойти только опредѣленная степень теплоты,—въ противномъ случаѣ мы должны допустить возможность perpetuum mobile. Самый неизмѣнный характеръ великихъ законовъ природы приводитъ насъ къ тому заключенію, что это количество должно быть постояннымъ и что данное ко-

личество теплоты всегда происходитъ отъ дѣйствія опредѣленной механической работы, изъ какого бы источника она ни вытекала. Первый, ясно замѣтившій, что для подтвержденія этого великаго принципа нужно прибѣгнуть къ точнымъ и пространнымъ опытамъ, и имѣвшій всѣ данныя для обработки такого труднаго и многосложнаго предмета, былъ докторъ Джуль, изъ Манчестера. Ему наука обязана точнымъ опредѣленіемъ численнаго механическаго эквивалента теплоты, и хотя другіе ученые сдѣлали много для расширенія и развитія этого предмета, но безъ практическихъ работъ Джуля, ихъ теоріи были бы лишены всякаго твердаго основанія, и потому не могли бы войти въ составъ новыхъ результатовъ науки. И потому мы не можемъ преувеличить важность и значеніе его изслѣдованій; мы не можемъ также не высказать своего удивленія къ человѣку, который, въ продолженіе семи лѣтъ, безо всякаго содѣйствія, посвятилъ силу своего ума и энергіи на утвержденіе этого важнаго принципа, не смотря на всѣ трудности и неудачи, ожидавшія его. Джуль опредѣлилъ опытами количество теплоты, происходящее отъ тренія различныхъ веществъ, производимаго дѣйствіемъ опредѣленныхъ силъ, какъ, напримѣръ, паденіемъ грузовъ съ извѣстной высоты. Онъ опредѣлилъ количество теплоты, выдѣляемое водою, равно какъ спермацетовымъ масломъ и ртутью при ихъ взбалтываньѣ: онъ измѣрилъ количество теплоты, отдѣляющееся при треніи двухъ желѣзныхъ кружковъ и также при теченіи воды чрезъ волосныя трубочки. Повторяя и видоизмѣняя эти опыты, онъ наконецъ убѣдился, что безусловное количество теплоты, выдѣляемое дѣйствіемъ извѣстной механической работы, опредѣленно и постоянно, хотя бы эта работа употреблялась для взбалтыванія воды, для тренія желѣза, или для чего другаго. Численные результаты самыхъ точныхъ опытовъ Джуля показали, что при паденіи одного фунта съ высоты 772 футовъ отдѣлялось достаточно теплоты, чтобы возвысить температуру фунта воды на одинъ градусъ по термометру Фаренгейта; и наоборотъ, если мы превратимъ теплоту въ механическую силу, то количество ея, которое въ состояніи возвысить температуру фунта воды на одинъ градусъ, можетъ также возбудить механическую работу, способную поднять одинъ фунтъ на высоту 772 футовъ.

Эта цифра называется *механическимъ эквивалентомъ теплоты*, на которомъ основано все ученіе термо-динамики, т. е. науки о зависимости теплоты и движенія. Еще до этихъ открытій Джуль нашелъ, что то же самое количество теплоты отдѣлялось, когда вышеупомянутая механическая работа приводила въ дѣйствіе магнито-электрическую машину, гдѣ электричество превращается въ теплоту, или для сжатія воздуха, опредѣливъ такимъ образомъ, что одинъ и тотъ же эквива-

лентъ прилагается къ самымъ разнороднымъ формамъ механическаго дѣйствія.

Знаніе механическаго эквивалента теплоты даетъ намъ возможность вычислить температуру пушечнаго ядра, когда, при извѣстной быстротѣ, оно ударяется о мишень, а также количество выдѣлившейся теплоты, еслибъ земля внезапно остановилась на своей орбитѣ. Последнее было дѣйствительно вычислено, и мы узнаёмъ, что количество теплоты, которое отдѣлилось бы вслѣдствіе сотрясенія отъ внезапной остановки движенія, не только было бы достаточно, чтобы расплавить всю землю, но и для обращенія бо́льшей части ея въ газы; и чтобы развить то же количество теплоты горѣніемъ, намъ нужно сжечь четырнадцать угольныхъ шаровъ такой же величины какъ земля. Если же бы земля упала на солнце, то теплота, развитая такимъ гигантскимъ ударомъ, равнялась бы теплотѣ отъ горѣнія 5,600 шаровъ чистаго углерода, равныхъ землѣ. Такъ огромно количество теплоты, отдѣляющееся при остановкѣ движенія быстро падающихъ тѣлъ, что оно побудило многихъ ученыхъ къ разсужденіямъ „о великой тайнѣ", какъ сэръ У. Гершель называетъ источникъ силы, поддерживающей животворное лучеиспусканіе свѣта и теплоты солнцемъ, среди вселенной. Количество теплоты и свѣта, отдѣляемое солнцемъ, до того огромно, что оно почти непостижимо для ума человѣческаго. Но было однако вычислено, что изъ 2,300 милльоновъ частей свѣта, исходящаго отъ солнца, земля получаетъ только одну часть; количество теплоты, отдѣляющееся чрезъ лучеиспусканіе отъ солнца въ продолженіе одной минуты, по вычисленію сэра Джона Гершеля, было бы достаточно, чтобы вскипятить 12,000 милльоновъ кубическихъ миль холодной, какъ ледъ, воды. Чѣмъ же пополняется, мы можемъ спросить съ Тиндалемъ, этотъ страшный расходъ? Откуда солнце получаетъ свою теплоту и чѣмъ она поддерживается?

Она не можетъ поддерживаться обыкновеннымъ горѣніемъ, потому что даже, если бы солнце представляло одну сплошную массу каменнаго угля, оно сгорѣло бы въ 4,600 лѣтъ; между тѣмъ, какъ геологія учитъ насъ на каждой страницѣ, что солнце такъ же свѣтило сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ученые, обдумывавшіе этотъ великій вопросъ, доказываютъ, что еслибъ метеоритъ или астероидъ упалъ въ солнце, то при своемъ паденіи онъ породилъ бы количество теплоты въ 10,000 разъ большее противъ того, которое отдѣлилось бы при горѣніи равной ему по вѣсу массы каменнаго угля. Эти аэролиты, въ извѣстныя времена, падаютъ въ большомъ количествѣ на землю; но количество теплоты, развивающейся при этомъ, весьма незначительно, такъ какъ они двигаются съ малою скоростью, прежде чѣмъ достигаютъ столь

слабо притягивающей массы, какъ наша земля. Астрономы предполагаютъ, что эллипсообразная масса, называемая нами зодіакальнымъ свѣтомъ, которая окружаетъ, солнце, состоитъ изъ огромнаго количества такихъ астероидовъ; двигаясь, подобно планетамъ, въ сопротивляющейся средѣ, они должны наконецъ приблизиться къ солнцу; при паденіи, ихъ движеніе превращается въ теплоту, и такимъ образомъ они поддерживаютъ температуру солнца, а слѣдовательно и всю жизнь нашей планеты. Количество вещества, которое такимъ образомъ прибавится къ солнечной массѣ, взамѣнъ теплоты, утраченной чрезъ лучеиспусканіе, такъ незначительно, въ сравненіи съ его величиною, что оно не произвело бы замѣтной перемѣны въ его размѣрахъ въ историческій періодъ. Еслибъ наша луна упала на солнце, она при своемъ паденіи отдѣлила бы количество теплоты, достаточное только для пополненія двухълѣтняго расхода, и еслибъ земля упала на солнце, то образовавшейся при этомъ теплоты хватило бы на сто лѣтъ.

Но это еще вопросъ, могло ли бы увеличеніе въ силѣ притяженія солнца, предполагаемое этой теоріей, не быть замѣчено астрономами даже по прошествіи небольшаго числа лѣтъ. Мы не въ состояніи сказать, представляетъ ли она настоящее объясненіе поддержанія теплоты солнца; но какъ бы то ни было, солнце могло образоваться при такихъ условіяхъ, и эта теорія объясняетъ намъ приложеніе термодинамики къ міровымъ явленіямъ.

Общій прогрессъ въ ученыхъ открытіяхъ въ большой мѣрѣ независимъ отъ трудовъ отдѣльныхъ личностей, и это быстро принимается всѣми за аксіому. Въ извѣстные періоды всемірной исторіи, почти одни и тѣ же идеи зараждаются въ передовыхъ умахъ и высказываются какимъ-нибудь однимъ изъ такихъ даровитыхъ людей, который имѣетъ всѣ нужныя качества, чтобъ быть истолкователемъ этихъ новыхъ истинъ для большинства. Подобный взглядъ на прогрессъ науки нисколько не уменьшаетъ важности или значенія личнаго труда. Мы удивляемся не менѣе результатамъ Ньютонова генія, предполагая, что даже безъ него наука, трудами другихъ ученыхъ, достигла бы своего настоящаго положенія; мы не будемъ унижать также великихъ приращеній, которыми наше знаніе обязано Джулю, потому что другіе ученые развивали тѣ же самыя идеи, которыя онъ окончательно подтвердилъ, прямо прибѣгнувъ къ опыту. Почти всякое великое открытіе было сдѣлано независимо нѣсколькими лицами: одинъ изслѣдователь могъ разработать свой предметъ съ большей точностью и подробностью, но та же самая идея появлялась разомъ въ нѣсколькихъ умахъ. Въ подтвержденіе этого факта намъ стоитъ только привести одновременное открытіе дифференціальнаго исчисленія Ньютономъ и Лейбницемъ,

или состава воды Кавендишемъ, Уаттомъ и Лавуазье; или опять изобрѣтеніе предохранительной лампы Деви и Стефенсономъ. Отсюда является трудность, съ которою всегда приходится бороться историку науки, — трудность вѣрно присудить первенство во времени открытія. Интересный, хотя немножко горячій, споръ этого рода имѣлъ мѣсто недавно на страницахъ „Философскаго магазина", между Тиндалемъ и профессорами У. Томсономъ и Тейтомъ изъ Гласгова и Эдинбурга относительно заслугъ разныхъ изслѣдователей механической теоріи теплоты. Поводомъ къ первому возбужденію этого спора была лекція „о силѣ", читанная Тиндалемъ въ королевскомъ институтѣ іюня 6-го 1862 г., извлеченіе изъ которой находимъ и въ указанномъ нами сочиненіи. Въ этой лекціи Тиндаль вкратцѣ изложилъ предъ своими слушателями главнѣйшія изъ тѣхъ заключеній, къ которымъ повела механическая теорія теплоты. Онъ объясняетъ сперва, какъ измѣряется механическая работа, и какъ отъ нея всегда происходитъ теплота; онъ опредѣляетъ механическій эквивалентъ теплоты и доказываетъ отдѣленіе теплоты при столкновеніи тѣлъ. Онъ говоритъ своимъ слушателямъ, что когда работа производится дѣйствіемъ теплоты, то теплота исчезаетъ: и въ доказательство этого онъ приводитъ наблюденіе, сдѣланное Румфордомъ, что при стрѣльбѣ ядрами пушка нагрѣвается гораздо менѣе, чѣмъ при стрѣльбѣ холостымъ зарядомъ. Далѣе онъ указываетъ на громадный запасъ работы, заключающійся въ англійскихъ угольныхъ пластахъ. Фунтъ каменнаго угля при своемъ горѣніи производитъ количество теплоты, которое, будучи приложено механически, можетъ поднять сто фунтовъ на высоту двадцати миль надъ поверхностью земли; количество угля, разработываемаго ежегодно въ Великобританіи, простирается, по вычисленіямъ профессора Смита, до восьмидесяти четырехъ мильоновъ тоннъ; механическая работа, которую можетъ выполнить это количество угля, рѣшительно баснословна. Еслибъ сто восемь мильоновъ лошадей работали безостановочно день и ночь въ продолженіе года, то количество ихъ работы равнялось бы результату дѣйствія теплоты, развитой горѣніемъ вышеупомянутой массы каменнаго угля; или, иначе, Англія въ состояніи выполнить столько работы при помощи своего каменнаго угля, какъ будто у каждаго изъ ея жителей было по сту невольниковъ, готовыхъ исполнять всѣ его приказанія. Тиндаль потомъ переходитъ къ соображеніямъ относительно космическихъ явленій, на сколько они объясняются началами динамической теоріи теплоты, какъ, напримѣръ, поддержка солнечной теплоты паденіемъ астероидовъ, уменьшеніе скорости вращенія земли дѣйствіемъ прилива и отлива и теплота, которая образовалась бы при остановкѣ движенія земли по ея орбитѣ. Далѣе онъ разсматриваетъ важное вліяніе солнечнаго лучеиспусканія

на явленія жизни. Каждая дождевая капля или снѣжинка, каждый горный потокъ или полноводная рѣка происходятъ отъ дѣйствія солнечной теплоты. Силою солнечныхъ лучей воды океана поднимаются въ формѣ паровъ, и отъ сгущенія этой влаги атмосферы образуется каждая капля воды, текущей на поверхности земли. Мягкій лѣтній вѣтерокъ и опустошительный вихрь одинаково происходятъ отъ перемѣны въ температурѣ атмосферы, вслѣдствіе дѣйствія солнечныхъ лучей, между тѣмъ какъ постепенное разрушеніе первичныхъ скалъ и слѣдующее за тѣмъ образованіе слоистыхъ формацій представляютъ намъ громадные результаты могучаго дѣйствія солнечныхъ лучей въ геологическіе періоды. Подобное вліяніе солнечнаго лучеиспусканія не ограничивается однимъ неорганическимъ міромъ; ни одно растеніе не можетъ прозябать и, слѣдовательно, ни одно животное существовать безъ благотворнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Животное получаетъ запасъ работы, необходимой для поддержанія его жизни, отъ силъ, скрытыхъ въ растительномъ или животномъ организмѣ, которымъ оно питается; пища животнаго проходитъ чрезъ процессъ горѣнія или окисленія въ его тѣлѣ, и теплородъ, отдѣляющійся при этомъ, переходитъ въ механическую работу, такъ-что работа животнаго подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и работа паровой машины, снабжаемой растительнымъ топливомъ. Мы видимъ, что животное пріобрѣтаетъ свой запасъ работы отъ растенія; откуда же растеніе получаетъ количество работы, необходимой для его роста? Животное царство не можетъ получать запасъ работы отъ царства растительнаго, если послѣднее, въ свою очередь, не будетъ постоянно снабжено ею. Солнечные лучи составляютъ источникъ работы въ растеніи; только дѣйствіе солнечныхъ лучей даетъ ему возможность расти, потому что этотъ процессъ заключается въ химическомъ разложеніи углекислоты, содержащейся въ воздухѣ, на ея простыя начала; углеродъ идетъ на образованіе растительной ткани, кислородъ возвращается въ атмосферу, для поддержанія животной жизни. Для раздѣленія соотвѣтствующихъ частицъ углерода и водорода издерживается большой запасъ работы и эта работа совершается солнцемъ. Быстрыя колебанія солнечныхъ лучей поглощаются растеніями и работа ихъ переходитъ въ разъединеніе частицъ кислорода и углерода. При горѣніи растительныхъ тканей, углеродъ опять соединяется съ кислородомъ, образуя углекислоту, и теплота, которая была нужна прежде для разъединенія элементовъ, дѣлается снова явною, такъ-что движеніе поѣзда желѣзной дороги въ дѣйствительности произошло отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, освѣщавшихъ растенія каменно-угольнаго періода. Справедливо, какъ замѣчаетъ профессоръ Гельмгольцъ, что мы дѣти солнца не только въ поэтиче-

скомъ, но и въ чисто-механическомъ смыслѣ слова: и теплота нашего тѣла, и вся работа, нами совершаемая, имѣютъ свой прямой источникъ въ солнцѣ. Безъ пищи наше тѣло скоро бы соединилось съ кислородомъ. У человѣка, который вѣситъ сто пятьдесятъ фунтовъ, шестьдесятъ четыре фунта мускуловъ; но вѣсъ ихъ, когда они высохнутъ, уменьшится до пятнадцати фунтовъ. При обыкновенной работѣ въ продолженіе восьмидесяти дней, эта масса мускуловъ совершенно окислилась бы; органы, дѣйствующіе болѣе другихъ, окислились бы еще скорѣе; сердце, напримѣръ, черезъ недѣлю. Объяснивъ всѣ заключенія, извлеченныя изъ началъ термодинамики, Тиндаль заканчиваетъ свое описаніе такими словами:

«Кому же мы обязаны поразительнымъ обобщеніемъ сегодняшней вечерней лекціи? Все, что я изложилъ вамъ, представляетъ трудъ человѣка, о которомъ вы врядъ ли когда и слыхали. Все, сказанное мною, взято изъ трудовъ одного нѣмецкаго врача, по имени Мейера. Безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій и выполняя въ то же время обязанность городскаго врача въ Гейльбронѣ, этотъ человѣкъ первый усвоилъ себѣ яснымъ образомъ идею о взаимнодѣйствіи силъ природы. И между тѣмъ, имя его почти никогда не упоминается на ученыхъ лекціяхъ, и даже ученымъ его заслуги извѣстны только въ половину. На основаніи своихъ собственныхъ прекрасныхъ изслѣдованій, и совершенно независимо отъ Мейера, Джуль издалъ въ свѣтъ въ 1843 г. свой первый мемуаръ о «механическомъ измѣреніи теплоты»; но въ 1842 г. Мейеръ уже вычислилъ механическій эквивалентъ теплоты по даннымъ, которыми могъ воспользоваться лишь человѣкъ рѣдкой оригинальности. По быстротѣ движенія звука Мейеръ опредѣлилъ механическій эквивалентъ теплоты. Въ 1845 г. онъ издалъ мемуаръ «объ органическомъ движеніи» и приложилъ съ необычайною смѣлостью механическую теорію солнечной теплоты къ жизненнымъ отправленіямъ. Въ 1853 г. Уаттерстонъ предложилъ независимо съ своей стороны метеорологическую теорію солнечной теплоты, и въ 1854 профессоръ У. Томсонъ приложилъ свои удивительныя математическія способности къ разработкѣ той же теоріи: но шесть лѣтъ до того, этотъ вопросъ былъ уже мастерски разработанъ Мейеромъ, и все, что я говорилъ, извлечено изъ его розысканій.»

Столь смѣло высказанныя мнѣнія, относительно права Мейера на первое мѣсто между основателями механической теоріи теплоты, вызвали нѣкоторыя замѣчанія со стороны Джуля. По мнѣнію этого ученаго, великая заслуга Мейера состоитъ въ томъ, что онъ первый представилъ на судъ публики, нимало не заимствуясь изысканіями, сдѣланными до него, настоящую теорію теплоты; но предоставить Мейеру, или какому другому отдѣльному ученому, нераздѣльную славу открытія динамической теоріи теплоты было бы явною несправедливостью къ прочимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ къ разработкѣ этого важнаго вопроса физики. Джуль приводитъ мнѣнія и опыты Локка и Деви по

этому предмету, и цитируетъ одно мѣсто изъ книги, изданной въ 1832 г. Сегеномъ, „О вліяніи желѣзныхъ дорогъ.“ Французскій писатель доказываетъ, что общепринятая теорія теплоты приводитъ насъ къ самому нелѣпому заключенію, а именно, что опредѣленное количество теплоты можетъ произвести безконечное количество механическаго дѣйствія. „Мнѣ кажется болѣе естественнымъ,“ замѣчаетъ Сегенъ, „что извѣстное количество теплорода исчезаетъ при самомъ актѣ производства силы, или механическаго дѣйствія,“ и далѣе: „механическая сила, появляющаяся при пониженіи температуры газа, равно какъ и при всякомъ расширеніи тѣлъ, служитъ мѣрою этого пониженія температуры.“ Сегенъ также опредѣлилъ механическій эквивалентъ теплоты изъ механическаго дѣйствія, получаемаго при пониженіи температуры пара во время его расширенія,—и численный выводъ Сегена близко сходится съ числомъ, найденнымъ впослѣдствіи Мейеромъ. „Изъ этого мы можемъ видѣть“, говоритъ Джуль, „что уже многое было сдѣлано до появленія перваго мемуара Мейера въ 1842 г.—Мейеръ говоритъ то же самое, что и Сегенъ, но съ большею подробностью, ясностью и представляя болѣе многочисленные объяснительные примѣры. Онъ принимаетъ ту же гипотезу какъ и Сегенъ, что теплота, отдѣляющаяся при сжатіи упругой жидкости, равна по величинѣ сжимающей силѣ *а*), и они оба такимъ образомъ приходятъ къ одному эквиваленту.“ Джуль продолжаетъ, что, по его мнѣнію, въ то время не было никакихъ фактовъ для поддержанія такой ипотезы; что динамическая теорія теплоты не была основана ни Мейеромъ, ни Сегеномъ; что для этого нужны были опыты: однимъ словомъ, онъ смѣло утверждаетъ свое право на мѣсто перваго изслѣдователя, давшаго положительное доказательство основательности этой теоріи, что и признано было вообще другими физиками.—Тиндаль отвѣчалъ ему на это письмо, что въ своемъ предъидущемъ курсѣ лекцій о теплородѣ (онъ читалъ эти лекціи однако, по собственному сознанію, когда еще не былъ совершенно знакомъ съ объемомъ работъ Мейера) онъ отдалъ полную справедливость трудамъ Джуля, и что во всякомъ случаѣ, придерживаясь прежде высказанныхъ имъ мнѣній, онъ признаетъ за нимъ честь перваго изслѣдователя, основавшаго на опытахъ соотвѣтствіе механической работы и теплоты. Онъ говоритъ тутъ же однако, что, по его мнѣнію, методъ, употребленный Мейеромъ для опредѣленія механическаго эквивалента, совершенно вѣренъ и не требуетъ подтвержденія помощью опыта, но онъ ничего не упоминаетъ объ открытіи Сегена. Онъ объявляетъ также, что цѣль его лекціи

а) Собственно «работѣ сжатія».

была не представить исторію динамической теоріи теплоты, но просто поставить геніальнаго человѣка, къ которому судьба была несправедлива, въ положеніе, болѣе достойное его. Изъ вышеприведеннаго извлеченія однако видно, что первый, употребившій этотъ методъ, каковъ бы онъ ни былъ, Сегенъ, а не Мейеръ. Тиндаль, повидимому, не допускаетъ этого важнаго заключенія, такъ какъ въ письмѣ къ профессору Томсону, писанномъ позже, онъ приводитъ извлеченіе изъ интересной лекціи о механическомъ эквивалентѣ теплоты, читанной Вердэ въ Парижѣ, гдѣ только слегка упомянуто о трудахъ Сегена. Тиндаль прибавляетъ: „Я полагаю вѣроятнымъ, что Вердэ столько же извѣстно о трудахъ Сегена, какъ и вамъ (Томсону). Вердэ болѣе знакомъ съ работами Мейера, но онъ не видитъ, чтобы Сегенъ „уничтожалъ значеніе Мейера.“

Это замѣчаніе уже не относится прямо къ вопросу, поднятому профессорами Тейтомъ и Томсономъ, которые просто поддерживали фактъ, „что даже въ вычисленіи механическаго эквивалента Сегенъ предупредилъ Мейера, издавъ за три года до появленія его мемуара тѣ же самые численные результаты, выведенные изъ той же ипотезы.“ Въ слѣдующемъ письмѣ однако Тиндаль прямо приходитъ къ вопросу, объявляя, что онъ не зналъ и не знаетъ ничего о первенствѣ Сегена передъ Мейеромъ въ этомъ открытіи.

Профессоры Томсонъ и Тейтъ идутъ еще далѣе и, допуская, „что хотя послѣдніе мемуары Мейера необыкновенно интересны и достойны всякой похвалы, и хотя они гораздо выше первыхъ космическихъ соображеній Джуля, но они несомнѣнно позже появились въ свѣтъ.“ Въ то же время они высказываютъ мнѣніе, что „первый мемуаръ Мейера не заключалъ въ себѣ ничего новаго или положительнаго, кромѣ того только, что, по счастливому случаю, ему удалось приблизиться, на основаніи совершенно ложной ипотезы, къ довольно вѣрному результату.“

Чтобы рѣшить, на сколько вѣрно это смѣло-высказанное мнѣніе, мы должны разсмотрѣть внимательнѣе, что происходитъ въ тѣлахъ при ихъ сжиманіи или при ихъ столкновеніи. Если мы посмотримъ на ружейную пулю послѣ того, какъ она ударилась о мишень, мы увидимъ, что она не только горяча, но еще сплющена; предположивъ въ этомъ случаѣ, что нисколько теплоты развитой при ударѣ не перешло въ мишень, мы найдемъ, что пуля нагрѣлась не на столько, какъ если бы вся ея механическая работа перешла въ теплоту. Часть работы пошла на то, чтобы сплющить пулю, перемѣнивъ относительное положеніе составляющихъ ее частицъ свинца, и потому она потеряна какъ теплота, такъ что еслибъ изъ подобнаго опыта мы стали вычислять механическій эквивалентъ теплоты, то непремѣнно получили бы не-

вѣрный результатъ. О теплотѣ, пропадающей такимъ образомъ, говорятъ, что она совершаетъ внутреннее дѣйствіе, между тѣмъ какъ ощутительная ея часть проявляется внѣшнимъ дѣйствіемъ; и когда мы хотимъ получить настоящій эквивалентъ для полнаго количества развившейся теплоты, мы должны обратить вниманіе, чтобы ни одна часть ея не пошла на перемѣну частичнаго расположенія тѣла, потому что, какъ замѣчаетъ по этому случаю Вердэ въ своей лекціи, „это большая ошибка устанавливать отношеніе равенства, какъ дѣлаютъ иногда, между количествомъ поглощенной пулею теплоты и внѣшнимъ механическимъ дѣйствіемъ *a*). Но почти во всѣхъ случаяхъ при сжиманіи тѣлъ получается довольно значительное количество внутренняго (частичнаго) дѣйствія, а Мейеръ предполагаетъ приложеніе равенства между количествомъ теплоты и внѣшнимъ ея дѣйствіемъ безразлично для всѣхъ тѣлъ, будь они газообразныя, жидкія или твердыя, и приводитъ какъ причину, почему онъ выбралъ воздухъ для приложенія этого принципа къ вычисленію, лишь то, что во время когда онъ писалъ, это было единственное тѣло, о которомъ существовали данныя, требуемыя для рѣшенія вопроса.“ Вышеприведенное замѣчаніе профессоровъ Томсона и Тейта можетъ быть совершенно вѣрно, и потому методъ, принятый Сегеномъ и Мейеромъ, могъ быть неточенъ въ научномъ отношеніи; но все-таки нельзя отвергнуть, что первый мемуаръ Мейера представляетъ весьма важное приращеніе къ нашему знанію о численномъ соотвѣтствіи физическихъ силъ. Такъ, напримѣръ, онъ ясно указываетъ на опытный методъ, употребленный Джулемъ для опредѣленія механическаго эквивалента. „Мы должны найдти,“ говоритъ Мейеръ въ своемъ мемуарѣ, изданномъ въ 1842 г., „на какую высоту должно поднять извѣстный грузъ надъ поверхностью земли, чтобы сила, которая произойдетъ отъ его паденія, соотвѣтствовала нагрѣванію такого же вѣса воды, нагрѣтой отъ 0° до 1° по Цельсію.“ Если Тиндаль не вѣрно опредѣлилъ относительныя заслуги Джуля, Сегена и Мейера въ отысканіи механическаго эквивалента теплоты, то мы должны также замѣтить, что профессоры Томсонъ и Тейтъ не отдали полной справедливости Мейеру, за его необыкновенно ясный взглядъ на зависимость космическихъ явленій отъ механической теоріи теплоты.

Статья, напечатанная этими учеными, „съ цѣлью исправить неточныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, распространяющіяся чрезъ посредство популярныхъ журналовъ,“ появилась въ журналѣ „Добрыя слова“ (Good Words). Изложивъ въ своей статьѣ главныя начала те-

---

a) Т. е. не брать во вниманіе внутренняго частичнаго дѣйствія теплоты.

оріи, авторы наконецъ спрашиваютъ: откуда происходитъ запасъ работъ, совершаемыхъ нашими гидравлическими колесами и образующихъ нашъ каменный уголь? Что производитъ работу, заключенную въ кускѣ говядины или въ хлѣбѣ? Эти великіе вопросы, какъ заключаетъ Тиндаль, были разрѣшены Мейеромъ (также, прибавимъ, Стефенсономъ, Гершелемъ и другими) семнадцать лѣтъ до появленія ихъ статьи, и авторы едва упоминаютъ его имя. Вердэ, съ другой стороны, признаетъ отчасти труды Мейера слѣдующимъ образомъ: „Эти идеи,“ говоритъ онъ, „въ первый разъ распространенныя Ю. С. Мейеромъ, на столько же подвинули впередъ физіологію, какъ открытія Лавуазье и де Сенебье по части дыханія.“

Но, при всемъ томъ, не слѣдуетъ забывать, что еще задолго до появленія въ свѣтъ статей Мейера, зависимость земныхъ работъ отъ лучей солнца была ясно высказана сэромъ Джономъ Гершелемъ въ 1833 г. Слова этого образцоваго ученаго такъ замѣчательны, что мы не можемъ не привести одного мѣста изъ его „Очерковъ астрономіи“, относящееся къ этому предмету:

«Солнечные лучи — источникъ всякаго движенія происходящаго на поверхности земли. Ихъ теплота производитъ всѣ вѣтры и тѣ измѣненія въ нарушеніи равновѣсія въ электричествѣ атмосферы, которыя пораждаютъ явленія земнаго магнетизма. Подъ вліяніемъ ихъ животворнаго дѣйствія, неорганическое вещество переходитъ въ растенія, которыя, въ свою очередь, идутъ на пропитаніе животныхъ и человѣка и образуютъ тѣ запасы динамическаго дѣйствія которые представляются намъ въ пластахъ каменнаго угля. Ихъ дѣйствіемъ воды океана поднимаются въ воздухъ въ видѣ паровъ и орошаютъ землю, пораждая ключи и рѣки; отъ нихъ происходятъ тѣ измѣненія въ механическомъ равновѣсіи элементовъ природы, которыя, посредствомъ ряда соединеній и разложеній, производятъ новые продукты. Даже постепенное разрушеніе земной поверхности, въ чемъ и состоятъ ея главныя геологическія измѣненія, и раствореніе ея составныхъ частей въ водахъ океана суть слѣдствія дѣйствія вѣтра, дождя, приливовъ и перемѣнъ временъ года.»

Разбирая главные пункты этого спора, мы видимъ, что Тиндаль когда читалъ свою лекцію „о силѣ“ въ іюнѣ 1862 г., былъ незнакомъ съ вычисленіями Сегена и что онъ, вслѣдствіе того, далъ излишнее преимущество заслугамъ Мейера; очень вѣроятно также, что профессоры Тейтъ и Томсонъ, при изданіи ихъ статьи въ „Добрыхъ словахъ“, не видѣли послѣднихъ статей Мейера (онѣ были изданы въ формѣ брошюръ, и Тиндаль ознакомился съ ними только за нѣсколько мѣсяцевъ до того), и потому не придали ему того значенія, которое онъ (какъ они впослѣдствіи и сами сознались) заслужилъ своими трудами.

Довольно трудное и щекотливое, хотя и неизбѣжное дѣло—отдать полную справедливость каждому изъ тружениковъ науки; основываясь

на вышеприведенныхъ фактахъ и помня, что „наука не имѣетъ отечества“, мы соглашаемся съ мнѣніемъ современнаго французскаго писателя, назвавшаго мемуаръ Джуля, помѣщенный въ „Философскихъ запискахъ“ „провозвѣстникомъ новой философіи термо-динамики“; но, въ то же время, мы не должны забывать, что труды Мейера, Гелмгольца, Клаузіуса, Рэнкина, Гирна и другихъ, въ особенности же точныя изслѣдованія У. Томсона, много способствовали къ расширенію и пополненію нашего знакомства съ этимъ предметомъ *a*).

Термо-динамическая теорія объясняетъ не только переходъ теплоты въ механическое дѣйствіе,—эта теорія разъясняетъ также многія изъ самыхъ сложныхъ явленій природы, такъ напримѣръ: вопросы о скрытой теплотѣ, о теплотѣ, отдѣляющейся при химическихъ соединеніяхъ. Если мы нагрѣемъ фунтъ льда до температуры 32° по Фаренгейту, то найдемъ, что когда весь ледъ растаялъ, температура воды нисколько не повысилась, и термометръ, по-прежнему, показываетъ 32°, хотя прибавившееся количество теплоты было бы достаточно, чтобы возвысить температуру фунта воды отъ 32° до 143° по Фаренгейту. Если потомъ мы станемъ нагрѣвать растаявшій ледъ, температура его будетъ возвышаться до 212°, когда вода начнетъ кипѣть. Термометръ теперь будетъ стоять на этой точкѣ, отъ воды будетъ отдѣляться паръ той же температуры, пока она вся не выкипитъ, и чтобы превратить фунтъ воды 212° въ фунтъ пара той же температуры, потребуется количество теплоты въ 967 разъ большее того, которое нужно для нагрѣванія фунта воды на 1° по Фаренгейту. Поэтому говорятъ, что *скрытая* теплота воды 143°, а пара 967° по Фаренгейту; и теплота эта названа *скрытою* первыми изслѣдователями факта потому, что количество теплоты, употребляемое на таяніе льда и кипѣніе воды, не обнаруживается термометромъ. Механическая теорія теплоты показываетъ намъ однако, куда дѣлась эта скрытая теплота. Согласно этой теоріи, упомянутая теплота производитъ внутреннее дѣйствіе: она удаляетъ одну отъ другой частицы льда для образованія воды, или частицы воды для образованія пара, и опять дѣлается явною при замерзаніи воды или при осѣданіи пара. Количество теплоты, отдѣляющейся при этихъ перемѣнахъ физическаго состоянія, весьма незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, которое

a) Въ послѣдней (іюльской) книжкѣ ученаго англійскаго журнала «The London, Edinburgh and Dublin Philosophical magazine and journal of science» Тиндаль посвятилъ большую статью подъ названіемъ «Notes ou scientific history» полемикѣ, о которой здѣсь только что говорено. Онъ приводитъ самый текстъ словъ Мейера, Сегена, Джуля, Гершеля, Гельмольца, Томсона и другихъ, вполнѣ или въ сокращеніи, на сколько они подходятъ къ разсматриваемому вопросу, такъ что читатель имѣетъ въ рукахъ матеріялъ для обсужденія послѣдняго, и, по видимому, Тиндаль болѣе правъ, чѣмъ его противники.

развивается при соединеніи химическихъ элементовъ воды. Химія показываетъ, что 1 фунтъ водорода соединяется съ 8-ю фунтами кислорода для образованія 9 ф. воды, и при этомъ соединеніи отдѣляется достаточно теплоты, чтобы возвысить температуру 61,200 фунтовъ воды на одинъ градусъ по Фаренгейту. Такъ какъ 772 фунта, поднятыхъ на 1 футъ, представляютъ механическій эквивалентъ теплоты, нужной для возвышенія температуры фунта воды на 1° по Фаренгейту, то ясно, что при химическомъ соединеніи кислорода съ водородомъ для образованія 9 фунтовъ воды, отдѣляется достаточно теплоты, чтобы поднять грузъ въ 47,000,000 фунтовъ на высоту одного фута. Теплота, отдѣляющаяся при переходѣ того же количества воды изъ парообразнаго состоянія въ капельно-жидкое, представляетъ механическую работу, равную 6,718,716 фунто-футамъ; при переходѣ же изъ жидкаго состоянія въ твердое развивается механическое дѣйствіе, равное 993,564 фунто-футамъ.

«Такимъ образомъ,» говоритъ Тиндаль, «наши 9 фунтовъ воды, въ своемъ происхожденіи и постепенныхъ переходахъ, падаютъ въ три огромныя пропасти: первое паденіе можетъ быть представлено грузомъ одной тонны, падающей дѣйствіемъ тяжести въ пропасть 22,230 футовъ глубиною; второе — паденію тонны въ пропасть 2,900 футовъ глубиною, третье — паденію тонны въ пропасть 433 фута глубиною.... Я ,кажется, нисколько не преувеличу, сказавъ, что дѣйствіе тяжести на поверхности земли почти ничтожно при сравненіи съ этими частичными силами. Припомнимъ, какое разстояніе отдѣляетъ атомы одинъ отъ другаго до ихъ соединенія — разстояніе неизмѣримо-малое; но все же, при переходѣ чрезъ это разстояніе, они пріобрѣтаютъ достаточную скорость, чтобы двигаться на встрѣчу другъ къ другу съ страшною силою, выражаемою предъидущими цыфрами.»

Пропуская описаніе интересныхъ изслѣдованій Тиндаля о лучистой теплотѣ, мы укажемъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ космическихъ явленій, объясняемыхъ механическою теоріею теплоты, о которыхъ Тиндаль упоминалъ въ своей послѣдней лекціи. Мы уже видѣли, что теплоты, происходящей отъ тяготѣнія земли (т. е. паденія земли на солнце), хватило бы для солнца, приблизительно, на столѣтіе; мы узнаемъ теперь изъ изслѣдованій профессора У. Томсона, что теплота, представляющая результатъ тяготѣнія всѣхъ планетъ, равняется количеству теплоты, которая отдѣлилась бы процессомъ лучеиспусканія отъ солнца въ 45,589 лѣтъ, между тѣмъ какъ теплота, которая развилась бы при остановкѣ вращенія всѣхъ планетъ вокругъ ихъ осей, равнялась бы количеству теплоты, отдѣляемой солнцемъ въ 134 года. Гелмгольцъ доказалъ, въ очень замѣчательномъ мемуарѣ о сохраненіи силы, что если солнечная система состояла когда либо изъ весьма рѣдкой туманной массы, то механическое дѣйствіе взаимнаго тяготѣнія частицъ этой массы превышало бы

въ 454 раза дѣйствіе тяготѣнія въ нашей системѣ: $^{453}/_{454}$ первобытнаго тяготѣнія уже израсходовано въ формѣ теплоты, оставшаяся намъ $^{1}/_{454}$ часть, будучи превращена въ теплородъ, возвысила бы температуру массы воды, равную всей солнечной системѣ, до 28,000,000° по Цельсію. Температура Друмондова свѣта около 2,000° Ц., температура 28,000,000° недоступна нашему воображенію. Еслибъ вся наша планетная система состояла изъ чистаго каменнаго угля, то при ея горѣніи отдѣлилось бы $^{1}/_{3500}$ часть этого страшнаго количества теплоты. Приведемъ краснорѣчивыя слова Гельмгольца:

«Но хотя запасъ силы въ нашей планетной системѣ такъ великъ, что постоянная растрата ея со временъ существованія человѣка не уменьшила замѣтнымъ образомъ ея количества, и хотя страшный періодъ времени, который долженъ пройти прежде, чѣмъ какая-либо замѣтная перемѣна произойдетъ въ нашей планетной системѣ, рѣшительно недоступенъ воображенію человѣка; но тѣмъ не менѣе, неумолимые законы механики показываютъ намъ, что этотъ запасъ силы, постоянно убывающей и никогда не получающей приращенія, долженъ наконецъ истощиться. Ужаснемся ли мы при этой мысли? Люди обыкновенно понимаютъ величіе природы только въ ея отношеніи къ благоденствію и къ продолженію ихъ рода; но прошедшая исторія земли показываетъ, какъ незначителенъ тотъ періодъ времени, въ продолженіе котораго она была обиталищемъ человѣка. Мы смотримъ съ удивленіемъ на остатки Египта и Ассиріи въ музеяхъ Европы, и наше воображеніе измѣняетъ намъ, когда мы стараемся представить себѣ этотъ отдаленный періодъ времени. Но человѣческое племя существовало и размножалось еще задолго до построенія пирамидъ. Исторія человѣческаго рода обыкновенно обнимаетъ періодъ въ 6,000 лѣтъ *а*); но какъ ни огроменъ этотъ промежутокъ времени, онъ ничто въ сравненіи съ періодами, въ продолженіе которыхъ земля производила гигантскія растенія и могучихъ животныхъ, но не людей! — періодами, въ продолженіе которыхъ въ нашемъ округѣ (около Кенигсберга) цвѣло янтарное дерево и проливало свою цѣнную смолу на землю и въ море; когда въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ процвѣтали рощи тропическихъ пальмъ, гдѣ бродили гигантскія ящерицы, а послѣ нихъ слоны, могучіе останки которыхъ мы еще до сихъ поръ находимъ въ нашей землѣ *б*)? Разные геологи, на основаніи многоразличныхъ соображеній, старались опредѣлить продолжительность вышеупомянутаго періода времени и допускали для него отъ одного до девяти милліоновъ лѣтъ. Но время существованія органическихъ существъ опять незначительно въ сравненіи съ тѣми періодами, въ продолженіе которыхъ земля представляла расплавленную минеральную массу. Опыты Бишофа надъ базальтомъ показали, что для охлажденія земнаго шара отъ 2,000° Цельс. до 200° Цельс. потребовалось бы 350 милліоновъ лѣтъ. Что же касается до періода,

---

а) Нынче это число гораздо значительнѣе. См. «Загр. Вѣстникъ» I, 212 и слѣд., и II, 261, 399. Впрочемъ, при измѣненіи этого числа, результаты Гельмгольца все-таки остаются вообще справедливыми.

б) О современности человѣка первобытнымъ слонамъ, elephas meridionalis, см. «Загр. Вѣстникъ» I, 213, прим.

въ продолженіе котораго сгущалась первобытная туманная масса, то тутъ наши догадки должны совершенно остановиться. Исторія человѣка, слѣдовательно, не болѣе, какъ слабая струя въ безконечномъ океанѣ времени. Условія неорганической природы, выгодныя для человѣческаго существованія, обѣщаютъ имѣть мѣсто въ продолженіе гораздо бо́льшаго времени, чѣмъ минувшій періодъ жизни человѣчества, такъ что намъ нечего бояться за себя и за многочисленныя поколѣнія нашего потомства. Но тѣ же самыя силы воздуха, воды и волканической внутренности планеты, силы, которыя производили прежніе геологическіе перевороты и погребали цѣлыя поколѣнія живыхъ существъ, все еще дѣйствуетъ на кору земную *а*). И имъ-то, скорѣе чѣмъ отдаленнымъ переворотамъ, предстоитъ положить конецъ существованію рода человѣческаго, и тогда, можетъ быть, насъ смѣнятъ болѣе совершенныя живыя существа, подобно тому, какъ мы и наши современники смѣнили собою гигантскихъ ящерицъ и мамонта.»

Говоря о всюду распространенномъ дѣйствіи солнца на землю, Тиндаль замѣчаетъ, что, за исключеніемъ изверженій волкановъ и морскаго прилива и отлива, всѣ проявленія механическихъ, неорганическихъ или органическихъ силъ на поверхности земной происходятъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Онъ продолжаетъ такъ:

«Солнечная теплота удерживаетъ море въ жидкомъ и атмосферу въ газообразномъ состояніи, и каждая буря, какъ въ томъ, такъ и въ другой, происходитъ отъ дѣйствія солнца. Оно подымаетъ рѣки и массы льда на вершины горъ, и водопадъ низвергается силою, заимствованною отъ солнца. Громъ и молнія также проявленія его силы.... Солнце возростило весь растительный міръ, а чрезъ него и міръ животныхъ: полевые цвѣты, зелень луговъ и стада, пасущіяся на нихъ,—его произведенія. Оно образуетъ мускулъ, движетъ кровь, формируетъ мозгъ. Оно даетъ силу льву, оно прыгаетъ пантерой, заносится подъ облака орломъ, пресмыкается змѣей... Оно разливаетъ свою работу безразлично въ цѣлое пространство; нашъ міръ есть опредѣленное пространство, гдѣ его сила обусловливается. Здѣсь этотъ Протей совершаетъ свои чары: одно и то же вещество принимаетъ тысячи разныхъ формъ и оттѣнковъ, и наконецъ разсѣевается въ своей первобытной, неуловимой формѣ; солнце доходитъ до насъ какъ теплота, и оно оставляетъ насъ какъ теплота, и между этими двумя моментами мы видимъ всѣ безчисленно-разнообразныя проявленія дѣятельности на земномъ шарѣ. Но всѣ они только представляютъ извѣстныя формы его дѣятельности,— формы, временно облекающія эту дѣятельность при ея переходѣ изъ его источника въ безконечность. Если мы взглянемъ съ настоящей точки на открытія и обобщенія современной науки, то мы увидимъ въ нихъ самую возвышенную поэму, когда-либо говорившую воображенію человѣка. Современный физикъ живетъ между созданіями, передъ которыми ничто самыя грандіозныя фантазіи Мильтона *б*).

а) Здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать не только внезапные перевороты, гипотеза которыхъ все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ геологіи, а и медленное, но постоянное дѣйствіе силъ природы.

б) Это сравненіе неумѣстно, потому что творчество научное и художественное выходятъ изъ различныхъ человѣческихъ потребностей и не могутъ быть сравниваемы.

Какъ ни грандіозны истины, высказанныя въ этой тирадѣ, но все-таки мы не можемъ читать ихъ безъ сожалѣнія, что въ этихъ нѣсколько напыщенныхъ выраженіяхъ авторъ хотѣлъ высказать, какъ бы полный очеркъ положенія дѣла. Если таково дѣйствительно было намѣреніе д-ра Тиндаля, то мы никакъ не можемъ принять его односторонній взглядъ на природу. Услышавъ такія слова, полуобразованный энтузіастъ можетъ вообразить, что вліяніемъ солнечныхъ лучей объясняются всѣ земныя явленія, вся жизнь, вся природа; что теперь всякое познаніе природы должно быть извлечено изъ этого источника, что такъ какъ солнечный лучъ „строитъ мускулъ и формируетъ мозгъ", то всѣ тайны жизни уже открыты и всякое умственное и физическое дѣйствіе можетъ быть объяснено. Но какъ все это далеко отъ истины! И въ какое заблужденіе впадетъ человѣкъ, думающій такъ! Тиндаль знаетъ это не хуже насъ; но, желая быть яснымъ и съ цѣлью сосредоточить вниманіе слушателей на одномъ предметѣ, онъ намѣренно не захотѣлъ упомянуть о тѣхъ глубинахъ, которыя остаются еще неизслѣдованными въ наукѣ природы. Одна изъ трудностей, представляющихся при чтеніи публичныхъ лекцій, это представить предметъ въ такой формѣ, чтобы публика поняла его въ настоящемъ свѣтѣ во всѣхъ его отношеніяхъ, и чтобы, рисуя яркими красками одну сторону картины, не утратить гармоніи цѣлаго. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше, еслибъ Тиндаль въ заключеніе напомнилъ своимъ слушателямъ, что какъ ни много сдѣлала наука, она далеко еще не сдѣлала всего. Еслибъ онъ только намекнулъ на наше совершенное невѣдѣніе той скрытой дѣятельности, которая роститъ дубъ изъ желудя, или строитъ изъ простой ячейки всѣ многоразличныя формы животной жизни, онъ яснѣе представилъ бы своимъ слушателямъ современное состояніе науки, къ которой еще прилагаются слова Ньютона: „Мнѣ казалось, что я былъ ребенкомъ, игравшимъ на берегу моря, между тѣмъ, какъ океанъ неизвѣданной истины разстилался предо мною *a*)."

---

a) Мы еще не читали въ журналахъ, но намъ передавали со словъ одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, что Магнусъ произвелъ недавно опытъ, который поставилъ въ тупикъ приверженцевъ механической теоріи теплоты (т. е. большинство ученыхъ физиковъ). Именно Магнусъ, какъ слышно, измѣривъ количество теплоты, отдѣляемой газовымъ пламенемъ, ввелъ въ него платиновую проволоку съ солью калія. Повидимому, часть теплоты должна была быть употреблена на раскаленіе проволоки и испаренія соли, а потому количество лучистой теплоты должно бы уменьшиться; между тѣмъ оно значительно увеличилось. Конечно, по всей вѣроятности, найдутъ возможность объяснить и этотъ опытъ (если мы его вѣрно передали по слухамъ) согласно механической теоріи теплоты, потому что неуничтожаемость работы въ разныхъ ея формахъ едва ли можетъ быть подвержена сомнѣнію. Хотя металлы и не употребляются кухарками вмѣсто растопки, но фейерверкеры знаютъ, что есть условія при которыхъ металлы увеличиваютъ пламя.

ПРЕДѢЛЫ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

(ПО ЛЕКЦІИ ЯК. МОЛЕШОТТА).

По вѣчнымъ, желѣзнымъ
Великимъ законамъ
Обязаны всѣ мы
Кругъ жизни свершать.
Гете.

Милостивые государи!

Одинъ древній мудрецъ сказалъ, что человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей, и это будетъ совершенно справедливо, если только мы не забудемъ, что человѣкъ, предпринимая свои измѣренія, не имѣетъ въ виду ничего другаго, какъ измѣрять *для человѣка же.* Ограничивъ такимъ образомъ слова Протагора, мы находимъ, что они заключаютъ въ себѣ одну изъ величайшихъ истинъ, способную возбудить въ человѣкѣ духъ изслѣдованія, внушить ему надежду, что цѣль его трудовъ можетъ быть достигнута, и поддержать его рѣшимость въ виду неизбѣжныхъ затрудненій.

Глубокій смыслъ приведеннаго изрѣченія заключаетъ признаніе, что міръ можетъ быть измѣренъ человѣкомъ; такая мѣра не могла бы устоять, если бы между человѣкомъ и предметами окружающаго его міра, не существовало опредѣленныхъ, необходимыхъ отношеній. Какъ бы различны, подвижны, шатки и измѣнчивы ни были предметы во вселенной, ихъ сущность и движеніе, ихъ колебаніе и измѣненіе соотвѣтствуютъ постояннымъ законамъ природы. Точно также и мѣра вещей, всегда и вездѣ повинующихся естественному порядку,

должна опираться на ненарушимую и неизмѣнную сущность; она немедленно потеряла бы главный и отличительный признакъ мѣры, если бы случай могъ измѣнить сущность. Законъ, обнимающій все, долженъ распространяться и на человѣка.

Уразумѣніе и признаніе закона, нами понятаго, которому подчинены дѣйствія и недѣятельность, болѣзнь и смерть человѣка, не затруднитъ того, кто изслѣдованіемъ человѣческой природы дошелъ до пониманія, что человѣкъ есть часть вселенной, законы которой онъ открываетъ, усматривая вліяніе ихъ на себѣ; той вселенной, гдѣ онъ находилъ неправильности, тѣмъ болѣе частыя и значительныя, чѣмъ поверхностнѣе и несовершеннѣе были его познанія о явленіяхъ ея, и объ отношеніи этихъ явленій между собою. Человѣкъ коренится въ землѣ, потому что онъ тѣсно связанъ съ нею растеніями, посредственно или непосредственно служащими ему пищей; его жизнь зависитъ отъ воздуха, безъ котораго пища не могла бы превращаться въ мясо и кровь; солнце способствуетъ не только прозябанію растеній, годныхъ въ пищу, но и непосредственно жизненности отправленій человѣка; дневное обращеніе земнаго шара обусловливаетъ въ извѣстное время возвращающійся покой, который возстановляетъ силу мозга и мускуловъ; отъ движенія земли происходитъ вѣтеръ, который, въ свою очередь, производитъ волны; и то и другое имѣетъ вліяніе на человѣческую жизнь, равно какъ теплота и давленіе атмосферы. Большинство не знаетъ объ этихъ вліяніяхъ, или, если оно ихъ и знаетъ, то не обращаетъ на нихъ вниманія, потому именно, что вліянія эти воспринимаются слишкомъ правильно. Ихъ считаютъ вполнѣ естественными, но упускаютъ изъ виду, что эта естественность есть лишь подчиненіе закону, что человѣкъ не размышляетъ о своей зависимости отъ природы именно потому, что слишкомъ привыкъ къ этой неизбѣжной зависимости, и что человѣческое знаніе имѣетъ значеніе лишь вслѣдствіе подчиненія мысли испытателя естественнымъ законамъ, точно также, какъ имъ подчиняются и свойства любаго предмета, разбираемаго мыслію, потому что эти законы столь же постоянны, какъ и родъ человѣческій. Органы чувствъ человѣка находятся въ неразрывной связи съ явленіями окружающей его природы, и эта связь обнаруживается тѣмъ яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ полнѣе развившееся человѣчество измѣряетъ природу.

Итакъ, мѣра, найденная человѣкомъ, есть мѣра человѣческая; она безусловна, потому что каждое истинное отношеніе между двумя предметами — хотя бы однимъ изъ нихъ былъ самъ человѣкъ — заключаетъ безусловное свойство вселенной. Но эта мѣра и относительна, такъ какъ упомянутое отношеніе существуетъ между двумя факто-

рами, изъ которыхъ одинъ можетъ уступить свое мѣсто какому-нибудь другому предмету. Отношеніе, существующее между человѣкомъ и наблюдаемымъ предметомъ, становится мѣрою, какъ для человѣка, такъ и для этого предмета. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ, измѣряя всѣ предметы, подъ конецъ измѣряетъ и самого себя. Изслѣдованіе природы должно привести къ тому, что мы узнаемъ чувствительность нашей мѣры, то есть предѣлы человѣческой природы, и наоборотъ, намъ необходимо знаніе человѣческой природы, если мы хотимъ употребить человѣческіе пріемы для изслѣдованія сущности вселенной.

Въ настоящее время физіологи занимаются этимъ изслѣдованіемъ, и, работая надъ отысканіемъ предѣловъ человѣческой природы, всѣ они знаютъ, что участвуютъ въ рѣшеніи одной изъ высшихъ задачъ всеобъемлющей науки, т. е. пониманія міра.

Внѣшній міръ доставляетъ намъ неистощимый запасъ матеріаловъ для нашего тѣла, если и не въ смыслѣ общественной науки, то въ смыслѣ естествознанія; для того, чтобы эти матеріалы могли превращаться въ кровь, мясо и кости, нужны соки, выдѣляемые въ организмѣ извѣстными органами, называемыми желѣзами. Съ помощью этихъ жидкостей, пища размельчается, растворяется и превращается въ составныя части крови. Между тѣмъ, количество пищеварительныхъ соковъ, которые выдѣляются и изливаются въ пищеварительныя полости у взрослаго, въ продолженіе одного дня (количество слюны и желудочнаго сока, желчи, сока поджелудочной желѣзы, кишечнаго сока и слизи), не превышаетъ 23 килограммовъ *a*), при чемъ болѣе $22\frac{1}{2}$ килограммовъ составляетъ вода. Такого количества достаточно, чтобы превратить въ кровь $3\frac{1}{2}$ килограмма пищи и питья, поглощаемыхъ взрослымъ въ продолженіе рабочаго дня. Значительно увеличенный пріемъ питательныхъ веществъ переполнилъ бы кишечный каналъ, не обогативъ крови, и, слѣдовательно, не принесъ бы пользы мускуламъ и нервамъ, т. е. тѣмъ тканямъ, которыя занимаютъ первое мѣсто въ человѣческой работѣ.

Намъ могли бы замѣтить, что увеличенный пріемъ пищи увеличилъ бы отдѣленіе пищеварительнаго сока, такъ что граница этого отдѣленія, которую мы пытались опредѣлить, есть граница кажущаяся. На это мы отвѣтимъ, что пища не можетъ превратиться въ мясо и кровь безъ содѣйствія вдыхаемаго нами кислорода; вѣсъ же кислорода, вдыхаемаго взрослымъ въ продолженіе дня, не доходитъ до одного килограмма; конечно, умѣренная работа можетъ увеличить дѣятельность

a) 1 килогаммъ = 2,4419 фунтамъ.

дыхательныхъ мышцъ и сердца, такъ что вліяніе воздуха на питаніе тѣла будетъ усилено. Охотникъ, вдыхая большее количество кислорода, чѣмъ праздный лаццарони, переваритъ и больше говядины. Но если охота слишкомъ продолжительна, утомленіе мускуловъ ослабляетъ дѣятельность дыханія, и вмѣстѣ съ нею весь процессъ питанія, т. е. обновленіе крови и тканей, перемежающееся образованіе и разрушеніе которыхъ составляетъ неизбѣжное условіе всякой дѣятельности духа, на столько же, какъ движенія руки. Такимъ образомъ, сила пищеваренія имѣетъ свои границы, точно также, какъ и вліяніе кислорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе тканей изъ крови. Но если бы этого и не было, все-таки образованіе крови и мяса было бы подчинено непреложнымъ количественнымъ законамъ, потому что всасываніе, съ помощью котораго перевариваемая пища переходитъ въ млечные и въ кровеносные сосуды, зависитъ отъ величины поверхности кишекъ и отъ давленія, которое прогоняетъ частью растворенную, частью измельченную пищу изъ полости кишекъ по направленію теченія хилуса и крови.

Дѣятельность органовъ разрушаетъ составныя части тканей, изъ которыхъ эти органы состоятъ. Итакъ, если мы знаемъ продукты этого разрушенія, то по нимъ можемъ судить о бо́льшей или мѐньшей дѣятельности организма. Но эта дѣятельность сообразуется со скоростью дыханія, потому что кислородъ способствуетъ не только строенію развивающихся тканей, но и разрушенію ихъ. Такъ, напр., если мы знаемъ, что взрослый, въ продолженіе рабочаго дня, выдыхаетъ около килограмма углекислоты, теряетъ немного болѣе 3 килограммовъ воды, отдѣляетъ отъ 30 до 40 граммовъ мочи, — не говоря о менѣе важныхъ отдѣленіяхъ, — то мы будемъ имѣть мѣру для обновленія и разрушенія матеріаловъ, которые суть источники тѣлесныхъ силъ *a*).

Съ перваго взгляда никто не могъ бы подумать, что правильное движеніе трехъ или четырехъ килограммовъ пищи, соединяющейся съ однимъ килограммомъ кислорода, можетъ произвести механическія дѣйствія, сумма которыхъ приводитъ въ изумленіе каждаго, кто не занимался ихъ изслѣдованіемъ.

Сердце играетъ роль локомотива, доставляющаго все нужное для питанія и оживленія органовъ всѣхъ частей тѣла. Ритмическія сокра-

---

a) Кетлэ говоритъ, что 30-ти-лѣтній мужчина, средній вѣсъ котораго равняется 63,65 килогр., отдѣляетъ среднимъ числомъ, въ продолженіе 24 часовъ:
Углекислоты. . . . . . . 363 грамма; воды. . . . . . . 3120 граммовъ;
Мочевины . . . . 31 граммъ; мочевой кислоты 0,6 грамм.

щенія одного мускула замѣняютъ напряженіе пара. Сердце, прогоняя всю массу крови по сомкнутой системѣ сосудовъ, должно одолѣть противодѣйствія, поглощающія большую часть его силы. Работа, производимая въ продолженіе дня сокращеніями сердца, которыхъ въ минуту происходитъ около 70, соотвѣтствуетъ поднятію груза въ 80,000 килограммовъ на высоту одного метра. Къ этой работѣ должно прибавить еще ежедневную работу дыхательныхъ мышцъ, способную поднять на такую же высоту 1,000 килогр. Кромѣ того, должно замѣтить, что отличный рабочій можетъ работать 10 часовъ въ день, и что силы, употребленной имъ въ это время, достаточно, чтобы поднять 400,000 килогр. на высоту одного метра *а*).

Сложивъ эти работы, мы увидимъ, что человѣкъ, посвящающій весь день труду, произведетъ работу, равняющуюся почти 481,000 механическихъ единицъ, т. е. что силы, развивающейся при движеніи сердца, груднаго ящика и членовъ, достаточно, чтобы поднять болѣе 480,000 килогр. на высоту одного метра *б*).

Кромѣ того, человѣческій организмъ производитъ, помощью химическихъ процессовъ, въ немъ происходящихъ, количество теплоты, достаточное для того, чтобы нагрѣть до кипѣнія 27 килогр. воды при 0° *в*). Но мы знаемъ, что теплота производитъ движеніе, такъ что единицѣ теплоты соотвѣтствуетъ опредѣленное количество механической работы, и это количество считается механическимъ эквивалентомъ теплоты. Количество теплоты, развивающееся въ продолженіе 24 часовъ въ человѣческомъ тѣлѣ, соотвѣтствуетъ работѣ, достаточной для того, чтобы поднять болѣе 1,100,000 килогр. на высоту одного метра.

Такимъ образомъ, непосредственная механическая работа человѣка, даже когда онъ работаетъ, немногимъ превышаетъ $^2/_5$ той работы,

---

а) См. «Учебникъ физіологіи человѣка», Валентина, и «Начертаніе физіологіи», Фика. Я привелъ къ 10 рабочимъ часамъ числа, извлеченныя изъ этихъ источниковъ; такимъ образомъ получилось: наибольшее число — 398,300 килограммометровъ; наименьшее — 38,880 килограммометровъ. Среднимъ числомъ — 166,921 килограммометръ.

б) Болѣе 24,000 пуд., поднятыхъ на высоту одного фута. См. «Загр. В.» Іюль, стр. 124, прим.

в) По вычисленію Гельмгольца, взрослый, вѣсъ котораго равняется 82 килогр., выдѣляетъ въ 24 часа 27000 единицъ теплоты, считая за единицу количество теплоты, потребное для того, чтобы возвысить температуру одного килограмма воды на одинъ градусъ. Принимая для механическаго эквивалента теплоты число, выведенное Джулемъ, мы получимъ, что механическій эквивалентъ теплоты, развивающейся въ человѣческомъ тѣлѣ, въ продолженіе одного дня, равняется 1147500 механическимъ единицамъ. Принимая же число, выведенное Клаузіусомъ, получимъ 1136700 мех. ед. Механической единицею принято считать работу, потребную для того, чтобы поднять одинъ килограммъ на высоту одного метра.

которую онъ развиваетъ въ формѣ теплоты; это отчасти происходитъ отъ невозможности продолжать усиленную работу болѣе 10 часовъ *а*).

Безъ этой теплоты, образующейся при дѣйствіи пищеварительныхъ соковъ и кислорода на пищу, жизнь человѣческая немедленно прекратилась бы. Для правильной дѣятельности всѣхъ органовъ тѣла необходимо, чтобы кровь и внутреннія части, имѣли опредѣленную и почти неизмѣнную теплоту. Внезапное повышеніе, или пониженіе, температуры крови на 7 или 8 градусовъ неминуемо влечетъ за собою смерть.

Между тѣмъ, одно изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ преимуществъ человѣка даетъ ему возможность управлять, смотря по надобности, отдѣляемою имъ теплотою. Возвысьте значительно температуру столовой, и вы замѣтите, что позывъ къ ѣдѣ уменьшится; этотъ простой опытъ объясняетъ намъ, отчего человѣкъ можетъ ужиться въ самыхъ различныхъ климатахъ, и отчего въ полярныхъ странахъ онъ нуждается въ гораздо большемъ количествѣ пищи, чѣмъ подъ тропиками.

Человѣкъ, не смотря на то, что онъ можетъ противостоять всѣмъ неправильностямъ климата и ужиться во всѣхъ поясахъ, есть, тѣмъ не менѣе, существо земное, связанное съ землею такъ неразлучно, что не можетъ выйти изъ предѣловъ ея атмосферы. Когда человѣкъ рѣшается подняться надъ поверхностью земли, на высоту 8 или 9 километровъ *б*), гдѣ барометръ показываетъ немного болѣе 200 миллиметровъ, а термометръ 19° Ц. ниже нуля, то зрѣніе человѣка дѣлается мутнымъ, мускулы слабѣютъ, — онъ теряетъ сознаніе. Одинъ новѣйшій воздухоплаватель, поднявшійся выше 8 километровъ, не могъ различить высоты барометра, не могъ разглядѣть часовой стрѣлки, не былъ въ состояніи держать пера, чтобы писать, не могъ произнести ни одного слова, ни схватить окружающихъ его предметовъ, и хотя онъ нѣкоторое время слышалъ увѣщанія своихъ спутниковъ, но скоро совершенно потерялъ сознаніе, и опомнился только тогда, когда шаръ началъ опускаться.

Человѣкъ—существо земное, развивающееся при помощи воздушной оболочки, окружающей землю и оживляемое солнцемъ,—тѣсно свя-

---

а) Поверхностное вычисленіе могло бы привести къ заключенію, что непосредственная механическая работа одного дня и та работа, которая получается въ видѣ теплоты, почти равны между собою.

б) Нѣсколько менѣе такого же числа верстъ.

занъ съ природою и находится постоянно подъ ея владычествомъ, тогда какъ порою онъ желалъ бы себя увѣрить, что онъ ея господинъ и повелитель.

И почему можетъ онъ себя въ этомъ увѣрять, когда это не правда? Конечно потому, что онъ измѣряетъ сводъ небесный и описываетъ пути планетъ; потому что, не будучи въ состояніи подвергнуть солнце дѣйствію реактивовъ и тигля, которыми онъ изслѣдуетъ внутренности земли, онъ изслѣдуетъ солнце помощію оптическихъ пріемовъ, которымъ онъ научился у солнца же; потому что онъ измѣрилъ скорость свѣта и электричества, и когда нашелъ, что скорость послѣдняго превышаетъ скорость, съ которой распространяются волны свѣта, воспользовался этимъ быстрымъ вѣстникомъ, чтобы восторжествовать надъ пространствомъ и временемъ.

Но этотъ побѣдоносный измѣритель не останавливается на измѣреніи небеснаго свода, онъ измѣряетъ и самого себя... Что такое органы человѣческихъ чувствъ (Sinne, sens), какъ не физическіе инструменты, весьма точные, но все же имѣющіе свои границы въ зависимости отъ тканей, ихъ составляющихъ? Какъ паровая машина останавливается когда недостаетъ воды, такъ и органы чувствъ не передаютъ болѣе ощущеній, когда отклоненный отъ нихъ потокъ крови перестаетъ доставлять имъ матеріалъ, долженствующій подвергнуться тѣмъ измѣненіямъ, на которыя сводятся отношенія человѣка къ внѣшнему міру.

—

Наименьшее разстояніе между двумя предметами, при которомъ мы ихъ ясно сознаемъ какъ раздѣльные, зависитъ отъ величины тончайшихъ элементовъ сѣтчатой оболочки (Retina) глаза. Такъ какъ это разстояніе измѣняется по мѣрѣ отдаленія предметовъ отъ глаза, то мы измѣряемъ его угломъ зрѣнія. Напр., чтобы отчетливо воспринимать двѣ звѣзды за двѣ, мы должны ихъ видѣть подъ угломъ зрѣнія не меньшимъ тридцати секундъ. Лишь вслѣдствіе формы и строенія преломляющихъ веществъ глаза мы можемъ различить чрезвычайно тонкую линію, находящуюся въ разстояніи 10 или 15 сантиметровъ отъ роговой оболочки глаза. Такъ мы можемъ разсмотрѣть простую шелковинку, не смотря на то, что ея поперечникъ составляетъ не болѣе $^1/_{133}$ миллиметра, и мы не могли бы этого сдѣлать если бы не имѣли въ глазу внутреннихъ мускуловъ, имѣющихъ способность дѣлать кристалловидное тѣло болѣе выпуклымъ. Способность зрѣнія находитъ свои предѣлы не только относительно преломленія прозрачныхъ веществъ глаза и въ размѣрахъ элементовъ сѣтчатой оболочки, но и въ чувствительности послѣднихъ.

Потому-то звѣзды шестой величины представляютъ въ небесномъ пространствѣ предѣлъ человѣческой способности зрѣнія, т. е. невооруженный глазъ не досягаетъ далѣе 600,000 поперечниковъ земной орбиты *a*) впрочемъ, это касается только тѣхъ звѣздъ, которыя по величинѣ и блеску равняются звѣздамъ шестой величины. Поэтому Птолемей называетъ всѣ меньшія звѣзды, начиная съ седьмой величины, темными звѣздами; ихъ можно различить только помощью телескопа.

Глазъ есть органъ, преимущественно служащій намъ для измѣренія пространства; помощью же уха, опредѣляющаго высоту тоновъ, мы непосредственно судимъ о времени; тѣмъ не менѣе, зрѣніе въ безчисленномъ множествѣ случаевъ служитъ намъ для измѣренія времени, такъ какъ различная продолжительность свѣтовыхъ колебаній производитъ различныя ощущенія. Такъ, каждый разъ, когда мы получаемъ впечатлѣніе цвѣта, мы различаемъ скорость колебаній эфира; ощущеніе краснаго цвѣта получается при самой малой, а фіолетоваго — при самой большой скорости. Но когда призма разлагаетъ составной бѣлый цвѣтъ, то лучи разсѣяваются такъ, что получается свѣтъ и по ту сторону фіолетовыхъ лучей; даже лучи, находящіеся въ спектрѣ за послѣдними, отличаются энергіею своего химическаго дѣйствія; но эти лучи не производятъ впечатлѣнія цвѣта, оттого что имъ соотвѣтствуетъ такая скорость колебанія, что сѣтчатая оболочка глаза слишкомъ тупа для измѣренія ея. Итакъ здѣсь мы встрѣчаемъ другую границу зрѣнія; подобная же граница есть и для чувства слуха, которое обнимаетъ не много болѣе 12 октавъ. Когда тѣло дѣлаетъ немного менѣе 16 колебаній въ секунду, то получаемый тонъ хотя и можетъ быть еще слышимъ какимъ нибудь другимъ животнымъ, но для человѣка слишкомъ низокъ; мы встрѣчаемъ противоположную границу тоновъ, когда тѣло дѣлаетъ въ секунду болѣе 48,000 колебаній. Соотвѣтствующій имъ тонъ слишкомъ высокъ, чтобы произвесть впечатлѣніе на слуховые нервы человѣка. Впрочемъ, эта граница для различныхъ особей различна; есть люди, которые слышатъ пискливые звуки издаваемые нѣкоторыми породами саранчи, тогда какъ другіе ихъ не различаютъ.

Для слуха существуютъ предѣлы не только въ отношеніи высокихъ и низкихъ тоновъ, но и въ отношеніи способности различать тоны, близкіе между собою. Хорошее и привычное музыкальное ухо безъ труда различаетъ разницу $^1/_{400}$ въ числѣ колебаній, совершаемыхъ тѣломъ въ единицу времени. Превосходный слухъ опытнаго скрипача доходитъ гораздо далѣе: онъ достигаетъ до того, что можетъ съ точностью судить о разницѣ втрое меньшей.

---

a) Поперечникъ земной орбиты равнятся 306 милліонамъ километровъ.

Во всякомъ случаѣ, уши и глаза суть лучшіе судьи о времени и пространствѣ. Что касается до пространства, то зрѣніе имѣетъ себѣ помощника въ чувствѣ осязанія, которое впрочемъ обладаетъ неодинаковой чувствительностью въ различныхъ мѣстахъ кожи и слизистыхъ оболочекъ. Кончикъ языка и оконечность указательнаго пальца со стороны ладони могутъ признать раздѣльность двухъ тонкихъ тѣлъ, напр. концовъ циркуля, хотя бы ихъ раздѣляло пространство лишь въ одинъ миллиметръ; тогда какъ на спинѣ разстоянія въ сорокъ разъ большаго едва достаточно, чтобы произвесть столь же отчетливое, раздѣльное восприятіе. По этому если мы положимъ маленькое кольцо, около 30 миллиметровъ въ діаметрѣ, на бедро, то намъ покажется, что на кожу положенъ сплошной кружокъ, тогда какъ передняя часть руки или еще лучше задняя часть кисти различаютъ и пустое пространство кольца.

Точность, съ которою осязаніе судитъ о формѣ тѣлъ, зависитъ, во-первыхъ, отъ числа нервныхъ волоконъ, которыя, исходя изъ спиннаго мозга, развѣтвляются въ извѣстномъ мѣстѣ кожи; во-вторыхъ — отъ распредѣленія и расположенія ихъ развѣтвленій. Но сужденіе о температурѣ предметовъ, приближаемыхъ къ нашему тѣлу, зависитъ болѣе отъ тонкости верхней кожицы, чѣмъ отъ числа нервныхъ волоконъ. Поэтому, кожица локтя и верхней части кисти руки гораздо чувствительнѣе къ теплотѣ, чѣмъ оконечности пальцевъ со стороны ладони и самая ладонь, тогда какъ для настоящихъ воспріятій осязанія это бываетъ наоборотъ. Баньщикъ узнаетъ локтемъ разницу въ температурѣ воды, не доходящую до $1/2$ градуса Цельсія, а при частомъ упражненіи человѣкъ доходитъ до того, что вѣрно опредѣляетъ разницу въ одну пятую градуса.

Но если чувства зрѣнія, слуха и отчасти осязанія заслуживаютъ болѣе или менѣе названія точныхъ орудій для измѣренія, то нельзя утверждать того же самаго относительно обонянія и вкуса. Эти чувства, ихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру, ощущаютъ болѣе качества, чѣмъ количества, и потому способны болѣе возбуждать страсти, чѣмъ поучать разумъ. Это доходитъ до того, что мы иногда не въ состояніи отличить запаха отъ вкуса; въ самой рѣчи для обоихъ этихъ впечатлѣній существуетъ иногда одно и то же слово, а чувство обонянія не узнаетъ даже направленія, по которому до него доходитъ раздраженіе; оно не различаетъ правой стороны отъ лѣвой.

—

При каждой работѣ, величину которой хотятъ измѣрить, должно обращать вниманіе не только на полученный результатъ, но также и на время, въ которое этотъ результатъ полученъ; по отношенію къ

механическому дѣйствію, величина произведенной работы тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше время, въ которое эта работа произведена; но и въ процессѣ ощущенія стоитъ обратить вниманіе на время совершенія процесса.

Такъ какъ мы привыкли сравнивать быстроту мысли съ быстротою молніи, то каждый, кому извѣстна изумительная быстрота свѣта и электрическаго тока, можетъ подумать, что процессъ ощущеній совершается съ гораздо бо́льшей скоростью, чѣмъ оно въ дѣйствительности бываетъ. Каждый разъ, какъ происходитъ какое-нибудь ощущеніе, должно различать три момента: къ первому относится впечатлѣніе, производимое соотвѣтственнымъ раздраженіемъ на развѣтвленія нервовъ ощущенія на поверхности; ко второму принадлежитъ измѣненіе, производимое раздраженіемъ въ конечныхъ развѣтвленіяхъ и переходящее отъ поверхности къ центру по направленію нервовъ; наконецъ, для того, чтобы раздраженіе перешло въ ощущеніе, измѣненіе центральнаго конца нервовъ должно быть передано въ третій моментъ, во внутренность клѣточекъ мозга. Пробовали опредѣлить продолжительность этихъ трехъ промежутковъ времени, взятыхъ вмѣстѣ. При вращеніи зубчатаго колеса, палецъ, дотрогивающійся до его окружности, можетъ раздѣльно воспринимать толчки отъ его зубцовъ, если только скорость его оборотовъ не превышаетъ извѣстной мѣры; нашли, что сто соприкосновеній могутъ быть отчетливо ощущаемы въ продолженіе одной секунды. Считая разстояніе отъ поверхности пальцевъ до нервнаго центра равнымъ одному метру, мы получимъ, что раздраженіе передается нервами со скоростью 100 метровъ въ секунду *a*). Но при этомъ явно получается слишкомъ незначительное число для мѣры той скорости, по которой измѣненія происходятъ въ нервахъ. Мы здѣсь измѣрили не только сумму трехъ періодовъ времени, въ продолженіе которыхъ совершается раздраженіе на поверхности, передача его по нервнымъ волокнамъ и перенесеніе измѣненія изъ нервовъ въ центральныя клѣточки, но и продолжительность самаго ощущенія, одинъ примѣръ которой всѣмъ извѣстенъ и состоитъ изъ свѣтлаго кольца, видимаго при быстромъ верченія раскаленнаго острія.

Такимъ образомъ, измѣреніе привело насъ къ сознанію, что наша способность вѣрно опредѣлять продолжительность процесса ощущеній встрѣчаетъ границу. Если же мы будемъ стараться проникнуть далѣе

---

a) Гелмгольцъ измѣрилъ быстроту передачи возбужденій движенія въ нервахъ лягушки, и, разумѣется, получилъ при этомъ число гораздо меньшее. Кромѣ того, очевидно, что между скоростями передачи процесса, оканчивающагося движеніемъ, и процесса, оканчивающагося ощущеніемъ, есть существенная разница.

съ другой стороны, то натолкнемся на другія границы. Вообще можно сказать, что разница между двумя ощущеніями остается неизмѣнною, хотя безусловная сила обоихъ впечатлѣній измѣняется, если только величины соотвѣтственныхъ раздраженій измѣняются въ равномъ отношеніи *a*). Такъ напр., двѣ различныя краски, при очень различномъ освѣщеніи, кажутся намъ совершенно различными. Если же освѣщеніе будетъ ослаблено ниже извѣстной границы, мы не различаемъ болѣе ни красокъ, ни предметовъ, казавшихся намъ передъ тѣмъ цвѣтными, хотя мы еще различаемъ фонъ, на которомъ сначала замѣчали окрашенные предметы. Такъ напр., цвѣтное пятно на бѣломъ вертящемся кругѣ не будетъ образовать ни цвѣтнаго, ни даже сѣраго кольца, но кругъ останется видимымъ, когда свѣтъ ослабленъ ниже извѣстнаго предѣла. Распознаванію препятствуетъ здѣсь внутренній свѣтъ, развивающійся въ самой сѣтчатой оболочкѣ. Этотъ внутренній свѣтъ оставляетъ неизмѣннымъ отношеніе между двумя внѣшними свѣтовыми впечатлѣніями, до тѣхъ поръ; пока сила его безконечно мала сравнительно съ ихъ силою. Если, напротивъ того, внѣшнія свѣтовыя впечатлѣнія слабы въ сравненіи съ внутреннимъ свѣтомъ, въ равномъ количествѣ прибавляющимся къ этимъ впечатлѣніямъ, то разница между послѣдними не будетъ болѣе замѣтна. Внутреннее свойство организма ограничиваетъ возможность узнавать свойства внѣшняго міра. Но это ограниченіе есть само по себѣ фактъ, составляющій часть человѣческаго знанія; оно есть мѣра цѣли, которая можетъ быть достигнута нашимъ познаніемъ. Мы достигаемъ этой цѣли, узнавая отношенія — здѣсь отрицательныя — человѣка къ міру, и этимъ самымъ измѣряемъ міръ человѣческою мѣрою.

Если же мы хотимъ ограничиться разсматриваніемъ отдѣльной особи, то увидимъ, что самое тѣсное ограниченіе человѣческой природы происходитъ отъ обстоятельствъ времени. Одинъ ученый физіологъ дошелъ до убѣжденія, что въ немъ полученіе чувственнаго воспріятія, соотвѣтствующаго ясному представленію, требуетъ, по крайней мѣрѣ, $^1/_8$ секунды, но, разумѣется, это число не можетъ имѣть притязанія на всеобщность; инымъ можетъ удаться, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получить представленіе въ гораздо меньшее время. Но, во всякомъ случаѣ, каждому, наблюдающему за самимъ собою, придется,

a) Этотъ законъ, впервые высказанный Вебеомъ и тщательно обработанный Фехнеромъ, называется обыкновенно Фехнеро-Веберовскимъ психофизическимъ основнымъ закономъ.

хотя и безъ удовольствія, но согласиться, что время, употребляемое на умственные процессы, не имѣетъ ничего общаго съ быстротою молніи. Спросите математиковъ, историковъ, философовъ, сколько несосчитанныхъ часовъ они истратили на то, чтобы вѣрно и точно изслѣдовать одну какую-нибудь истину; вы узнаете, какого напряженія имъ стоило ихъ побѣдоносное: *еврика!* (нашелъ).

Кромѣ того, должно подумать и о неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, требующихъ отъ наблюдателя продолжительнаго и напряженнаго вниманія, для того, чтобы изображеніе достигло глаза. Каждый естествоиспытатель можетъ привести вамъ на это примѣры, которые будутъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ онъ самъ опытнѣе и искуснѣе; но никто не имѣетъ такихъ убѣдительныхъ доказательствъ высказаннаго нами факта, какъ астрономы. Гершель младшій долженъ былъ болѣе четверти часа стоять у телескопа и заботливо предохранять глазъ отъ всякаго посторонняго свѣта, прежде чѣмъ увидѣлъ спутниковъ Урана, а послѣ прохожденія звѣзды второй величины черезъ поле зрѣнія, ему нужно было двадцать минутъ отдыха, для успокоенія раздраженной сѣтчатой оболочки на столько, чтобы она была чувствительною къ очень слабому возбужденію.

Когда изображеніе получено и представленіе выработано, надо имъ подѣлиться съ другими. Если даже мы употребимъ на это самаго расторопнаго человѣка, то и ему будетъ нужно по крайней мѣрѣ $^1/_{10}$ секунды, чтобы внятно произнести одинъ слогъ. Но менѣе чѣмъ въ трехъ слогахъ невозможно высказать ни одного, даже самаго простѣйшаго понятія, а человѣческій умъ такъ созданъ, что онъ не въ состояніи прослѣдить рядъ понятій, одно за другимъ представляющихся нашему слуху, если они не имѣютъ между собой логической связи. Итакъ, мы не можемъ предположить, чтобы въ продолженіе одного часа даже 1,200 мыслей занимали нашъ мозгъ. Рѣчь, которой сегодня я начинаю свои лекціи, заключаетъ въ себѣ около 480 понятій въ видѣ сужденій и выводовъ; конечно, при вашей воспріимчивости, моя рѣчь возбудитъ въ васъ другія мысли, которыя могли бы значительно увеличить указанное мною число, если бы въ то время, когда вы будете предаваться собственнымъ своимъ размышленіямъ, вамъ не пришлось по необходимости пропустить часть моихъ словъ. Итакъ, предположимъ, что въ продолженіе часа мы круглымъ числомъ воспринимаемъ 300 понятій, тогда на каждую мысль придется по 12 секундъ.

Но только одни привычные люди были бы въ состояніи не почувствовать нѣкоторой усталости выслушавъ рѣчь, которая превосходила бы мою, не столько краснорѣчіемъ, сколько богатствомъ мыслей,

и которая продолжалась бы болѣе часа. Къ кому, какъ не къ оратору, такъ хорошо примѣняются слова Маккіавелли, который говоритъ, что медленность лишаетъ насъ удобнаго случая, а поспѣшность отнимаетъ силу.

А если время не становится помѣхою силѣ, то слабѣющая сила ограничиваетъ время. Кто изъ бодрыхъ студентовъ, старыхъ или молодыхъ, можетъ сказать, что никогда, во время умственныхъ занятій, на него не находила усталость, принуждавшая его отказаться отъ работы, и часто именно въ ту минуту, когда онъ надѣялся восторжествовать надъ какою-нибудь трудностью или закончить цѣлый рядъ мыслей? Съ мозгомъ тутъ случается то же, что и съ мускулами. Чѣмъ чаще эти послѣдніе будутъ сокращаться, тѣмъ труднѣе будетъ имъ противостоять подымаемому имъ грузу, такъ что послѣ ряда сокращеній, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, работа, производимая мышцами, значительно уменьшится, если только не будетъ дано времени для отдыха. Въ области дѣятельности чувствъ этотъ необходимый и неизбѣжный отдыхъ проявляется въ видѣ промежутка времени, въ который воспріятія не происходитъ. Постоянный звукъ будетъ сначала воспринятъ какъ постоянный, но по прошествіи нѣкотораго времени воспріятіе будетъ періодически прерываться: въ эти паузы слуховой нервъ отдыхаетъ и запасается въ крови новымъ матеріаломъ. Та же усталость мѣшаетъ взгляду даже на короткое время сосредоточиться на одной точкѣ. Отъ усталости происходитъ и ощущеніе дополнительнаго цвѣта вблизи наблюдаемаго предмета, или при закрытіи глазъ, когда мы довольно долго смотрѣли на предметъ извѣстнаго цвѣта. Это происходитъ оттого, что всякій данный цвѣтъ утомляетъ опредѣленные элементы сѣтчатой оболочки, которые одни имѣютъ способность его воспринимать, причемъ среднее возбужденное состояніе остальныхъ неутомленныхъ элементовъ вызываетъ ощущеніе противоположнаго цвѣта, хотя этому ощущенію не предшествуетъ внѣшнее раздраженіе *a*). Еще одинъ шагъ — и мы вступимъ въ область галлюцинацій. Намъ стоитъ только долго и пристально смотрѣть на какой-нибудь предметъ, съ цѣлью его изслѣдовать, и онъ перемѣнитъ свой цвѣтъ, а слѣдовательно и нашему изслѣдованію будетъ положенъ предѣлъ.

Конечно, это ограниченіе только временное, такъ что наблюдатель, послѣ короткаго отдохновенія, снова принимается за работу; тѣмъ не менѣе и здѣсь дѣло идетъ о естественной границѣ, которая въ безчисленномъ множествѣ случаевъ сковываетъ человѣческое сужденіе. Причины

a) Это по гипотезѣ Юнга.

обмановъ чувствъ ни въ какомъ случаѣ не суть продолжительные, безусловные источники заблужденій, но тѣмъ не менѣе, исправленіе этихъ заблужденій требуетъ усиленной работы органовъ чувствъ, сопряженной съ большою тратой времени.

Утомленіе органовъ, доходя до извѣстной степени, влечетъ за собою страданіе, въ которомъ мы уже большею частью не узнаемъ утомленія и, принимая за качественное измѣненіе то, что есть измѣненіе въ количествѣ, впадаемъ въ важныя ошибки. Утомленіе же или чрезмѣрное раздраженіе становится источникомъ одного изъ самыхъ обыкновенныхъ случаевъ нашего ослѣпленія — источникомъ страсти.

—

Но рядомъ съ сознаніемъ ограниченности человѣческой природы стоитъ великое начало, способное служить намъ утѣшеніемъ, и котораго мы не должны забывать. Постоянно чувствуемое человѣкомъ въ себѣ побужденіе изслѣдовать сущность всѣхъ вещей составляетъ часть законовъ, которымъ человѣкъ подчиненъ. Когда открыли источникъ человѣческихъ познаній, то стали все болѣе и болѣе стараться его углубить и сдѣлать обильнѣе. Упражненіе чувствъ сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ тѣхъ, которые дошли до убѣжденія, что фактъ господствуетъ надъ всѣмъ остальнымъ. Слѣдствіемъ этого упражненія было то, что мы достигли двойной цѣли: изощрили чувства и узнали, по крайней мѣрѣ, часть механизма дѣятельности чувствъ, а также узнали связь, существующую между этимъ механизмомъ и обманами чувствъ.

И то и другое было полезно не однимъ изслѣдователямъ, но и всему роду человѣческому. Едва какой-нибудь хорошій наблюдатель откроетъ что-нибудь новое, какъ и всѣ другіе естествоиспытатели это замѣчаютъ и удивляются, что оно могло отъ нихъ укрыться до тѣхъ поръ, пока ихъ вниманіе не было наведено на него первымъ. И съ другой стороны, послѣ того, какъ причина какого-нибудь обмана чувствъ найдена, никто изъ понявшихъ ее не сдѣлается его жертвою. Такъ всѣ тѣ, которые знаютъ вліяніе угла зрѣнія на сужденіе о величинѣ тѣлъ, не будутъ думать, что деревья аллеи, находящіяся въ большомъ разстояніи отъ наблюдателя, стоятъ ближе одно отъ другаго, чѣмъ тѣ, которыя подлѣ него, хотя вдали ряды деревьевъ какъ будто сливаются.

Но изслѣдованіе органовъ чувствъ и непосредственно ведетъ насъ еще далѣе. Когда узнали, что мы не видимъ небольшаго предмета, потому что его должно было бы такъ приблизить къ глазу, что изо-

браженіе его упало бы не на сѣтчатую оболочку, но позади ея, тогда изобрѣли преломляющее средство, которое, будучи поставлено между глазомъ и предметомъ, даетъ увеличенное изображеніе его на разстояніи яснаго видѣнія: это простой микроскопъ. Разсматривая простымъ микроскопомъ увеличенное и опрокинутое изображеніе небольшаго предмета, полученное отъ другаго стекла, легко дошли до того, что различаютъ крупинки, имѣющія $^1/_{2000}$ миллиметра въ діаметрѣ, какъ напр., крупинки чернаго пигмента сосудистой оболочки. Аппаратъ, употребляемый нами при этомъ, есть сложный микроскопъ; имъ естествоиспытатели изслѣдуютъ клѣточки, каналы и волокна, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ организмовъ. Это пособіе, особенно съ его новѣйшими усовершенствованіями, такъ сильно, что побудило нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей назвать цѣлыя отрасли знанія не по изслѣдованнымъ предметамъ, а по орудію, употребляемому при наблюденіи. Извѣстно, что телескопъ есть для небесныхъ пространствъ то же, что микроскопъ для составныхъ частей органическихъ тканей. Внутренность глаза, — недоступная непосредственному наблюденію, оттого что наблюдатель самъ удерживаетъ свѣтъ, который долженъ былъ бы перейти изъ наблюдаемаго глаза въ его собственный, — представляетъ врачу столько важныхъ вопросовъ, что физіологія нашла себя вынужденною освѣтить эту таинственную глубину искусственнымъ свѣтомъ, и достигла до этого помощью зеркала, безъ котораго леченіе глазныхъ болѣзней теперь немыслимо. Наша сѣтчатая оболочка почти совершенно нечувствительна къ цвѣту такъ называемыхъ химическихъ лучей, находящихся на спектрѣ близъ фіолетовыхъ. Цвѣтъ кажется намъ невидимымъ, оттого что число колебаній свѣтоваго эѳира въ единицу времени слишкомъ значительно, чтобы раздражить развѣтвленія зрительнаго нерва. Но если этотъ свѣтъ пройдетъ сквозь какой-нибудь опализированный составъ, напр. сквозь растворъ кислой-сѣрнокислой хинины, то быстрота колебаній уменьшится и изслѣдуемый свѣтъ превратится въ видимый блѣдно-голубой цвѣтъ, тогда какъ прежде его можно было различить только съ помощью химическихъ реагентовъ. Эти опализированные составы можно сравнить съ микроскопомъ для спектровъ солнечнаго и электрическаго свѣта. Гдѣ химическаго анализа недостаточно, чтобы опредѣлить внутреннее строеніе органическаго тѣла, тамъ помогаетъ намъ поляризованный свѣтъ, для того, чтобы по крайней мѣрѣ показать разницу въ частичномъ расположеніи элементовъ, подобно тому, какъ гальванометръ показываетъ намъ разницу двухъ температуръ или электрическихъ токовъ, разницу, которая была бы не замѣчена болѣе грубымъ инструментомъ. Если при микроскопическихъ работахъ непосредственнаго наблюденія и механическаго раз-

ложенія недостаточно, чтобы открыть тончайшее строеніе тканей, тогда могутъ намъ помочь нѣкоторые, надлежащимъ образомъ употребленные, химическіе реагенты.

Вслѣдствіе изложенныхъ нами изслѣдованій, развиваются не только познанія, но и орудія, помощью которыхъ эти познанія пріобрѣтаются, то есть наши чувства. Исторія цивилизаціи заключается, бо́льшею частью, въ изслѣдованіи исторіи развитія чувствъ. Возможность этого развитія, и еще болѣе того факта, что это развитіе имѣетъ исторію, составляютъ важнѣйшій отличительный признакъ человѣка отъ животныхъ. Отецъ умираетъ, но ему наслѣдуютъ сыновья и внуки; поколѣнія составляютъ связное цѣлое, самый младшій членъ котораго получаетъ свою долю отъ плодовъ, собранныхъ его предшественниками. Человѣкъ есть единственное живое существо, которое живетъ не только какъ особь, но которое, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, живетъ жизнью цѣлаго своего рода и сознаетъ это единство жизни человѣческаго рода. Вслѣдствіе этого, наука человѣчества обусловливается не границами, существующими для особей, но границами для цѣлаго рода.

Методы наведенія, положительнаго умозрѣнія и критики нашей умственной дѣятельности, открытые Бэкономъ, Спинозою, Кантомъ, суть средства для изслѣдованій на пользу будущимъ поколѣніямъ. Почти всѣ ученыя работы заключаютъ въ себѣ слѣды плодотворныхъ идей Шеллинга о развитіи исторіи и объ исторіи развитія. Всюду замѣчается глубина мысли Гегеля, направленной къ тому, чтобы открыть сущность отношеній между мыслящимъ и мыслимымъ (субъектомъ и объектомъ). Орудія исчисленія, изобрѣтенныя умами великихъ людей, начиная съ Пиѳагора и кончая Ньютономъ, Лейбницемъ и Лагранжемъ, были не только полезны Лапласамъ, Гауссамъ и Бесселямъ, но это орудія, ежедневно употребляемыя всѣми естествоиспытателями, которые, по примѣру физиковъ и астрономовъ, подвергаютъ свои наблюденія и ихъ объясненія строгой критикѣ количественнаго измѣренія.

Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, Мольеръ и Гёте,—Аристотель, Галилей, Кеплеръ, Араго,—Иппократъ, Везаль, Галлеръ, Морганьи и Биша,—Лавуазье, Кювье и Гумбольдтъ,—Ѳукидидъ, Маккіавелли и Гроцій,—Фидій, Микель-Анджело, Рафаэль, Рубенсъ, Перголезе, Моцартъ, Бетговенъ и всѣ другіе свѣтлые умы чувствовали, создавали, наблюдали и думали за лучшихъ людей не только своего времени, но и всѣхъ вѣковъ, пока будетъ существовать родъ человѣческій. Столѣтія—писалъ Александръ Гумбольдтъ—суть секунды въ великомъ процессѣ развитія подвигающагося впередъ человѣчества!

А вы, многоуважаемые юноши, вы не придете въ уныніе отъ этихъ словъ, но скорѣе припомните благородные и пророческіе стихи, которые Дантъ вложилъ въ уста Уллиса.

„О братья, вы, которые послѣ столькихъ опасностей достигли отдаленнаго запада, посвятите тотъ кратковременный срокъ, въ который назначено бодрствовать вашимъ чувствамъ, на изслѣдованіе всего, что неизвѣстно въ необитаемой странѣ, которая лежитъ передъ вами!“ *а*).

а) Dante: Inferno, C. XXVI, v. 112 — 117.

ДРЕВНЯЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ.

(ПО М. НИКОЛА).

I.

Невѣріе и религіозная реакція.

За столѣтіе почти до начала христіанской эры, языческая религія, давно уже опровергаемая философіею, потеряла все свое обаяніе и была, повидимому, на краю гибели. Большая часть лицъ, своимъ образованіемъ и положеніемъ поставленныхъ надъ толпою, считали высшимъ безуміемъ *а*) вѣру въ боговъ, которымъ преданіе придало всѣ человѣческія страсти и которые въ томъ только и имѣли превосходство надъ смертными, что безнравственность ихъ была болѣе ярка. Космологическія объясненія стоиковъ, старавшихся сообщить религіи символическій характеръ, ни къ чему не повели и сдѣлали ее только смѣшною. Между просвѣщенными людьми было принято, что языческія вѣрованія и церемоніи были изобрѣтеніемъ политики; Еврипидъ провозгласилъ мнѣніе это устами Сизифа, и съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось всеобщимъ.

Упадокъ вѣры въ оракулы замкнулъ уста прорицателей: пиѳія была нѣма. Немногіе защитники древнихъ вѣрованій объясняли это молчаніе тѣмъ, что сила ее вдохновлявшая и заключавшаяся въ испареніи земли, со временемъ исчезла. Но это пустое объясненіе возбуждало только смѣхъ. По мнѣнію Цицерона, сила эта пропала съ тѣхъ поръ, какъ стали не такъ довѣрчивы.

а) Ciceron. De la nature de Dieu. Liv. 1, § 16.

Философія торжествовала рѣшительно. Выставляя ребячество языческихъ преданій, она провозглашала, что древность ошибалась во многомъ и что древнія вѣрованія были разумно преобразованы временемъ и образованіемъ.

Невѣріе было всеобщимъ между людьми просвѣщенными—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но въ какомъ отношеніи къ языческимъ вѣрованіямъ находился народъ? Если бы патриціи были въ состояніи по своему произволу управлять умами, они, конечно, не дали бы проникнуть въ массы идеямъ, считаемымъ ими принадлежностью умовъ хотя нѣсколько философскихъ. Варронъ, Цицеронъ, Титъ-Ливій, Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій согласно утверждали, что благо государства обязывало сохранить всѣ языческіе обычаи. Эти обычаи, хотя, по ихъ мнѣнію, и не имѣли никакого значенія, но они служили прекраснымъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Поэтому всѣ тѣ, которые добивались управленія общественными дѣлами, считали своею обязанностью поддерживать ихъ въ народѣ. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ тщательно скрываетъ свои убѣжденія. Но уже поздно. Народъ не хуже патриціевъ смѣется надъ тѣмъ, что эти послѣдніе называютъ вѣрованіями невѣждъ. Да какъ же и могло быть иначе? Плебеи не нуждались въ урокахъ философіи, чтобы научиться презрѣнію къ политеизму своихъ предковъ. Невѣріе проповѣдовалось открыто словомъ и дѣломъ. Засѣданія сената не были столь тайны, чтобы до народнаго слуха не доходили насмѣшки надъ авгурами, которыя тамъ допускались. Наконецъ, съ форума онъ слышалъ отъ самого Цицерона, не говоря о другихъ менѣе осмотрительныхъ ораторахъ, такія рѣчи, которыя неизбѣжно должны были поколебать его вѣру. Но что значило все это въ сравненіи съ ученіями, публично проповѣдовавшимися, какъ положительнѣйшій результатъ философіи? Амафиній, Рабирій и Кацій наводнили Италію общепонятными сочиненіями, посвященными изложенію ученія Эпикура. Лукрецій воспѣлъ его въ своей извѣстной поэмѣ: „О природѣ боговъ“. По словамъ Цицерона, она имѣла необыкновенный успѣхъ.

Слѣдуетъ ли прибавлять къ этому, что невѣріе патриціевъ обнаруживалось во всей ихъ жизни? Презрѣніе къ богамъ, выражавшееся продажею, сожженіемъ и разграбленіемъ храмовъ, изгнаніемъ жрецовъ, убійствами, совершаемыми передъ самыми изображеніями боговъ,—все это было вѣрнымъ средствомъ для уничтоженія народныхъ вѣрованій.

Если патриціи хотѣли отличаться отъ народа ученой критикой вѣрованій, которыя они осмѣивали, считая ихъ, впрочемъ, полезными для своего владычества, если они иногда не предполагали возможности распространенія своихъ понятій въ низшихъ классахъ, то они заблуждались,

и это заблужденіе легко объясняется. Ихъ желанія были, однако же, обмануты. Въ Римѣ и другихъ центрахъ населенія древняго міра, невѣріе проникло до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Объ этомъ намъ свидѣтельствуютъ всѣ историки этой эпохи: Титъ-Ливій, Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнасскій, которые, съ презрѣніемъ относясь къ религіознымъ вѣрованіямъ своего времени, оплакиваютъ, во имя политики и общественныхъ интересовъ, упадокъ политеизма, и каждый разъ, когда представляется случай, выхваляютъ ихъ пользу для счастія народовъ. Цицеронъ, говоря о древнихъ преданіяхъ, полагаетъ, что въ его время ни одна старая баба имъ не вѣрила болѣе.

При видѣ повсемѣстныхъ насмѣшекъ и оскорбленій боговъ Гомера и обрядовъ Ромула и Нумы, можно было подумать, что насталъ послѣдній часъ язычества. Ни чуть не бывало. Варроны и Цицероны предполагали, разумѣется, искоренить суевѣріе въ пользу политеизма; на дѣлѣ же совершилось совсѣмъ обратное. Языческая религія ослабѣвала все болѣе и болѣе, и суевѣріе выигрывало то, что она теряла. Цицеронъ могъ замѣтить это на нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ. Цесарь полагаетъ, что смерть есть крайній предѣлъ нашего существованія, и вѣритъ въ то же время въ заклинанія.

Пятьдесятъ лѣтъ едва прошло отъ смерти великаго римскаго оратора, какъ уже самыя нелѣпыя повѣрья стали рядомъ съ рѣшительнѣйшимъ невѣріемъ. Политетезмъ, выработанный поэтическимъ геніемъ образованнаго меньшинства Греціи, съ его изящными формами и отчасти нравственными тенденціями, поблѣднѣлъ и оказалось, что подъ нимъ лежалъ несокрушимый слой вѣрованій въ колдовство и заклинанія, въ безобразныя видѣнія, отвратительные обряды и безсмысленные амулеты, вѣрованій, составлявшихъ и еще составляющихъ весь религіозный капиталъ огромнаго большинства населенія. Не признавали болѣе, что боги управляютъ событіями и пекутся о судьбѣ смертныхъ, и тысячи томовъ, полныхъ предсказаніями, были распространены въ Римѣ только между одними частными лицами. Не вѣрили въ будущую жизнь, смѣялись надъ елисейскими полями, и вызывали тѣни умершихъ, чтобы вывѣдать у нихъ будущее и поразспросить о вещахъ самыхъ пустыхъ. Разные восточные шарлатаны собирали значительную дань отъ глупой довѣрчивости высшихъ классовъ; толпа же между тѣмъ тѣснилась вокругъ колдуновъ низшаго разряда, располагавшихся въ циркѣ и на полѣ Тарквинія.

Суевѣріе было доведено до жестокости. Общій голосъ обвинялъ жрецовъ Митры въ закланіи человѣческихъ жертвъ. Императоръ Адріанъ запретилъ впослѣдствіи совершеніе этихъ таинствъ и изгналъ изъ Рима жрецовъ этого кроваваго культа. Эти человѣческія жертвы не

Polythéisme, - pollus - plusieurs. théos - dieu.

представляютъ ничего невѣроятнаго въ то время, когда всѣ классы римскаго общества публично исполняютъ самые возмутительные и грубые обычаи. Одни погружаютъ зимой три раза свою голову въ мерзлый Тибръ, другіе на окровавленныхъ колѣняхъ ползаютъ вокругъ поля Тарквинія, иные собираютъ по ночамъ для преступныхъ и запрещенныхъ закономъ обрядовъ кости мертвецовъ и траву, растущую на могилахъ.

Изъ всѣхъ писателей перваго вѣка христіанской эры, Валерій Максимъ, скорѣе всѣхъ другихъ, можетъ дать намъ понятіе объ этомъ поворотѣ въ религіозныхъ понятіяхъ того времени. Онъ собралъ у всѣхъ предшествовавшихъ ему писателей множество болѣе или менѣе интересныхъ анекдотовъ и расположилъ ихъ по содержанію. Первая книга этой компиляціи посвящена языческой религіи. Всѣ приведенные въ ней факты представляютъ самыя невѣроятныя чудеса, большею частью забавно-нелѣпыя: говорящій быкъ, потѣющіе кровью щиты, куски мяса, падающіе съ неба, и т. п. И страннѣе всего то, что большая часть этихъ разсказовъ заимствована у писателей, приводившихъ ихъ какъ нелѣпыя сказки, составлявшія пищу народной довѣрчивости. Въ продолженіе одного вѣка совершилась такая перемѣна и такъ далеко ушли отъ высокаго и прямаго разума Цицерона!

И, однако же, Валерій Максимъ въ глубинѣ сердца вѣруетъ далеко не искренно. Писатель этотъ, столь превозносящій древнихъ римлянъ за преданность религіознымъ вѣрованіямъ, выказывающій такую полную вѣру въ авгуровъ, въ сны, въ предсказанія, посредствомъ которыхъ боги передаютъ людямъ свою волю, высказываетъ съ удивительнѣйшимъ простодушіемъ, что всѣ языческія чудеса и знаменія были выдуманы для того, чтобы внушить народу больше уваженія къ священнымъ предметамъ, и что Нума, Миносъ, Ликургъ и другіе древніе законодатели, въ видахъ владычества, злоупотребляли только простотою людей.

Это возвращеніе къ суевѣрію, было ли реакціею религіознаго чувства противъ невѣрія или слѣдствіемъ угрызеній совѣсти среди ужасной деморализаціи этой эпохи? Или же опасеніе за совершенную погибель общественнаго порядка, пошатнувшагося уже въ своихъ основаніяхъ отъ такихъ потрясеній, каковы бѣдствія междоусобныхъ войнъ, потеря свободы и установленіе деспотизма, снова привели всѣ классы общества къ языческой религіи? Всѣ ли эти причины вмѣстѣ воскресили брошенныя передъ тѣмъ и пренебреженныя вѣрованія и обряды?— разбирать этого мы не станемъ; мы намѣрены подтвердить только тотъ фактъ, что язычество ожило не вслѣдствіе угрожающаго успѣха христіанства, какъ полагаетъ Гиббонъ. Несомнѣнно, что гдѣ христіанство

получало нѣкоторое развитіе, вездѣ сначала оно возбуждало противъ себя оппозицію, самое замѣтное послѣдствіе которой было возвращеніе толпы къ алтарямъ народныхъ боговъ.

Но эти частныя и отдѣльныя движенія обнаружились только во второмъ вѣкѣ; за пятьдесятъ же лѣтъ ранѣе имъ предшествовало общее движеніе, возстановившее во всемъ языческомъ мірѣ старыя суевѣрія. Языческая реакція совершилась, и домы частныхъ людей наполнились изображеніями Изиды и Митры, ранѣе, чѣмъ христіанство стало угрожать язычеству, ранѣе, чѣмъ оно вышло изъ мрака, скрывавшаго его первые шаги, и когда даже имя его еще не было произнесено и не стало извѣстнымъ въ Римской имперіи.

Съ первыхъ же дней реакція эта раздѣлилась на двѣ весьма различныя части. Первая составляетъ то, что вмѣстѣ съ Бенжаменъ-Констаномъ мы можемъ назвать языческимъ правовѣріемъ; второе вводитъ въ язычество родъ мистическаго раціонализма.

Мы разсмотримъ послѣдовательно обѣ эти стороны языческой реакціи.

II.

Правовѣры.

Не знаешь, чему болѣе удивляться въ языческомъ правовѣріи: предположеніямъ ли, о которыхъ оно мечтаетъ, или смѣлости, съ которою оно ихъ представляетъ. Возстановленіе политеизма такимъ, какъ онъ былъ въ самомъ началѣ греко-римской цивилизаціи, вотъ чего оно хочетъ; и такъ какъ оно убѣждено, что это ему не удастся до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ восхищаться сочиненіями Платона, Аристотеля и Цицерона, то, во имя религіи, оно и осуждаетъ, какъ невѣріе, всѣ побѣды, сдѣланныя разумомъ въ четыре послѣдніе вѣка надъ предразсудками, невѣжествомъ и заблужденіями. Убѣжденія, съ трудомъ понимаемыя по выходѣ изъ эпохи философіи, оно выставляетъ съ увѣренностью, близкою къ безстыдству, если не къ цинизму, и съ упорствомъ, не встрѣчающимся у прежнихъ писателей. Съ особеннымъ усердіемъ восхваляетъ оно именно то, что было сильнѣе всего опровергаемо и возбуждало наибольшее невѣріе въ предшествовавшіе вѣка: сверхъ-естественную и антропоморфическую *a*) сторону миѳологическихъ преданій. Философія въ его глазахъ представляется не болѣе какъ нелѣпымъ распутствомъ разума въ тѣхъ случаяхъ, когда она не была преступнымъ возмущеніемъ противъ божественныхъ установленій.

---

a) Приданіе богамъ человѣческой формы и человѣческихъ побужденій.

Партія эта, считая себя мстительницей оскорбленной религіи и защитницею интересовъ боговъ, предоставляла себѣ въ то же время призваніе спасти общество, умирающее съ тѣхъ поръ, какъ оно разорвало свою связь со святыми преданіями старины. Послѣдовательная въ своихъ принципахъ, она связывала съ возстановленіемъ религіи возстановленіе стариннаго порядка вещей. Она требовала, чтобы общество, отвергнувъ всѣ опасныя нововведенія, которыя извращенный гордостью разумъ считалъ улучшеніями въ наукѣ и жизни, возвратилось ко временамъ Рима до вторженія въ него греческой философіи, или, еще лучше, къ тому, что было въ Греціи въ эпоху Орфея. Все, что сдѣлано съ тѣхъ поръ, было пагубнымъ заблужденіемъ, отречься отъ котораго слѣдовало спѣшить. Оно восхваляло учрежденія той эпохи, которую можно назвать средними вѣками греко-римской исторіи, и въ ожиданіи этого будущаго, счастливаго времени, смѣлѣйшіе люди этой партіи уничтожали сочиненія, въ которыхъ прямо опровергались древнія преданія.

Но ошибочно было бы заключать изъ этого, что партія эта состояла только изъ лицемѣровъ и невѣждъ-фанатиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе были въ ней многочисленны; но рядомъ съ шарлатанами и невѣжественной массой, составлявшей ея силу, она заключала въ себѣ искреннихъ людей, главный недостатокъ которыхъ состоялъ въ томъ, что воображенія у нихъ было болѣе, чѣмъ разсудка, и набожности болѣе, чѣмъ просвѣщенія, или же такихъ, у которыхъ, при достаточной разборчивости ума, было мало образованія и знаній, бывшихъ въ такомъ случаѣ скорѣе вредными, чѣмъ полезными.

Доказательство этому мы находимъ у Плутарха, который знакомитъ насъ съ нѣкоторыми сторонниками языческаго правовѣрія, между прочимъ съ поэтомъ Серапіономъ Аѳинскимъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Лукіанъ, преслѣдующій ихъ своими ѣдкими насмѣшками, называетъ между ними лицъ, извѣстныхъ по богатству и положенію, философовъ и врачей. Позднѣе еще, наконецъ, защитникъ языческаго правовѣрія, являющійся въ „Октавіи“ Минуція Феликса, хотя и не мыслитель, или даже не умъ свѣтлый и проницательный, но человѣкъ, принадлежащій къ образованному классу и обладающій въ значительной, для того вѣка, степени литературными и философскими познаніями

Не надо забывать, что паденіе началось въ самой высшей сферѣ мысли греко-римскаго міра. Ослабѣвшій, безсильный разумъ не понимаетъ болѣе нравственной дѣятельности и энергіи мысли. Философы работаютъ безъ желанія, безъ умѣнья различать, они трудятся надъ соглашеніемъ несогласимыхъ системъ, принципы и характеристическія черты которыхъ ускользаютъ отъ умовъ, неспособныхъ къ самостоятельному размышленію. Сократа, Платона Аристотеля считаютъ не

болѣе какъ отголоскомъ предшествовавшихъ ученій, переданныхъ имъ непрерывною цѣпью мудрецовъ, и эти ученія они, въ свою очередь, передадутъ своимъ преемникамъ. Въ литературѣ, кромѣ исторіи, не появляется болѣе оригинальныхъ произведеній. Подражаютъ древнимъ, комментируютъ ихъ, и вообще занимаются ученой педантической критикой. Въ политикѣ видимъ, что общественныя дѣла, которыми не умѣютъ не только управлять, но которыхъ не умѣютъ и обсуждать, предоставляются произволу одного; склоняютъ голову, провозгласивши самоотреченіе первою добродѣтелью, и когда жизнь дѣлается невыносимою — умираютъ. Героизмъ безсилія и ничтожества!

По мѣрѣ того, какъ дряхлость дѣлаетъ успѣхи, становятся все менѣе чувствительными къ тому, что такъ оскорбляло Варроновъ и Цицероновъ, и тѣмъ легче подчиняются авторитетамъ, чѣмъ менѣе способны отличать истину отъ лжи и руководить самихъ себя. Послѣ отреченія ума, когда не остается ни дѣятельности, ни свободы, и рабство тяготѣетъ столько же надъ мыслью, какъ и надъ жизнью, можно ли избрать въ религіи инаго путеводителя, какъ развѣ только одно преданіе, которое, избавляя умъ отъ труда разыскиванія, сужденія, сравненія, даетъ ему готовыя понятія и установившіяся вѣрованія? Самою силою вещей оно навязывалось обществу, падающему и обезсиленному. И если только что нибудь можетъ удивлять насъ въ этомъ всеобщемъ паденіи всего составляющаго достоинство человѣка, такъ это, конечно, не внезапное почти возстановленіе языческой миѳологіи среди нравственной пустоты этой эпохи, а скорѣе насмѣшливое спокойствіе немногихъ атеистовъ, достаточно увѣренныхъ въ самихъ себѣ для противустоянія теченію, или, еще болѣе, наивное самообольщеніе языческихъ философовъ, сознающихъ въ себѣ достаточно силы для очистки этой кучи нечистотъ.

Въ порядкѣ вещей, значитъ, то, что древнимъ вѣрованіямъ возвратилось ихъ прежнее обаяніе. Они наводнили собою Римскую имперію. Но ихъ торжество подняло противъ нихъ всѣхъ, оставшихся вѣрными философіи. Споры, считавшіеся давно поконченными, снова возгорѣлись. Снова надо было защищать разумъ, бороться противъ суевѣрія и антропоморфизма и защищать религіозный спиритуализмъ *а*) отъ грубыхъ понятій древнихъ временъ. Но языческое правовѣріе не смутилось: оно представило въ свою защиту противъ сатиры и философіи извѣстное число соображеній, самихъ по себѣ довольно бѣдныхъ, правда

а) Т. е. религіозныя понятія, гдѣ боги Олимпа улетучились въ безтѣлесныя духовныя силы, въ нравственный законъ, во всемірный разумъ, въ загробный судъ и т. под.

но которыя, будучи выставлены съ увѣренностью, свойственною этой партіи, должны были произвести на выродившіеся умы этой эпохи нѣкоторое впечатлѣніе. Эти доказательства образуютъ родъ апологіи языческаго баснословія и въ продолженіе трехъ вѣковъ служатъ защитой противъ философовъ и скептиковъ, а впослѣдствіи и противъ христіанъ.

Нельзя нигдѣ найти изложенія всей совокупности этихъ различныхъ доказательствъ, потому ли, что у партіи этой не было довольно искуснаго человѣка для составленія свода ихъ ученія, или отъ того, что не считали нужнымъ изложить его письменно, или же, наконецъ потому, что сочиненія, которыя ихъ въ себѣ заключали, не были сочтены достойными перейти въ потомство. Но эти доказательства сохранены намъ писателями, взявшими на себя ихъ опровержение. Ихъ легко собрать изъ сочиненій этихъ писателей и, сблизивъ между собою, дать понятіе о средствахъ, употребленныхъ языческимъ правовѣріемъ для приданія значенія своей системѣ.

Два рода общихъ соображеній составляютъ содержаніе, и, конечно, по мнѣнію того времени, главнѣйшую часть апологіи языческаго правовѣрія. Съ одной стороны предполагаютъ, что разумъ человѣческій не можетъ самъ по себѣ возвышаться до познанія божественныхъ предметовъ, и заключаютъ изъ этого, что религіи остается только обратиться къ древнимъ преданіямъ; а съ другой стороны старались доказать, что благоденствіе народовъ и счастье отдѣльныхъ лицъ было всегда въ прямомъ отношеніи къ ихъ благочестію и изъ этого выводятъ то заключеніе, что это составляетъ достовѣрнѣйшій признакъ истинности и божественности древней религіи.

Цецилій, устами котораго Минуцій Феликсъ защищаетъ язычество, излагаетъ въ этомъ порядкѣ свои доказательства, подкрѣпляя ихъ множествомъ историческихъ фактовъ, объясненныхъ имъ согласно съ тѣми заключеніями, которыя онъ намѣренъ вывести.

Къ этимъ доводамъ въ пользу божественнаго происхожденія язычества прибавляли еще и другіе, извлекаемые изъ исполненія прорицаній оракуловъ. Исполненіе пророчествъ пиѳіи не было ли доказательствомъ того, что она была вдохновлена Аполлономъ, и, въ то же время, вѣрнымъ признакомъ божественности языческой религіи? Въ этомъ убѣжденіи, поэтъ Серапіонъ замѣчаетъ, что ослабленіе довѣрія къ оракуламъ потрясаетъ вѣру въ могущество и провидѣніе боговъ. Апологія языческаго правовѣрія не заключалась только въ этихъ общихъ соображеніяхъ: исчислялись въ подробности всѣ заслуги, оказанныя религіей слабому человѣчеству. Она одна только имѣетъ утѣшенія для несчастныхъ и надежды для скорбящихъ; она одна умѣетъ смягчать бѣдствія жизни; она одна располагаетъ сердца богатыхъ и сильныхъ къ призрѣнію несча-

стныхъ и изліянію даровъ милосердія на бѣдныхъ и больныхъ; она же наконецъ, стараніями жрецовъ, поучаетъ людей ихъ обязанностямъ, даетъ имъ понятіе объ опасностяхъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, предостерегаетъ ихъ противъ превратностей будущаго, открываемаго оракулами. Ей обязаны еще бо́льшимъ благомъ: она единственная опора общества, которое безъ нея не замедлило бы распасться. На этомъ пунктѣ въ особенности торжествовало языческое правовѣріе. У него не было достаточно проклятій для невѣрующихъ и полувѣрующихъ, этихъ „безумныхъ, которые, работая надъ уничтоженіемъ или по крайней мѣрѣ ослабленіемъ древнихъ вѣрованій, разрывали послѣднюю связь между людьми.“ Правовѣры тѣмъ сильнѣе налегали на это разсужденіе, что знали объ ужасѣ, съ которымъ смотрѣли богатые на полное бурь будущее, не смотря на то, что и настоящее ихъ было шатко. Кромѣ того, эта партія была увѣрена въ помощи государственныхъ людей, которые, каковы бы тамъ ни были ихъ личныя убѣжденія, преслѣдовали невѣріе какъ причину общественнаго разстройства.

Ни одна изъ древнихъ институцій не была упущена языческимъ правовѣріемъ; каждая была упорно защищаема безъ малѣйшей заботы даже о здравомъ смыслѣ. Такъ варварскій языкъ пиѳіи, осмѣиваемый и оспариваемый и вѣрующими, былъ выставляемъ ими какъ образцовый, и непониманіе красотъ его Серапіонъ приписывалъ порчѣ нравовъ. Напрасно благоразумные язычники, какъ напр. Плутархъ, думая спасти авторитетъ пиѳіи, старались доказать, что отъ неправильности языка нельзя еще заключать къ лживости оракула: правовѣрные съ презрѣніемъ отвергали такія половинчатыя мнѣнія и считали ихъ опасными заблужденіями. Всѣ эти разсужденія и жалобы не были единственнымъ оружіемъ людей, принявшихъ на себя защиту древней религіи. Если вѣрить имъ, то сами боги, взявъ на себя защиту своего собственнаго дѣла, готовы уже были возвратить людей къ подножію своихъ алтарей, приведя знаменіями въ замѣшательство безумную философію, осмѣявшую чудеса, подтвержденныя всею древностью. Корыстная набожность и суетное благочестіе разносили по всей имперіи разсказы о происшествіяхъ самыхъ необыкновенныхъ. Повсемѣстно заговорили о заклинаніяхъ, появленіи привидѣній, о томъ, что священныя статуи стали двигаться и говорить. Оракулы опять стали прорицать, и слова ихъ постоянно сбывались. Вошло въ моду быть вѣрующимъ и набожнымъ, точно также, какъ за вѣкъ передъ тѣмъ было въ модѣ быть невѣрующимъ и философомъ. Всѣ и каждый принимали за истину разсказы о чудесахъ, какъ совершающихся въ ихъ время, такъ и извѣстныхъ по преданію. Большинство грековъ и римлянъ состояло, по выраженію Лукіана, изъ глупцовъ, безсмысленно жаждущихъ чу-

десъ, и всякій невѣрующій считался смѣшнымъ и дурно воспитаннымъ.

Между тѣмъ, такой порядокъ вещей глубоко огорчалъ многочисленный еще классъ людей, также любившихъ политеизмъ и желавшихъ возвращенія его власти надъ душами, но которые не въ состояніи были отказаться отъ требованій своего разума и образованія. Смѣлое ретроградное движеніе правовѣровъ казалось имъ опаснымъ для самого политеизма, потому что движеніе это имѣло въ виду возстановить самый грубый антропоморфизмъ, уронившій уже его въ глазахъ людей просвѣщенныхъ. Они не хотѣли хранить для однихъ себя своего философскаго пониманія политеизма, обольщая себя надеждою, что ихъ принципы могутъ сдѣлаться популярными и поднять всѣхъ людей до ихъ уровня.

Притомъ же, дѣйствія партіи правовѣрныхъ явно давали предчувствовать возвращеніе эпохи древняго варварства, что не могло не устрашать людей просвѣщенныхъ. Надо было предотвратить это бѣдствіе. За это-то дѣло взялись люди, дѣятельность которыхъ мы намѣрены теперь описать. И хотя имъ это не удалось, потому что, вмѣсто будущаго, они обращались также къ прошедшему; но они хотѣли спасти права разума, они стояли за просвѣщеніе, и это даетъ имъ право на благодарность потомства, какъ бы ни были дурно направлены ихъ усилія.

III.

Примирительные философы.

Описанное нами языческое правовѣріе было въ глазахъ людей, о которыхъ мы намѣрены говорить, уничиженіемъ политеизма. Замѣчательнѣйшій писатель этой эпохи, первый и достойнѣйшій представитель этого мнѣнія, Плутархъ, обнародовалъ противъ противной партіи спеціальный трактатъ, въ которомъ онъ клеймитъ ее именемъ суевѣрія и не упускаетъ случая показать всю лживость и опасность ея въ отношеніи къ вѣрно-понимаемому политеизму. Онъ говоритъ, что суевѣріе еще менѣе можетъ быть выносимо нежели самый атеизмъ: суевѣріе не даетъ человѣку покоя, наполняя міръ страхами и ужасами и дѣлая изъ боговъ существа злыя и вредныя. Далѣе онъ упрекаетъ правовѣровъ въ предоставленіи атеистамъ предлога ихъ невѣрію, предлога, которымъ невѣрующіе же пользуются, говоря, что лучше вовсе не признавать боговъ, чѣмъ вѣрить въ такихъ, которые терпятъ столь отвратительныя суевѣрія. Потомъ онъ доказываетъ, что религіозный антропоморфизмъ есть произведеніе невѣжества: онъ говоритъ, что величайшее

оскорбленіе божества, это предположеніе, что ему свойственны страсти— подобныя человѣческимъ. Лучше было бы отрицать существованіе боговъ. „По мнѣ, говоритъ онъ, лучше пусть говорятъ, что Плутарха вовсе нѣтъ, чѣмъ утверждать, что Плутархъ человѣкъ слабый, непостоянный, мстительный и раздражительный.“

Съ такой точно энергіей въ слѣдующемъ вѣкѣ Апулей отвергаетъ и осуждаетъ антропоморфическія вѣрованія. По его мнѣнію, суевѣрный культъ грубой толпы, чуждой всего святаго, разумнаго, истиннаго, не менѣе безчеститъ боговъ, пребывающихъ въ высокихъ областяхъ неба, чѣмъ самое дерзкое презрѣніе невѣрія. Малое число невѣрующихъ кажется ему не столь опаснымъ, какъ невѣжественный ужасъ, на которомъ основывается вѣра толпы.

Наконецъ, чужеземныя суевѣрія распространяемыя въ Греціи и Италіи обманщиками, пришедшими съ востока, не менѣе опасны и ложны, по мнѣнію раціоналистовъ, чѣмъ тѣ, которыя произошли отъ гомеровой миѳологіи. Плутархъ, полный уваженія къ восточной мудрости, оплакиваетъ безчестіе, наносимое ей плутами, которые подъ ея именемъ распространяютъ отвратительные и преступные обряды.

Однако же, эти люди, преслѣдуя суевѣріе, желали работать не для торжества невѣрія. Ихъ набожность, менѣе шумная, чѣмъ набожность правовѣровъ, была столь же искренняя, и идея, которую они составили себѣ о религіи, была гораздо почтительнѣе. Для нихъ, религія — чувство, напечатлѣнное природою въ душѣ, составляетъ первую и благороднѣйшую изъ ея потребностей. Потому-то и свойственна религія всѣмъ людямъ, и нѣтъ народа, который, подъ тою или другою формой, не возносилъ бы своихъ моленій къ божеству. Плутархъ полагаетъ, что найдутся народы, которые не имѣютъ ни литературы, ни домовъ, ни денегъ, ни царей, ни театровъ, но никогда не было и не будетъ такихъ, которые не признавали бы Бога.

Изъ всѣхъ благъ, находящихся во власти человѣка, нѣтъ другаго, которое такъ приближало бы къ божественной природѣ и такъ способствовало бы его счастью, какъ данная его разуму способность знанія боговъ. Это славное преимущество есть также источникъ чистѣйшаго наслажденія и живѣйшаго удовлетворенія, какое только можетъ испытывать душа. И тогда, какъ для суевѣра, религія со всѣмъ ея великолѣпіемъ, преисполнена ужаса, она приноситъ Плутарху лишь самыя пріятныя впечатлѣнія.

Святость религіи такъ велика въ его глазахъ, что онъ негодуетъ на тѣхъ, которые вносятъ въ храмъ одни лишь мірскіе интересы и вопрошаютъ оракуловъ о предметахъ жизни земной, не относящихся къ благу души. Во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ возстаетъ съ

гнѣвомъ противъ людей, обращающихся къ богамъ для узнанія: хорошо или дурно сдѣлаютъ они, если женятся, или отдадутъ свои деньги на проценты, или предпримутъ путешествіе; а также противъ городовъ, которые спрашиваютъ, будетъ ли обильна жатва и не случится ли эпидемій?

Какая разница между этимъ языкомъ и рѣчами свирѣпаго правовѣра, говорящаго только о разгнѣванныхъ богахъ и мести небесной! Это ужъ не безпокойный умъ, который, не умѣя отдать себѣ отчета ни о природѣ религіозныхъ потребностей имъ ощущаемыхъ, ни о томъ, какова должна быть религія, долженствующая удовлетворять ихъ, ищетъ въ отдаленномъ и дурно понятомъ преданіи, въ освященныхъ временемъ и безъ критики принятыхъ вѣрованіяхъ, слѣпаго рѣшенія задачъ, на которыя онъ не умѣетъ даже и смотрѣть прямо. Плутархъ самъ себѣ захотѣлъ объяснить предметъ своей вѣры и, разобравъ его тщательно, онъ увѣренъ (или по крайней мѣрѣ ему такъ кажется) въ прочности своихъ вѣрованій, и находитъ въ этой прочности миръ и спокойствіе, неизвѣстные суевѣру. Это не значитъ однако же, чтобы онъ презиралъ ученіе, переданное ему предками, и чтобы религія его была чисто философскою. Какъ ни велика довѣренность его къ своему разуму, однако же онъ все-таки еще не считаетъ его способнымъ разъяснять ему собственнымъ своимъ свѣтомъ важные вопросы, такъ близко касающіеся счастья его души. Онъ также обращается къ древнимъ преданіямъ, признаетъ ихъ за божественныя откровенія и въ своихъ разговорахъ опасается даже не только отрицать, но даже ослабить истину религіозныхъ идей, вдохновенныхъ богами и повсемѣстно принятыхъ. По его мнѣнію, отрицаніе и уничтоженіе оракуловъ должно повлечь за собою паденіе могущества и провидѣнія боговъ. Кто не остановится передъ такими послѣдствіями? говоритъ онъ, и добавляетъ, что когда отыскиваются противорѣчія въ божественныхъ свойствахъ, слѣдуетъ избѣгать, прежде всего, чѣмъ-либо оскорблять вѣру, переданную отъ предковъ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе.

Таково положеніе, занимаемое имъ въ отношеніи къ религіи, положеніе, въ которое становились вмѣстѣ съ нимъ всѣ тѣ, которые не хотѣли жертвовать ни философіи религіею, какъ дѣлали невѣрующіе, ни религіи философіею, какъ правовѣры.

Они одинаково отвращаются отъ невѣрія и суевѣрія; для избѣжанія противурѣчивыхъ мнѣній правовѣрія, они не хотятъ впадать и въ атеизмъ; они претендуютъ на настоящую средину, на которой покоится истинная религія и которая равно удалена отъ обѣихъ крайностей. Ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы согласить древнюю религію съ результатами философіи, которые они считали неопровержи-

мыми, или, какъ бы мы выразились теперь, преданія съ разумомъ. Это соглашеніе, кромѣ того, что было необходимостью для ихъ собственнаго ума, казалось имъ еще самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для побѣды надъ атеизмомъ, для истребленія суевѣрія и для приданія религіи всего ея блеска.

Въ дѣйствительности соглашеніе это было невозможно. Философія могла уступать, и она въ самомъ дѣлѣ уступала во многихъ пунктахъ, имѣвшихъ тоже лишь второстепенную важность, и для которыхъ, съ нѣкоторою ловкостью, легко было отыскать болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. Но былъ одинъ пунктъ, на которомъ невозможна была никакая уступка, пунктъ фундаментальный, отъ котораго зависѣла вся религія; мы говоримъ о самой идеѣ божества. Философія не могла признавать и утверждать, что богъ духовный, нравственный, отецъ и благодѣтель людей, и боги священныхъ преданій были бы запятнаны всѣми пороками и преступленіями, составлявшими стыдъ человѣчества. Какимъ образомъ очистить миѳологію отъ этихъ антропоморфизмовъ и преобразовать эти разсказы о насиліяхъ, битвахъ, прелюбодѣяніяхъ, въ поученія, способныя просвѣтить умъ и освятить душу? Тутъ было самое серіозное затрудненіе. Для умовъ не предубѣжденныхъ оно было неразрѣшимо. Сильная, послѣдовательная сама себѣ, философія разорвала бы связь свою съ преданіями и искала бы внѣ ихъ болѣе прочнаго и болѣе достойнаго основанія для своей религіозной системы. Но то время было эпохою паденія; философія не избѣжала всеобщей заразы; неспособная на высокія усилія, она прибѣгла къ увѣрткамъ и призвала себѣ на помощь аллегорическое объясненіе, это послѣднее средство умирающей теологіи.

Отвергая буквальный смыслъ религіозныхъ преданій, предположили въ нихъ смыслъ скрытый, непонятный для невѣждъ, но видимый окомъ разума. Священныя сказанія были лишены историческаго характера и стали миѳами, предназначенными для представленія въ драматической формѣ философскихъ и нравственныхъ истинъ. Эта удобная теорія дала просторъ воображенію и дозволила открыть въ древней миѳологіи самый удовлетворительный спиритуализмъ.

Этотъ способъ былъ однако слишкомъ ужъ произвольнымъ, чтобы не возбудить оппозиціи. Онъ имѣлъ за себя, правда, авторитетъ Платона и стоиковъ. Но Платонъ не имѣлъ большаго значенія для правовѣровъ, а стоики считались ими не болѣе какъ невѣрующими. Принять такой способъ объясненія религіи значило просто подать руку атеизму.

Это значило ниспровергнуть вѣрованія подъ предлогомъ утвержденія ихъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Правовѣры должны были спросить у раціоналистовъ, по какому праву они придавали аллегориче-

скій смыслъ такимъ сказаніямъ, буквальный смыслъ которыхъ былъ ясенъ, положителенъ, неопровержимъ, и обвинить ихъ наконецъ въ подставленіи своего личнаго разума на мѣсто божественнаго откровенія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что затрудненія эти были возбуждены, въ этомъ удостовѣряютъ старанія, съ которыми Плутархъ усиливается ихъ устранить, и трудъ, съ которымъ онъ заботится утвердить положеніе, что религіозныя преданія не могутъ быть принимаемы буквально.

Утвержденіе, что первоначальные авторы религіозныхъ сказаній имѣли только цѣлью проповѣданіе натуральной теологіи въ аллегорической формѣ, можно считать очень ловкимъ. Но это утвержденіе нуждалось въ доказательствахъ, болѣе прочныхъ, чѣмъ доводы Плутарха, прежде чѣмъ само могло послужить доказательствомъ. Также напрасно было предполагать, что самая нелѣпость разсказа насильно приводитъ къ розысканію сокровеннаго смысла. Правовѣры не находили никакой нелѣпости въ древнихъ преданіяхъ и примѣняли къ нимъ то, что Серапіонъ говорилъ о стихахъ пиѳіи: они упрекали невѣрующихъ и раціоналистовъ въ потерѣ способности понимать и чувствовать божественное.

Не смотря на объясненія Плутарха, теорія миѳа оказалась слабой стороной раціонализма. Доказательство этому имѣется въ повторяемыхъ долгое время усиліяхъ его партизановъ поставить эту теорію выше всѣхъ опроверженій. Неоплатоническая школа занималась между прочимъ этимъ дѣломъ и составила полную теорію изъ всѣхъ опытовъ своихъ предшественниковъ. Не было достаточно однакожъ показать, что религіозныя преданія суть только аллегоріи; надо было ихъ еще объяснить и отыскать въ нихъ смыслъ. Тутъ возникали новыя затрудненія. Какимъ образомъ согласиться на счетъ ихъ толкованія? Какое бы то ни было сказаніе, взятое буквально, имѣетъ одинъ только смыслъ; если же его разсматривать, какъ аллегорію, то оно получаетъ безчисленное множество объясненій. Это и было причиною, почему языческія преданія безразлично приняли ту форму, которую каждому изъ ихъ толкователей вздумалось имъ придать. Нерѣдко можно было видѣть, какъ философы, смотря по необходимости, придавали одному и тому же факту два противоположныя между собою значенія. Замѣшательство было чрезвычайное. Плутархъ не знаетъ, какого принципа держаться. Тутъ онъ принимаетъ вмѣстѣ со стоиками, которыхъ однако же обыкновенно оспариваетъ, что миѳологія имѣетъ цѣлью объяснить космогоническія и физическія явленія. Въ другомъ мѣстѣ онъ близокъ къ мысли, что нѣкоторыя религіозныя преданія предназначены для сохраненія памяти о великихъ дѣяніяхъ царей, которымъ обществен-

ная признательность придала божественное происхожденіе. Эта система принадлежащая Эвгемеру, имѣетъ свое основаніе въ исторіи, но онъ не принимаетъ ее вполнѣ, боясь потрясти основанія религіи. Вообще онъ предпочитаетъ слѣдовать Платону и видѣть въ миѳологіи символы добродѣтелей и дѣйствій человѣческой души.

Принципы эти господствовали въ школѣ раціоналистовъ, не исключая собою впрочемъ вполнѣ физическаго объясненія стоиковъ. Мы не станемъ излагать здѣсь ученій, отсюда проистекшихъ, но замѣтимъ только, что принятіе аллегорическаго толкованія принесло свои плоды. Историческая часть была все болѣе и болѣе поглощаема философскими ученіями, которыя вначалѣ думали только получить изъ нея, какъ выводы, и это привело къ тому, что миѳологія сдѣлалась наконецъ не болѣе какъ оболочкой мистической философіи. Таковъ неизбѣжный конецъ всякой раціональной теологіи, которая желаетъ остаться последовательной со своими принципами. Она выходитъ изъ твердаго намѣренія согласить откровеніе съ разумомъ и достигаетъ чистой философіи, не имѣющей ничего общаго съ этимъ откровеніемъ.

IV.

Сравненіе двухъ партій.

Изложивъ главнѣйшіе взгляды двухъ партій, раздѣлявшихъ язычество со времени его возстановленія, въ срединѣ I-го вѣка христіанской эры до окончательнаго паденія алтарей боговъ Гомера, не безполезно будетъ противупоставить ихъ между собою, для того, чтобы вывести изъ этого сравненія еще болѣе ясную идею объ ихъ относительномъ значеніи. Мы ограничимся чертами, самыми характеристическими.

Двѣ эти партіи, какъ можно было замѣтить изъ нашего разсказа, представляли двѣ, совершенно различныя между собою системы. Правовѣріе разсматривало религіозныя преданія, какъ сказанія о дѣйствительныхъ фактахъ; раціоналисты же — какъ аллегоріи, заключающія въ себѣ философское поученіе. Эта послѣдняя система, развитая неплатонической школой, вообще принята новѣйшими учеными, которые такимъ образомъ становятся за языческій раціонализмъ и противъ языческаго правовѣрія. Неумѣстно было бы теперь разсматривать этотъ вопросъ, который не можетъ быть разобранъ мимоходомъ, и вовсе не составляетъ необходимости для нашей цѣли; намъ достаточно только замѣтить, что оракулы, единственная законная религіозная власть у грековъ и римлянъ, выразились въ смыслѣ, противоположномъ тому,

который преобладалъ у философовъ и ученыхъ. Въ общественномъ, офиціальномъ культѣ, миѳологія была принята какъ совокупность историческихъ фактовъ, и такимъ образомъ долженъ былъ понимать ее всякій, остававшійся вѣрнымъ религіи своей страны. Что въ философскихъ школахъ не довольствовались этими вульгарными вѣрованіями, и что старались поставить ихъ въ бо́льшую сообразность съ требованіями здраваго разума, это объясняется легко, это было даже неизбѣжно. Но эти теоріи, какъ результаты ученой критики предметовъ народной вѣры, принадлежали наукѣ; онѣ никогда не были принимаемы жрецами. Ихъ постоянно изгоняли изъ храмовъ, и только тогда безнаказанно допустили въ школы, когда ослабленіе вѣры не дозволило примѣненія наказаній, нѣкогда назначавшихся невѣрующимъ.

Партія, которую мы обозначили именемъ правовѣрной, признавала и принимала, какъ факты, то, что раціоналисты, въ подражаніе Платону и стоикамъ, любили объяснять, какъ миѳы. Она одна только была вѣрною защитницею истиннаго язычества. И если наука ее осуждала—что ей было до того?—она обращалась къ наукѣ только для того, чтобы опровергать послѣднюю и показывать ея заблужденія. Раціоналисты же весьма обманывались, когда выдавали себя за искреннихъ язычниковъ. Въ дѣйствительности они исповѣдовали другую религію, которая почти ничего не имѣла общаго съ язычествомъ. Только ихъ достойный уваженія характеръ заставляетъ изъять ихъ отъ упрека въ лицемѣріи, и потому правовѣры, съ языческой точки зрѣнія, отдавая справедливость искренности ихъ религіознаго чувства, могли порицать ихъ только въ неисполненіи предписаній и наставленій народнаго культа.

Имѣлъ ли право раціонализмъ, съ своей стороны, укорять правовѣровъ въ суевѣріи? Справедливо, что религія, въ томъ видѣ, какъ ее представляли правовѣры, была запутаннымъ скопленіемъ нелѣпыхъ преданій, вздорныхъ вѣрованій и смѣшныхъ, либо возмутительныхъ обрядовъ. Но язычество Греціи и Рима, то самое, которое цѣлые вѣка царило въ храмахъ, которое было признаваемо законами, которое перешло въ общественные обычаи и образовало собою народную вѣру, не было чѣмъ-либо инымъ. Какъ же это раціоналисты, требовавшіе возстановленія древней религіи, могли осуждать суевѣрія, которыя составляли именно эту самую религію? Упрекъ этотъ имѣлъ смыслъ въ устахъ невѣрующихъ, и не имѣлъ его, даже былъ въ высшей степени несправедливъ, въ устахъ раціоналистовъ. Правовѣры были послѣдовательны нападая на философію, упрямо отвергая всю умственную культуру, ею произведенную, и восхваляя древніе нравы, варварство прежнихъ временъ, предразсудки и невѣжество. Язычество не могло существовать во всей своей полнотѣ, ни вмѣстѣ съ философіей, ни безъ от-

талкивающихъ обычаевъ древности. Точка исхода была нелѣпа, конечно; но лишь только она была признана за истинную и полезную, заключенія выводились неизбѣжно; требуя ихъ, правовѣры были логичны; раціоналисты же шли противъ логики, объявляя язычество спасительнымъ и отвергая суевѣрія, бывшія его принадлежностью. Въ языческомъ мірѣ было только два искреннія положенія — правовѣровъ и невѣрующихъ: средина, на которой, по мнѣнію Плутарха, покоится истинная религія, была самообольщеніемъ. Аттакованная съ двухъ сторонъ, эта партія давала противъ себя оружіе въ руки какъ правовѣровъ, такъ и невѣрующихъ. Сочиненія, въ которыхъ были изложены ея мнѣнія, служили богатымъ арсеналомъ для невѣрующихъ, которые черпали изъ него доводы противъ народныхъ вѣрованій; съ другой же стороны, и правовѣры представляли простому народу это уваженіе философовъ къ древнимъ вѣрованіямъ, какъ доказательство истины послѣднихъ. Такимъ образомъ, имя и авторитетъ Плутарха, и тѣхъ, которые считали честью быть въ числѣ его учениковъ, служили и невѣрующимъ, которыхъ онъ презиралъ, и суевѣрамъ, бывшимъ для него ненавистными.

Что заключить изъ всѣхъ этихъ соображеній, какъ не то, что языческій раціонализмъ обманывался относительно той самой религіи, которую предполагалъ возстановить, что онъ доводилъ непослѣдовательность до впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, и что у него, наконецъ, недоставало ловкости, необходимой для всякой партіи. Но его заблужденія суть заблужденія вѣка; все, что есть истиннаго и великаго въ совокупности его представленій, принадлежитъ ему вполнѣ. Это была не логическая, но поучительная попытка разума согласить несогласимое, внести умѣренную критику въ область, не допускающую критики, и поставить священные кумиры въ другой области, не терпящей никакихъ кумировъ. Плутархъ и его школа пытались сохранить традицію великой языческой цивилизаціи, не рѣшаясь перенести ее на почву единомышленниковъ Лука ,ан іи отвращаясь отъ грубаго варварства, грозившаго древнему міру и мало-помалу его поглотившаго. Но борьба шла на смерть между двумя направленіями. Конечно, трудно сказать, чтобы нѣсколько замѣчательныхъ мыслителей этой школы, если бы они стали на точку зрѣнія чистой критики, не дали міру впасть въ невѣжество и поддержали традицію науки. Они все-таки составляли незначительное меньшинство въ виду невѣжественнаго и жаднаго къ чудесамъ населенія, которое получило большее участіе въ общественной жизни вслѣдствіе равенства всѣхъ подданныхъ имперіи предъ самодержавною властью цезарей. Но въ томъ положеніи, въ какомъ мы видимъ дѣло, когда обаяніе древности склоняло Плутарховъ и Ямблиховъ къ поклоненію Пла-

тонамъ и Пиѳагорамъ, къ отысканію таинственнаго значенія въ миѳахъ Ганимеда и Атридовъ, когда насмѣшливый голосъ Лукіана раздавался одиноко — будущность человѣческаго разума была неизбѣжна. Въ осмѣянныхъ повѣрьяхъ Олимпа, изъѣденныхъ аллегорическими объясненіями, подкопанныхъ культами Митры, Сераписа, Изиды и другихъ боговъ варварскихъ пантеоновъ, человѣкъ уже не могъ успокоиться. Сами неоплатоники, думавшіе защищать язычество, такъ мало защищали его, что одинъ изъ отцовъ западной церкви *a*) говорилъ: „Имъ стоило только измѣнить нѣсколько словъ въ своей системѣ для перехода въ христіанство.“ Древняя цивилизація должна была пасть вмѣстѣ съ древними религіозными формами.

---

a) Августинъ: «De vera Religione», VII.

ПЕРВЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАУКИ.

Есть много исторій философіи, но исторія науки до сихъ поръ еще не написана. Льюисъ, послѣ многихъ лѣтъ подготовки, предпринялъ этотъ важный трудъ и теперь представляетъ намъ начало его въ формѣ монографіи объ Аристотелѣ *а*). Заглавный листъ книги достаточно опредѣляетъ ея предметъ. Она не протендуетъ быть систематическимъ изложеніемъ всего перипатетическаго ученія *б*), но только тѣхъ частей его, которыя принадлежатъ наукѣ въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ. Справедливо полагая, что прежде всего необходимо обстоятельно провѣрить факты, Льюисъ основываетъ свои труды на разборѣ физическихъ и физіологическихъ трактатовъ Аристотеля. Онъ прибавилъ пояснительные и критическіе комментаріи, которые отдѣлены отъ текста и составляютъ самостоятельную главу, а всему этому предпослалъ краткую біографію и шесть главъ „Пролегоменовъ", которыя служатъ общимъ введеніемъ къ изученію древней науки. Вотъ, въ краткихъ словахъ, что сдѣлалъ Льюисъ; мы затруднились бы воздать ему должную хвалу за исполненіе этого дѣла. Задача, которую онъ себѣ поставилъ, представляетъ огромныя трудности, требуя спеціальной, необыкновенной подготовки. Репутація Льюиса, какъ писателя по части философіи, уже сдѣлана *в*); поэтому намъ не нужно распространяться

а) Aristotle by George Henry Lewes. (London, 1864).

б) Перипатетиками назывались ученики Аристотеля, преимущественно потому, что онъ преподавалъ, прохаживаясь съ ними. *Ред.*

в) Льюисъ извѣстенъ своей «Біографической исторіей философіи», которая представляетъ весьма остроумное построеніе, но въ то же время ту особенность, что это исторія философіи, направленная *противъ* философіи. Главный ея недостатокъ тотъ, что авторъ смѣшалъ философію съ метафизикою и, справедливо воору-

о его учености, историческихъ познаніяхъ и научно́мъ развитіи: эти качества признаетъ за нимъ каждый. Но вотъ вопросъ, который задастъ себѣ тотъ, кто читалъ хоть что-нибудь изъ „физики" Аристотеля. Есть ли это читаемая книга, или же только не лишенная достоинства назидательная статья? Отвѣтъ долженъ быть данъ, какъ сказалъ бы Аристотель, „*сообразно сущности предмета.*" Если, заимствуя любимое сравненіе греческой школы, Аристотель есть отличный башмачникъ, который, изъ данной ему кожи, дѣлаетъ возможно лучшую пару башмаковъ, то Льюисъ долженъ, по всей справедливости, занять мѣсто первостатейнаго работника, потому что матеріалъ, который даетъ ему Аристотель, грубъ и упоренъ до послѣдней степени. Льюисъ не выработалъ изъ него сочиненія, которое обладало бы такою же прелестью, какъ его „Жизнь Гете", но это было и невозможно; зато онъ далъ намъ книгу, которая чрезвычайно хорошо написана и въ которой все искусно сопоставлено; ни одинъ образованный человѣкъ не можетъ читать ее безъ удовольствія, и ни одинъ изъ занимающихся этимъ предметомъ не можетъ оставить ее безъ удивленія къ тому искусству, съ которымъ преодолены всѣ естественныя трудности предмета.

Этотъ опытъ, озаглавленный именемъ Аристотеля, долженъ считаться частью проектированнаго сочиненія, о происхожденіи и развитіи науки. Всѣ, кому дорого, чтобы самая важная область исторіи была написана надлежащимъ образомъ, серіозно надѣются, что Льюисъ будетъ въ состояніи выполнить свое предпріятіе, хотя многіе пожалѣютъ, что онъ не предпочелъ избрать болѣе широкую тему, исторію *наукъ*, вмѣсто исторіи *науки*. Хорошее сочиненіе по этому предмету весьма необходимо въ настоящее время. „Исторія индуктивныхъ наукъ" д-ра Уэвеля *a*) есть единственная книга, совершенно доступная англій-

---

жась (и не онъ первый) противъ послѣдней, не хотѣлъ понять, что философія, *какъ цѣльное, стройное, систематическое представленіе всего сущаго,* столь же необходимое отправленіе человѣческаго духа, какъ наука. Нельзя также сказать, чтобы Льюисъ былъ знакомъ со всей обширной литературой предмета и всегда остороженъ въ своей критикѣ. *Ред.*

a) Это сочиненіе весьма замѣчательное, очень добросовѣстно составленное и не только лучшее, но едва ли не единственное въ своемъ родѣ, по исторіи науки, хотя заключаетъ безспорные недостатки, частью зависящіе отъ взгляда автора, частью отъ чрезвычайной обширности и трудности предмета. Но мы не согласны съ рецензіею «Вестминстерскаго обозрѣнія», статью котораго приводимъ. Не исторія *наукъ* въ отдѣльности, а исторія *науки* вообще важна особенно въ наше время, именно исторія правильнаго раціональнаго пониманія всего сущаго въ связи съ историческими событіями жизни человѣчества. Именно на этомъ поприщѣ нѣтъ даже попытокъ къ дѣльному воззрѣнію, или онѣ чрезвычайно поверхностны, и всего чаще сливаются съ исторіею философіи. Спеціальныя исторіи наукъ писались и пишутся спеціалистами и составляютъ ихъ безспорное достояніе. Одинъ изъ важныхъ недостатковъ книги Уэвеля именно, что она представляетъ разорванную исторію отдѣльныхъ наукъ, Льюисъ сдѣлалъ очень хорошо, принявъ другой планъ.

скому ученому. Каково бы ни было ея достоинство, она все-таки остается трудомъ, къ которому должны прибѣгать читатели, протестуя постоянно противъ философскаго воззрѣнія автора. Самое заглавіе во многихъ отношеніяхъ неудачно, такъ какъ оно устанавливаетъ различіе, котораго не существуетъ, и вызываетъ надежду, которая не выполняется. Всякая наука въ одно и то же время употребляетъ и наведеніе отъ фактовъ и выводъ изъ прежде установившихся началъ, т. е. она вмѣстѣ индуктивна и дедуктивна. Если и допустить, что позволительно отличать извѣстныя отрасли знанія, въ которыхъ индуктивный процессъ имѣетъ особенное значеніе, давая имъ названіе индуктивныхъ наукъ, то обстоятельность требуетъ того, чтобы сюда включенъ былъ весь рядъ предметовъ, обладающихъ этой особенностью. Уэвель этого не дѣлаетъ; вотъ почему его книга не мало способствовала тому, чтобы съузить значеніе различія, каторое само по себѣ и узко, и обветшало. Относительно же дѣйствительнаго выполненія мы должны, сообразно нашему настоящему плану, замѣтить, что первыя главы исторіи Уэвеля суть самыя слабыя; отчетъ о греческихъ школахъ ученыхъ чрезвычайно неполонъ; очеркъ средневѣковой науки еще менѣе полонъ и, кромѣ того, имѣетъ за собою ту очевидную невыгоду, что онъ не основанъ на знакомствѣ съ оригинальными произведеніями схоластики. Пора дать въ руки англичанамъ, изучающимъ предметъ, болѣе философскій и полный учебникъ. Часть, и только часть, той почвы, которая должна быть разработана исторіею наукъ, вошла въ составъ труда, проектированнаго Льюисомъ. Онъ не желаетъ слѣдить за потокомъ науки въ болѣе обширныхъ и глубокихъ частяхъ его теченія, но предпочитаетъ подняться по немъ до его источниковъ, показать, какъ онъ вытекаетъ изъ скудныхъ высотъ обыкновеннаго знанія, и при какихъ условіяхъ достигаетъ того пункта, съ котораго впервые спускается въ равнину и становится непосредственно полезнымъ человѣку. Не можетъ быть спора касательно интереса и достоинства такого изложенія, если за него уже взялись способныя руки. Есть много людей, особенно въ Англіи, которые имѣютъ безотчетную вѣру въ то, что наука была создана приблизительно около времени Бэкона; такъ же точно, какъ есть много другихъ, которые искренно убѣждены, что истинная религія въ первый разъ появилась въ Европѣ, въ царствованіе Генриха VIII. Они не уразумѣли идеи развитія; они не имѣютъ никакого понятія объ отношеніи прошедшаго къ настоящему; знаніе, которымъ они обладаютъ, будучи лишено историческаго основанія, очень часто бываетъ отрывочно и несистематично, а ихъ сужденіе о древнихъ системахъ философіи односторонне и неправильно. Правда, что въ другихъ странахъ эта теорія, которая собственно при-

надлежитъ Англіи, не находитъ себѣ многихъ приверженцевъ. Тѣ, изъ континентальныхъ писателей, которые не признаютъ ученія о постепенности успѣха, обыкновенно предпочитаютъ отыскивать въ древности средства къ униженію трудовъ новѣйшихъ временъ. Французы въ особенности, такъ часто неразборчивые въ своихъ похвалахъ, кажется думаютъ, что великій человѣкъ долженъ быть одинаково великъ во всемъ. Они поклоняются установившемуся авторитету и вѣрятъ ему не только въ томъ, что онъ дѣйствительно говорилъ, но даже и въ томъ, что ихъ собственное воображеніе можетъ извлечь изъ его словъ. Ходъ науки разсматривается ими не какъ нѣчто органически-цѣлое, но какъ рядъ эпохъ, прославленныхъ независимыми открытіями индивидуальныхъ геніевъ. Каждое изъ этихъ предположеній отдѣляетъ знаніе настоящаго времени отъ знанія отдаленныхъ временъ, и ни одинъ изъ нихъ не допускаетъ исторіи науки въ надлежащемъ смыслѣ.

Въ первыхъ главахъ настоящей книги, служащихъ введеніемъ, мы знакомимся съ теоріею, которую Льюисъ принимаетъ въ основаніе своей исторіи. Онъ понимаетъ развитіе какъ законъ, управляющій нашею жизнью, а успѣхи знанія считаетъ частью его. Обращаться съ удивленіемъ къ одной какой-нибудь точкѣ въ цѣломъ рядѣ событій, значитъ лишать всякаго значенія все предъидущее и послѣдующее.

«Наука есть нѣчто развивающееся. Будущее должно происходить изъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ прошедшемъ. Голый и необросшій травою гранитъ долженъ сначала покрыться мхами и лишаями, для того, чтобъ въ ихъ разрушеніи могъ образоваться зачатокъ высшей жизни. Никакая великолѣпная растительность не появляется сразу, она происходитъ постепенно изъ всего запаса предшествующихъ эпохъ. Изъ малыхъ начинаній и послѣдовательныхъ успѣховъ знанія происходитъ болѣе богатая понятіемъ и болѣе полная наука. Прогрессъ состоитъ не въ простомъ *приращеніи*, а въ новомъ *развитіи*, развитіи, которое становится возможнымъ, благодаря приращенію, такъ точно, какъ прибавленіе къ новой ткани возвышаетъ организмъ до возможности высшаго отправленія. Истина, которая составляетъ искомую цѣль одного вѣка, становится точкою исхода слѣдующаго. Открытіе, которое было страстнымъ желаніемъ одного человѣка и доставило ему большую славу, становится для его послѣдователей простымъ орудіемъ для новыхъ розысканій.»

Слѣдуя такому принципу, мы готовимся подняться по потоку времени и прослѣдить наше знаніе до самаго его источника. Гдѣ и отъ какихъ родителей родилась наука? Это вопросъ, на который едва ли можно отвѣтить чисто историческимъ доказательствомъ; отвѣтъ будетъ очевидно зависѣть главнымъ образомъ отъ болѣе или менѣе широкаго пониманія слова „наука". Если это слово должно означать собою такое обыкновенное знаніе хода событій, которое заключается въ первыхъ опытахъ человѣка, то зачатіе науки должно быть одновременно

съ самымъ раннимъ населеніемъ земнаго шара. Но если опредѣлять болѣе точно, если наука непремѣнно требуетъ точной оцѣнки количественнаго измѣренія времени, пространства и силы, то заря науки должна быть позднимъ событіемъ въ исторіи человѣческаго рода и притомъ такимъ, котораго и слѣдовъ не представляютъ раннія цивилизаціи. По мнѣнію Льюиса, рожденіе науки должно быть отнесено „къ тому сравнительно новому періоду, когда умъ отбросилъ первоначальное стремленіе искать въ сверхъестественныхъ двигателяхъ объясненія всѣхъ внѣшнихъ явленій, и когда онъ началъ стараться систематическимъ изслѣдованіемъ самыхъ явленій, открыть ихъ неизмѣнный порядокъ и соотношеніе.“ (Стр. 26).

Такимъ образомъ, наука произошла изъ того направленія ума, которое заставляло людей приниматься за изслѣдованія съ единственною цѣлью привести въ извѣстность отношеніе, существующее между событіями, другими словами—начало науки современно введенію метода изученія предметовъ и явленій помощью ихъ прямаго наблюденія, независимо отъ какой бы то ни было предвзятой мысли съ нашей стороны, т. е. начало науки современно введенію объективнаго метода. А такъ какъ этотъ методъ, въ самыхъ простыхъ случаяхъ своего примѣненія, требуетъ знанія математики и употребленія орудій для измѣренія и вычисленія; и такъ какъ съ другой стороны, египтяне и ассиріяне, персы и индусы очевидно не обладали подобными орудіями, то эта наука и не можетъ быть отнесена къ ихъ времени. Итальянскимъ грекамъ мы обязаны введеніемъ въ употребленіе этого метода, который съ тѣхъ поръ принесъ столько плодовъ. Пиѳагорейская школа первая сознательно отдалась наблюденію; она первая признала опытъ орудіемъ открытія, и первая дала міру математику. Ея изслѣдованія касательно колебанія тѣлъ суть самыя раннія физическія изслѣдованія, которыя дошли до насъ. Кромѣ всего этого, мы обязаны грекамъ систематическимъ употребленіемъ свободнаго и независимаго способа изслѣдованія, а также введеніемъ скептицизма въ науку.

Не сомнѣваясь въ правильности этого взгляда (а онъ и не можетъ быть съ успѣхомъ опровергнутъ), мы совершенно понимаемъ ту форму, въ которой является намъ первый опытъ исторіи Льюиса. Аристотель не только представитель греческаго ума, онъ хранилище греческой образованности. Онъ обнимаетъ собою все поле древней науки. И хотя наше знакомство съ его жизнію и ученіемъ далеко отъ полноты, мы лучше знакомы съ нимъ, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь изъ другихъ вожатыхъ греческой мысли. Пиѳагоръ дошелъ до насъ лишь въ формѣ гигантскаго очерка; философія Платона слилась нераздѣльно съ ученіемъ Сократа; но система, которая излагалась въ прогулкахъ по

лицею, до сихъ поръ, по истеченіи двадцати вѣковъ, можетъ быть изучена въ своей особенности и полнотѣ. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ эта система рѣдко изучается, какъ нѣчто цѣлое. Судя по частымъ ссылкамъ на Аристотеля, онъ, казалось бы, долженъ быть однимъ изъ отлично извѣстныхъ писателей,—а въ сущности, вѣроятно, нѣтъ другаго великаго классика, съ трудами котораго были бы менѣе освоены даже начитанные люди. Правда, что его историческіе, критическіе и этическіе трактаты еще до сихъ поръ занимаютъ мѣсто въ англійскомъ образованіи и изучаются съ надлежащимъ прилежаніемъ; но вѣдь это все только отрывочныя части одной цѣлой схемы, которая имѣла необъятное вліяніе на мысль и даже на политику Европы, а съ этой схемой большинство изучающихъ предметъ едва ли болѣе знакомо, нежели съ системой Конфуція. Если Аристотель вообще сто́итъ того, чтобы его читали, то онъ, конечно, сто́итъ и того, чтобъ его понимали. Но, чтобы понять его, необходимо къ его логикѣ и метафизикѣ прибавить ученыя сочиненія. А этого еще не сдѣлали у насъ и не дѣлали цѣлыя столѣтія. Этика Аристотеля дается англичанамъ въ руки для того, чтобы помочь имъ выработать принципы, которые остаются имъ на всю жизнь. „Органонъ“ *a*) до сихъ поръ считается учебникомъ формальной логики. Историки обращаются къ „политикѣ“, а критики къ „піитикѣ“ такъ же часто, какъ и прежде. По этимъ предметамъ Аристотель все еще признается верховнымъ авторитетомъ. Его репутація даже постоянно растетъ. Онъ не далекъ отъ состоянія, весьма близкаго къ тому, которое составляло для него идеалъ счастія, состоянія, когда онъ не возбуждаетъ никакой вражды, вызываетъ мало критики и не лишенъ извѣстной доли внѣшнихъ благъ, которыя въ этомъ случаѣ представляются изданіями германскихъ профессоровъ, что составляетъ собственно почетъ, но безстрастный и безжизненный.

Судьба его „физическихъ трактатовъ“ въ настоящее время, какъ и въ прежнее, совсѣмъ иная. Во время перваго ихъ появленія въ Европѣ, въ XIII столѣтіи, они были формально осуждены при трехъ различныхъ обстоятельствахъ. Не легко теперь опредѣлить настоящую причину враждебнаго отношенія къ нимъ; вѣроятно полагали, что эти трактаты заключаютъ въ себѣ нѣчто противное католическому ученію. Какъ бы то ни было, но почти достовѣрно можно сказать, что никто изъ членовъ совѣта, которые впервые запретили ихъ, ни папскій легатъ, который конфирмовалъ ихъ запрещеніе, ни самъ папа, который

---

a) «Органономъ» называли послѣдователи Аристотеля сборникъ его логическихъ трактатовъ.

подтвердилъ его, не читали сочиненій, ими запрещенныхъ. За ложнымъ подозрѣніемъ послѣдовало въ ближайшемъ поколѣніи ложное удивленіе, и съ средины XIII столѣтія до начала XVI наука Аристотеля была наукою Европы. Въ XVI же столѣтіи авторитетъ учителя палъ вмѣстѣ съ авторитетомъ католичества, съ которымъ онъ былъ такъ долго соединенъ. Реформаторы XVI столѣтія ненавидѣли Аристотеля, какъ союзника романистовъ, а физики слѣдующаго вѣка презирали его, какъ идола схоластиковъ. Настроеніе времени выражается въ строгомъ замѣчаніи Бэкона, что Аристотель есть худшій изъ софистовъ, а недостаточное знаніе его ученыхъ сочиненій высказалось въ критикѣ, которая съ тѣхъ поръ такъ часто повторялась, будто бы Аристотель сдѣлалъ науку природы слугою своей логики. Чрезъ какіе нибудь три вѣка, маятникъ откачнулся назадъ, почти на то же мѣсто, котораго онъ достигъ во время самаго раболѣпнаго періода среднихъ вѣковъ. Но, въ настоящее время роль хвалителей приняли на себя истинно ученые люди: Кювье, Де-Блянвиль, Исидоръ Жофруа Сент-Илеръ. Они объявили, что Аристотель былъ совершенно не понятъ; что его труды представляютъ весьма важное собраніе фактовъ; что онъ сдѣлалъ тысячи наблюденій съ чрезвычайною точностію; что онъ обнялъ всѣ отрасли знанія, и положилъ внѣшнее основаніе всѣмъ наукамъ.

Пора же покончить, наконецъ, съ этими спорами. Ради репутаціи Аристотеля, а еще въ бо́льшей степени, ради интересовъ самой науки, необходимо навсегда привести въ извѣстность отношеніе древней науки къ новой. Если бы оказалось, что въ періодъ, лишенный всѣхъ точныхъ способовъ наблюденія, одинъ великій человѣкъ, единственно съ помощью своихъ умственныхъ способностей, дошелъ до результатовъ, до которыхъ съ трудомъ достигло человѣчество цѣлыми годами усердныхъ розысканій, при помощи самыхъ точныхъ инструментовъ, въ такомъ случаѣ нашъ научный органонъ *a*) долженъ быть перестроенъ. Тогда, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на знаніе, какъ на постепенно образуемое матеріалами, скопившимися въ теченіе вѣковъ, мы должны бы воротиться къ теоріи критическихъ переворотовъ, и допустить, что общій видъ міра мысли можетъ быть измѣненъ однимъ судорожнымъ усиліемъ. Въ дѣлѣ такой важности непозволительно успокоиваться на общихъ положеніяхъ, какъ бы они ни казались основательными. Этотъ вопросъ долженъ получить опредѣленное рѣшеніе. Къ такому рѣшенію и привелъ его Льюисъ, съ большимъ трудомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и съ полнымъ успѣхомъ.

---

a) Т. е. собраніе научныхъ методовъ.

Прежде, чѣмъ мы ознакомимъ читателей съ доказательствами, которыя онъ приводитъ, хорошо сначала уяснить себѣ: 1) каковъ характеръ древней науки, и 2) какое мѣсто въ отношеніи къ ней занимаетъ Аристотель?

На первый изъ этихъ пунктовъ англійская школа физиковъ всегда имѣла готовый отвѣтъ. Древняя наука ошибочна, и ошибочна потому, что люди, занимавшіеся наукою, „не имѣли того великаго критеріума, который одинъ можетъ служить повѣркою свидѣтельства.“ Они не цѣнили наблюденія и опыта и опирались на отвлеченное мышленіе. Д-ръ Плейфэръ идетъ даже далѣе, и утверждаетъ, что хотя иногда и производились наблюденія, но опыты никогда не были вводимы; отсюда онъ рѣшаетъ, что если бы древніе не пренебрегали ни тѣмъ, ни другимъ, то они достигли бы того же результата, какъ и мы; это мнѣніе, какъ намъ кажется, находитъ себѣ общую поддержку; оно въ сущности принадлежитъ Бэкону, хотя процессъ, по которому дошли до него, вовсе не есть процессъ Бэкона. Достаточно самаго поверхностнаго изученія трудовъ греческихъ философовъ, чтобы увидѣть, что они занимались и наблюденіями, и опытами. Они не пренебрегали фактами, они умѣли оцѣнить опытъ, они — по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ—не ткали своей философіи, какъ паукъ тчетъ нить паутины, изъ того, что заключалось въ ихъ собственныхъ умахъ. Но недостаточно только собирать матеріалы для зданія; нужно сначала изслѣдовать камни, прежде чѣмъ строить зданіе, въ которомъ мы могли бы безопасно поселиться. Намъ не нужно возвращаться къ древности, чтобы убѣдиться, что никакая масса наблюденій и никакое повтореніе опытовъ не избавитъ насъ отъ самыхъ явныхъ ошибокъ, если наблюденія не точны и опыты не провѣрены. Этотъ процессъ провѣрки медленъ, труденъ, кропотливъ; онъ требуетъ постояннаго наблюденія за самимъ собою, чтобы не слишкомъ легко поддаться расположенію видѣть то, что намъ хочется видѣть, и думать, что ходъ природы соотвѣтствуетъ ходу мысли. Поэтому, только самое сильное убѣжденіе въ необходимости провѣрки заставляетъ людей приниматься за нее. А этого убѣжденія не имѣли и не могли имѣть первые воздѣлыватели науки, потому что оно родилось вслѣдствіе повторившихся ошибокъ слѣдующихъ поколѣній. Первоначальное отношеніе ума къ явленіямъ, т. е. результатъ нашихъ первыхъ опытовъ надъ окружающимъ насъ міромъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ предполагаетъ себя мѣрою всѣхъ вещей, и считаетъ, что все, что онъ въ состояніи ясно представить себѣ, должно быть непремѣнно вѣрно. Всеобщее разочарованіе въ себѣ, въ нашихъ чувствахъ и способностяхъ, другими словами—научный скептицизмъ есть уже продуктъ болѣе обширнаго опыта, ре-

зультатъ частыхъ и сильныхъ ошибокъ. Въ самыхъ простыхъ отрасляхъ науки субъективный методъ скоро былъ покинутъ. Въ самыхъ же сложныхъ онъ до сихъ поръ еще не оставленъ: „такъ легко смотрятъ многіе на исканіе истины и такъ горды они, что не хотятъ возвратиться къ положеніямъ, которыя представляются имъ уже совершенно готовыми."

Итакъ мы видимъ, что древняя наука ошибалась, и признаемъ двѣ причины этой ошибки, одну психологическую, а другую историческую. Психологическая причина есть пренебреженіе повѣрки, проистекающее изъ нашей умственной и нравственной природы, или, какъ сказалъ бы Бэконъ, изъ „*идола племени*" *а*). Историческая причина поясняетъ это пренебреженіе, показывая, что опытъ, результатъ неудачъ, который одинъ только заставляетъ насъ прибѣгать къ повѣркѣ, не былъ удовлетворителенъ въ древности, да и теперь еще не совсѣмъ удовлетворителенъ. Все-таки мы можемъ, вмѣстѣ съ Льюисомъ, надѣяться, что въ настоящее время относительное положеніе измѣнилось; ложный методъ до сихъ поръ еще употребляется и въ извѣстныхъ розысканіяхъ сохраняетъ свое преимущество; но существованіе обширной области, принадлежащей наукѣ, и быстро возрастающее распространеніе научнаго духа доказываютъ, что вѣрный методъ все-таки преобладаетъ.

Эти положенія, вѣрныя относительно древней науки вообще, примѣнимы съ нѣкоторыми ограниченіями и къ Аристотелю, какъ къ типу ея. Независимо отъ доказательства, которое можетъ быть выведено только изъ обзора его сочиненій, существуетъ историческія данныя, что онъ не былъ поставленъ на ту точку зрѣнія, которая позволила бы ему наблюдать и дѣлать опыты съ достаточнымъ успѣхомъ. Его умъ, самый проницательный, самый обширный и способный умъ древности, былъ все-таки не совершенно свободенъ отъ той наклонности углубляться въ воображаемыя представленія ума, а не въ наблюденіе самыхъ вещей, которая повлекла за собою паденіе его учителя, Платона. Желаніе образовать рѣзкій контрастъ между этими двумя лицами произвело совершенное непониманіе того, въ чемъ, по нашему мнѣнію, должна бы заключаться истинная умственная оцѣнка Аристотеля. Въ новѣйшія времена, благодаря множеству различій въ образѣ жизни, въ привычныхъ мысляхъ и занятіяхъ, различій, которыя

а) Френсисъ Бэконъ называлъ идолами укоренившіеся предразсудки, которые въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности мѣшаютъ человѣку идти надлежащимъ путемъ къ истинѣ. Онъ распредѣлялъ эти идолы на разныя группы.

давно все идутъ дальше и дальше, мы дѣйствительно находимъ замѣтныя и радикальныя несходства между двумя разрядами умовъ, которыхъ типами часто считаютъ Аристотеля и Платона. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, человѣка, ни малѣйше не заинтересованнаго тѣмъ, что составляетъ высшую цѣль стремленій другаго. Есть образованные люди, которые совершенно расходятся во всемъ, что касается ихъ высшей духовной жизни; у каждаго свои желанія, свои средства для ихъ достиженія и совершенно свои вѣрованія. Между метафизикомъ, который стремится познать сущность вещей, и ученымъ изслѣдователемъ, который занятъ только тою формою, въ которой вещи ему представляются, есть разница въ умственной жизни, и эта разница можетъ имѣть, а часто и дѣйствительно имѣетъ, вліяніе на нравственную и физическую жизнь. Въ древнемъ мірѣ нельзя было найти, такихъ рѣзкихъ контрастовъ. Они произошли позже, и своимъ существованіемъ обязаны разницѣ организмовъ, которые усложнялись тысячелѣтіями, а также различію характеровъ, какъ слѣдствію первой разницы, которая день-за-днемъ постоянно увеличивалась. Трудно вообразить, чтобы Аристотель и Платонъ могли выражать собою умственную оппозицію, столь же ясно опредѣленную, какъ и та, которую мы видимъ въ наше время; не менѣе трудно предположить въ нихъ способность опередить насъ какими-нибудь спеціальными открытіями или состязаться съ нами въ методѣ, который мы теперь употребляемъ. Слишкомъ уже въ моду вошло представлять Аристотеля антитезисомъ Платона, и считать его типомъ ученаго мужа новой школы.

Морисъ говоритъ въ своей нравственной и метафизической философіи, что „Аристотель старается стать на ту же точку зрѣнія, съ которой мы видимъ вещи и судимъ о нихъ. Онъ желаетъ узнать тѣ правила и условія, по которымъ умъ, по свойствамъ, ему присущимъ, разсматриваетъ и обсуждаетъ ихъ. Онъ ставитъ умъ центромъ, который все относитъ къ самому себѣ, какъ это дѣлали тѣ, съ которыми состязался Платонъ.“ Этотъ взглядъ болѣе популяренъ, чѣмъ вѣренъ. Читающему Аристотеля прежде всего бросается въ глаза поспѣшность, съ которою онъ оставляетъ ту точку зрѣнія, о которой здѣсь сказано, что она составляетъ нормальное его положеніе, а также и ограниченія, которыя онъ самъ налагаетъ на то, что было, какъ извѣстно, его твердымъ и неизмѣннымъ вѣрованіемъ.

Ошибочно предполагать, чтобы онъ постоянно держался въ предѣлахъ разбора вещей, какъ принадлежащихъ міру явленій, потому что, даже разсуждая о физическихъ предметахъ, онъ часто употребляетъ пріемы метафизическихъ настроеній. Правда, что онъ разбираетъ условія, при которыхъ умъ дѣйствуетъ, но и поступая

такъ, онъ все-таки утверждаетъ, что принципъ разсудка нужно искать выше, чѣмъ въ самомъ разсудкѣ. Онъ даже не предполагаетъ, чтобы та же строгость процесса, та же достовѣрность результата могла быть достигнута въ физикѣ, какъ въ его высшей наукѣ „Богословіи“. „Физика,—говоритъ онъ,—занимается вещами, которыя имѣютъ главнымъ принципомъ способность двигаться; математика имѣетъ дѣло съ вещами постоянными, но съ такими, которыя существуютъ не сами по себѣ; зато есть другая наука, которая разсуждаетъ о неизмѣнномъ.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ въ такомъ же духѣ: „Физическія науки занимаются нераздѣльнымъ, но подвижнымъ, а высшая наука имѣетъ предметомъ своимъ вещи нераздѣльныя и неизмѣнныя.“ Стало быть, въ его мнѣніи видна уступка; онъ какъ будто измѣняетъ своей точкѣ зрѣнія, когда переходитъ отъ общихъ принциповъ науки къ спеціальному изученію природы. Здѣсь строгій методъ для него невозможенъ, а если такъ, то нѣтъ никакой надобности обнимать всѣ случаи, которые могутъ представляться при различныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ нельзя достигнуть ни въ какой наукѣ высшей степени достовѣрности, какъ та, которая представляется самими предметами, и такъ какъ изслѣдованіе природы принадлежитъ къ сферѣ случайнаго и возможнаго, то заключенія физиковъ и описываютъ намъ не то, что постоянно и непремѣнно случается, а то, что обыкновенно бываетъ въ бо́льшей части случаевъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Аристотель брался за физику безъ всякаго опредѣленнаго желанія вывести изъ нея заключенія, которыя онъ могъ бы признать достовѣрными. Недостатокъ строгости, въ которомъ такъ справедливо упрекаютъ его ученыя розысканія; поспѣшность и недостаточная основательность всѣхъ его выводовъ; кромѣ всего этого, пренебреженіе къ повѣркѣ — вотъ ошибки, которыя не только общи ему и его времени, но которыя въ извѣстной степени вытекаютъ изъ того, какъ онъ понималъ характеръ науки и какъ онъ относился къ ученію о доказательствахъ. Каждый, кто приступаетъ къ объясненію его языка въ сочиненіяхъ по естествознанію, долженъ непремѣнно обратить вниманіе на логическое отличіе необходимаго отъ случайнаго, физическое отличіе вѣчнаго отъ измѣняющагося и разницу методовъ обыкновенной науки и высшей. Въ упомянутыхъ сочиненіяхъ мы находимъ выраженія, которыя показываютъ не только недовѣріе къ знанію сущности вещей, но даже сравнительно бо́льшую увѣренность въ результатахъ опыта. Напр.: „нужно больше довѣрять явленіямъ, нежели заключеніямъ разсудка;“ „мы не должны ожидать одинаковой точности отъ результатовъ, данныхъ чистымъ разсудкомъ и чувственнымъ воспріятіемъ;“ „что болѣе обще, то труднѣе всего познать, потому что оно дальше всего от-

стоитъ отъ нашихъ чувствъ.“ Всѣ эти выраженія отнюдь не признавались Аристотелемъ изрѣченіями, которыя должны бы найти всеобщее примѣненіе. Ихъ нужно принимать, какъ онъ самъ предупреждаетъ, только въ отношеніи „къ главному разсматриваемому предмету.“ Они вѣрны относительно познанія явленій; но есть еще цѣлая сфера неизмѣннаго и всеобщаго, для которой они совершенно невѣрны и фальшивы.

Мы ясно указали на метафизическую слабость Аристотеля, потому что Льюисъ, въ главѣ о методѣ Аристотеля, только слегка упоминаетъ объ этомъ. Онъ довольно отчетливо описываетъ принципы, заявленные и дѣйствительно употребляемые философомъ въ его ученыхъ сочиненіяхъ. „Совершенно противоположно Платону, который, отрицая силу чувствъ, сдѣлалъ созерцаніе почвою всякаго истиннаго знанія, Аристотель искалъ основанія въ чувственномъ воспріятіи. Опережая Бэкона, онъ утверждалъ, что разумнѣе разсѣкать сложныя явленія, нежели разрѣшать ихъ въ отвлеченности. Онъ полагался на опытъ и на наведеніе: опытъ запасается частными фактами, отъ которыхъ наведеніе прокладываетъ себѣ путь къ общимъ фактамъ или законамъ. Безъ чувствъ невозможна никакая мысль. Платонъ полагалъ, что обманчивость чувствъ оправдываетъ недовѣріе ко всякому чувственному знанію. Аристотель же, болѣе правильно, училъ, что ошибки происходятъ не оттого, что чувства суть ошибочные посредники, а оттого, что свидѣтельство ихъ ошибочно перетолковывается. Отсюда собственно и происходятъ разнообразныя заблужденія, тогда какъ каждое изъ чувствъ говоритъ вѣрно, на сколько оно вообще говоритъ. Посредствомъ чувствъ мы узнаемъ частности, а наведеніемъ доходимъ до всеобщаго. Соглашаясь съ Платономъ, что наука можетъ имѣть дѣло только съ всеобщимъ, онъ утверждаетъ, что всеобщаго можно достичь только посредствомъ опыта.“

Что касается до трактатовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія Льюиса, эта оцѣнка, вообще говоря, основательна. Но ее необходимо дополнить. Какъ уже было замѣчено, ученіе Аристотеля не можетъ быть хорошо обсуждено по частямъ. Оно составляетъ одно связное цѣлое. Въ этомъ и заключается его сила и его слабость. Его стремленіе слишкомъ обширно. Аристотель, желая обнять не только то, что можетъ быть непосредственно познано, но и все, что подлежитъ повѣркѣ умственнаго вывода и нравственнаго чувства, поставилъ себя подъ вліяніе двухъ противоположныхъ системъ философствованія, — съ одной стороны, той, которая изслѣдуетъ отношенія, а съ другой той, которая имѣетъ дѣло съ безусловнымъ. Складъ ума его былъ строго научный, но характеръ многихъ вопросовъ, которые онъ себѣ

задавалъ, преслѣдуя слишкомъ обширный планъ свой, вовлекъ его въ употребленіе субъективнаго метода. Поэтому онъ остановился между двумя мнѣніями, и поневолѣ является намъ какъ изслѣдователь сущности вещей въ наукѣ. Безъ сомнѣнія, онъ утверждаетъ, какъ показываетъ Льюисъ, что всеобщее можетъ быть достигнуто только посредствомъ опыта, и что мы восходимъ отъ частныхъ явленій къ познанію общихъ причинъ и принциповъ, что, по его мнѣнію, и есть настоящій методъ философствованія; но, разбирая эти принципы съ другой точки зрѣнія, онъ представляетъ ихъ какъ начальную точку, изъ которой должно исходить каждое ученое изложеніе. Итакъ, хотя съ одной стороны изслѣдованіе почвы знанія приводитъ его къ опыту, къ наведенію, къ философіи, основанной на чувствахъ (sens, Sinne), съ другой стороны изученіе логичнаго настроенія въ наукѣ заставляетъ его полагаться на сужденіе выводное и стремиться къ высшей истинѣ по пути, недосягаемому наведеніемъ. Много попытокъ было сдѣлано, чтобы согласить эти противорѣчія, но въ словахъ нельзя искать бо́льшей гармоніи, нежели въ мысли, которую эти слова выражаютъ. Какъ изслѣдователь задачъ, наслѣдованныхъ отъ Платона, Аристотель долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ принять методъ Платона; какъ основатель новаго пути изслѣдованія, онъ долженъ былъ создать свой „Органонъ". Такъ какъ онъ дѣйствительно создалъ такой „Органонъ", то это и составляетъ главное основаніе его славы.

Одновременное существованіе разнородныхъ направленій мысли въ сочиненіяхъ Аристотеля дѣлаетъ весьма труднымъ розысканіе тѣхъ принциповъ, изъ которыхъ проистекли его труды; эта трудность чувствовалась самимъ учителемъ, и довольно ясно отразилась въ его языкѣ. Когда мы стараемся, напримѣръ, понять его идею природы, мы постоянно останавливаемся передъ различными формами, подъ которыми она представляется. Иногда она является какъ самостоятельный дѣятель, обладающій ясно очерченными личными свойствами, способный достигнуть извѣстной степени совершенства, доходящій до артистическаго превосходства, послѣ частыхъ попытокъ, вообще болѣе демоническій, нежели божественный. Въ другихъ случаяхъ личныя качества исчезаютъ, и мы встрѣчаемъ переходную идею сущности. Природа есть „особый родъ начала (архея, ἀρχή) или причины", однако это не неизмѣнное начало или причина, на дѣйствіе которой можно было бы всегда совершенно положиться. Отсюда ясно, что въ Аристотелѣ мы никогда не найдемъ постояннаго примѣненія началъ, теперь принятыхъ въ наукѣ. Вслѣдствіе сложной роли, которую онъ играетъ, во-первыхъ по отношенію къ древнѣйшимъ школамъ, а кромѣ того, какъ основатель новаго метода, онъ поневолѣ становится въ колеблющееся положеніе.

Онъ не совершенно покинулъ прежнюю гипотезу, будто явленія происходятъ отъ личныхъ двигателей, хотя онъ эту гипотезу до такой степени обобщилъ, что видѣлъ иногда самую силу дѣйствующую, а не двигателя, ею управляющаго. Да и самый порядокъ вещей онъ не считалъ однообразнымъ, хотя, повидимому, вѣритъ, что онъ стремится стать однообразнымъ. Хотя онъ порой и возстаетъ противъ конечныхъ причинъ *а*), тѣмъ не менѣе труды его изобилуютъ аргументами, основанными на нихъ; и, наконецъ, онъ положительно утверждаетъ, что въ физикѣ, какъ и въ этикѣ, достичь точности нельзя. А вѣдь это непримѣнимо къ тѣмъ орудіямъ, которыми обладаетъ теперь наука. По этому, независимо отъ прямаго доказательства, выводимаго изъ обзора Аристотелевыхъ трактатовъ въ ихъ подробности, простое знакомство съ началами, которыя онъ проповѣдуетъ, раждаетъ основательное предположеніе, что они не могли повести его далѣе частной и ограниченной истины. Тѣмъ не менѣе, спеціальное изслѣдованіе его сочиненій необходимо. Положенія такихъ людей, какъ Кювье, не могутъ быть опровергнуты заключеніями, основанными на одной только возможности. До сихъ поръ еще никто хорошенько не оцѣнилъ всей важности вопроса, поднятаго вслѣдствіе предпринятой попытки, критически разобрать научныя сочиненія Аристотеля. Исполняя этотъ трудъ, Льюисъ прибавляетъ еще одну услугу къ тѣмъ, которыя онъ уже оказалъ философіи и литературѣ.

Трактаты, вошедшіе въ разбираемую нами книгу, могутъ быть раздѣлены на три класса: I. *Физическія сочиненія*, содержащія подъ этимъ заглавіемъ восемь книгъ *физики*, четыре книги *о небѣ*, двѣ книги о *происхожденіи и разрушеніи*, *метеорологія* и *механическіе вопросы*. II. Книги о сравнительной анатоміи и физіологіи, а именно: *исторія животныхъ*, *о частяхъ животныхъ*, *размноженіе животныхъ*. III. Разныя изслѣдованія по высшимъ отраслямъ физіологіи, такъ напр.: *о чувствѣ*, *о памяти*, *о снахъ* и *о долготѣ жизни*; они составляютъ часть сборника, извѣстнаго подъ именемъ: „Небольшихъ трактатовъ по естествознанію“; наконецъ, знаменитое изслѣдованіе *О душѣ*, трактатъ „*О жизни и умѣ*“.

Эти книги, всѣ вмѣстѣ, образуютъ Аристотелево ученіе о наукѣ *б*). Есть два пути, которымъ можно слѣдовать для изложенія того, что

а) Конечныя причины, это цѣли, для которыхъ что-либо совершается. Аристотель, дѣйствительно, очень часто прибѣгаетъ, для объясненія нѣкоторыхъ явленій природы, къ ихъ сообразности съ цѣлью, для которой эти явленія существуютъ. Подобное объясненіе въ наше время считается ненаучнымъ лучшими авторитетами. Пр. Ред.

б) Есть еще и другія, но они мало прибавляютъ къ тѣмъ, которыя упомянуты въ текстѣ.

въ нихъ заключается. А именно: взять отрывки изъ различныхъ книгъ, относящихся къ одному предмету, привести эти отрывки въ систему и растолковать ихъ; или же, взять самыя сочиненія и разобрать ихъ. Первый планъ имѣетъ то преимущество, что представляетъ ученіе Аристотеля въ болѣе понятномъ и систематическомъ видѣ; но для историческихъ цѣлей онъ почти безполезенъ. Форма системы есть часть этой самой системы. Упущеніе въ этой формѣ, ея рѣзкія переходы, ея ошибки, недостатокъ порядка въ ней, все это составляетъ часть системы. Допуская всѣ сомнѣнія, которыя критика считаетъ неразрѣшимыми при непосредственномъ знакомствѣ съ авторомъ, мы въ самомъ текстѣ, какъ онъ есть, имѣемъ философію перипатетиковъ въ самой достовѣрной ея формѣ. Если мы не читаемъ самого Аристотеля, то по-крайней-мѣрѣ знакомимся съ нимъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ понятъ тѣми, которые имѣли лучшія средства понять его. Поэтому, Льюисъ имѣлъ основательную причину представить намъ анализъ отдѣльныхъ трактатовъ, а не систематическое собраніе отрывковъ. Англичане теперь въ первый разъ поставлены въ возможность судить о наиболѣе понятной древней научной системѣ, не давая себѣ труда рыться въ полудюжинѣ греческихъ томовъ. Легко понять, что огромное историческое достоинство, которое пріобрѣтается такимъ способомъ обработки, не могло быть достигнуто безъ нѣкотораго пожертвованія. Часть труда Льюиса нѣсколько суха и безцвѣтна, какъ и долженъ быть непремѣнно каждый разборъ, а особенно разборъ Аристотеля. Но все это выкупается нѣсколькими весьма изящными страницами, живымъ описаніемъ и весьма полезными коментаріями. Это замѣчаніе особенно относится къ главѣ: *о развитіи* (гл. XVII) и еще къ другой, гдѣ разбирается то, что считаютъ у Аристотеля предъугадываніемъ новѣйшихъ открытій (гл. IX). Эти части въ книгѣ Льюиса написаны его превосходнымъ слогомъ и могутъ служить образцами научнаго изложенія. Читатели, которые мало заботятся объ исторической сторонѣ науки и которые не дадутъ себѣ труда понять теоріи, которымъ эти страницы служатъ введеніемъ, найдутъ въ нихъ отчетливое и понятное изложеніе нѣсколькихъ послѣднихъ результатовъ біологическихъ розысканій; тогда какъ для ученыхъ вообще все это сочиненіе можетъ служить весьма полезнымъ учебникомъ древней науки, на сколько она заключается въ философіи перипатетиковъ.

Теперь мы постараемся, съ помощію книги Льюиса, дать отчетъ о дѣйствительныхъ результатахъ, достигнутыхъ Аристотелемъ по тѣмъ отдѣламъ, на которые мы выше раздѣлили его сочиненія. Прежде всего обратимся къ физикѣ. Трактаты, которые извѣстны подъ этимъ именемъ, главнымъ образомъ имѣютъ дѣло съ высшими и наиболѣе об-

щими понятіями, какъ-то: *движеніе, сила, инерція, элементы, безконечность* и т. п. Здѣсь Аристотель оказывается наиболѣе безсильнымъ, потому что самыя отвлеченныя понятія требуютъ такого же основанія, какъ и самый спеціальный фактъ. Они должны опираться на подробное изслѣдованіе и измѣреніе, а ничего до сихъ поръ не вышло изъ желанія построить ихъ въ облакахъ, вмѣсто того, чтобы оперетъ на землю.

Аристотель много трудился надъ теоріею движенія; онъ подробно разбираетъ ее въ физикѣ, и даже говоритъ, что тотъ, кто ничего не знаетъ о движеніи, не свѣдущъ во всѣхъ естественныхъ предметахъ. „Весьма замѣчательно,—говоритъ Льюисъ,—что при этомъ онъ даже не коснулся того, что мы въ настоящее время называемъ метафизикою предмета *а*). Онъ не только блуждалъ въ темнотѣ, касательно законовъ движенія, но даже совершенно ошибался въ пониманіи его особенностей. Онъ полагалъ, что движенію помогаетъ что-то особенное: энергія, или сила, которая противопоставлена силѣ косности (инерціи)" (стр. 126). Конечно, это такъ; тѣмъ не менѣе, его теорія, на сколько она видна въ этомъ выраженіи, заходитъ за простое объясненіе того, отчего тѣла двигаются. Аристотель, какъ и всѣ другіе мыслители, которые не удерживали себя въ предѣлахъ строго положительнаго взгляда на вещи, счелъ себя обязаннымъ объяснить отношеніе, которое существуетъ между двумя вымышленными существованіями, которыхъ иногда различаютъ, какъ безусловное и относительное, которыхъ Платонъ называлъ идеальнымъ и реальнымъ, а самъ Аристотель различалъ, какъ возможное и дѣйствительное. Что есть извѣстная связь между этими сферами, это очень хорошо чувствовалъ самъ Аристотель, такъ же какъ и Платонъ. Изслѣдованіе убѣдило того и другаго съ перваго же раза, что въ явленіяхъ есть что-то ускользающее отъ наблюденія, что наше знаніе останавливается на чемъ-то, чего мы не можемъ ни проникнуть, ни понять. Новѣйшая наука также допускаетъ это, но она просто заявляетъ фактъ, не стараясь объяснить его, тогда какъ древняя наука старалась разъяснить это, и этимъ самымъ создавала себѣ безвыходныя трудности. Платонъ сказалъ: идеальное есть то, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ, а реальное, т. е. явленіе, есть то, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ, а только кажется. Аристотель же говоритъ: идеальное есть то, что могло бы быть; реальное (явленіе) есть то, что дѣйствительно существуетъ; по его собственному выраженію, одно есть только возможность бытія, а другое осуществленное бытіе. Гдѣ же точка сопри-

---

а) Т. е. пониманіемъ его сущности.

косновенія между ними? Не достаточно показать, въ чемъ они разнятся, нужно также показать, каково ихъ взаимное отношеніе. Платонова теорія о душѣ даетъ одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, а Аристотелево ученіе о движеніи — другой. Движеніе въ сферѣ чувствъ есть средній терминъ между возможнымъ и дѣйствительнымъ; оно есть *энтелехія*, т. е. переходъ или средство къ переходу отъ одного къ другому *a*). Безполезно было бы показывать въ подробности, какъ совершается этотъ предполагаемый переходъ; такъ какъ это вещь положительно необъяснимая на практикѣ, то едва ли стоитъ стараться понять самое объясненіе. Но очеркъ теоріи долженъ непремѣнно занять мѣсто въ исторіи науки. Изъ него мы узнаемъ, что древнія школы ясно признавали существованіе двухъ сферъ мысли—познаваемую и непознаваемую; прогрессъ, сдѣланный Аристотелемъ въ наукѣ, видѣнъ изъ того, что онъ, сохранилъ порядокъ, принятый Платономъ (въ физикѣ по крайней мѣрѣ), но призналъ, что ***явленіе*** соотвѣтствуетъ реальному, а ***возможное*** соотвѣтствуетъ идеальному; это доказываетъ безполезность попытки перешагнуть за рубежъ, который существуетъ между этими двумя противоположными областями.

„*Физика*" Аристотеля и его книга „о небесахъ" почти исключительно заняты размышленіями, изъ которыхъ одно, имѣющее предметомъ *движеніе*, можетъ быть принято за типъ, какъ заключающее въ себѣ воззрѣніе на пространство, на природу, на безконечность, и т. п. Льюисъ приводитъ одно мѣсто изъ четвертой книги Физики, которая, по его мнѣнію, показываетъ, что у Аристотеля блеснула мысль объ *инерціи*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣламъ движущимся въ пустотѣ. Эти замѣчательныя слова суть слѣдующія: „Вообще, никто не можетъ сказать, отчего въ пустотѣ тѣло, разъ приведенное въ движеніе, должно когда нибудь остановиться, или отчего ему остановиться именно здѣсь или тамъ? Слѣдовательно, оно или должно оставаться постоянно неподвижно, или же, если двигается, то двигаться безъ конца, пока не вмѣшается что-либо болѣе сильное." Что же касается до тѣлъ движущихся въ сплошныхъ средахъ, Аристотель полагалъ, что тутъ движеніе можетъ поддерживаться сотрясеніями двигающагося воздуха, который и долженъ дѣйствовать на брошенное тѣло послѣ того, какъ первоначальный двигатель пересталъ прикасаться къ нему. Хотя воздухъ здѣсь описанъ причиняющимъ движеніе въ качествѣ

---

a) Мы далеко не согласны съ объясненіемъ слова *энтелехія*, которое даетъ рецензентъ «Вестм. Об.». Оно слишкомъ узко и примѣняется лишь къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ употребленія этого слова Аристотелемъ. Но мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробности.

внѣшняго дѣятеля, но о сопротивленіи его тоже говорится, только въ другомъ мѣстѣ. Льюисъ говоритъ на это, что если бы мысли объ инерціи въ пустотѣ и о сопротивленіи въ сплошной средѣ были соединены вмѣстѣ, то нѣтъ причины, почему тогда же бы не постигнуть той истины, что равномѣрное движеніе само собою вообще прекратиться не можетъ. Факты были уже готовы, недоставало теоріи.

Сочиненіе о „Метеорологіи" представляетъ прогрессъ относительно физическаго метода, хотя она далеко не соотвѣтствуетъ заглавію, заключая въ себѣ вопросы объ астрономіи, геологіи и химіи. Мы выписываемъ слѣдующую критику его, чтобъ показать, какъ рѣшительно и быстро Льюисъ представляетъ результатъ своихъ изслѣдованій:

«Эта книга показываетъ, что могло и что не могло быть сдѣлано безъ помощи инструментовъ. Аристотель, такъ же, какъ и новѣйшіе ученые, считаетъ теплоту главнымъ двигателемъ въ метеорологическихъ измѣненіяхъ. Но это есть обыкновенное качественное знаніе, а наука требуетъ количественнаго знанія. Будучи совершенно лишенъ всякой мѣры теплоты, Аристотель не могъ установить количественнаго основанія для своихъ разсужденій. Точно также былъ онъ безъ барометра, который могъ бы вымѣрить вѣсъ атмосферы въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ. Онъ зналъ, что атмосфера имѣетъ вѣсъ, но былъ лишенъ возможности измѣрить этотъ вѣсъ. Кромѣ этого, ему недоставало анемометра, которымъ онъ могъ бы вымѣрить скорость теченія атмосферы, и гигрометра для измѣренія сырости. Также не имѣлъ онъ никакого понятія объ электричествѣ, которое играетъ важную роль въ метеорологическихъ явленіяхъ. Такимъ образомъ, будучи лишенъ всѣхъ этихъ могучихъ способовъ изслѣдованія, которые могли бы сдѣлать наблюденіе точнымъ, его трудъ сталъ, какъ мы видимъ, образцомъ первоначальнаго зарожденія науки, гдѣ человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ сложными явленіями, искренно желаетъ открыть въ нихъ порядокъ, и обреченъ на качественное изслѣдованіе или на пустое разсужденіе. Итакъ, самое замѣчательное въ трактатахъ Аристотеля то, что, будучи поставленъ въ тѣ же условія, какъ и первые изслѣдователи, онъ не принимаетъ характеризующаго ихъ первоначальнаго теологическаго способа объясненія, а напротивъ, держится строго научнаго метода, стараясь привести всѣ явленія въ естественный порядокъ. Онъ изучаетъ факты, и сопоставляетъ ихъ со всевозможною ловкостью.»

Эта оцѣнка Аристотелевыхъ разсужденій о физикѣ кажется легко можетъ быть принята всѣми, потому что въ сущности она совершенно совпадаетъ съ ходячими понятіями объ этомъ предметѣ. Новаго въ ней — не столько самый фактъ ошибки, сколько ясное пониманіе ея причины. А для исторической цѣли весьма важно, чтобы причина была понята, и тотъ, кто прямо указалъ на нее, оказалъ большую услугу. Слишкомъ многіе изъ новѣйшихъ послѣдователей Бэкона, вслѣдствіе недостаточнаго критическаго отношенія къ своему учителю, впали въ ту

же ошибку, въ которой Бэконъ обвинялъ Аристотеля. Они пренебрегли фактами; они приняли на вѣру то рѣшеніе, будто бы Аристотель не имѣлъ успѣха потому, что онъ приступалъ къ обобщеніямъ безъ наблюденія, и потому, что онъ вовсе не былъ знакомъ съ процессомъ наведенія. Въ сущности же, не наблюденія недоставало ему, а опредѣленности въ наблюденіи; не наведенія, а провѣрки наведенія. Этихъ спасительныхъ пріемовъ не употребляли, потому что люди не знали никакой надобности въ нихъ; этотъ урокъ былъ однимъ изъ позднѣйшихъ плодовъ науки; да если бы и попробовали приняться за провѣрку, такъ она не принесла бы должной пользы, потому что тогда недоставало для нихъ необходимыхъ инструментовъ. Поэтому Льюисъ и выводитъ тотъ фактъ, что древніе, не смотря на смѣлость ихъ мысли и ихъ остроуміе, окончательно не успѣли даже и въ тѣхъ отдѣлахъ науки, гдѣ они могли бы разсчитывать на успѣхъ. Объясненіе удовлетворительно и полно. Принимая его, Льюисъ призналъ Аристотелевы ошибки въ физикѣ изъятыми изъ числа туманныхъ обобщеній и годными для того, чтобы пояснить и утвердить законъ умственнаго развитія. Написавъ книгу, достаточно достигнуть ею и такихъ результатовъ.

Но, вообще говоря, интересъ, возбуждаемый физикою, сравнительно не великъ. Физіологія есть самая важная часть научныхъ изслѣдованій Аристотеля. Онъ, конечно, изучалъ и классифицировалъ большую часть тогда извѣстныхъ животныхъ и даже, если мы отбросимъ разсказъ о той коллекціи, которую будто бы подарилъ ему Александръ, если мы и допустимъ, что онъ препаровалъ небрежно и безъ всякой системы, не смотря на это, его знаніе стóитъ вниманія, тѣмъ болѣе, что оно было гораздо полнѣе, нежели то, которымъ обладалъ кто-либо изъ его современниковъ. Совершенно естественно предполагать, что человѣкъ такихъ необыкновенныхъ способностей, какъ Аристотель, могъ дойти до поразительныхъ результатовъ въ предметахъ, которые представляютъ такое обширное поле для разныхъ выводовъ, какъ напр. физіологія и сравнительная анатомія. Замѣчательно также, что его біологическія изслѣдованія заслужили необычайную похвалу людей, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ и знакомыхъ съ дѣломъ. Одинъ изъ первыхъ, если не самый первый сравнительный анатомъ Европы, объявилъ, что Аристотель сдѣлалъ тысячи наблюденій съ чрезвычайною точностію; другой, едва ли менѣе извѣстный, хвалилъ его обширный и блестящій планъ; третій утверждаетъ, что онъ проникъ въ глубину всѣхъ наукъ. Только самый внимательный анализъ можетъ утвердить или опровергнуть эти положенія, а именно такому-то анализу они и подвергнуты на 230 стр. той книги, которую мы теперь разсматриваемъ. Льюисъ разбираетъ этотъ предметъ съ авторитетомъ спеціалиста

и съ искусствомъ человѣка, вполнѣ владѣющаго исторіею и фактами науки, которую онъ изучаетъ. Лишь такое спеціальное знаніе позволяло рѣшить задачу, понятно изложить ученіе, заключающееся въ этомъ отдѣлѣ сочиненій Аристотеля.

Мы это пояснимъ примѣромъ. Греческое *нейронъ* (νεῦρον) слово, которое у позднѣйшихъ писателей часто означаетъ *нервъ*, было не разъ такимъ же образомъ объясняемо и тамъ, гдѣ оно встрѣчается у Аристотеля. Но есть важная причина, ясная анатому, отчего это слово не можетъ совершенно соотвѣтствовать слову *нервъ*. Аристотель производитъ отъ сердца то, что онъ называетъ этимъ словомъ. Хотя трудно предположить, какъ могъ онъ впасть въ такую очевидную ошибку, чтобы сказать, что сердце есть центръ всѣхъ нервовъ, однако онъ часто дѣлаетъ еще бо́льшія ошибки, такъ что и эта возможна. Но вѣдь за этимъ необходимо слѣдуетъ то заключеніе, что онъ былъ вовсе незнакомъ съ дѣйствительнымъ ходомъ и распредѣленіемъ нервовъ, тогда какъ, напротивъ, онъ указалъ направленіе нервовъ зрѣнія, обонянія и слуха, и отчасти узналъ ихъ отправленія, хотя плохо объяснилъ ихъ. Эти нервы онъ безразлично называетъ проводниками. Поэтому, желая сдѣлать выраженія Аристотеля хотя въ слабой степени соотвѣтствующими тому, какъ онъ самъ понималъ устройство животныхъ, мы должны были бы перевести слово *нейронъ* въ его классическомъ значеніи, словами: *сухожиліе* и *связка* или вообще какимъ-нибудь другимъ, только никакъ не *нервъ*.

Первое, что поражаетъ каждаго, кто принимается за „Исторію животныхъ", это широта взгляда, а также ясно опредѣленный и философскій способъ распредѣленія отдѣловъ. Отличая на первомъ же шагу тѣла неорганическія отъ органическихъ, онъ приступаетъ къ обозначенію извѣстнаго числа простыхъ тѣлъ или стихій. Изъ сочетанія ихъ происходятъ всѣ однородныя части живыхъ тѣлъ, а изъ сочетанія этихъ однородныхъ частей образуются болѣе сложныя ткани и органы. Постепенное восхожденіе природы отъ низшихъ ступеней къ высшимъ выражается въ различныхъ ступеняхъ животной жизни, которая представляетъ постоянный прогрессъ перехода отъ элемента къ растенію, отъ растенія къ животному, и наконецъ совершенно завершается человѣкомъ. Такія положенія легко могутъ удивить нынѣшняго читателя. Если онъ подступаетъ къ нимъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что Аристотель есть пустой діалектикъ, у котораго теорія природы была только слабымъ отголоскомъ логики, тогда легко можетъ произойти въ читателѣ сильнѣйшая реакція. Если же онъ случайно знакомъ съ теоріею *развитія*, тогда очень вѣроятно, что онъ покусится приписать словамъ Аристотеля значеніе, котораго они въ сущности не заклю-

чаютъ въ себѣ, и навязать имъ роль, которой они никакъ не могли играть въ исторіи науки. Осторожный мыслитель легко вспомнитъ, что на первыхъ ступеняхъ изслѣдованія блестящіе выводы не рѣдки, но что они основаны тамъ не столько на знаніи, сколько на незнаніи. Разсмотрѣніе „Исторіи животныхъ" достаточно показываетъ, что независимо отъ выраженій, едва ли есть какое-нибудь сходство между понятіемъ Аристотеля о прогрессивномъ ходѣ природы и новѣйшей теоріей возрастающей сложности организмовъ и жизни. Его руководила идея цѣлесообразности; она ставитъ совершенствованіе цѣлью, которую постоянно стремятся достичь всѣ міровыя силы, а степени совершенствованія въ различныхъ классахъ живыхъ существъ измѣряетъ количествомъ теплоты, которая, по его мнѣнію, въ нихъ содержится. Съ другой стороны, идея развитія (evolution) не допускаетъ никакой конечной причины и не ищетъ въ какомъ либо простомъ физическомъ явленіи связи между своими различными ступенями. Затѣмъ еще остается одно болѣе сильное доказательство. Біологическая классификація предполагаетъ знаніе законовъ жизни. Это знаніе зависитъ отъ точнаго знакомства съ устройствомъ живыхъ существъ. Какъ далеко былъ Аристотель на этомъ пути? Льюисъ говоритъ намъ, что послѣ долгаго и кропотливаго труда онъ принужденъ произнести приговоръ, который совершенно расходится съ общимъ мнѣніемъ критиковъ и историковъ.

«Читая сочиненія Аристотеля при свѣтѣ новѣйшихъ открытій, мы охотно вѣримъ всему тому, что выражаютъ его слова; дѣйствительно, мы часто встрѣчаемъ неточности и такія положенія, которыя выказываютъ большую небрежность; за всѣмъ тѣмъ, хотя его языкъ и остается вѣрнымъ себѣ, новѣйшіе читатели незамѣтно дополняютъ его свѣдѣнія всякими подробностями изъ своего болѣе богатаго запаса. Вотъ почему на первый взглядъ онъ какъ будто даетъ намъ сносныя описанія, особенно если мы подступаемъ къ нему съ расположеніемъ открыть чудеса, — желаніе, которое совершенно безсознательно является у насъ при изученіи древнихъ писателей. Но болѣе свободная и безпристрастная критика открываетъ, что Аристотель не оставилъ ни одного анатомическаго описанія, хотя бы слабаго достоинства. Все, что онъ зналъ, могло быть, да вѣроятно и было узнано, безъ всякихъ разсѣченій. Случайныя открытія въ бойняхъ и на полѣ сраженія, указанія жрецовъ и опытъ надъ бальзамированіемъ, вѣроятно, и составляли все его знаніе о человѣкѣ и о большихъ животныхъ. Не стану утверждать, что онъ никогда не вскрылъ ни одного животнаго; напротивъ, весьма вѣроятно, что онъ вскрывалъ многихъ. Но я убѣжденъ, что онъ никогда не препаровалъ съ заботливой систематичностью, которая необходима для чего либо болѣе, чѣмъ общее знакомство съ положеніемъ главныхъ органовъ. Онъ никогда не прослѣдилъ хода какого-нибудь сосуда или нерва, никогда не открылъ начала или прикрѣпленія мускула, никогда не различалъ составныхъ частей

органовъ, и никогда не разъяснялъ себѣ соотношенія ихъ и образованія цѣлыхъ системъ.»

Какъ ни рѣзки эти выраженія, а они подтверждаются фактами. Аристотель, напримѣръ, говоритъ, что у человѣка изгибъ хребта такой же, какъ и у быка, что у человѣка въ сердцѣ только три полости, и что его сердце лежитъ выше легкихъ, тамъ же, гдѣ раздвоивается дыхательное горло (trachea bifurcata), что у всѣхъ животныхъ мозгъ не содержитъ крови, что задняя часть головы пуста, и что эта пустота соразмѣрна величинѣ животнаго. Онъ даже и не подозрѣвалъ существованія мускуловъ, не дѣлалъ никакого различія между артеріями и венами, и хотя отчасти отличалъ нервы, которые имѣютъ свое начало въ головномъ мозгу, тѣмъ не менѣе ставилъ ихъ рядомъ съ другими проводниками, и полагалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ ихъ положенія. О нервной системѣ онъ не зналъ ничего. Такъ какъ онъ былъ мало знакомъ съ внутренностями и совершенно несвѣдущъ касательно трехъ главныхъ частей организма, т. е. системы нервовъ, мускуловъ и сосудовъ, то его анатомія была слишкомъ поверхностна для того, чтобы служить основаніемъ физіологіи.

Тѣмъ не менѣе опрометчиво было бы произносить судъ надъ Аристотелемъ, не разсмотрѣвъ мнѣній его о главныхъ явленіяхъ жизни, особенно не познакомившись съ тѣмъ, какъ онъ подробно описываетъ процессъ пищеваренія и дыханія, и какъ разсуждаетъ въ спеціальныхъ трактатахъ своихъ о движеніяхъ животныхъ *а*) и о дѣятельности чувствъ. Теорія Аристотеля о пищевареніи есть, какъ кажется, слѣдующая: пища прежде всего проходитъ въ животъ, гдѣ она дѣлается жидкою, отсюда, подъ вліяніемъ животной теплоты, проходитъ черезъ брыжжеечные сосуды (mesenterium) въ сердце—главный центральный источникъ теплоты. До сихъ поръ она просто только разжижалась, но въ сердцѣ подвергается перемѣнѣ, т. е. изъ лимфы дѣлается кровью. Сосуды, идущіе отъ сердца, разносятъ кровь по всѣмъ частямъ тѣла, и притомъ такъ, что высшимъ органамъ достается лучшая кровь, а низшимъ худшая, наподобіе того, какъ пища распредѣляется между членами одной семьи. Фактъ превращенія пищи въ кровь и крови въ ткань, былъ такимъ образомъ объясняемъ Аристотелемъ. Онъ соединяетъ пищевареніе съ дыханіемъ весьма оригинальнымъ способомъ. Процессъ перевариванія, происходя въ сердцѣ, заставляетъ этотъ органъ расширяться, а съ нимъ вмѣстѣ и грудь. Такимъ образомъ происходитъ нѣкотораго рода пустота, въ которую входитъ холодный воздухъ,

---

а) Весьма сомнительна ихъ принадлежность Аристотелю.

заставляетъ грудь сжиматься, а за нею сжимается и сердце. Это попеременное расширеніе и сжатіе и производитъ біеніе сердца. Но отчего дышатъ животныя? Аристотель жалуется на то, что на этотъ вопросъ не обращали должнаго вниманія. Его собственное мнѣніе было таково, что дыханіе есть прохладительный процессъ, средство, сберегающее грудь отъ того, чтобы она не разрушилась отъ ея же собственнаго огня. Этому отправленію помогаетъ мозгъ. Онъ есть самая холодная часть тѣла, такъ какъ онъ, по мнѣнію Аристотеля, не заключаетъ вовсе крови, и своимъ холодомъ умѣряетъ излишнюю теплоту центральныхъ органовъ. Сердце не только играетъ самую важную роль въ пищевареніи, оно также есть источникъ чувствъ, которыя зависятъ отъ него помощію упомянутыхъ уже проводниковъ.

Это поверхностное обозрѣніе физіологіи Аристотеля совершенно достаточно для того, чтобъ утвердить заключеніе, выведенное изъ его анатоміи. Мы, конечно, можемъ спросить вмѣстѣ съ г. Льюисомъ, какимъ образомъ, въ виду такихъ результатовъ, знаменитые біологи рѣшались утверждать, что Аристотель положилъ вѣчныя основанія ихъ наукѣ, и что его сочиненія должны быть признаваемы за авторитетъ всѣми здравыми умами.

Не одни эти поразительныя сходства могутъ быть найдены между новѣйшими положеніями и случайнымъ взглядомъ, высказаннымъ Аристотелемъ; таковы же его сближенія между растеніями и животными, между жизнью и духомъ, а также изложеніе того, что было названо *закономъ экономіи* природы, и то темное понятіе, которое имѣли о теоріи позвоночнаго столба. Есть у него, кромѣ этого, нѣсколько самостоятельныхъ наведеній, какъ напр. постиженіе того морфологическаго закона, что „большая роскошь растенія бываетъ въ ущербъ оплодотворительнымъ элементамъ,“ и очень часто даже тогда, когда онъ ошибается въ фактахъ, онъ нѣкоторымъ образомъ поражаетъ глубиною своего взгляда и широкимъ способомъ группированія явленій, повидимому, различныхъ другъ отъ друга, но въ сущности связанныхъ между собою важными сходствами. Это замѣчаніе можетъ относиться къ его теоріи прогрессивнаго усложненія жизни и къ классификаціи естественныхъ тѣлъ. Хотя его ученіе, въ этихъ частяхъ, далеко отъ предугаданія новѣйшей доктрины, съ которой оно не имѣетъ рѣшительно ничего общаго, оно тѣмъ не менѣе есть блестящій примѣръ научной геніальности Аристотеля, и его превосходства надъ цѣлымъ рядомъ поколѣній его послѣдователей.

Теорія души образуетъ естественное завершеніе всѣхъ этихъ біологическихъ разсужденій. Ни одна часть философіи Аристотеля не была болѣе разнообразно перетолкована. Книга о душѣ была предметомъ по-

стоянныхъ споровъ, съ тѣхъ поръ, какъ она попала въ Европу, съ помощью арабскаго перевода. Въ теченіе XIII, XIV и XV вѣковъ, преимущественно разбирали вопросъ, защищаетъ ли она авторитетъ безсмертія души, или возстаетъ противъ него? Учитъ ли она пантеизму, или чистому матеріализму, или, какъ нѣкоторые весьма странно полагали, тому и другому вмѣстѣ? Послѣ этого, вопросъ перешелъ къ логикѣ. Былъ ли *разумъ* (νους) въ третьей книгѣ трактата *о душѣ* тождественъ со способностью, которая обозначена тѣмъ же именемъ въ позднѣйшихъ „Аналитикахъ"? Другими словами: есть ли способность, которою мы обобщаемъ понятія, та же самая, которую Аристотель признаетъ единственно вѣчною и божественною частію человѣка? Эта трудность привела къ физіологическому воззрѣнію. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всѣ жизненныя или органическія отправленія имѣютъ нематеріальный принципъ, который опредѣляетъ всю жизненную дѣятельность; для другихъ же, напротивъ, это проявленіе — умъ, духъ, или какимъ бы именемъ его ни назвали — почитается результатомъ высшей и совершеннѣйшей органической дѣятельности, и обѣ партіи, т. е. та, которая говоритъ, что духъ раждаетъ жизнь, и та, которая утверждаетъ, что жизнь производитъ духъ, цитируетъ, какъ сходныя съ своимъ взглядомъ, отрывки трактатовъ Аристотеля. А отсюда слѣдуетъ, что, или языкъ Аристотеля недостаточно точенъ, или же теорія его не установилась, а можетъ быть и то, и другое.

Тѣмъ не менѣе можно получить довольно систематическое ученіе, если постоянно имѣть въ виду два главныя дѣленія, встрѣчающіяся у Аристотеля. Во-первыхъ, различіе между возможнымъ и дѣйствительнымъ существованіемъ, что, какъ мы уже замѣтили, замѣняетъ у Аристотеля прежнее дѣленіе Платона на реальное и идеальное; во-вторыхъ, различіе между двумя различными пониманіями слова *душа*, которое употребляется какъ соотвѣтствующее словамъ: *жизнь* и *духъ*. Льюисъ справедливо замѣчаетъ, что оба эти выраженія имѣютъ гораздо болѣе тѣсное значеніе, нежели греческое слово; одно изъ нихъ исключаетъ собою физіологическое значеніе, а другое психологическое; слово *психэ* (ψυχή) въ одно и то же время и богаче, и бѣднѣе слова *душа;* богаче потому, что *психэ* съ одной стороны всегда показываетъ прямую, физическую связь, а бѣднѣе потому, что оно не заключаетъ въ себѣ никакого сверхъестественнаго представленія.

Попытаемся объясниться, основываясь на этихъ отличіяхъ. Аристотель, начавъ съ раздѣленія тѣлъ на неорганическія и органическія, говоритъ, что послѣднія представляютъ собою восходящій рядъ, ступени котораго означаются постепеннымъ развитіемъ растительнаго, животнаго и мыслящаго принциповъ. Въ низшихъ формахъ жизни за-

мѣтна одна только растительная способность, въ высшей появляется уже способность чувствовать, а въ самой высокой—способность мыслить. Переводя это на языкъ физіологіи, т. е. замѣняя *душу* — *жизненнымъ началомъ*, мы увидимъ подраздѣленіе его на три части, или три вида, подъ которыми оно дѣйствуетъ въ природѣ, а именно: душа растеній, или начало питанія; душа животныхъ, или начало чувствительности, и человѣческая душа, или начало мышленія. Но такъ какъ все имѣетъ возможное и дѣйствительное существованіе, и первое по времени всегда предшествуетъ второму, то росту должно было непремѣнно предшествовать состояніе, въ которомъ произрастанія собственно не было, а была только возможность произрастать, также какъ чувствительности предшествовало время, когда существовала лишь возможность чувствовать. Въ одной замѣчательной главѣ книги „О происхожденіи животныхъ", Аристотель употребляетъ это различіе для того, чтобы устранить затрудненія, которыя невольно возникаютъ при вопросѣ о томъ, въ какой періодъ жизни зародыша онъ обладаетъ уже тѣми свойствами, которыя проявляются впослѣдствіи въ животномъ уже развитомъ, и обладаетъ ли онъ ими вообще или нѣтъ. Основываясь на вѣроятности. говоритъ онъ, „можно сказать, что, какъ сѣмя, такъ и органъ, воспринимающій его, заключаютъ въ себѣ начало питанія, но это начало до тѣхъ поръ не осуществляется въ дѣйствительности, пока органъ воспріятія не получитъ своей пищи и не станетъ приводить въ дѣйствіе растительной силы."

Не только души растеній, но и животныхъ, имѣютъ такой же точно періодъ возможнаго существованія, который предшествуетъ дѣйствительному ихъ проявленію.

То же основное различіе между силой и дѣйствіемъ сопровождается еще гораздо болѣе важнымъ послѣдствіемъ. Органовъ еще нѣтъ въ сѣмени, но они могутъ произойти изъ него; они имѣютъ тамъ *возможное* существованіе, и послѣдовательно проявляются тогда, когда эта *возможность* существованія обращается въ дѣйствительное существованіе. Мы въ этомъ узнаемъ черту нынѣ общепринятой теоріи, по которой зародышъ развивается въ цѣломъ рядѣ постепенныхъ видоизмѣненій, и изъ простой однородной массы становится сложнымъ, разнороднымъ въ своихъ частяхъ организмомъ — это теорія *эпигенезиса*.

Мы увѣрены, что Аристотель и не задумался бы приложить къ явленіямъ духа тѣ принципы, которые онъ такъ характеристично приспособляетъ къ низшимъ проявленіямъ жизни. Онъ и въ самомъ дѣлѣ приложилъ эти принципы, и большая часть запутанности, которая затрудняетъ пониманіе его психологіи, произошла вслѣдствіе тѣхъ терминовъ, которые онъ избралъ для выраженія своей мысли. Тѣмъ не ме-

нѣе, ихъ значенiе не подлежитъ никакому сомнѣнiю, и самый взглядъ его на этотъ вопросъ не лишенъ научнаго основанiя.

Фактъ, о которомъ намъ предстоитъ говорить, есть *проявленiе духа.* Большинство философовъ признаютъ существованiе нематерiальнаго дѣятеля, который дѣйствуетъ на матерiю, или же какой-нибудь сущности безъ опредѣленныхъ аттрибутовъ, но, не смотря на это, одаренной свойствомъ личности въ самомъ высшемъ значенiи этого слова. Для Аристотеля это было весьма сомнительно. Онъ стремился къ тому, чтобы смотрѣть на духъ, какъ на результатъ организацiи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что въ природѣ есть нѣчто не подлежащее разрушенiю или смерти; онъ не рѣшался признать это *нѣчто* человѣческимъ духомъ, а приэтомъ никакъ не могъ допустить, чтобы человѣкъ стоялъ совершенно на одной ногѣ съ мiромъ животныхъ. Поэтому его рѣшенiе было слѣдующее: Духъ, какъ начало питанiя и животной жизни, существуетъ въ двухъ видахъ: какъ *сила* и какъ *дѣйствiе.* Въ *возможномъ* его существованiи онъ есть физическая причина мысли, и въ этомъ смыслѣ онъ есть духъ личный, принадлежащiй отдѣльному человѣку, и вмѣстѣ съ нимъ можетъ прекратить свое отдѣльное существованiе. Въ окончательной же формѣ своей, въ дѣйствительномъ бытiи, духъ есть формальная причина мысли; въ этомъ смыслѣ онъ безсмертенъ, безличенъ и божественъ. Не смотря на сомнѣнiя Льюиса, мы не думаемъ, чтобъ Аристотель вѣровалъ въ будущую жизнь для личности. Единственное безсмертiе, которое онъ признавалъ, это безсмертiе всеобщаго духа, т. е. такой силы, которую онъ ясно отличалъ отъ личности.

Остается сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы закончить идею Аристотеля. Прежде чѣмъ жизнь или духъ, на его различныхъ ступеняхъ развитiя, можетъ перейти въ дѣйствительное существованiе, *сила*, во всякомъ случаѣ, требуетъ осуществленiя; она должна перейти въ дѣйствiе. Этотъ переходъ изъ возможности въ дѣйствительность, отлично обозначается словомъ *энтелехiя*, какъ для явленiй жизни, такъ и для прочихъ явленiй природы. На подобiе того, какъ въ неорганическомъ веществѣ движенiе составляетъ переходъ отъ силы къ дѣйствiю, въ организмѣ такимъ же точно переходомъ является жизненная сила. Самое общее пониманiе жизни, котораго достигъ Аристотель, есть слѣдующее: жизнь есть сила, посредствомъ которой физическiй организмъ переходитъ отъ возможнаго къ дѣйствительному существованiю; взглядъ этотъ близокъ къ опредѣленiю самого Льюиса: *жизнь есть динамическое условiе организма.*

Вотъ, съ научной точки зрѣнiя, взглядъ Аристотеля на природу. Легко понять, что это только часть того обширнаго ученiя, которое об-

нимало весь міръ мысли и стремилось утвердить связь между вещами, какъ онѣ дѣйствительно суть и какъ онѣ только кажутся. Такой энциклопедическій взглядъ характеризуетъ первоначальныя ступени знанія, и совершенно совпадаетъ съ теоріею развитія (evolution), по которой сначала идетъ *общее*, а потомъ уже *частное*. Въ Аристотелѣ мы видимъ первый примѣръ обращенія знанія къ системѣ вселенной. Въ противоположность Платону, его точка зрѣнія ниже и менѣе глубока, но болѣе точна и конкретна. Дѣйствительныя представленія *реальнаго* и *идеальнаго* замѣняются логическимъ различіемъ *дѣйствительнаго* отъ *возможнаго* и *случайнаго* отъ *необходимаго*. Но, перенося такимъ образомъ вопросъ изъ области вещей самихъ въ себѣ въ логику, область вещей, какъ онѣ понимаются человѣкомъ, Аристотель сдѣлалъ, несомнѣнно, шагъ впередъ въ положительномъ пониманіи вещей. Характеръ успѣха лучше всего поймется тогда, когда вспомнятъ, что у Аристотеля *явленія* соотвѣтствуютъ *реальному*, а то, что внѣ явленій, признается какъ нѣчто могущее существовать, а не дѣйствительно существующее. При такомъ различіи Аристотель имѣлъ уже основаніе для своихъ выводовъ, ему оставалось создать методъ для доказательства. Въ это время имъ руководила вѣра въ то, что природа есть сфера измѣняющагося, сфера движенія, рожденія и разрушенія. Такъ какъ въ каждомъ случаѣ можно ожидать лишь столько достовѣрности, сколько допускаетъ самый предметъ, то, по его мнѣнію, мы должны сказать, что въ физикѣ нельзя дойти дальше такихъ заключеній, которыя только болѣе или менѣе вѣроятны. Съ какимъ успѣхомъ всѣ эти принципы были примѣняемы къ практикѣ, можно видѣть изъ книги Льюиса.

Съ этихъ поръ не такъ будутъ расходиться мнѣнія о значеніи Аристотеля для науки. Увидятъ всѣ, что его никакъ нельзя назвать *наблюдателемъ* въ томъ значеніи, которое теперь дается этому слову; что онъ далеко не положилъ основанія наукамъ, потому что не имѣлъ ни данныхъ, ни метода, которые одни только составляютъ науку, и что, наконецъ, совпаденіе нѣкоторыхъ его выводовъ съ выводами новѣйшихъ временъ, есть часто болѣе вымышленное, нежели дѣйствительное. Но, при всемъ томъ, блескъ имени Аристотеля никогда не помрачится. Онъ всегда удержитъ свое мѣсто среди немногихъ избранныхъ, которые въ области мысли имѣли повсемѣстное вліяніе. Понимая его какъ слѣдуетъ, мы не перестанемъ воздавать ему должное уваженіе.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

